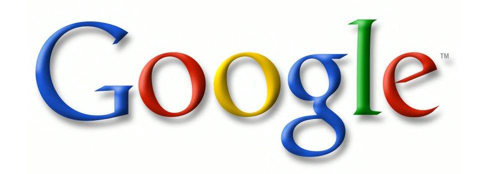
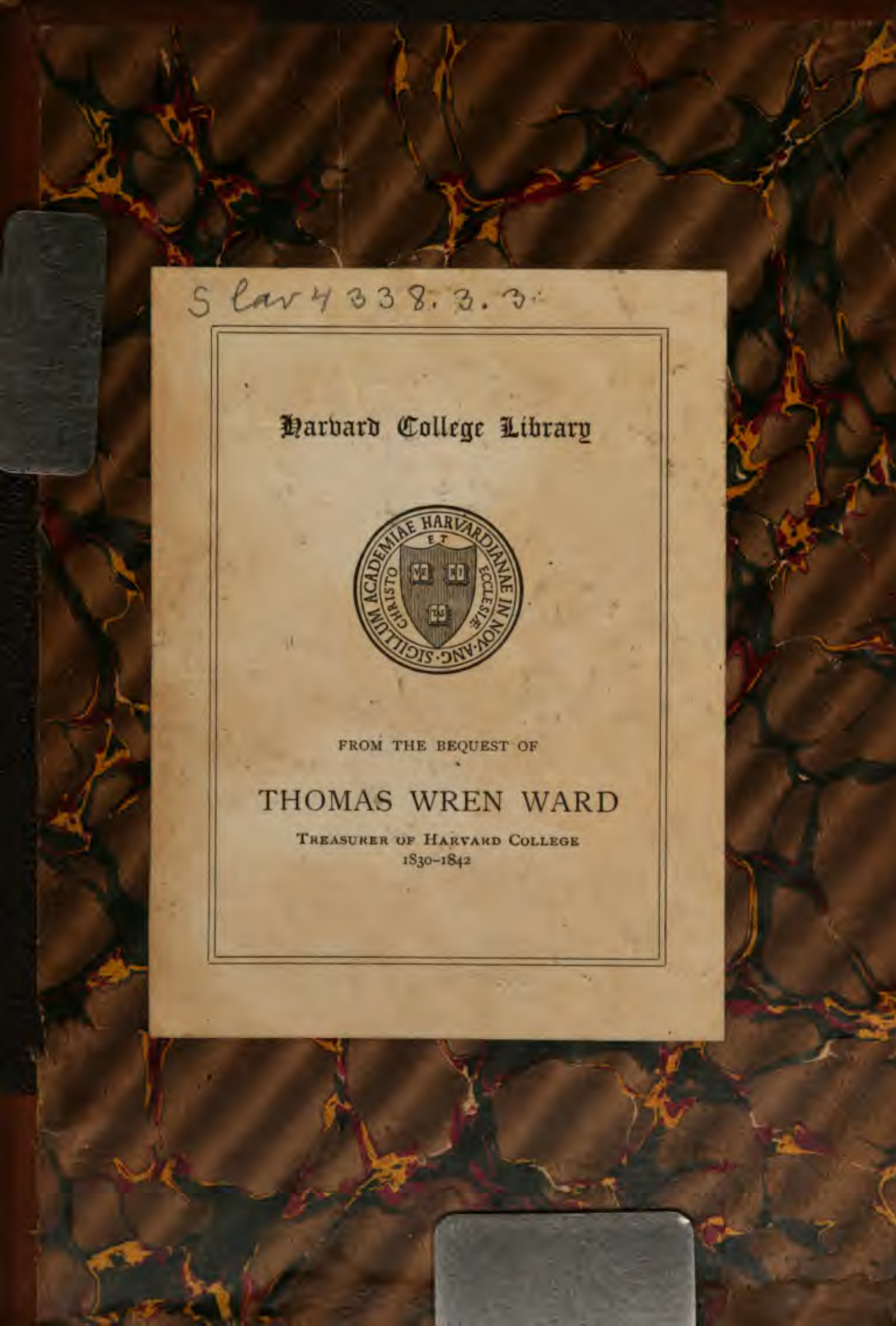




Slav 4338.3.3
Harvard College Library
CHRISTO ET ECCLESIAE
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
THOMAS WREN WARD
Treasurer of Harvard College
1830–1842

СОЧИНЕНІЯ

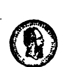
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.



Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

БѢГЛЫЙ ЛАВРУШКА ВЪ ПАРИЖѢ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ началѣ весны 1860 года, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, мнѣ привелось обѣдать въ тамошнемъ русскомъ трактирѣ, содержимомъ нѣкоимъ господиномъ Петромъ Ахчауловымъ. «Pierre Achtschauloff, restaurateur russe» значилось на его карточкахъ, тыкавшихся вамъ, какъ новичку, вездѣ, даже среди газетъ и журналовъ, въ кабинетѣ для чтенія, при редакціи журнала «Le Nord». Общія подстреканія знакомыхъ оказались и здѣсь, какъ почти всегда, пустякомъ. Забавный кабачокъ представился тѣмъ же французскимъ отелемъ, съ маленькими столиками, некрашеными полами, усыпаемыми ежедневно бѣленькимъ пескомъ, съ посредственными винами, изъ такъ-называемыхъ туземныхъ, дамой-счетчицей за конторкой и печальнымъ результатомъ всѣхъ парижскихъ обѣдовъ, выходомъ изъ-за стола «впроголодь». Зато здѣсь вамъ подавались, и теперь еще, вѣроятно, подаются весьма сомнительнаго свойства квасъ, гречневая каша, борщъ съ бураками, разумѣется, на винномъ уксусѣ, кулебяка съ вязигой, паюсная икра, болѣе похожая на сгустокъ отъ чернилъ, чѣмъ на икру, чай и прочія тонкости, безъ которыхъ, какъ говорятъ, не обойдется желудокъ русскаго человѣка. Взглянувши на часы и сообразя, что есть еще средства утолить голодъ за табль-д'отомъ въ отелѣ Франциска I, гдѣ я засѣдалъ ежедневно съ молодежью изъ русскихъ художниковъ, давно обстрѣленныхъ и неспособныхъ поддаться на слабость посѣтить г. Пьера Ахчаулова, я уже всталъ и взялся за шляпу, какъ съ одного отдален-

наго столика также всталъ благообразный бѣлокурый господинъ, въ сѣромъ простенькомъ пальто и подошелъ ко мнѣ.

Извините-съ!..—началъ онъ по-русски.

— Что вамъ угодно?

— По двумъ вашимъ словамъ въ отвѣтъ здѣшнему хозяину я рѣшилъ, извините, что вы... чиновникъ-съ!

— Ошибаетесь; почему же вы такъ думаете.

Блондинъ вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда карточку и подалъ мнѣ, со словами:

— Извините. Я вашъ соотечественникъ; я русскій *эмигрантъ-съ*.

На французской карточкѣ значилось: «Лоранъ, второй швейцаръ въ домѣ барона Ротшильда».

— Что же вамъ угодно отъ меня?

Бѣлокурый господинъ попросилъ меня къ окну.

— Извините меня, — началъ онъ добрымъ голосомъ:— я нуждаюсь въ совѣтѣ... Многихъ я здѣсь въ ресторанѣ-съ переслѣдилъ и относился къ многимъ-съ. Все господа важные или занятые весельемъ-съ. До того ли имъ...

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Вы не чиновникъ?

— Нѣтъ, не чиновникъ.

— Въ университетѣ вы учились? Законамъ учились?

— Учился..

— Позвольте васъ попросить меня выслушать; если угодно въ садъ, тутъ по близости-съ, на лавочку...—Я пошелъ съ Лораномъ въ садъ, примыкавшій къ какому-то дворцу или казармѣ... Мы сѣли на лавочкѣ. Мой собесѣдникъ вынулъ красивый портъ-сигаръ и предложилъ мнѣ отличную «баядеру».

— Ахъ!—сказалъ онъ:—какъ тутъ ни весело, а все-таки поневолѣ обрадуешься живой родной душѣ. Двѣ недѣли, какъ я выжидалъ и искалъ человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться. Въ наше посольство идти жутко: такъ мало знакомствъ имѣю-съ между нашими: занятъ очень-съ. Я бѣглый крѣпостной человѣкъ-съ одного полтавскаго помѣщика-съ, а зовутъ меня, то-есть звали когда-то-съ дома, Лаврентіемъ Даниловымъ Блинченко, а по-просту-съ Лаврушкой...

Лаврентій Данилычъ помолчалъ, глядя на толпу щеголихъ, мелькавшихъ мимо насъ.

— Долго вамъ разсказывать, сударь, какъ я сюда попалъ и какъ тутъ остался. Когда-нибудь сообщу. Теперь же дѣло

вотъ въ чемъ: тутъ баринъ одинъ есть; заѣзжій и добрый баринъ; только совсѣмъ прожился—слабый, хворый, денегъ нѣтъ, а ко всему этому здѣсь соблазну манитъ — ну, и тянется: совсѣмъ уже, такъ сказать, уронилъ себя... извѣстно-съ, прогорѣлый!.. ну, а народъ тутъ расподлѣющій,— шельма на шельмѣ... Жаль, а помочь некому; силы надъ нимъ нѣту никакой, а силу надо...

— Такъ вы думаете, что я...

— Вы мнѣ, сударь, скажите одно: могутъ ли по нашему, то-есть русскому, закону вытребовать барина обратно, положимъ такъ, въ Полтаву, что ли?

— Кто? правительство?

— Нѣтъ, не казна-съ... А дѣти—могутъ? У него двое и уже взрослыхъ; славныя были дѣтки—Саша и Соня-съ, то-есть теперь уже Александръ Аркадьичъ, выходитъ, и Софья Аркадьевна... Вѣдь пропадетъ человѣкъ; почитай уже теперь по улицамъ побирается, паяцомъ за деньги готовъ стать къ расподлѣющему какому французу.

— А есть имѣніе у этого господина въ Россіи?

— Было-съ, триста душъ, да теперь уже ихъ нѣту... прокутился...

— А дѣти чѣмъ обезпечены?

— Отданы были въ обученіе чрезъ бабку; у бабки теперь вѣрно и живутъ, своего достатку нѣтъ. И жива ли бабка, не знаю...

— Ну, врядъ ли что тутъ силой сдѣлаешь; дѣти могутъ только писать ему, надо уговаривать.

— Уговоришь его! совсѣмъ пропалъ, какъ есть...

Мы еще поговорили. Я обѣщалъ навести справку въ посольствѣ, дать ему отвѣтъ черезъ недѣлю и простился съ нимъ.

На разставаньѣ Лаврентій Данилычъ замялся.

— Скажу ужъ вамъ всю правду... Вы все равно въ посольствѣ узнаете, извините — этотъ баринъ Аркадій Андреичъ... Дольскій—былъ когда-то мой баринъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ мы вотъ съ нимъ вмѣстѣ бѣжали сюда, при Ламартинѣ-съ, какъ разъ при республикѣ этой бѣжали и прогорѣли. Кабы не Господь-Богъ, да Миколай-чудотворецъ, и я бы, можетъ статься, въ тюрьмѣ какой сидѣлъ. А теперь, благодаря Бога, въ хорошихъ людяхъ живу...

— Да, мѣсто хорошее; вы, кажется, у Ротшильда въ домѣ?

— Точно такъ-съ, у нихъ; баронъ распредобрѣющій че-

ловѣкъ-съ, какихъ поискать въ мірѣ. Сперва я у него выѣзднымъ былъ, а потомъ въ швейцары попалъ и комиссіи иногда имѣю по дѣламъ: по городу, отъ конторы...

— Сколько вы жалованья получаете?

— Deux milles francs d'appointements et deux milles de commissions, — сказалъ Блинченко, съ чистѣйшимъ парижскимъ выговоромъ, принимая при этомъ всѣ ухватки туземца: — двѣ тысячи франковъ жалованья и двѣ тысячи комиссіи, квартиру и одежу-съ.

— Это хорошо...

— Только ни днемъ-съ, ни ночью, вѣрите ли, покоя нѣтъ! Теперь же я выпросился, извините, — я жду вашего одолженія-съ—не оставьте!..

И онъ опять заговорилъ по-французски и повторилъ адресъ своей карточки. Странно! По-французски онъ говорилъ какъ истый парижанинъ; казалось, слушаешь лепетъ франта на Итальянскомъ бульварѣ. Какъ заговорилъ опять по-русски, о Парижѣ и помину нѣтъ: будто слушаешь разговоръ дворника у лавочки на Поварской или въ Гороховой.

— Вы давно изъ Россіи-съ?—спросилъ онъ.

— Недавно.

— Что ваши крѣпостные?

— Дѣло обсуждается! нельзя,—много хлопотъ.

— Тэ-экъ-съ; насчетъ тоже-съ откуповъ, тутъ говорятъ, будто у насъ свободно будутъ водку продавать. Правда это?

— А васъ это занимаетъ?

— Да-съ, въ Миргородѣ у меня сестринъ мужъ шинкаремъ сидитъ, такъ какъ бы мѣста не утерялъ, много дѣтей... А правда тоже, извините...

— Ничего, ничего, что такое, говорите!

— Правда, тоже, тутъ произошелъ слухъ, что будто богача купца Самокишина въ Москвѣ на цѣпь къ столбу приковали за то, что народу чай изъ бурьяну поддѣльный продавалъ? Мы у него въ домѣ у Покрова съ бариномъ стояли, и будто народу было дано, всякому человѣку, право и дозволеніе три дня и три ночи плевать на него и бить его по щекамъ за это жидовство-съ?

— Кто это вамъ сказалъ? это чистѣйшій вздоръ!

— Пріятель тоже, скажу вамъ, русскій и какъ я—лакей тоже, бѣглый изъ Крыму, писалъ. Онъ бѣжалъ, значитъ, дуракъ, во время войны, да три года у англичанъ и потеръ лямку

во флотѣ; а теперь въ Лондонѣ на улицѣ Гей-Маркетъ, въ турецкой кофейнѣ офиціантомъ служитъ, уже тоже третій годъ. Онъ въ аглицкихъ газетахъ начиталъ. Вы, я думаю, его видѣли, коли въ Лондонѣ были, — его *всѣ наши* эмигранты знаютъ—такъ его Данилкою и зовутъ. На-дняхъ это тоже опять пишетъ мнѣ: «ну, братъ, Лавруша, поздравляю: у насъ сѣканцію отмѣняютъ». Шутникъ такой, что на-поди! Извините-съ, опять заболтался. Au revoir!

Мы разстались. Но я плохо сдержалъ данное слово. Ранѣе недѣли судьба унесла меня въ Италію. Выборы въ Тосканѣ, смуты въ Римѣ, Неаполь и Венеція, Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ — все это были такія впечатлѣнія, среди которыхъ по-неволѣ забылся и обѣдъ въ русскомъ кабачкѣ у Пьера Ахчаулова, и разговоръ съ Лораномъ Блинченко. Но зато едва я воротился въ Парижъ и въ квартиркѣ художника М., гдѣ бросилъ часть своихъ вещей, наткнулся на карточку съ именемъ и адресомъ мосье Лорана, — я отправился въ посольство, переговорилъ съ чиновниками, порылся даже въ сводѣ законовъ и поѣхалъ отыскивать знаменитую улицу Лафитта и еще болѣе знаменитый домъ барона Ротшильда. Мнѣ кстати нужно было справиться въ банкирской конторѣ барона объ одномъ векселѣ, и я вошелъ въ контору. Цѣлое министерство предстало моимъ глазамъ. Клерки за столами, главноуправляющіе съ пушистыми бакенбардами, мѣшки съ золотомъ, кучи билетовъ, кассы за металлическими сѣтками оконъ; общая тишина, мѣрные шаги по коврамъ и плавное скрипѣніе сотни перьевъ; самъ молодой, бѣлокурый баронъ, худощавый и красивый, «султанъ червонцевъ и цѣлковыхъ», въ мягкомъ креслѣ огромнаго, сіяющаго каминомъ, кабинета, съ сигарой, за подписаніемъ бумагъ—все это заняло меня. Но я спѣшилъ обратно въ пріемную и потомъ внизъ.

— Что угодно, мосье? — спросилъ меня дежурный привратникъ.

— Мосье Лоранъ?

— А, мосье Лоранъ; знаю, знаю; вы вѣрно его землякъ? Онъ все ждалъ кого-то; его теперь нѣтъ дома! Онъ съ баронессой въ Булонскомъ саду. Но вы пожалуйте въ его комнату, онъ живетъ выше меня; о, онъ истинно достойный малый и живетъ по заслугамъ выше меня — вотъ, по этой

же черной лѣстницѣ... А-а? Козакъ!.. козакъ! Хе-хе!.. Vous êtes tous des kosaks!

И дворникъ, лукаво подмигнувши, почему-то громко разсмѣялся. Я вошелъ въ комнатку второго этажа, сопровождаемый дворникомъ. Это была конурка въ пять шаговъ; желѣзная кровать, подъ фланелевымъ одѣяломъ, два стула, столикъ у единственнаго окна, на столѣ два подсвѣчника, зеркало, папка съ бумагой, карандашъ и чернильница, клѣтка съ канарейкой надъ окномъ, а на стѣнѣ на гвоздѣ обернутое простыней платье. Апрѣльское солнышко весело свѣтило въ комнату, канарейка заливалась на всѣ лады. Я склонился къ столу и сталъ писать записку. Дверь отворилась за спиной привратника.

— А! Это вы! я васъ давно ждалъ! — крикнулъ мнѣ на порогѣ поспѣшно вошедшій Лаврентій въ голубой ливреѣ, шитой золотомъ, въ штиблетахъ и съ блистательными гербами на пуговицахъ.

Онъ сухо выслалъ подобострастнаго дворника, снялъ ливрею, облачился въ пальто и сѣлъ.

— Да, я васъ ждалъ, ждалъ! Гдѣ вы были, сударь?

— Въ Неаполѣ, въ Сициліи, въ Туринѣ; гдѣ я не былъ?

— Гарибальди видѣлъ-съ? Вотъ герой; нашъ Суворовъ-съ!

— Видѣлъ въ парламентѣ и даже къ нему на домъ съ другими русскими водили; видѣлъ его и на улицѣ, — передъ студентами рѣчь держалъ...

— Да, герой человѣкъ, я думаю, такого и нашъ Ермоловъ бы не побѣдилъ. Тутъ шла на него по лавочкамъ тайкомъ подписка, и я два франка далъ. Хотите курить? Что̀ же наше дѣло?

Я передалъ ему справку. Оказывалось, что г. Дольскаго по требованію дѣтей выслать не могли, — да врядъ ли дѣти и захотѣли бы хлопотать о такомъ папенькѣ. Мой разсказъ произвелъ горькое впечатлѣніе на Лаврентія. Онъ склонился на руки, волосы упали ему на лицо. Прошло минуты три.

— Пропалъ человѣкъ! а что за человѣкъ былъ! Спасибо за справку; сталъ бы я вамъ жизнь его теперь разсказывать, да надо идти. Баронъ отпустилъ всего на пять дёнъ; теперь дни такіе...

— Что̀ же теперь такое?

— Да теперь... страстная недѣля-съ, страсти; а вы закутились и забыли? Надо говѣть, надо въ нашей церкви о

службахъ справиться. Извините, пойду туда, а къ вамъ опосля заверну-съ...

— Ну, ужъ нѣтъ, Лаврентій Данилычъ, за грѣхи мои и я пойду съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, я среди здѣшняго счета чиселъ и запутался.

Мы пошли бульварами. Шли долго; Лаврентій Данилычъ, какъ началъ разсказывать, все не умолкалъ. Прошли и Маделену, и Фобуръ-Сентъ-Оноре, и другія улицы. Заходили и въ нашу прежнюю церковь. Тамъ, во дворѣ, мой товарищъ отыскалъ помѣщеніе одного изъ причетниковъ родного клироса и у него справился о времени вечерень, всенощныхъ и обѣдень. Помню я, что и этотъ причетникъ поразилъ меня тѣмъ же, чѣмъ поразилъ сперва и Лаврентій. Мы разговорились, въ веселой хорошенькой гостиной этого дьячка русской парижской церкви, передъ каминомъ, уставленнымъ фарфоромъ, среди уютной мебели, обитой трипомъ; по стѣнамъ висѣли картины масляными красками, при нашемъ входѣ изъ-за пьянино встала маленькая дочь дьячка, игравшая что̀-то изъ оперы. Самъ онъ заговорилъ по-французски — чистѣйшій парижанинъ, и даже слово «parbleu» употребилъ; заговорилъ по-русски — прямо дьячокъ изъ-за Москворѣчья; даже ругательства родныя ввертывалъ подчасъ въ свою рѣчь. Тридцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ при церкви, въ полномъ довольствѣ; усвоилъ себѣ всѣ его привычки, всю обстановку туземнаго счастія и комфорта, а воротись на родину, одной косички на затылкѣ первое время не будетъ,—сохранилъ въ себѣ всю святую Русь въ точности.

— Ну,—сказалъ Лаврентій, справившись у причетника:— мы на день еще свободны; такъ слушайте же далѣе, до конца!

Мы вышли на улицу Берри, оттуда набережной Сены въ Тюльерійскій садъ, и бесѣдовали до самаго вечера на лавочкѣ, у знаменитаго фонтана...

— Мы бѣжали двѣнадцать лѣтъ назадъ изъ Россіи. Мой баринъ-съ, какъ я сказывалъ, былъ богатый помѣщикъ. Вы меня извините, коли я что̀ неприличное вамъ скажу: надо говорить правду. Баловался мой баринъ сызмальства, хоть былъ и дворянинъ; наберетъ, бывало, ребятишекъ, какъ изъ корпуса пріѣдетъ, запрягаетъ ихъ въ колясочку, играетъ всячески, а послѣ и сѣчетъ; это, говоритъ, для фронту. чтобъ послѣ боялись; насъ, говоритъ, тоже въ корпусѣ и

въ зачетъ сѣкали. А потомъ получилъ офицерскій чинъ, сейчасъ въ отставку поступилъ, завелъ собачню, своръ десять, тутъ уже и я въ комнаты попалъ. Начались попойки; господа сосѣдскіе съ нимъ пьютъ, охотятся, объѣдаютъ его, а потомъ надъ нимъ же смѣются, дуракомъ его за глаза зовутъ. Была у насъ по сосѣдству семейка, сущіе жиды. Какъ отецъ нашего барина померъ, его эти люди заловили,—попросту — женили. И узнали же мы эту барыню нашу! Какъ поселилась это въ нашей усадьбѣ, вѣдьма-вѣдьмой такъ и глядитъ, что̀ ужъ я отъ нея терпѣлъ — и сказать трудно. Скоро раскусилъ ее и нашъ баринъ. Сперва пивалъ крѣпко, а тутъ уже просто закурилъ такъ, что на̀-поди. Какъ уже тамъ случилось, были у нихъ уже и дѣтки, сынъ и дочь, а баринъ часто сталъ изъ дому отлучаться, все на охотѣ, все на охотѣ — собаки воютъ, барыня бѣсится, на служанкахъ вымещаетъ. Разъ мы воротились изъ отъѣзжаго поля, а дома недоброе дѣло—полонъ дворъ судейскихъ, слѣдствіе идетъ—барыня померла «скорописною-съ смертью»—какъ спала, такъ уже и не встала-съ.—Дѣвки наши задушили... Похоронили ее: баринъ съѣздилъ къ своей матери, дѣтей тамъ оставлялъ, а послѣ взялъ гувернантку,—швейцарку, что ли, только она больше по-французски все говорила, глазатая такая, полногрудая да разбитная, а прежде тихая-тихая была и все его въ плечо цѣловала. Ну, а уже тутъ вы, сударь, догадаетесь. Послѣ этой грызотни и вѣчной свалки въ домѣ, гувернантка повела все дѣло на чистоту; и дѣтей смотритъ, и людямъ говоритъ все вы, и на кухню побѣжитъ, и бѣлье барину поштопаетъ, рубахи накрахмалитъ и вымоетъ, а тамъ стала вензеля на нихъ чудовые вышивать. И дались же ему послѣ эти вензеля: учиться и прежде дѣти не учились, а съ ней и подавно. Покинула она какъ-то сидѣнье съ дѣтьми, взяла свое платье и пошла къ барину въ кабинетъ примѣрять; я чистилъ посуду въ буфетѣ—слышу начался у нихъ хохотъ. Баринъ все что̀-то говорилъ по-французски, а она смѣется, пищитъ по временамъ, а тутъ стали двигаться стулья, она въ залу выскочила. Не прошло и полчаса, баринъ выходитъ скорыми шагами и ко мнѣ, самъ въ землю смотритъ: «Лаврушка, говоритъ, пойди, закрой мнѣ ставни въ кабинетѣ, что-то нездоровится; а мадамъ мнѣ лѣкарство сдѣлаетъ, ступай!» Заперъ я ставни съ надворья; они и затворились вдвоемъ,

и пробыли такъ до вечера. Дѣтей я и накормилъ и спать уложилъ; да уже ночью она вышла, и говоритъ: «тишь, Лаврушъ; мосье маладъ!»—И пошелъ съ той поры у насъ стыдъ и срамъ; зажилъ съ нею баринъ, какъ женатый; старуха-ключница, Мавра Ѳедосѣевна, его няня, еще и слать постель имъ вмѣстѣ на двоихъ стала. Это бы еще ничего; сперва-было сосѣди къ намъ, какъ обрѣзали, перестали ѣздить, а потомъ помирились и, какъ ни въ чемъ ни бывало, мѣнялись съ нашими визитами и даже Эмеренціи Карловнѣ, гувернанткѣ-то этой, ручку цѣловали. Забрала тогда насъ въ руки новая барыня пуще нашей родной; сама лично ничего не дѣлаетъ, а все мужа на насъ напускаетъ. Скоро дѣтей спровадили къ бабкѣ,—а бабка хоть небогатая, да добрая такая была; а сами сейчасъ на зиму въ Москву, и меня взяли съ собой. Тамъ баринъ сталъ выѣзжать въ маскарады, въ театры, ѣздили къ намъ разные господа, больше актеры изъ французскаго театра. Тутъ Эмеренція Карловна понесла... Ужъ какъ радъ былъ этому нашъ баринъ-то, Аркадій Андреевичъ; ужъ я таковой радости и не зрѣлъ отродясь.—«У меня, Лаврушка, говоритъ, сынъ французъ будетъ!»—а самъ такъ и прыгаетъ, такъ и млѣетъ. Ну, французикъ родился не живой, почти что какъ щенкомъ она, треклятая, опоросилась, танцуя и на попойкѣ у одной своей пріятельки. Долго была она хворая, а тамъ опять они закурили—ѣхать да и ѣхать въ Италію.—«Мы, Лаврушка,—говорилъ баринъ:—въ хижинѣ на берегу большого озера станемъ жить, какъ пастушки; это и для здоровья Мусиньки (такъ онъ ее звалъ) нужно!» Тутъ ужъ я не утерпѣлъ.—«Эхъ, для чего вамъ, баринъ, хижина, коли у васъ Всесвятское, триста душъ и барскія палаты находятся; да и чѣмъ въ вашей вотчинѣ, сударь, рѣка Ворскла хуже озера итальянскаго какого большого?»—Но они уже порѣшили. — «Дуракъ, говоритъ, ты, Лаврушка, и настоящаго счастія не понимаешь; а впрочемъ — мы тебя тоже туда возьмемъ!» — «Лаврушь-дурнушь!» такъ меня и звала эта гувернантка съ той поры. Ну-съ, баринъ сперва заложилъ, а потомъ сталъ искать случая продать Всесвятское; тутъ вмѣшалась бабка его дѣтей, жаловалась—ему не дали заграничнаго паспорта, онъ подговорилъ меня—мы черезъ Одессу и убѣжали въ Турцію, а потомъ прямо въ Италію. И точно, возлѣ Неаполя есть озерко у взморья, тамъ мы и

поселились: сперва я боялся, что поймають и въ Сибирь сошлють. А послѣ обошелся. Зажили мы. Я хожу корову пасти, дрова собираю, на базаръ въ Кастелламаре (деревушка она, что ли, за Везувіемъ есть такая) хожу, салатъ, овощи, фрукты покупаю; а баринъ все ходитъ въ такой большущей соломенной шляпѣ, по морю катается, рыбу удитъ, на огни Везувія по ночамъ съ любовницей смотритъ и оба ровно ничего не дѣлаютъ больше. Покушаютъ, погуляютъ, полежать, спать лягутъ; я опять имъ и тутъ ставни закрываю, какъ во Всесвятскомъ. Выспятся, опять поѣдятъ, опять это пошатаются по камнямъ, выкупаются или рыбки половятъ, и опять спать. Она растолстѣла, жирныя такія губы и плечи стали, глаза подернуло поволокой, такъ и пышетъ вся, сталъ толстѣть и мой баринъ, но меньше. Онъ все на лакрима-кристи, да на алеатико сталъ налегать; тамъ вина такія есть. Тутъ начала голова у него болѣть, приливами, глаза какъ кровь, еле уже ходитъ, а тутъ и желудкомъ сталъ сердечный объѣдаться; я дважды за докторомъ ѣздилъ на ослѣ въ городъ, кровь ему бросили. Прошло такъ мѣсяцевъ семь; смотрю, оба замутились; привялило ихъ маленько что ли такое житье — хлопаютъ только глазами; она книжку читаетъ, онъ зѣваетъ, да куритъ. А тутъ и казусъ произошелъ. Надо вамъ знать, что баринъ мой былъ очень ревнивъ еще и къ своей прежней барынѣ, и къ этой; а она со скуки, что ли, или такъ — шутя, одинъ разъ и залучила меня въ саду. Сперва все ходила около съ зонтикомъ, какъ я корзинку плелъ, а потомъ подошла и взяла меня за щеку, а сама, смотрю, дрожитъ, и какъ пахнетъ отъ нея всякими духами: «Лаврýшь-дурнýшь,—говоритъ:— полюби мéня, я тебя озолочу!»—Я, сударь, такъ и обомлѣлъ.—«Non, говорю, impossible, нельзя; баринъ убьетъ изъ пистолета!» А она по-французски мнѣ въ отвѣтъ, я тогда уже понималъ и самъ начиналъ говорить: «не бойся, деньги мнѣ всѣ уже на мое имя переведены; бросимъ его, убѣжимъ — онъ мнѣ противенъ!» И она тутъ плюнула на траву, а сама держитъ меня за голову, я же на корточкахъ сижу съ корзинкой. — «Нѣтъ, я отвѣтилъ, не могу, и я васъ не люблю, Эмеренція Карловна; у меня, скажу вамъ по правдѣ, тутъ итальяночка по любви ходитъ...» Позеленѣла барыня, сама усмѣхнулась и отошла. Въ тотъ же вечеръ мой баринъ, ни за что, ни про что, впервое въ

жизни поколотилъ меня. Сосѣдскіе кучеръ и садовникъ на меня взъѣлись. — «Дуракъ русскій, брось своего господина, вѣдь ты тутъ свободный, тутъ крѣпостныхъ нѣтъ!» — «Даромъ, пусть бьетъ, а я все-таки его не кину! На то онъ баринъ — а вы дурачье». Черезъ два дня она выпроводила барина куда-то, сама пришла ко мнѣ въ садъ опять: «а что, — говоритъ, смѣючись и не поднимая глазъ: — испыталъ?» — «Испыталъ, говорю, сударыня, такъ что же?» — Она кинулась ко мнѣ на шею и давай меня цѣловать... ей-Богу! такъ и горитъ, ласкаетъ, дрожитъ, шельма, и въ глаза цѣлуетъ, и въ щеки, и въ губы — насилу я оторвался отъ нея, ей-Богу-съ, какъ Іосифъ прекрасный въ исторіи. Она мнѣ пригрозилась и ушла. А тамъ разъ ночью ко мнѣ въ коровникъ пришла... Тутъ уже я все барину сказалъ. Не повѣрилъ онъ сперва, сердечный, а потомъ — и заплакалъ. Плачетъ, какъ малое дитя, хнычетъ: «пропалъ я, Лаврушка, какъ собака, теперь ужъ я предчувствую — она меня броситъ. Гдѣ она?» — «Въ ваннѣ сидитъ: Клара съ нею» (это служанка старая была)... — «Броситъ теперь она меня, и я пропалъ...» — Да чѣмъ же вы, сударь, говорю, пропали? Возьмемъ мѣсто на пароходѣ и, черезъ Одессу, воротимся опять домой; коли Всесвятскаго родового вашего не выкупимъ, такъ по-крайности хоть въ хуторѣ какомъ въ Малороссіи сядемъ на хозяйство. Вонъ, Дорошъ, лакей Павленка-съ, въ Римѣ мнѣ говорилъ, что у нихъ земля подъ Бахтутомъ ничуть не хуже-съ, чѣмъ въ этой Кампаньѣ-съ, али хоть бы и по близности Неаполя; вспомните наше село, вареники; да и пшеница наша не въ примѣръ лучше здѣшней». — «Ты, Лаврушка, вздоръ мелешь; знай, братецъ, что теперь я нищій — меня вызывали черезъ газеты; имѣніе продано съ аукціона, а мои всѣ билеты у Чезаре въ Римѣ я перевелъ на ея имя, послѣ того, помнишь, вечера, какъ мы за Монте-Пинчіо въ лѣсокъ ѣздили и оставались тамъ до зари. Ахъ, братецъ, женщина! Вотъ адъ и рай вмѣстѣ, что̀ за пылъ и что̀ за страсти! Ты не вкусилъ этого, дуракъ, и потому не знаешь... Ну, да авось это еще перемелется!» — Только нѣтъ! какъ узнала она, что я барину все открылъ, волчица-волчицей стала, — насъ, безпаспортныхъ, еще миловали — мнѣ выхлопотали какой-то плакатъ на итальянскомъ языкѣ и отпустили; баринъ и глядѣть на меня, сердечный, не могъ, а она такъ просто

расхворалась, какъ я отходилъ. Клара только передала мнѣ тутъ знаками, что она ночью барина по щекамъ била, и онъ передъ нею на колѣнкахъ прощенья все за что-то просилъ. — Тутъ я переѣхалъ въ Анкону, а потомъ въ Падуѣ къ бывшему харьковскому профессору—окулисту В***—по одной рекомендаціи, поступилъ въ услуженіе. Профессоръ вывезъ большое состояніе, имѣетъ виллу-съ, а ѣстъ донынѣ-съ по памяти ботвинью и дѣлаетъ себѣ дома квасъ.— Оттуда я уѣхалъ сюда, въ Парижъ, и тутъ уже остался. Только Парижъ мнѣ, скажу вамъ, сперва больно не полюбился. Въ первый разъ, какъ я пріѣхалъ, тутъ правилъ Ламартинъ-съ: изъ здѣшнихъ помѣщиковъ онъ въ короли на три мѣсяца былъ выбранъ; мнѣ тогда какъ-то не казался Парижъ,—грязно такъ, улицы узенькія, сырыя, сами французики такіе общарпанные, голодные ходили. Правители это въ шарфахъ черезъ плечо вездѣ показывались, знамена раздавали, краснымъ виномъ поили народъ. Тамъ ихъ камера такая была, народъ у входа толпился, задиралъ всякаго. Епископа ихняго гдѣ-то въ переулкѣ осмѣяли, грязью въ лицо ему кидали; а у одной княгини на каретѣ, среди улицы, гербы кирпичомъ постирали и ее еще заставили выйти въ дверцы и на дѣло смотрѣть, стоя. Какъ бывало въ камерѣ что скажутъ такое, такъ и закипятъ улицы оборванцами, какъ улей пчелами; сейчасъ за камни; мостовыя разберутъ и драка. А тутъ я изъ Италіи прибылъ черезъ нѣсколько лѣтъ—вездѣ тишина и всѣ такіе чистые и выбритые ходятъ. Полиціи пропасть, и Наполеонъ, какъ наши генералы, сталъ въ мундирѣ ѣздить по городу, да еще и съ конвоемъ...

— Ну, такъ вы пріѣхали въ Парижъ; а баринъ вашъ гдѣ же дѣлся?

— Я тутъ сталъ служить у французовъ, сначала по ресторанамъ, а тамъ и въ конторахъ, за швейцаровъ. Завелась у меня здѣсь тоже любовишка, извините, больно мою полтавскую Настю напоминала—такая же свѣжая, да добренькая, да съ черною косой... Ѣздилъ я съ ней въ гуляночные дни за-городъ и въ окрестные сады, въ театры и на смотры войскъ. Она разряжена и я. Разъ тащимся мы въ омнибусѣ въ Буа-де-Булонь; я высунулся изъ окна и смотрю на щегольскіе экипажи; вдругъ слышу изъ одной коляски громкій женскій голосъ: «Лаврушъ, Лаврушъ, Ани-

маль!» Оглянулся: Эмеренція Карловна, и кинула она мнѣ наскоро свою карточку съ адресомъ; выскочилъ я изъ омнибуса, сконфузилъ и любовницу свою, поднялъ карточку, а коляска съ Эмеренціей Карловной улетѣла, и она мнѣ только рукой поцѣлуй послала, а сама хохочетъ и съ нею въ коляскѣ офицеръ усатый, да черный, тоже заливается, хохочетъ. Взбѣсила меня эта баба; думаю себѣ, пойду, справлюсь хоть о баринѣ. Насилу отыскалъ ея квартиру, почти за городомъ, за прежнею чертою городского вала, только квартира отличная, цѣлый домъ въ саду и палисадникъ выходитъ на улицу. Зашелъ я прежде въ сосѣднюю лавочку пива выпить, а самъ давай разспрашивать хозяина, кто такой занимаетъ этомъ домъ съ садомъ. — «Богатая дама русская изъ французовъ, — отвѣтилъ мнѣ веселый хозяинъ лавочки:—деньги соритъ, домъ вѣчно полонъ безпечныхъ гостей — идетъ картёжъ, попойки справляются аккуратно, а на-дняхъ полиція вмѣшалась и у нея былъ комиссаръ, по поводу одной ея штуки». — Что же такое? Лавочникъ оглянулся. «Видите ли, говорятъ, она обобрала одного русскаго барина въ Россіи, тысячъ на двѣсти франковъ, выманила у него эти денежки, а его прогнала или гдѣ-то бросила больного. Теперь она въ связи съ капитаномъ изъ гвардейскихъ вольтижёровъ, такой здоровенный мужчина, еще прежде былъ у меня въ невылазномъ долгу за пиво и сидръ. Ну, она съ нимъ почти открыто живетъ, кутитъ по загороднымъ баламъ, — а этомъ баринъ-то русскій выздоровѣлъ, да какъ-то и доплелся до Парижа...

— Ну, ну??? — «Доплелся, узнавъ ея адресъ черезъ хозяйку отеля, гдѣ онъ съ ней впервые остановился, когда ѣхалъ изъ Россіи,—и отправился къ ней. Она его не приняла. Двѣ недѣли онъ ходилъ тутъ, бѣдняга, около ея оконъ, какъ нищій, почти-что милостыню готовъ былъ просить, — двери ея не отворились для него. Я его зазвалъ, все это узналъ и три раза давалъ ему даромъ, бѣдняку, каштановъ и пива. Но на-дняхъ у нея была попойка, онъ опять пришелъ и сѣлъ вонъ на ту скамеечку у воротъ ея двора. Вижу, я, отворилось у нея окно, толпа молодежи высунулась съ нею оттуда и давай кричать: «мосье, мосье! какъ же о васъ не доложили, пожалуйте!» Онъ вошелъ къ нимъ, и послѣ того тамъ раздавались такіе крики, смѣхъ и возгласы, что мы и мои посѣтители изъ сосѣднихъ мастер-

скихъ и лавочекъ только плечами сдвигали. Ночью этого господина отвезли за-мертво пьянаго,—а утромъ тамъ былъ комиссаръ и у нея взяли какую-то подписку. Говорятъ, что въ этой компаніи веселыхъ гостей моей сосѣдки ея бывшаго обожателя подпоили, заставили пѣть и плясать національныя русскія пляски и потомъ, нарядивши его шутомъ, сдѣлали съ нимъ еще какую-то наглость. Онъ этого на утро ничего не помнилъ; но кто-то изъ собесѣдниковъ проврался, и госпожу эту взяли подъ присмотръ полиціи и слѣдятъ, откуда у нея взялось состояніе. Спрашивали, говорятъ, этого чудака, осмѣяннаго ея обожателя, не у него ли она выманила какою-нибудь подлостью деньги; но онъ ее не выдалъ и отрекся отъ всего». Что вамъ прибавлять къ разсказу лавочника? Скажу вамъ, сударь, одно: былъ я у нея, водила она меня по комнатамъ, показывала ихъ убранство, свои вещи, свою спальню, ванну, зимній садъ съ теплицами, вспомнила про Россію.—«Э! ты! Кстати, хочешь назадъ въ Полтаву?» — спросила она меня. Я не отвѣтилъ ни слова.—Сударыня,—говорю,—гдѣ мой баринъ? гдѣ вы его дѣли?—Она слегка поблѣднѣла.—«Мосье Дольскій теперь свободенъ; онъ мнѣ измѣнилъ и мы разстались; онъ, кажется, въ Швейцаріи... фермеромъ живетъ на хозяйствѣ». Мы были одни; я не выдержалъ и говорю по-русски:— «Эмеренція Карловна! смилуйтесь; у васъ души нѣтъ— баринъ мой вовсе не тамъ, а здѣсь, въ Парижѣ, и съ голоду умираетъ!»—она взглянула въ окно искоса и засмѣялась:—«Tiens, моя душа: если бы у меня не было этого (она показала сперва на ротъ, потомъ на лобъ и потомъ на лѣвый бокъ), этого и этого, если бы я не хотѣла ѣсть, не думала жить и не имѣла бы надежды любить, — я бы поняла тебя. А теперь—прощай! Да кстати: хочешь ли въ лакеи-друзья; ты еще такъ же хорошъ, какъ былъ въ Италіи; я тебѣ дамъ ваканцію у одной моей подруги, содержательницы шоколаднаго магазина на бульварѣ? Подумай!» — А баринъ мой, баринъ-то?! — сказалъ я, трясясь отъ злости и омерзѣнія-съ:—вамъ его не жалко? не жалко его дѣтокъ, вашихъ учениковъ, Саши и Сони? — «Ха-ха-ха-ха!»—-захохотала она во все горло, потомъ, топнувъ ногой, указала мнѣ на дверь и закричала:—«вонъ отсюда, колпакъ!»—Я оглянулся, кругомъ насъ и въ этой части дома не было ни души. Я молча кинулся на нее и уже въ точности не

упомню, чѣмъ, сколько времени и по чемъ я ее билъ... Помню только, что на ея крикъ стали останавливаться у окна прохожіе, потомъ окно со звономъ лопнуло и ворвался ко мнѣ какой-то толстякъ-булочникъ, а потомъ розняли насъ и другіе! У меня отняли изъ рукъ ножку стула и на полу подняли обломокъ шандала. Ее полумертвую отвезли въ страннопріимную богадѣльню; голова у нея оказалась безъ косы, — чѣмъ я отрѣзалъ ее, и донынѣ не соображу, — въ двухъ мѣстахъ была пробита, а на лицѣ и на рукахъ оказались у нея такія раны, что едва я могъ спастись и доказать, что мстилъ ей за господина, но не думалъ ее убить до смерти. Черезъ два дня въ здѣшнихъ газетахъ появилась статья, подъ заглавіемъ: «Русскій тигръ, или анекдотъ на улицѣ Звѣздъ съ русскимъ рабомъ и парижскою сиреной, за стараго любовника». Я просидѣлъ болѣе полугода въ тюрьмѣ; ко мнѣ являлись и угрожать, и упрашивать. Мой адвокатъ оправдалъ меня, и я вышелъ, но бѣдствовалъ долго безъ мѣста. Тутъ-то отыскалъ меня по газетнымъ статьямъ мой баринъ... Боже милостивый! Въ какомъ я положеніи его увидѣлъ... какой-то камлотный камзольчикъ, купыя жидовскія брючки съ чужихъ ногъ, видно, прямо съ рынка, и поверхъ всего старенькая плисовая, какъ у паяца, курточка, — старый престарый, волосы до плечъ, сѣдина прошибаетъ сильно, небритый и подъ хмелькомъ. Воротился я какъ-то съ поисковъ за мѣстомъ въ свою конурку, смотрю, бокомъ у окна баринъ стоитъ. Я такъ и обомлѣлъ. Баринъ, голубчикъ, Аркадій Андреичъ, васъ ли я вижу? Да въ слезы отъ радости, да къ ручкѣ его. Онъ руку не далъ поцѣловать, и самъ не смотритъ, стыдится. «Ты, Лаврушка, говоритъ, много не разсказывай и не унижайся, хоть и бывшій мой крѣпостной. А ты лучше вотъ что̀: поставь мнѣ, братъ, выпить, червячокъ точитъ, надо заморить. Помнишь, какъ во Всесвятскомъ: «Антошка, Пашка, Лаврушка, вы, звѣрье, водки!» А ты кричишь «въ секундъ!» и бѣжишь. Бѣги, Лавруша, и теперь».—Заметался я, сказать вамъ по-правдѣ, какъ бывало точно въ старину, и самъ зналъ, что онъ уже не баринъ, а заметался и за виномъ махнулъ во весь опоръ; что дѣлать — прибылъ старый баринъ! Вотъ угостилъ его; онъ и говоритъ: «теперь давай мнѣ денегъ, я безъ денегъ ничто; а ты на ноги меня поставь, Лавруша!» — Гдѣ мнѣ, — говорю

ему, — денегъ достать? Я самъ, Аркадій Андреичъ, супъ изъ крысъ ѣмъ, камушками закусываю по мостовымъ, да и тѣхъ, вонъ, Бонапартъ-императоръ поубавилъ по улицамъ, чтобъ баррикадъ французъ не строилъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы были съ вами тутъ, ваше благородіе! Ей-же-ей, баринъ, съ голоду приходится помирать... — «А все-таки ты меня долженъ ублаготворить». Занялъ я у одного пріятеля сорокъ франковъ, да взялъ впередъ въ кафе Бюфона-съ, куда нанялся на годъ, шестьдесятъ франковъ въ счетъ жалованья и фракъ свой заложилъ. Но не долго были барину эти сто франковъ. Черезъ два мѣсяца онъ опять притащился ко мнѣ и занялъ у меня уголъ въ каморкѣ. Какъ онъ и чѣмъ тутъ жилъ, уже не знаю; писалъ, сказываютъ, кое-къ-кому и въ Россію, да не получалъ оттуда ожидаемаго. Дѣтей вспоминалъ, плакалъ о нихъ, — а возвратиться не хотѣлъ. Какъ-то подвернулся сюда одинъ молодчикъ, изъ нашихъ полтавскихъ, встрѣтилъ его, сжалился, вспомнилъ его же былую хлѣбъ-соль — взялъ его къ себѣ тутъ въ качествѣ собесѣдника. Должно статься, что и этотъ баринъ тутъ прогорѣлъ. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года. Я бѣдствовалъ невообразимо; не дослужа забранныхъ шестидесяти франковъ, заболѣлъ... Помѣстили меня въ больницу чернорабочихъ, вылѣчили, а послѣ заставили отслуживать. И я работалъ на каменной работѣ у племянницы моихъ теперешнихъ господъ, баронессы Ротшильдъ, на ея дачѣ. Тамъ меня узналъ аббатъ изъ русскихъ, Саламахинъ, Ѳадей Сергѣичъ, и рекомендовалъ въ лакеи сперва къ племянницѣ бароновъ, а потомъ и къ нимъ самимъ—спасибо ему. Тутъ я теперь и стою. Только не такъ устроилась судьба моего барина-то. Вдругъ, слышу — сманилъ его какой-то фокусникъ и сталъ возить въ колымагѣ съ обезьянами, попугаями и учеными медвѣжатами. Смотрю, разъ по бульвару съ сигаркой ходитъ, на лавкѣ въ Тюльерійскомъ саду сидитъ, на публику смотритъ, и выбритый, въ пальто съ чужого плеча, раздаетъ объявленія про этого фокусника. Я и пошелъ къ фокуснику въ балаганъ; глядь, а баринъ-то мой и билеты у него продаетъ. Я было попятился. «Ничего, — говоритъ, — prenez un billet, cher Lavrouchka, одинъ франкъ двадцать сантимовъ, первый рядъ!» — Баринъ, — говорю:—Аркадій Андреичъ, васъ ли вижу здѣсь! Вспомните ваши степи, Всесвятское, своихъ дѣтокъ! Воро-

титесь лучше домой; вамъ ли у паяцовъ проживать? Вѣдь у васъ своихъ триста слугъ было... — «Дуракъ ты, братъ Лавруха,—сказалъ онъ мнѣ на это,—мы тутъ равны, да я же и въ опалѣ, въ зломъ скандалѣ... фръ!» Онъ уже тогда начиналъ риѳмами говорить, какъ въ театрѣ, и многихъ господъ смѣшилъ. «Батюшки, батюшки,—подумалъ я,—что съ человѣкомъ не бываетъ!»—Тутъ меня отличили, прибавили жалованья. Саламахинъ разсказалъ барону о моей сценѣ за барина съ тою-то воровкой, разорившей его, и статью ему про меня читалъ. Баронъ прозвалъ меня vrai Kosack—говоритъ и приблизилъ меня еще больше къ себѣ. Съ нимъ тутъ я и въ Лондонъ ѣздилъ, тюки возилъ; послѣ оказалось, что то было золото и его кредитныя бумаги, еще почище золота. Главный клеркъ барона, нѣмецъ, шутъ такой, особенно меня, скажу вамъ, оцѣнилъ, и теперь я уже съ конторскими за однимъ столомъ обѣдать сталъ... Много тутъ всякаго народа изъ нашихъ бѣглыхъ. И люди будто уже не наши, не свои; одному не зачѣмъ ворочаться домой, другому нельзя; всѣ при мѣстахъ, и будто благополучны и благоденствуютъ. А ударитъ тутъ между нами про родину вѣсть какая, точно въ колоколъ въ Иванѣ Великомъ,—или бранятъ насъ, или войной на насъ собираются, или пожары гдѣ большіе, наводненія, дороговизна, такъ сейчасъ собираются и заставляютъ газеты читать, либо всѣ гуртомъ въ церковь.

Мы оба помолчали. Стало уже темнѣть.

— Гдѣ же теперь вашъ бывшій баринъ Дольскій?

— Въ тюрьмѣ-съ сидитъ... тяжело мнѣ это сказать! Сидитъ за пустячный долгъ. Увлекся у фокусника какою-то фокусницей, да въ долгъ на нее и набралъ нарядовъ, а продавецъ и засадилъ его.

— Что же его никто не выкупитъ?

— Да я первый выкупилъ бы его, только онъ опять туда попадетъ. Совсѣмъ развратный сталъ, излѣнился въ конецъ, а тутъ и навозу залежаться не дадутъ, не то что человѣку. Вотъ кабы его въ Россію! А то и меня онъ осаждаетъ письмами, да ужъ теперь я и боюсь, какъ бы онъ не вытребовалъ меня, по правдѣ, опять къ себѣ въ крѣпостные!

— Ну, на это закона нѣтъ, чтобъ онъ требовать могъ, если самъ безъ паспорта.

— Все такъ, да я вѣдь крѣпостной. Вотъ хоть бы дѣти его самого отсюда взяли, что ли!

Я записалъ адресъ его дѣтей и далъ слово извѣстить ихъ, воротившись въ Россію. Мы встали.

— Ну, какъ же вы, Лаврентій Данилычъ, свою судьбу устроить думаете?—спросилъ я.

— Послужу у барона; теперь изъ жалованья и комиссій моихъ порядочная сумма уже составляется. Еще побуду, авось тогда и свое дѣло начну; лавочку, что ли, открою... Послѣ женюсь... Оно теперь и въ Полтаву манитъ... да жутко какъ-то... Законъ еще неизвѣстенъ... А коли бы Всесвятское было наше и баринъ тамъ жилъ бы—вотъ, ей-ей, кажется, воротился бы. Что̀ въ этой ливреѣ, что̀ въ этой свободѣ! Честью завѣряю, страшно; ну, какъ потребуютъ, да по этапу отошлютъ...

Я заспорилъ, удивленный такимъ понятіемъ; доказывалъ, что Парижъ не полтавская губернія и что будь только честенъ, здѣсь сберегутъ не хуже, чѣмъ на застольной во Всесвятскомъ, или по паспорту въ Миргородѣ.

— Нѣтъ, скучно, баринъ, становится. Все не свое... двѣнадцать лѣтъ степей не видѣлъ...

«Ужъ не хитритъ ли онъ, — подумалъ я, — что за дичь подобныя убѣжденія. Мы разрываемъ крѣпостныя связи, а онъ жалѣетъ о томъ, что его баринъ не во Всесвятскомъ, а въ долговой парижской тюрьмѣ».

«Вотъ она старая-то Русь»,—подумалъ я.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа, Лаврентій Данилович Блинченко, или иначе, гражданинъ Франціи, мосье Лоранъ, зашелъ ко мнѣ проводить меня; таскалъ мои чемоданы, сходилъ мнѣ за кое-какими покупками, прилаживалъ мнѣ на дорогу всякую вещицу, чистилъ съ обычнымъ русскимъ лакейскимъ форсомъ чистѣйшаго русскаго издѣлія мои сапоги и, наконецъ, весь запыхавшись, выразился такъ:

— Эхъ, сударь мой! Вѣдь вотъ тутъ и кожи-то такъ выдубить не смогутъ, какъ у насъ. Что здѣсь за сапоги! Мѣсяцъ поносилъ и бросай, или носи триковыя ботинки по грязи этого каторжнаго макъ-адама. А вотъ въ Полтавѣ нашему барину завсегда Коржъ сапожникъ шилъ; такъ вѣрите: по семи мѣсяцевъ безъ починки носились — даже тошно было чистить... Оно, видите ли,—будь и здѣсь проч-

ность какая въ завѣреніи тоже, что вотъ тебя не отошлютъ въ другую какую деревню, я бы воротился, хоть сейчасъ, барину радъ былъ бы снова служить, лишь бы во Всесвятскомъ. А то Наполеонъ всѣхъ выдать можетъ, какъ бѣглыхъ.

Лаврентій задумался. Въ это время на бульварѣ Бонну-вель, гдѣ я стоялъ, затрубили трубы и полился молодцоватый громъ военнаго гвардейскаго оркестра. Мы подбѣжали къ окну. Быстрымъ залихватскимъ маршемъ шелъ отрядъ гвардейскихъ зуавовъ; музыканты, съ табличками нотъ передъ глазами, шли и играли на ходу какую-то необыкновенно-подмывающую штуку. Веселая толпа блузниковъ, дѣтей и щеголей шла слѣдомъ, заглядывая на бритыя головы и алыя фески импровизированныхъ алжирцевъ. Громадные омнибусы катились за городъ. Былъ какой-то не то народный, не то императорскій праздникъ. Я взглянулъ на опечаленное и задумчивое лицо Лаврентія.

— Поѣдемъ-ка добровольно въ Россію,—сказалъ я.

— Нѣтъ, боюсь, да и барина по правдѣ жалко; какъ я ворочусь безъ него и что̀ скажетъ старая барыня. Сегодня отъ васъ къ нему забѣгу, вотъ припасъ ему деньжатъ на табакъ...

И чудакъ показалъ десятифранковую монету.

— Вы же теперь знаете мой адресъ! пишите мнѣ въ Россію,—сказалъ я ему.

Онъ опять помолчалъ.

— Если бы земли намъ дали, кажется, и я скорѣе бы домой воротился. Матери нѣтъ у меня; только тётка, да и та продана вмѣстѣ со слободой. Ну, да все ничего; воротись баринъ, сядь опять во Всесвятскомъ — вотъ такъ бы и пошелъ! Жаль его, сердечнаго. Надо бы ему и бѣлья сегодня; чортъ знаетъ, однако, по правдѣ сказать вамъ, извините, что это за человѣкъ такой: ему бы только лежать, ничего не дѣлать.

Лаврентій махнулъ рукой и болѣе не говорилъ ни слова.

— Наше вамъ почтеніе-съ!—сказалъ онъ и вышелъ, давъ слово мнѣ писать.

Я подождалъ, пока онъ спустился по лѣстницѣ изъ восьмого этажа моей конурки, именовавшейся апартаментомъ номера сорокъ-четвертаго, и нагнулся изъ окна надъ улицей, смотря, какъ уйдетъ Лаврентій. Внизу онъ показался

снова уже въ ливреѣ барона Ротшильда, которую онъ, очевидно, оставлялъ у привратника. Онъ ловко застегнулъ золотыя пуговицы на блѣдно-голубомъ кафтанѣ, съ малиновыми отворотами, загнулъ на бекрень круглую, съ кокардой сіятельнаго и магическаго герба, шляпу, подтянулъ на рукахъ перчатки, вынулъ, не спѣша, на послѣдней ступенькѣ крыльца, знакомую уже душистую «баядеру» — закурилъ ее отъ сигары какого-то прохожаго полковника, остановленнаго имъ однимъ легкимъ кивкомъ головы, заложилъ руки въ карманы, и пошелъ, гордо поглядывая, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, всякаго оттѣнка и всякихъ націй и возрастовъ. И гдѣ были въ это время мысли смиреннаго Лаврухи? Во Всесвятскомъ? въ Мазаской ли тюрьмѣ? У сестринаго ли мужа въ Миргородѣ или гдѣ на теплой, давно-оставленной печкѣ какой-нибудь бѣлокурой Гали или черноволосой Насти?

Въ Россіи я прожилъ уже два мѣсяца осени 1860 года. Варшава и Полѣсье, поѣздка по шоссе на Кіевъ и Царства Польскаго, между сплошныхъ зеленыхъ вѣковѣчныхъ дубравъ, стонавшихъ тысячами птичьихъ стоновъ, съ перебѣгавшими черезъ бѣлое полотно свѣжей новой дороги лисицами и какими-то еще темно-сизыми, пушистыми звѣрками, величиной съ большую кошку; потомъ возвратъ на родимый хуторъ на пароходикѣ новаго общества, по Днѣпру, еще въ полую воду его картинныхъ береговъ, то плоскихъ и песчаныхъ, то крутыхъ съ лѣсами и скалами, — все это мелькнуло и смѣнилось тихой жизнью маленькаго домика среди ровной, гладкой и окаймленной однимъ небомъ поляны, у маленькой рѣчонки.

Но моя родина въ это время уже была полна давно ожидаемыми слухами. Въ воздухѣ было чутко, хотя все ждало и жило по-старому. Сосѣдній священникъ съѣздилъ въ городъ и привезъ кстати мою почту. Я кинулся къ газетамъ. Въ кучѣ почтовыхъ пакетовъ мелькнуло письмо съ заграничнымъ знакомымъ штемпелемъ и французскою почтовою маркой, на которой хорошо сразу узнался и бонапартовскій примелькавшійся глазамъ профиль, и его знакомая бородка. Пока мой гость раскуривалъ трубочку и собирался вторично заговорить о пшеничкѣ, обѣщанной ему не въ зачетъ прежнихъ субсидій, я распечаталъ письмо. Оно было отъ Лаврентія Блинченко изъ Парижа.

Вотъ оно.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣичъ! Милостію Божею, нашъ баринъ Аркадій Андреевичъ Дольскій, въ больнице Святыя Маделены, сего дванадесятова августа, 1860 года, помѣръ. Жызнь ихъ была при жизни злосчастна, а смѣрть и тѣмъ паче. Я пахаранилъ ихъ на свой шчѣтъ; последнен дѣньги стратилъ, равно-жѣ какъ и на личеніе ихнее. Силы души маей нету — а разсказать трудно о ихъ канчинѣ—почти какъ нищіе сканчались. Но Богъ меня за нихъ не оставитъ. Напишите при чемъ мнѣ быть. Я больно часто отлучался для нихъ отъ должности, и уже мнѣ отказали отъ службы у барона, — а дворникъ, что былъ ниже меня по лесницe, слукавилъ и теперь взялъ мое мѣсто. Я же почти опять безъ куска хлѣба. Не напишите ли вы моимъ господамъ Софьѣ и Александру Аркадьевичамъ; пусть мене вазьмутъ, наймутъ, а я имъ за деньги на возвратъ на родину мою въ Рассею отслужу. А я ихъ батеньку досмотрѣлъ до конца, и живата маво не жилѣлъ; а готовъ я опять имъ служить по найму, либа пусть мине земли дадутъ, какъ тутъ пишутъ и слыхать про законы. Вы же ихнимъ миластямъ припомните, что я и ихнія миласти выносилъ на рукахъ; а Ликсандра Аркадьичъ мне когда-то шутя волосы прожгли... Вашего благородія усердный слуга Laurent.—Septembre 9. 1861. Paris».

По отысканному адресу я сейчасъ написалъ подробно къ вдовѣ неимѣвшаго чина отца г. Дольскаго. У нея точно жили прежде ея внуки; но она умерла, и вмѣсто нея мнѣ отвѣтила какая-то госпожа маіорша Скрябина, что наслѣдники Дольскіе живутъ въ большой бѣдности — сынъ Александръ служилъ въ пѣхотѣ, а нынѣ въ отставкѣ, по случаю огорченія отъ товарищей запиваетъ, принятъ однимъ купцомъ въ откупъ, находится въ Рязани по акцизной части дистаночнымъ, но гдѣ онъ именно живетъ, Скрябина не знаетъ, а что сестра его была въ Нижнемъ замужемъ за мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Горшковымъ, нынѣ овдовѣла, живетъ въ Калугѣ, въ пожилицахъ, или компаньонкахъ, на Московской улицѣ, въ домѣ почетной гражданки Стрѣшневой. Я написалъ къ госпожѣ Горшковой письмо въ январѣ, а въ апрѣлѣ этого 1861 года получилъ отъ нея слѣдующее письмо, писанное очевидно смѣлою и бойкою, но безграмотною до тошноты рукою военнаго писаря,

бьющаго въ составленіи писемъ отъ солдатокъ, горничныхъ и неутѣшныхъ вдовъ изъ дворянокъ на краснорѣчіе, а подписанное страшными каракулями самою дочерью покойнаго Дольскаго, умершаго въ больницѣ св. Маделены въ Парижѣ, недавно еще владѣльца степныхъ полтавскихъ угодій и трехъ-сотъ душъ во Всесвятскомъ... Боже! И отецъ ея ѣздилъ искать наслажденій въ Неаполь, въ Байскій заливъ, по той тріумфальной тропѣ, по которой ѣздили во времена сказочной древности сказочные императоры Рима! Жалкая отрасль угасающихъ дворянскихъ родовъ...

«Милостивый государь и преусердный благодетель и благотворитель мой! Вашему Высокоблагородію благоугодно было въ вашъ вояшъ во Францыю навестить мѣсто жительства нашего покойнаго родителя, но не известились мы, видѣли-ли вы его, не видѣли-ли, а холопа и слугу нашего Лаврушку Блинченко нашли-же. Преусерднейше и нижающе кланяясь вамъ, а мы васъ тоже не зная, въ слѣдствіи отношенія Вашего Превосходительства отъ сего истекшаго января 16-го дня 1861 года, имѣемъ честь всенижающе извѣстить. Теперь уже вышло положеніе вышчихъ властей о крестьянахъ и дворовыхъ, а такъ какъ оный бѣглый нашъ холопъ Лаврушка обязанъ намъ прослужить въ полномъ повиновеніи господамъ еще два года, или-же платить намъ оброкъ, заплатя-же и за истекшіе двенадцать годовъ оброкъ-же, какъ и слѣдуетъ понимать оные законы, то мы съ братцемъ Сашею списались черезъ добрыхъ нашихъ благотворителей, купца Должикова и купца Ножикова, и положили черезъ васъ, высокоуважаемый генералъ, просить: о высылкѣ по этапу изъ города Парижа, Францыи французскаго королевства, въ Россію въ горотъ Калугу въ домъ почѣтныя гражданки Стрешневой, онаго бѣглаго и безпачпортнаго бродяги нашего изъ дворовыхъ Лаврентія Данилова сына Блинченка. И буде онъ прибудетъ по этапу, то, уплатя намъ за двенадцать летъ оброкъ, и два года отслужа, или-же заплатя тоже, то мы ему дадимъ вольную. Ваше-же Превосходительство просимъ известить насъ не оставить въ томъ-же времени безотлагательно, куда намъ обратиться черезъ какого посланника или амбассадера, о взысканіи по законамъ съ итальянцевъ, и французовъ, и съ кого именно, буде вамъ извѣстно, за укрывательство и передержательство въ сіи двенадцать лѣтъ и семь мѣсяцевъ

безпачпортнаго и беглаго нашего слуги и подданнаго Лаврушка Блинченко. Ему-же мы обѣщаемъ наше прощеніе и благословеніе. А тетка его и сестринъ мужъ также померли. Сіе ему тоже скажите.—Мы-же преусерднѣище и нижающе еще къ вамъ прибѣгаемъ: извѣстите, есть-ли у васъ супруга, или дѣти, или мать, или тетушка, дабы мы знали, за кого Бога молить. А когда место мнѣ или братцу наити можете въ вашихъ окрестностяхъ, и того преусерднѣйше принесемъ за васъ мольбы ко всевыщнему. — Апрѣля 10 дня, 1861 года.— За не грамотную, ея собственною рукою подписано составителемъ письма отъ ея особы: «*Софея Горшкова*».— Приписка въ концѣ послѣдней страницы: «У насъ въ городѣ Калугѣ живетъ Шамиль. Не вы-ли содѣйствовали къ его плѣну? Мы читали вашу фамилію. Помогите же и о Лаврушки» *).

Снявъ точную копію съ этого письма, я послалъ подлинникъ въ Парижъ и вскорѣ получилъ превеселую записку отъ мосьё Лорана. Онъ извѣщалъ о своемъ счастіи, что интриги дворника Ротшильда снова побѣждены, что онъ получилъ снова прежнее благоволеніе барона и его старшаго клерка, даже еще болѣе прежняго, именно, ему обѣщали мѣсто правителя фермы на дачѣ барона въ Перигё, что на зиму они снова будутъ въ Парижѣ, а теперь пока ѣдутъ на воды на островъ Іеръ, а оттуда въ Туринъ къ сестрѣ его новой госпожи, гдѣ онъ надѣется увидѣть Гарибальди, и что изъ Турина онъ отпросится у своей хозяйки на поклоненіе къ мощамъ Миколы чудотворца въ Неаполитанское бывшее королевство, въ градъ Бари, а тамъ—«*что Богъ дастъ*».

Новаго своего адреса мосьё Лоранъ мнѣ теперь не передалъ, и потому, вѣроятно, къ узнанію о дальнѣйшей его судьбѣ надо считать слѣды окончательно утерянными.

1861 г.

---

*) Моихъ однофамильцевъ при отчетахъ о взятіи Шамиля—не упоминалось.

СЕЛО СОРОКОПАНОВКА.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДЕПУТАТА ***).

«Ходитъ птичка весело
«По тропинкѣ бѣдствій,
«Не предвидя отъ сего
«Никакихъ послѣдствій!»
(Изъ одного альбома.)

Я объѣзжалъ свой депутатскій участокъ въ*** уѣздѣ, съ цѣлью собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденія губернскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Болѣе двухсотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Иного владѣльца не застанешь дома, — а ѣхать часто приходилось верстъ за семьдесятъ. Другого и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу; надъ всѣмъ онъ задумывается. Нѣсколько владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе отказались отвѣчать; они были—неграмотные. Дѣло, впрочемъ, извѣстное—стòитъ только пустить повѣстку, что вотъ-молъ любопытно узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота?—«А,—подумаютъ владѣльцы,—тутъ что-то неладно; это налогомъ обложить хотятъ!» — И въ отвѣтахъ на повѣстки окажется, что въ уѣздѣ вовсе нѣтъ рабочаго скота.

Описавъ имѣнія покрупнѣе, съ псарнями, винокурнями, сахарными заводами и мызыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, башенъ съ звонящими часами и размалеванныхъ сельскихъ конторъ, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ — поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ...

Хутора.., много вы измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ среди васъ жили незабвенные Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Конечно, и донынѣ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, безданно и безпошлинно коптя православное небо, живутъ многіе родные по крови этихъ милыхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все ужъ не то. Тѣ же тихіе домики, и также тутъ ѣдятъ и пьютъ, а много воды утекло и многое измѣнилось.

Со мною, въ качествѣ секретаря и землемѣра, ѣхалъ нѣкто Абрамъ Ильичъ Говорковъ.

Съ нимъ мы, между прочимъ, завернули въ многовладѣльческое село Сорокопàновку.

— Что̀ это за Сорокопàновка? странное имя!—сказалъ я Говоркову, когда мы спустились съ зеленаго холма и поѣхали ровною, гладкою степью.

Скоро засвѣжѣло. Близки были поемные берега большой рѣки. Лугъ, весь въ тростникахъ и озерахъ, шелъ по ея лѣвому берегу. Правый былъ гористый. Съ этого-то праваго берега приходилось намъ подъѣзжать къ Сорокопàновкѣ. Ни облачка на небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась сизая туча, и наискось падали изъ нея полосы дождя... А это что̀? Не то овцы, не то дикіе гуси. Подъѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольѣ, мѣрно выстроившись въ рядъ, ходила стая журавлей... Вотъ они завидѣли насъ, остановились; всѣ головы вытянулись; всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами долбятъ землю, должно быть, подбирая народившуюся гусеницу или кузнечиковъ.

— Сорокопàновка,—заговорилъ Абрамъ Ильичъ:—какъ мнѣ ее не знать! Вотъ это что̀: здѣсь испоконъ-вѣка живутъ мелкопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ она и начинается; все хатки да хатки, и въ каждой помѣщикъ или помѣщица со своею дворней. Такъ здѣсь жилось еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ здѣсь какихъ-то маіоровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе изъ цѣлой арміи, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Маіоровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопáновкой, отъ сорока панковъ, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый

и съ гоноромъ! Еще ихъ дѣды, первые поселенцы, никому не давали проѣзда: а эти, хотя и болѣе тихаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, и многіе буяны. Промежъ нихъ мало грамотныхъ. Иного даже и не отличишь отъ мужика. Пашетъ землю, ѣздитъ ямщикомъ. А спросишь—дворянинъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворня есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иные живутъ въ одной хатѣ. Странныя прозвища повывелись черезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ городъ. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ же они болѣе живутъ?

— Такъ, болѣе ничѣмъ. Иной цѣлый день трубку куритъ, лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой лошадьми торгуетъ,—сущій цыганъ. Барыни сѣютъ бакши, огороды содержатъ; барышни грандъ-пасьянсъ въ карты раскладываютъ, про жениховъ гадаютъ. Неурядица у нихъ страшная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. Хотѣли было завести у нихъ какое-нибудь начальство, да стали въ раздумьѣ: къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня. Будь это мѣщане, въ посадъ бы ихъ обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, сотскаго или старосту. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жителей въ уѣздъ:—«Выбирайте себѣ голову или сотскаго!»—«Вотъ еще, пойдемъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!»—И дѣлай съ ними, что̀ хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ начальника. Шумъ, гамъ,—наѣдетъ становой, такъ насилу выберется; иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять, за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы? Однажды судились два сорокопановскихъ панка. Дѣло въ томъ, что шли они откуда-то съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулупъ, а тотъ его взялъ да и пропилъ въ первомъ кабакѣ, пока его пріятель тамъ же лежалъ безъ ногъ. Надо было передъ становымъ доказать, что одинъ у другого взялъ тулупъ и отдалъ его назадъ.

— А вѣдь мы же шли?—спрашиваетъ истецъ.

— Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Что̀?
— Тулупъ.
— Какой?
— Что я тебѣ далъ.
— Когда?!

Минута молчанія. Истецъ переводитъ духъ и начинаетъ снова:

— А вѣдь мы же шли?
— Шли.
— Мнѣ же стало душно?
— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Что̀?
— Тулупъ?
— Какой?
— Да что я тебѣ далъ.
— Когда?!

И дѣло опять начиналось словами: *«а вѣдь мы же шли?»* Становой кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся выгналъ.

Но вотъ и сама Сорокопа̀новка.

Я высунулся невольно изъ крытой нетечанки и велѣлъ остановиться.

Лѣвый берегъ рѣки шелъ вдаль, весь затопленный плёсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ оправлялъ лошадей, мы встали въ сторонѣ. Мой спутникъ прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помѣщикъ Куличокъ,—сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ:—онъ высѣкъ сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлопятый: живутъ они теперь дружно. Вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ

престарѣлая дѣвушка, Любовь Вѣнцеславская, писательница и поклонница всякаго рода птицъ, пѣвчихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою рай или, скорѣе, лавку московскаго охотнаго ряда.

Болѣе получаса Аорамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, разсказывалъ исторію крошечныхъ домиковъ, сидѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ косогорамъ. Всѣ они тонули въ садахъ. Кое-гдѣ торчали бревна колодезныхъ журавлей, скворешницы, бѣлыя избы и опять сады.

— Чьи эти два чистенькіе дворика? — спросилъ я Говоркова.

Дворики, какъ оказалось, принадлежали двумъ сорокопановскимъ дамамъ, Дарьѣ Адамовнѣ Павловой, съ лѣвой стороны рѣки, и Дарьѣ Адамовнѣ тоже Павловой, съ праваго берега рѣки. Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣку, дѣйствительно носили одинакія имена и фамиліи, хотя не были сродни другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство этой фамиліи искони существовало и по лѣвую, и по правую сторону рѣки. Эти дамы были, притомъ, совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была подвижная и румяная, съ носомъ, торчавшимъ вверхъ; затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу или небывалую ссору въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна, съ правой стороны, хотя была также ничуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и посплетничать,—но зато почти никогда не улыбалась, не вертѣлась, все дѣлала молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи... Иначе, Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была, какъ о ней выражались въ Сорокопановкѣ, Дарья Адамовна Комедія, а Дарья Адамовна, съ правой стороны—Трагедія.

Въ то время, какъ сосѣди этихъ помѣщицъ съ обѣихъ сторонъ рѣки занимались хлѣбопашествомъ, иной разъ сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ работницамъ, а сами только гадали на картахъ про молодыхъ пожирателей дѣвичьихъ спокойствій или, какъ говорили тамъ о нихъ, про

«ненасытецкихъ сердцеѣдовъ» и «безпардонныхъ сумасводовъ», и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда рѣчка замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить другъ дружку «на свѣчку», то-есть посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ на освѣщеніе; когда же рѣка весной пышно стремила свои воды межъ родныхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на пустой еще берегъ, и переговаривались другъ съ дружкой черезъ рѣку...

— Ну, какъ же тамъ у васъ все идетъ?—вѣжливо начинала Дарья Адамовна Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и сурово шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо,—отвѣчала Дарья Адамовна Комедія, веселымъ и почтительнымъ тономъ, также шевеля спицами чулка.

— Ну, хорошо, хорошо... и терновку перелили въ бутылки?

— Перелила...

— И солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ...

— Скажите! Вотъ какъ!.. Такъ, значитъ, и кабана посадили кормить къ розговѣнью?

— Посадила.

— Вотъ какъ! Скажите!.. Это очень даже, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна!—произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ зависти.

— Да-съ, любопытно! а вамъ-то что, завидно, что ли, тетенька?

— Ну, матушка, завидно, не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ...

— Ну, такъ что-жъ что переплылъ?

— А то, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы!—произносила Дарья Адамовна Трагедія, едва шевеля отъ злобы спицами чулка...

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову.

— А что, развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и другому кому тогда... не сверну головы!

— Какъ? такъ это мнѣ?—подхватывала Трагедія, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ! именно вамъ!—язвила сосѣдка.

— Ну, тогда ужъ позвольте вамъ послать кукишъ!—произносила Трагедія, протягивая руку въ направленіи къ лѣвому берегу рѣки.

— А при этой вѣрной оказіи позвольте послать и вамъ цѣлыхъ два!—кричала Дарья Адамовна Комедія.

Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ ея сосѣдка, надо говорить мужику, а не дамѣ.

— А вы, Дарья Адамовна, кажется, просто мерзавка...—кричала противница.

— И, матушка! мерзавка, не мерзавка, только всѣмъ ужъ извѣстно, что у васъ иногда губы пухнутъ...

— Какъ пухнутъ? отчего? — спрашивала озадаченная Комедія: — это быть не можетъ, и я этого никогда не замѣчала!

— Можетъ-быть, только замѣчала это я! я! я!—кричала съ ожесточеніемъ Трагедія:—и еще я вамъ доложу, что вы въ спальнѣ въ шкапу держите водку и пьете ее на ночь, и отъ того у васъ носъ бываетъ краснаго цвѣта и глаза не свои.

— Тьфу!—плевала на это негодующая Комедія и, сказавъ:—бѣсъ, а не женщина!—уходила домой, переволнованная до глубины души.

Иногда, впрочемъ, такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ и каждая сосѣдка, сказавъ: «ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора за работу!»—расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за шишами, плевками и всякою перебранкой, утомленныя барыни высылали на рѣку своихъ работницъ. Зубастыя бабы оглашали тогда окрестность не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады.—«Да ты ужъ замолчи!» кричала одна работница другой, стоя на плетнѣ огорода: «ты ужъ замолчи, потому что я ужъ знаю, какая ты!»—«Ну, а какая же я, какая?»—«Да такая же, какъ и твоя мать!»—«А какая моя мать? говори, сякая ты, такая! говори?»—«Да такая же, какъ и ты!»—«А я какая, сякая ты, такая?»—«Да такая же, какъ и всѣ вы!» И этотъ речитативъ, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ рѣки зрителяхъ, тянулся нескончаемо. Слободка долго вол-

новалась, раздѣлившись на два враждебные лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и не знающіе пощады и снисхожденія...

Но таковы судьбы человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣку, встрѣчались снова друзьями, ухватившись за руки, чмокали другъ дружку въ губы, произнося: «ахъ, это вы, душечка! вотъ пріятный сюрпризъ!»

Разъ какъ-то (случилось это въ самую засуху) Дарья Адамовна Комедія прибѣжала послѣ обѣда, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь.—«Что съ вами, душечка?—спросила хозяйка.— «Ахъ, и не спрашивайте! Я такъ взволнована, такъ взволнована!—«Да что же тамъ такое?» Гостья достала платокъ, отерла глаза и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: «Вотъ послушайте, ангелъ! вотъ какой со мною сдѣлался неожиданный случай!»

Она стала читать:

«Къ хищницѣ отъ жертвы:

«...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе: я влюбленъ—голову совсѣмъ потерялъ. Разумѣется, вамъ участь: блаженство посланное, а моя? чѣмъ же я виноватъ? хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки; если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу не откажите подарить меня вашею рукою; вы меня знаете; теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки, всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

«*Ивана...*» (фамилію гостья прикрыла пальцемъ)

«а также и шерсти, только той, которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!»

Гостья кончила, но отъ волненія не могла произнести ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!..

— Ахъ!—воскликнула гостья, и радостныя слезы снова зачастили по ея щекамъ.

Вслѣдъ затѣмъ сосѣдки стали шушукаться и шушукались до того, что положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое...

Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, счастливая сосѣдка, получившая письмо, также сидѣла послѣ обѣда. Дверь отворилась и въ ея комнату вошла Дарья Адамовна Трагедія. Эта вошла гордо, молча поклонилась и таинственно сѣла на диванъ... На ея рукѣ висѣлъ ея обычный ридикюль. Она раскрыла его стальную пасть и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ изъ этой пасти сперва клубокъ шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ, вышелъ потомъ бронзовый наперстокъ, тамбурная иголка, оловянныя очки, рогулька для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, клочка два ваты для затыканія ушей, стальной игольничекъ, ножницы и кирпичикъ, обернутый въ чехолъ, для пришпиливанья работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметріи на столѣ, скинула нитяныя перчатки, безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, и я къ вамъ тоже... съ новостью!

— Съ какою? — спросила хозяйка, насторoживъ уши, какъ моська въ то время, какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жюжю!» или «Фидель», ты философствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку...

Гостья оставила спицы, взглянула черезъ очки, сказала: «Ну, пропала и я, ма-шеръ», — вынула со дна ридикюля письмо и стала его читать:

«Хищницѣ отъ жертвы:

...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство сорокъ десятинъ и мельница— жду отвѣта; не мучьте, потому что мучить можно муху или что-нибудь другое, но не мучьте меня, нѣжный другъ, душечка! Слова ваши льются, какъ бы алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю, и притомъ у васъ чисто русское сердце.

«*Иванъ...*» (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

— Чтò же это?—вскрикнула помертвѣлая Комедія.

— А что?

— Да одна и та же рука.

— Врете!

— Нѣтъ, вы врете.

Раздались двѣ звонкія пощечины, свалка. Полетѣли чепцы съ головъ. И снова Сорокопановка чуть не полгода была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло,—сказалъ я Говоркову, въѣхавъ въ Сорокопановку:—гдѣ списокъ? Тычко, Крячко, Макарищенко... Съ кого бы начать?.. Оно, разумѣется, статистика тутъ мало чѣмъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ, конечно, не имѣется, сахарныхъ заводовъ, оркестровъ, промышленности и торговли—также. Однако, всетаки надо составить списки крестьянъ и дворовыхъ; измѣрить, хотя приблизительно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну земель и строеній, узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ.

— Куда же намъ ѣхать? гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій? Не къ Павловымъ же ѣхать...

— Совѣтую къ Вѣнцеславской... Она образованнѣе другихъ. У нея и домъ побольше. Дворъ стоитъ въ рощѣ, за косогоромъ, надъ рѣкой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съѣздъ и къ другимъ.

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Былъ знойный полдень, когда песчанымъ прибрежьемъ, мимо сорокопановскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородовъ, мы въѣхали въ опушку густой дубовой рощи, круто взбиравшейся въ гору и примыкавшей къ общей околицѣ поселка. Въ этой рощѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любови Павловны Вѣнцеславской.

Пробираясь между дубами и орѣшниками, между упругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую крышу новаго тесоваго домика. Скоро въѣхали во дворъ. Куча какихъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятень, кладовыхъ и погребовъ — стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ виднѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопановскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора пры-

гала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, безхвостая ручная сорока. На перилахъ крытой галлереи сидѣли двѣ тоже ручныя старыя совы. Туча голубей кружилась въ воздухѣ, спускаясь къ кровлямъ двора. На шнуркѣ вдоль галлереи висѣли мѣшочки съ сушеными травами, распространявшими въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдованные, и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавъ неловкое теньканье, будто устыдился и замолчалъ... Вприпрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, рыжій голландскій пѣтухъ. За нимъ другой—бѣлый. Куры подняли гдѣ-то невообразимый крикъ.

Мы постояли, поглядѣли и пошли на крыльцо. Ни души не было и тамъ. Вдоль стѣнъ и у дверей крыльца, до самаго потолка, шли клѣтки съ разными птицами, и сколько ихъ было здѣсь: мохнатыя, пестрыя, кривоносыя, длинноносыя, большія, малыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ клѣточкамъ и клѣткамъ. Двѣ сойки взапуски передразнивали собаку; изъ-сѣда черный, старый воронъ, какъ нѣкій магъ, сидѣлъ на скамьѣ у порога, уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату въ цвѣтахъ. Зала встрѣтила насъ низенькими комнатками, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ — будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были гравюры временъ Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дуранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти», словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ останавливается рѣдкій посѣтитель подобныхъ мѣстъ, въ комнаткахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлыхъ временъ. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьяно,—дополняло обстановку залы.

Мы откашлялись. Сперва вбѣжала, также кашляя и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и совершенно разслабленная бѣлая болонка, съ глазами, до-чиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и ху-

денькая хозяйка, съ сѣдыми локонами, съ платкомъ въ рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь какихъ-то цвѣтовъ и оленьихъ головокъ.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать!—заговорила сорокопàновская барыня.—Я догадываюсь о причинѣ вашего пріѣзда... не такъ-ли?

Съ этимъ словомъ она присѣла на стулъ, приглашая и насъ садиться на диванъ. Мы обмѣнялись привѣтствіями и пояснили ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда была готова; я даже губернатору не разъ говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Даже мое стихотвореніе объ этомъ онъ хотѣлъ помѣстить тогда въ вѣдомостяхъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ два года здѣсь живу безвыѣздно, среди сада, цвѣтовъ и моихъ птицъ... Люди! Эй! Палашка, Ѳеська, кто тамъ?

На звукъ ея дребезжащаго голоса явились въ дверяхъ нѣсколько веселыхъ и улыбающихся головъ. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «жизнь наша хоть куда: ѣдимъ и спимъ мы вдоволь и будутъ ли также хороши наши дни послѣ, какъ теперь, у этой рѣдкой барыни, это еще вопросъ...»

— Кофею! Да отпрячь лошадей господъ чиновниковъ.

— Мы не чиновники, — вмѣшался Говорковъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулѣ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она нюхала), и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и какъ бы озадаченная приливомъ нежданныхъ, бившихся наружу, сладкихъ чувствъ.

— Да, да! — заговорила она:—наконецъ сбываются мои грёзы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то, часъ пробилъ! когда же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ, и теперь его члены собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ... двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои?.. Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяцъ...

— Повѣстка?!—спрашивала сама себя добродушная старушка:—зачѣмъ же свѣдѣнія? Развѣ нельзя безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой.

Я былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, господа сорокопàновцы, приготовили свои отвѣты?—спросилъ я.

— И они, вѣроятно, какъ и я,—отвѣтила Вѣнцеславская.

— Нехорошо, Любовь Павловна!—отнесся Говорковъ:—а мы надѣялись на васъ. Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право досадно и совсѣмъ совѣстно!..

И она стала набивать носъ душистымъ табакомъ, отъ котораго распространился по комнатѣ запахъ жасмина...

— Дѣло простое, — вмѣшался я: — всѣ почти владѣльцы Сорокопàновки имѣютъ развѣ однихъ дворовыхъ. Значитъ, намъ нужны свѣдѣнія только о числѣ дворовыхъ людей, о ихъ содержаніи, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается намъ сообщить о ихъ содержаніи, и о работахъ и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя приблизительно вашу подусадебную землю по каждому двору...

— О содержаніи, о работахъ, цѣну усадьбамъ?—повторяла про себя въ раздумьѣ хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, ѣли мое, ходили въ моемъ, какъ тутъ считать!.. Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли...

И она развела руками.

— Да у меня же и земли кстати нѣтъ, — продолжала она: — есть домъ и кухня, да садъ, да и только; люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное... Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете...

Мы стали ее утѣшать, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дня. Она опять понюхала табаку и задумалась...

Подали кофе, потомъ завтракъ, и не оглядѣлись, какъ подали и обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говор-

ковъ, между тѣмъ, написалъ циркулярную повѣстку ко всему сорокопановскому обществу, съ приглашеніемъ явиться въ 4 часа пополудни, въ тотъ же день, въ домъ госпожи Вѣнцеславской, для сужденій объ общемъ дѣлѣ, къ такому-то депутату губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Повѣстка была вручена призванному въ залу, совершенно круглому и румяному мальчику, увальню лѣтъ пятнадцати. Ему сказано: обойди, а еще лучше, обѣгай всѣхъ господъ по селу; дай прочесть бумагу и росписаться и проси къ 4 часамъ къ Любовь Павловнѣ; да скажи, что непремѣнно. Въ повѣсткѣ прибавлено: «просятъ захватить печатныя программы, разосланныя три мѣсяца назадъ, и отвѣты на нихъ, буде таковые готовы». Мальчикъ, бравъ повѣстку, смѣялся. Улыбнулись и мы съ Говорковымъ, глядя на его круглыя щеки, русую, плотными рядами стриженую голову и жирное, круглое туловище. Въ открытое окно было видно, какъ этотъ толстый Меркурій перебѣжалъ садъ, не безъ труда вскарабкался колючій плетень и перевалился черезъ него въ сочную и густую граву чьего-то сосѣдняго огорода, а оттуда зашагалъ въ темной рощѣ, зеленѣвшей на той сторонѣ рѣки...

Намъ зѣвалось. Какое-то блюдо, вкусное, сытное, съѣденное за столомъ, особенно склоняло къ дремотѣ. Птицы пѣли; листья чуть шушукали. Запахи всякаго рода пробирались изъ сада въ окно. Любовь Павловна сидѣла, тоже задумавшись. Абрамъ Ильичъ прямо заснулъ. Я кашлянулъ. Мы извинились передъ хозяйкой, запросто попросили позволенія соснуть и, тыкаясь носами въ дверь, пошли въ коридоръ...

— Какъ-же-съ, и комната готова,—замѣтила кротко хозяйка, обративъ къ намъ совершенно сонные глаза: — кстати, и другіе подоспѣютъ тогда!

Мы очутились въ темной и прохладной комнатѣ, съ запахомъ инбиря и чуть-ли не калганнаго корня, выходившимъ изъ какой-то конторки; нащупали перины, подушки и завалились спать.

Два, чуть-ли даже не три часа мы спали. Ни лучъ свѣта, ни жужжанье назойливой мухи не прерывали сна. Инбирь и калганъ пріятно щекотали обоняніе. Тишина въ домѣ и кругомъ была невозмутимая. Я помню, что заснулъ, все обдумывая въ потьмахъ: «откуда проникаютъ эти запахи? изъ шкапа, или это наливки стоятъ гдѣ-нибудь на полкахъ,

нли на печкѣ вверху, и пахнутъ... «Глаза какъ-то сами собою раскрылись у меня перваго. Гражданскія заботы возникли въ умѣ.—«Какъ же это?»— разсуждалъ я впотьмахъ:—«свѣдѣнія комитету нужны скоро, особенно о мелкопомѣстныхъ; а эти господа, кажется, и не думаютъ о важности ихъ составленія?»

— Абрамъ Ильичъ!—шепнулъ я:—Абрамъ Ильичъ!

Говорковъ очнулся.

— А? что?—спросилъ онъ.

— Не пора ли вставать?

— Нѣтъ, поспимъ еще. Никого что-то пока не слышно. Къ чему же...

Сонъ опять сталъ меня одолѣвать. Но подъ окномъ загоготалъ гусь, а потомъ пѣтухъ затрубилъ, какъ военная труба, и мы встали.

Свѣтло и весело встрѣтила насъ опять та же зала, съ картинками и гарусными подушками. Только вмѣсто собачки по полу уже ходили двѣ галки, въ сафьянныхъ панталончикахъ, серёжкахъ, и, по остроумному соображенію, для чистоты, съ ситцевыми мѣшочками подъ хвостомъ.

— Вотъ,—замѣтилъ Говорковъ, зѣвая во весь ротъ: — губернскому предводителю грозятъ, что крайній срокъ подачи свѣдѣній для комитетовъ не будетъ отсроченъ, — а Любовь Павловна, передъ такою реформою, мѣшочки подъ галокъ подвязываетъ!

И онъ опять зѣвнулъ, за нимъ и я.

— А что? — спросилъ Говорковъ: — я думаю, парижскіе и лондонскіе публицисты никакъ не воображаютъ, чтобы дѣло у насъ такъ дѣлалось, чтобы мы, положимъ, такъ зѣвали?

— И я думаю то же...

Мы опять зѣвнули и расхохотались. Никто не являлся въ залу. Въ открытое окно къ сторонѣ двора было видно только, какъ два какихъ-то мальчика, игравшіе предъ тѣмъ въ бабки, спали, раскинувшись на землѣ, а престарѣлая комнатная женщина, сидя у амбара на землѣ, спала, держа въ рукѣ недовязанный чулокъ съ прутками и, развѣся губы, клевала сѣдою головой.

— Что̀-жъ тутъ дѣлать? — спросилъ я:—сосѣди не собираются, да и хозяйки нѣтъ, а время уходитъ. Скоро и вечеръ: завтра надо еще въ три мѣста ѣхать? Что̀ намъ дѣ-

лать? Вѣдь все это спитъ, Абрамъ Ильичъ, спитъ вся деревня, какъ въ сказкѣ.

— Спитъ, да еще какъ! слышите?..

Изъ коридора въ это время послышался тоненькій, очевидно женскій, хотя довольно забористый храпъ: звуки вылетали изъ комнаты самой хозяйки.

— Надо готовить астролябію, — сказалъ сердито Говорковъ: — хотя одну или двѣ усадьбы обойдемъ и нанесемъ ихъ на планъ.

Мы отправились къ нетечанкѣ, достали ящикъ съ астролябіей, разбудили мальчиковъ, спавшихъ подъ сараемъ, и отрядили ихъ добыть кольевъ. Старушка подъ амбаромъ спала попрежнему. Мы пошли въ садъ. Передъ нами, съ обрыва надъ рѣкой, открылась вся разнообразная и живописно-пестрая картина Сорокопàновки. Вотъ рядъ мельницъ по косогору. Вотъ хатки и домики, въ раскидку, бочкомъ и спиной одни къ другимъ, раздѣленные садами, оврагами и просто площадями зеленыхъ пустырей, величиной въ иное хуторское поле. Волы, коровы и лошади ходили по этимъ пустырямъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди села, паслось цѣлое стадо овецъ; въ другомъ кто-то запахалъ пол-площади подъ гречиху и на неогороженной пахати уже всходила зелень. Толстыя, дряблыя и совершенно лысыя отъ дородности свиньи шатались привольно по всѣмъ угламъ села, тыкаясь въ калитки и почесывая спины у крылецъ и оконъ. Стаи голубей носились въ безоблачномъ небѣ. На три или на четыре версты раскидывалась во всѣ стороны любопытная Сорокопàновка, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, а всего этого понемножку...

— Ну, долго же этотъ мальчишка-посланецъ будетъ обходить съ повѣсткой господъ здѣшнихъ обывателей!—сказалъ Говорковъ: — я думаю — просто спитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, подъ заборомъ!.. Каково? — продолжалъ онъ, — ни души не видно — всѣ спятъ! Смотрите, гдѣ же тутъ дождаться кого-нибудь на нашу сходку?

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на близкій вечеръ, Сорокопàновка была еще царствомъ мертвыхъ. Кое-гдѣ только заливались криками горластые пѣтухи, да дюжины двѣ индѣекъ въ чьемъ-то огородѣ прерывали общую тишину дикими возгласами.

— Вотъ если бы, — сказалъ Говорковъ: — какой-нибудь

французскій миссіонеръ случайно забрелъ сюда и не зналъ, что это Россія, онъ прямо сказалъ бы въ своихъ запискахъ, что былъ въ такомъ-то селѣ Верхняго Кіанга, Соро ко-пан чун-ху... И свиньи даже напоминаютъ про Китай!..

Явились мальчики, отряженные за кольями. За ними со двора показалась и Любовь Павловна. Протирая глаза и съ подрумяненными отъ сна щечками, она, слегка зѣвнувъ и закрывъ ротъ бѣлою ладонью, подошла къ намъ, когда мы ставили астролябію и наводили ее на уголъ ея усадьбы.

— Что это? Вы уже и за работой! Ахъ, что значить неутомимость! — начала Любовь Павловна: — это не то, что мы.

— Долгъ требуетъ!—сурово замѣтилъ Говорковъ, копаясь у кольевъ и неистово вколачивая ихъ въ землю.

— Вотъ, мы начнемъ съ вашего уголка, Любовь Павловна!—сказалъ я, наводя вѣхи далѣе къ усадьбѣ священника, а за нимъ нѣкоего подпоручика Свербѣева.

— Ахъ, какъ же это?—проговорила Вѣнцеславская, шагая за нами вдоль плетня: — не освѣжились! а я велѣла вынести сюда и варенья.

Мы вышли на улицу. Мальчики ставили вѣхи, тянули цѣпь; Говорковъ отмѣчалъ углы въ записной книжкѣ. У дома священника надо было взять вправо и вести вѣхи по краямъ огорода Любовь Павловны. Тутъ вышелъ самъ отецъ Павелъ. Поглаживая лысину, онъ молча намъ поклонился и съ недовольнымъ и пристальнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на вѣхи. Подоспѣла и Ѳедосья съ подносомъ. Мы наложили на блюдца варенья и стали ѣсть.

— Что это, Любовь Павловна, прошлогоднее?—спросилъ отецъ Павелъ.

— Разумѣется, прошлогоднее! Гдѣ-же еще быть новому!

— Эхъ, братъ, да говорятъ тебѣ — лѣвѣе, — ворчалъ, между тѣмъ, Говорковъ, направляя парня съ вѣхами. Онъ свернулъ за тополи, огибая усадьбу Вѣнцеславской.

Когда мы съ блюдцами въ рукахъ, облизываясь, немного позамѣшкались съ отцомъ Павломъ, начавшимъ разсказывать, что вотъ у какихъ-то Андреевыхъ дѣти въ сыпи, Говоркова окружили новыя лица.

Сѣдовласый и толстый старикъ, едва передвигая ноги, подошелъ къ астролябіи, уставя на нее отекшія щеки; какая-то низенькая, коренастая, круглая дамочка въ чер-

номъ коленкоровомъ платьѣ и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами навыкатъ, ходила тутъ же, съ палкою, судорожно подергивая на рукѣ ридикюль, изъ котораго торчали бумаги. Другая дама, въ голубой полинялой шляпкѣ, блѣдная, но съ черными южными глазами и черными густыми бровями, стояла также въ этомъ обществѣ, будто попавъ сюда невзначай. Это были: старикъ Свербѣевъ, дамы — извѣстная уже Трагедія и Комедія.

А между тѣмъ, вдали стали показываться и другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли: неслужащій дворянинъ Чубченко, съ неслужащимъ же сыномъ Чубченкомъ-младшимъ, оба съ виду простые мужики, въ простыхъ мѣщанскихъ свиткахъ и съ длинными бородами. Отъ моста близъ рѣки отдѣлилась группа новыхъ дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополченскихъ сапогахъ и съ эспаньолкой. По хлыстику въ его рукахъ, а болѣе, разумѣется, по эспаньолкѣ, нельзя было не узнать въ немъ общаго вздыхателя и сердцеѣда. Всѣ эти лица молча подходили, едва намъ кланялись и, перешептываясь, останавливались въ сторонѣ. Всѣ съ подозрительно недовѣрчивымъ вниманіемъ слѣдили за нашими дѣйствіями.

Такъ, я думаю, слѣдили японцы отважныхъ моряковъ, нѣкогда смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Іедо и Нагасаки; такъ и индійцы временъ Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришельцевъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ...

Работа шла своимъ чередомъ. Никто попрежнему не рекомендовался. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ и насъ самихъ яркими лучами.

Первый отозвался подпоручикъ Свербѣевъ.

— Па-а-звольте-съ! вы, кажется, не такъ уголъ взяли! — замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чего-съ? — свирѣпо огрызнулся Абрамъ Ильичъ, поднявъ отъ колышка налитое кровью и озлобленное лицо.

— Надо взять вотъ какъ... Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гарема... Ну, я и снялъ.

— Можетъ быть, можетъ быть! — возразилъ со вздохомъ Говорковъ, докидывая послѣдній уголъ.

Группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе!—отозвалась Вѣнцеславская.

— Да-съ!—подхватилъ чей-то женскій голосъ:—за жалованье можно!

Сказавшую поспѣшно остановили. Свербѣевъ принялся помогать Говоркову. Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ Дарьи Адамовны Комедіи вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Явился коверъ, нѣсколько лавокъ. Всѣ сѣли. Новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись, стали разговорчивѣе.

— Да не выпить-ли, господа, тутъ же и чаю?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично!—отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Дарья Адамовна Трагедія побѣжала за сливками.

Всѣ усѣлись съ печатными программами вокругъ стола. Чернильница отца Павла поставлена передо мною, явились перья и бумага.

— А что, господа-депутаты, —сказалъ Свербѣевъ: — мы люди простые, гдѣ намъ постигать ваши статистическія тонкости. Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать...

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

Вѣнцеславская разливала чай; какая-то дѣвица курила папиросу за папиросой. Всѣ пріумолкли. Я объяснилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи.

— Что, господа, откладывать! берите перья. Пишите въ клѣткахъ противъ ревизскихъ душъ, сколько у кого крестьянъ и сколько дворовыхъ.

— Да у насъ почти у всѣхъ одни дворовые...

— Такъ и пишите, дворовые.

Всѣ написали; пошли толки. Павлова-Трагедія объявила, что у нея всего одна душа, мужского пола, отличный поваръ, но что онъ уже два года содержится въ губернскомъ острогѣ и что она его показываетъ теперь потому, что онъ большихъ достоинствъ и что она надѣется получить за него выкупъ. У Павловой-Комедіи по ревизской сказкѣ оказалось другое любопытное явленіе: у нея было три души женскаго пола—бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 14, хотя первыя двѣ значились *незамужними*.

— Теперь, господа, сколько у кого грамотныхъ?—отнесся я: — какіе вамъ платятъ оброки, сколько у кого недоимки,

и во что обошлось кому обученіе ремеслу или мастерству вашихъ дворовыхъ?

Написали и это. Свербѣевъ, между прочимъ, хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1000 руб. серебромъ...

— Бога вы не боитесь, Сысой Иванычъ, — усмѣхнулась Павлова-Трагедія, заглянувъ въ его бумагу: — ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфенка обучался за харчи...

— Ну, такъ сто рублей!—смягчился, глядя на меня, Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ и баста!—отрѣзалъ отецъ Павелъ:—и то широковато.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клѣтку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ, Дарья Адамовна Комедія задвигалась по стулу, собираясь что-то сказать.

— Что вамъ, сударыня?—спросилъ я.

— Я, право, не знаю, какъ тутъ быть!—сказала она:— двѣ ревизіи сряду у меня люди были показаны при сорокапяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, ни клочка...

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ!—бухнулъ Свербѣевъ, подмигивая на остальныхъ.

Число господскаго и крестьянскаго скота, количество земли пахотной, сѣнокосной, лѣсной и выгонной также было записано примѣрно. Всѣ справлялись другъ у друга, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главныя статьи программы были рѣшены.

— Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевыхъ и усадебныхъ участковъ,—сказалъ я:—а также къ настоящему положенію.

Всѣ стали въ духѣ. Бесѣда не умолкала.

Вечеръ лилъ потоки огней и, казалось, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже обѣ Павловы повеселѣли и дружно разговаривали.

— Вы, Сысой Иванычъ, первый назначайте: по чемъ кладете десятину пахотной земли?—спросилъ отецъ Павелъ Свербѣева.

— А по чемъ? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ: вѣдь это на вѣчныя времена отходить.

— Какъ сто?!—Полтораста!!..—отозвался чей-то голосъ, и всѣ за нимъ зашумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

— Меньше двухсотъ нельзя!—до охриплости и съ пѣной

у рта кричала незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ единаго зуба во рту и съ чернымъ зонтикомъ: — нельзя! какъ можно, и того мало... и того... Вѣдь это наше, наше! Да говорятъ же вамъ—наше! Триста... Меньше трехсотъ нельзя!

Она расплакалась.

— Полноте, гдѣ же слыханы такія цѣны,—сказалъ я:— вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правительства...

Всталъ Свербѣевъ.

— Нѣтъ, ужъ па-а-звольте; вотъ, напримѣръ, мой хлыстикъ: онъ стоитъ въ лавкѣ цѣлковый—да купецъ-то можетъ за него просить хоть пятьдесятъ. Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ одинъ разъ и говоритъ: чтò, говоритъ, можно взять за этотъ архалукъ?..

— Ну, пошла коза на базаръ! — возразилъ священникъ.

Всѣ были въ замѣшательствѣ.

Я пустился объяснять, какъ цѣнится земля. Всѣ соглашались со мной. Но цѣну требовали все-таки невозможную. Уже въ сумеркахъ помирились на 75 цѣлковыхъ.

— Засѣданіе закрывается!—сказалъ я, раскланиваясь:— завтра надо будетъ по планамъ опредѣлить величину усадебныхъ участковъ каждаго. Абрамъ Ильичъ займется этимъ съ утра и къ обѣду все кончитъ.

Всѣ встали, удивляясь, какъ это скоро все кончилось.

Всѣ начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ, кто на все время пребыванія нашего въ Сорокопàновкѣ на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣнцеславской, непокидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Всѣ изъявили желаніе провести насъ до ея дома. Мѣсяцъ взошелъ и обливалъ яркимъ свѣтомъ сады и тихія улицы. Соловьи пѣли, прерывая наши толки о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ и обуви и о цѣнности усадебъ. Дарья Адамовна Трагедія распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для повара Терешки, а неграмотный Чубченко-сынъ — о цѣнности башмаковъ и юбокъ отцовскихъ работницъ. Вечеръ закончился катаньемъ по рѣкѣ на лодкѣ отца Павла, причемъ Свербѣевъ не преминулъ заломить фуражку съ кокардой на бекрень и затянуть волжскую пѣсню, а потомъ вклеилъ разсказъ о катаньѣ на лодкѣ по ка-

кой-то рѣкѣ у Шамиля. И когда отецъ Павелъ сказалъ запросто: «врешь, Сысой Ивановичъ, на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» подпоручикъ прибавилъ: «Есть, хотя мы еще до нихъ не доходили!».

Блаженные, тихіе уголки! Свербѣева вообще слушали не безъ любопытства. И никто во всей Сорокопа́новкѣ (не перечь только отецъ Павелъ!) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирилъ и не ссорилъ Австріи съ Франціей и Англіи съ Италіей, какъ Свербѣевъ. Рѣшили на рѣкѣ, что вѣрнѣйшая цифра стоимости годового содержанія дворовыхъ съ души будетъ высшая 40, средняя 20 и низшая 10 руб. сер. въ годъ.

— А какъ вдругъ по сорока цѣлковыхъ велятъ намъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это подпишемъ?—робко спросила Павлова-Комедія.

— Ну, что же, и будете!—сказалъ, усмѣхаясь, Свербѣевъ.

Общество смолкло и погрузилось въ думу.

— Э, господа,—сказалъ подпоручикъ:—совѣтую, пишите больше; а то еще скажутъ, что вы морили людей голодомъ!

Мы распростились съ остальными и ушли въ усадьбу Вѣнцеславской, гдѣ снова улеглись въ знакомой комнаткѣ съ запахомъ инбиря и калгана. Кто-то постучалъ въ окно—я отворилъ его.

— Вы потрудитесь,—сказалъ съ надворья Свербѣевъ:—завтра назначить сходку здѣшнимъ дворовымъ, надо имъ пояснить, чего имъ ждать и кого слушать.

— Такихъ сходокъ въ нашихъ инструкціяхъ не положено,—отвѣчалъ съ кровати Говорковъ.

— Нѣтъ, какъ ужъ хотите, а я ихъ вамъ соберу,—настаивалъ у окна Свербѣевъ:—смотрите же, поговорите. Боньнюи!..—Онъ ушелъ.

Инбирь и калганъ скоро насъ усыпили.

Было совсѣмъ свѣтло, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, противъ свѣта и держа у самаго носа конецъ гусинаго пера, свирѣпо чинилъ его, отхватывая ножомъ огромные куски.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Господи!

— А̀ что̀ такое?

— Да вотъ вамъ-то хорошо, а я съ зари возился, но хоть плюнь...

— Что̀ же именно?

— А то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломаетъ. Обошелъ я, представьте, всю дачу сорокопа̀новскую, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? Спросишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьбы, двора, сада, огорода? А они въ отвѣтъ: «то мое, что̀ видите, да и то, чего не видите и что̀ перешло вонъ туда, это его проклятый отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ мною уже прошеніе подано!» И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзъ въ бокъ другой, садъ этого втемяшился въ огородъ того, а посреди ихъ всѣхъ усѣлся колодецъ или свиной хлѣвъ третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозится жаловаться на Свербѣева и на меня, Павлова-Трагедія даже съ полѣномъ за какимъ-то Никищенкомъ по улицамъ стала бѣгать,—носится съ бумагами и тычетъ мнѣ подъ носъ. Ходятъ толпами, на плетни влѣзаютъ и смотрятъ, что̀ я дѣлаю. А двое подъ рукою объявили напросто, что поколотятъ всякаго, кто ихъ обмѣритъ.

— Ну, и что же вы?

— Приблизительно прикинулъ всякую усадьбу и баста. А тамъ пусть они же сами окончательно опредѣлятъ свои границы.

Мы вышли въ залу. Хозяйка сидѣла за чайнымъ столомъ. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и куцая сорока, и паралична болонка. Не успѣли напиться чаю, какъ явились жареные въ сметанѣ перепела, форшмакъ изъ карася и селедокъ, яичница съ ветчиной и еще что̀-то.

— Однако, пора бы и дальше,—сказалъ Говорковъ, распуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки:—но что-то господа обыватели нейдутъ.

— Да вотъ и они!—сказала хозяйка, глянувъ въ окно.

Вчерашніе наши знакомцы вошли снова и чинно сѣли въ залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать.

— Программы готовы?—спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! потрудитесь внести въ списокъ имена представившихъ.

Свербѣевъ тоскливо взглянулъ на Чубченка. Тотъ повелъ плечами.

— А крестьянъ скоро у насъ выкупятъ?—спросилъ Свербѣевъ.

— Мнѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти...

— Какъ рѣшитъ комитетъ и какъ утвердятъ выше,—прибавилъ Говорковъ.

— Ну, а барщина попрежнему будетъ три дня на крестьянъ и шесть дней въ недѣлю на дворовыхъ?.. Вѣдь у насъ всѣ дворовые,—отнеслась Вѣнцеславская, тоскливо ловя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшитъ губернскій комитетъ...

Младшій Чубченко перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо. Они размахивали руками.

Свербѣевъ долго и упорно чесалъ у себя въ затылкѣ и сопѣлъ, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merci*, за все—за все... мерси-съ... Но позвольте на пару словъ...

Отведя меня въ сосѣднюю комнату, онъ сказалъ: «ничего, ничего», заперъ дверь, опять подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не могъ выговорить ни слова. Руки его дрожали, лицо было въ поту. Глаза смотрѣли въ землю.

— Экуте,—началъ онъ, оглядываясь:—насъ никто не видитъ! Я человѣкъ прямой... Безъ тонкостей... Скажите всю сущую правду, что тамъ съ нами будетъ? Я никому не скажу! а вамъ нужно. Откройте по секрету... Экуте — между честными людьми.

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю... Вѣдь я выборный, вашъ же дворянинъ...

— Ну... экуте!.. полноте—я вамъ...

Свербѣевъ сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука.

— Вотъ... благодарность... помилуйте, между нами... это приношеніе всего нашего общества,—прошепталъ онъ, дрожа и, красный, какъ ракъ, сжимая мои руки.

Я разсмѣялся, отвелъ его руки.

— Или мало?—спросилъ онъ, еще болѣе смѣшавшись.

— Полноте; не стыдно ли вамъ!—сказалъ я, отступая къ двери:—я вашъ же товарищъ! Клянусь вамъ, я ничего болѣе не знаю... Честью вамъ клянусь.

Свербѣевъ быстро сунулъ опять руку въ карманъ, круто

повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, и я видѣлъ, какъ онъ свирѣпо махнулъ головой въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «не поддается, христопродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ отмѣнной сухостью.

— Итакъ, вы ничего намъ болѣе не скажете?—спросила Вѣнцеславская.

— Ничего, къ сожалѣнію...

Подпоручикъ, между тѣмъ, оправясь и, презрительно стукнувъ ногою, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ. Хозяйка хотѣла-было начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ остальнымъ и сказалъ:— «что же, господа! здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать. У! Тончайшій человѣкъ». И онъ, съ судорожнымъ смѣхомъ, развелъ въ мою сторону руками.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣшивалъ усердные поклоны.

— Па-а-звольте, однако!—отозвался опять Свербѣевъ:—у отца Павла, если угодно, во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне и дворовые. Поговорите съ ними. Мы просимъ васъ.

— Право, господа, незачѣмъ... Ну, что же я имъ буду говорить? Не время еще, ничего еще не рѣшено!

Говорковъ кивнулъ мнѣ пальцемъ. Я подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю!—сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте! пойдемте! — сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всѣмъ обществомъ. Вѣнцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что рано еще уѣзжать и что намъ слѣдуетъ остаться отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягли, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Садомъ мы пошли къ усадьбѣ священника. Изъ-за плетня мы увидѣли толпу крестьянъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Священникъ, въ подрясникѣ, ходилъ передъ ними и что-то имъ объяснялъ. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Свербѣевъ, съ иронической улыбкой, косясь на меня, издали помахивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. За ними слѣдовала уже запряженная наша нетечанка.

— Ну,—шепнулъ я Говоркову:—что же ваша рѣчь? Пора ужъ ѣхать!..—Говорковъ обдернулъ фалды своего сюртука,

ступилъ шагъ, кашлянулъ, глянулъ въ землю и, какъ-то странно пискнувши, началъ:

— Что, ребята, вѣрите ли вы мнѣ?

Отвѣта не было.

— Я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы мнѣ и тому, что̀ я скажу? Иначе не сто̀итъ и словъ терять.

Двое изъ передняго ряда крестьянъ усмѣхнулись. Остальная толпа хранила молчаніе. Всѣ, держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Это были бо̀льшею частью дворовые, бобыли бобылей, то-есть батраки мелкопомѣстныхъ. Лица угрюмыя, притупленныя отъ лѣни и праздности. Одежда у всѣхъ была сборная: у иного тулупъ, у другого ополченскій поношенный кафтанъ съ нумерованными пуговицами; у кого бѣлая рубаха, съ гребешкомъ на веревочкѣ, у кого дырявая свитка, или порыжѣлый плисовый жилетъ. Здѣсь же стояла плечистая сердитая баба, въ сапогахъ и въ старомъ кучерскомъ армякѣ.

— Вѣримъ, говори!—робко сказалъ моложавый, широкоплечій парень, въ кожаномъ фартукѣ, нѣчто въ родѣ кузнеца или скорняка:—отчего не повѣрить—на то ты присланъ, ваше благородіе.

— Ну, такъ слушайте же!—сказалъ Говорковъ, усиливая голосъ. Крестьяне сдвинулись тѣснѣе.

— Давно уже, ребята,—продолжалъ Говорковъ:—давно у васъ идутъ толки о вольности. Не такъ ли?

— Еще бы!—послышалось среди дворянъ.

— Ну, такъ знайте же, что господа сами хотятъ вамъ дать вольность. Да надо только подождать... Въ Россіи пятьдесятъ да и съ хвостомъ еще губерній, а въ губерніяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ. Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло получше.

— Ну, а метла на небѣ, звѣзда-то, что по вечерамъ видна, что̀ значитъ?—спросилъ изъ толпы сѣдой, какъ лунь, старикъ. Ему не дали договорить и удержали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ. Его слушали внимательно. Отецъ Павелъ, надѣвъ очки, что̀-то торопливо пріискивалъ въ раскрытомъ на подоконницѣ Евангеліи.

А солнце свѣтило ярко и вмѣстѣ безмятежно. Пѣтухи и другія птицы затихли и будто также внимали неслыханнымъ рѣчамъ Говоркова. Тучка набѣжала на солнце. Прохладная тѣнь надвинулась на луга и на половину села, съ зеленѣю-

щими на берегу и далеко видными усадьбами Павловыхъ. За церковью раздавалось серебристое ржанье жеребенка, искавшаго потерянную имъ, среди огромныхъ сельскихъ пустырей, мать.

Часа черезъ два крестьяне разошлись, молча, не глядя другъ на друга и долго не надѣвая шапокъ. Слова Абрама Ильича ихъ какъ-то озадачили. Парень въ кожаномъ фартукѣ особенно долго не могъ угомониться. Онъ стоялъ на бугрѣ, среди улицы, провожалъ глазами остальныхъ, и мысли его, казалось, были далеко-далеко...

— Что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ думаете? — спросилъ я Говоркова, когда мы выѣхали изъ Сорокопановки.

— Скверно на душѣ! — отвѣтилъ мой спутникъ: — никого, кажется, не обидѣлъ, а что-то такъ неловко, такъ неловко...

1859 г.

ФЕНИЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Школа.

«Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талія и все въ порядкѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ».

Вопросы жизни Пирогова.

— «Гдѣ остановился Ноевъ Ковчегъ.

— «На Арбатѣ...

Сцена на экзаменѣ.

Случилось какъ-то, въ одной изъ южныхъ губерній, губернскому предводителю дворянства заѣхать въ бѣдный выселокъ, на перепутьѣ съ какого-то званаго пира. Пока кучеръ выбивался просёлкомъ напрямикъ, собралась сильная гроза. Небо обложило тучами. Не успѣла карета поровняться съ дверью низенькой мазанки, а довольно тяжелый сановникъ вскочить въ сѣни, какъ дождь хлынулъ и громъ раздался у самыхъ оконъ. Заходила ходенемъ бѣдная мазанка, и захлопотался при видѣ высокаго посѣтителя старикъ-хозяинъ, отставной, или, собственно, уволенный безъ прошенія изъ сосѣдняго суда, протоколистъ Басорскій. — «Ахъ ты, Боже мой, Господи!»—воскликнулъ онъ, мечась безъ толку въ темной каморкѣ. Съ трудомъ напялилъ онъ зеленоватый сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, провелъ ладонью по бородѣ, усѣянной сѣдой щетиной, тяжело вздохнулъ, засте-

гнулся на всѣ пуговицы и съ трепетомъ явился къ его превосходительству.

— Кто тамъ?

— Это я, ваше пре—ство! хозяинъ!

— А! ты откуда?

— Здѣшній, тутъ и родился-съ...

Слуга подъ шинелью пронесъ изъ кареты снадобья для чаю, сигары и французскую книжку. Предводитель усѣлся къ окну. Чтеніе, однако, не шло въ голову. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; ручьи съ ревомъ неслись подъ колесами кареты и ногами свѣсившихъ уши лошадей.

— Васька! Да гдѣ же у тебя глаза-то? — крикнулъ сановникъ въ окно, указывая пальцами.

Сѣдовласый кучеръ Васька молча снялъ попону и укрылъ любимую пристяжную лошадь. Подали чай. Хозяйка стерла со стола.

— Много у васъ земли?

— Десять десятинъ, ваше пр—ство! — грустно отвѣтилъ хозяинъ, ступивъ отъ двери и пощипывая то пуговицу, то назойливые волосы на бородѣ.

— Гм! Есть еще какія-нибудь угодья, заведенія?

— Есть овечки, пара воловъ; траву косимъ, корову держимъ, свиней кормимъ, куръ.

— Что же, это хорошо!

— Гдѣ хорошо, ваше сіятельство! Сбыту вовсе нѣтъ. Городъ далеко, дорога большая тоже, сами изволите знать. Вотъ у нашего засѣдателя, черезъ рѣчку, лѣсу тысяча десятинъ, дубу; цѣны никакой нѣтъ, ну, никакой ровнехонько— такъ и гніетъ. По рѣкѣ бы его хорошо сплавлять. За полтораста верстъ оглобля полтинникъ стоитъ. Такъ и сидимъ; какъ проѣдетъ кто-нибудь, получишь тамъ за сѣно, да за чай. А то и на сапоги, да на юбчёнку женѣ не хватаетъ...

— Какъ же ты, чѣмъ живешь?

— Перебиваемся кое-какъ.

— Да, о лѣсѣ ты, дѣйствительно, вѣрно замѣтилъ; по рѣкѣ его точно хорошо бы сплавлять. Написалъ бы ты, братецъ, проектъ, высшему бы начальству передалъ...

— Не могу, ваше пр—ство; мнѣ запрещено проекты подавать, подписку взяли...

— Отчего?

— По злой судьбѣ, такъ выразиться — оштрафованъ,

якобы въ ябедахъ и въ составленіи кляузныхъ бумагъ замѣшанъ...

Предводитель на это ничего не сказалъ.

Буря, между тѣмъ, угомонилась. Гость напился чаю, закусилъ яичницей, сдѣланной наскоро хозяйкой, толстой апоплексической бабой въ миткалевой юбкѣ и въ платкѣ на головѣ, спросилъ: — прояснилось-ли на дворѣ? — получилъ утвердительный отвѣтъ и велѣлъ подавать лошадей.

— Ну, любезнѣйшій, чѣмъ же мнѣ тебя отблагодарить? — спросилъ гость, вынимая, хотя еще не развязывая, кошелекъ. Хозяинъ въ это время явился съ подносомъ.

— Не откажите наливочки! — сказалъ онъ.

— А, очень радъ! однако, какъ же насчетъ платы-то? что̀ съ меня возьмете за сѣно и за закуску? — все еще улыбаясь и не развязывая кошелька, прибавилъ гость.

Жена глянула на мужа, судорожно запахнулась платкомъ и, кланяясь, отвѣтила:

— Ничего намъ не надо, ваше превосходительство; мы и на чести одной довольны, а о васъ наслышались — о вашей добротѣ!

— О, нѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу. Говорите, говорите, что̀ вамъ надо? не надо ли мѣста? Я все сдѣлаю, все могу! — отвѣтилъ гость, пряча кошелекъ въ карманъ.

У жены при словѣ о мѣстѣ дрогнули руки. Изъ ея памяти еще не выходили тѣ свѣтлые городскіе дни, когда купцы несли къ ней сахаръ, муку, рогожки, рыбу и все. Мысль о попыткѣ получить новое тепленькое мѣстечко пріятною улыбкою расположилась и на лицѣ мужа.

— Если ужъ ваша милость, если на нашу дворянскую бѣдность...

Въ это время предводитель случайно взглянулъ въ окно...

По прояснѣвшему двору, вприпрыжку по лужамъ, бѣжала изъ сосѣдняго мелколѣсья дѣвочка, лѣтъ семи или восьми, въ одной рубашечкѣ, босая и съ лукошкомъ какихъ-то ягодъ. Не замѣтивъ кареты за угломъ, она разлетѣлась и стремглавъ вскочила въ сѣни. Капли сбѣгали съ ея густыхъ, нерасчесанныхъ волосъ и дрожали на полныхъ, изъ-сиза раскраснѣвшихся щекахъ. Глаза внимательно и пугливо остановились на незнакомцѣ.

— Чья это? — спросилъ предводитель.

— Дочка наша; простите, такая глупая, шаловливая! —

отвѣтила мать, дѣлая знаки глазѣвшей на гостя дочери:— ушла за ягодами, пострѣлёнокъ, да и промокла.

— А! Очень рады! Привезите ее ко мнѣ, и я ее пристрою. Ты хочешь, дѣвочка, въ городѣ жить?

Дѣвочка закинула за плечи длинные волосы и молча повела глазами изъ сѣней въ растворенныя на крыльцо двери.

— Ваше пр—ство! вѣкъ будемъ Бога молить!—заговорилъ отецъ.

— Ну-да! ну-да! Вы ее доставьте мнѣ, а тамъ уже я ее пристрою!

Съ этими словами гость сѣлъ въ карету, лошади двинулись. А мужъ и жена долго еще стояли, глядя то на дорогу, то на дочку, и тутъ же положили, что не надо упускать такого благодатнаго случая.

— Вотъ, нечаянно-негаданно,—судили они:—Господь далъ праздникъ; теперь ужъ Феничка наша—отрѣзанный ломоть. Какъ тамъ ни говори, а все же со двора долой, съ рукъ долой, и сами сытѣе будемъ. Промаячитъ тамъ, какъ ни на есть, живучи у большихъ людей. Еще и денегъ припасетъ и насъ прокормитъ. Богатая рука хоть кому помога.

Черезъ мѣсяцъ, Иванъ Григорьевичъ Басорскій, обитатель уединеннаго хутора, запрягъ пару воловъ, одѣлся въ свою чунарку, взялъ кулекъ съ закуской и припасеннымъ кстати на базаръ масломъ, посадилъ съ собою дочку и отвезъ ее въ губернскій городъ. Былъ вечеръ,—лакомка-предводитель воротился съ именинъ отъ губернатора. Жена встрѣтила его еще въ коридорѣ.

— Что это ты, Павелъ Романовичъ, затѣялъ? Какихъ это ты нищихъ вздумалъ брать на прокормленіе?

— Какъ? что?—спросилъ съ нѣжностью мужъ, давно, поправдѣ, забывшій и стоянку на хуторѣ, во время грозы, и свое обѣщаніе.

— Да помилуй, тамъ съ утра въ людской ждетъ тебя какое-то чучело, съ краснымъ носомъ, и такъ странно смотритъ. Онъ привезъ какую-то дѣвочку.

Позвали нежданнаго гостя. Сановникъ, тѣмъ временемъ, соная зубочисткою въ зубахъ, все уже успѣлъ припомнить, и совѣстно ему стало послушаться супруги, которая настаивала, чтобы скорѣе этихъ попрошаекъ прогнали со двора.

— Хорошо, мой любезнѣйшій, хорошо! Ступай себѣ, поѣзжай; твое дѣло рѣшеное. Ступай, я позабочусь о судьбѣ

твоей дочки! — сказалъ предводитель, принимая изъ дрожавшихъ рукъ просителя бумаги о рожденіи и крещеніи дѣвочки.

— Ваше превосходительство, не оставьте!

Иванъ Григорьевичъ не распространялся болѣе потому, что, въ чаяніи разлуки съ дочерью, закатилъ уже порядкомъ за галстукъ въ сосѣднемъ кабачкѣ, и на утро, съ трудомъ помахивая на воловъ, съ предводительскаго двора поѣхалъ обратно на хуторъ.

Дѣвочка приведена къ барынѣ. Въ ситцевомъ платьишкѣ, материнскомъ полинявшемъ платкѣ на головѣ и съ загрязнившимися ножками, она не понравилась генеральшѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Химочка...

— Это что́ такое?—спросила генеральша въ носъ, оправляя одежду замарашки и относясь къ своей наперсницѣ Марѳѣ Кондратьевнѣ, тощей, вдовой и бездѣтной домоправительницѣ изъ вольноотпущенныхъ.

— Это имя у малороссовъ значитъ Афимья, Феничка. Притомъ же, сударыня, какіе теперь дворяне у насъ бѣдные! Стыдно смотрѣть!

Генеральша еще строже взглянула въ лицо дѣвочки.

— Грамотѣ умѣешь?

— Умѣю-съ...

— А руки отчего у тебя выпачканы, а?

Дѣвочка съ напряженнымъ удивленіемъ взглянула себѣ на пальцы, потомъ на блѣдныя, начавшія дрожать, губы предводительши.

— Что же ты не отвѣчаешь? а? Говори же?

— Ахъ, сударыня, да вы посмотрите, вѣдь ужъ это таково заведеніе,—возразила домоправительница:—вѣдь у нея и глаза, какъ у кошки, смотрятъ. Что ты смотришь такъ на барыню? У, звѣрёнокъ...

Домоправительница не кончила. Нервная генеральша глубоко вздохнула, закатила глаза, потребовала капель и, охая, опустилась въ кресло. Къ вечеру дѣвочка была сослана на кухню.

— Я тебя, Павелъ Романовичъ, не понимаю! — сказала предводительша мужу:—ну, какъ быть до того малодушнымъ, безъ характера, до того флюгеромъ, что куда вѣтеръ повѣетъ, туда и ты? Выдумали прежде мыльные пузыри пу-

скать, и ты началъ; потомъ въ столицахъ стали обѣды задавать всякимъ проѣзжимъ артистамъ и знаменитостямъ, и ты туда же. А теперь ударились всѣ на благотворенія, и ты за ними! Да гдѣ же твой характеръ? Это просто смѣшно и жалко!

Мужъ сталъ утѣшать.

— Да помилуй, душа моя; о чемъ твоя забота? Твоей заботы быть тутъ не должно! Пойми меня, и только! Горе въ томъ, говорю я тебѣ въ тысячный разъ, что ты никогда не понимала и не хочешь понять ни моихъ замысловъ, ни моихъ стремленій и идей. (Жена возвела глаза къ небу и, вздохнувъ, сильнѣе прижала стклянку съ эфиромъ къ носу). Нынче вѣкъ такой! Надо отличать себя въ кругу сословія стремленіемъ къ добру. Надо поражать, ярко кидаться въ глаза. Coup d'état, ма-шеръ, во всемъ! На моемъ мѣстѣ отъ меня требуютъ, ждутъ добра...

— Хорошо добро! разводить нищихъ! Лучше бы вы подумали объ уплатѣ вашихъ долговъ, да поменьше въ карты съ дворянами играли!

— Ну, слушай, эту дѣвочку еще можно взять на руки, это еще—дитя природы.

— Смѣшно и глупо, смѣшно, и больше ничего! И съ чѣмъ это сообразно! У самого состояніе на волоскѣ, сынъ въ гвардіи служитъ, дочь — невѣста и почти на выдачѣ, а онъ, какъ Евгеній Сю, по вертепамъ бѣдности ходитъ, да подбираетъ себѣ членовъ въ богадѣльню! Паясничество, и больше ничего!

Въ это время дверь тихо отворилась; съ кошачьей улыбкой, чуть трогаясь ковра, вошла и стала у порога Мареа Кондратьевна.

— Что тебѣ, Мареуша?

— Тамъ, сударыня, эта дѣвочка, которую ихъ милость приказать изволили оставить на кухнѣ, просто на стѣну лѣзетъ: реветъ-ревмя, какъ батракъ какой. Просто удержу нѣтъ, и какъ бы еще чего дурного не сдѣлала!

Барыня выразительно взглянула на мужа.

— Вотъ тебѣ и стремленіе къ добру, и дитя природы! (Домоправительница, постоявъ немного и не замѣчая къ себѣ участія, вышла). — Слушайте, милостивый государь, — сказала, даже вскочивъ на кровать, супруга: — я не желаю, я не хочу, чтобъ эта дрянь тутъ оставалась долѣе; сейчасъ ее вонъ! Слышите ли? сейчасъ!

Мужъ, уже зная насквозь свою жену, тоже не отличавшуюся знатнымъ происхожденіемъ, мало обратилъ вниманія на это ѣдкое восклицаніе.

— Посуди хладнокровно,—сказалъ онъ, потирая лысину:—ее можно отдать въ пансіонъ. Пять лѣтъ она тамъ пробудетъ: двѣсти цѣлковыхъ въ годъ, и того тысяча. Пансіонъ мадамъ Барежъ—очень хорошій пансіонъ!

— Да это курамъ на смѣхъ! У тебя нѣтъ тысячи цѣлковыхъ на карету для дочери, на рояль, а ты бросаешь въ грязь! У тебя сынъ безъ порядочной верховой лошади; долгъ въ опекунскомъ совѣтѣ за два года не заплаченъ!

Мужъ задумался. Наконецъ, нагнулся къ уху жены и шепнулъ ей:

— Ну, что же, душа моя, дѣлать? Срокъ мой исходитъ; скоро новые выборы. Надо, во что бы то ни стало, пустить въ ходъ какое-нибудь благотвореніе въ пользу бѣднѣйшей части сословія! Объ этомъ заговорятъ, и дѣло въ шляпѣ. Судьба этой дѣвочки должна быть устроена, и я ее устрою.

Прошло нѣсколько дней. На таинственныхъ совѣщаніяхъ въ спальнѣ было положено замарашку одѣть и приготовить къ поѣздкѣ. Предводительская дочка, напыщенная и гордая барышня, тронутая слегка оспой, сидѣвшая съ утра за фортепьяно, которое, впрочемъ, какъ-то ей плохо покорялось, и надменно-молчаливо выходившая къ гостямъ, что не мѣшало ея лицу украшаться еще отмѣнно-некрасивыми угорьками на лбу и на носу, взялась за снабженіе ее платьемъ. Изъ старой распашонки, съ обильнымъ запасомъ ругательствъ, передѣланъ мѣшковатый нарядъ, куплены козловые башмаки. Волосы заплетены косами и перевиты бархаткой, въ руки данъ носовой платокъ.

— Ты умѣешь читать? — спрашивала предводительская дочка.

— Умѣю.

— А молитвы знаешь?

— Знаю.

— Кто же тебя училъ читать?

— Горихвостовъ, Петръ Михайловичъ, сосѣдъ нашъ; а папенькѣ все некогда было!

Посадили Феничку въ экипажъ, съ предводительскимъ секретаремъ, и повезли по широкой улицѣ. Дѣло въ томъ, что предводитель, по старому знакомству и новымъ отноше-

ніямъ, былъ друженъ съ директрисой мѣстнаго благороднаго института. Старушка была у него въ долгу за какую-то значительную услугу съ его стороны передъ губернаторомъ и, какъ разсудительная женщина, ждала только случая отблагодарить его. Онъ написалъ къ ней, что высылаетъ на ея заботы, для помѣщенія въ «благодѣтельное для сиротъ учрежденіе», бѣдную дѣвочку-дворянку, дочь «престарѣлаго», «немощнаго» и «заслуженнаго отставного чиновника» его губерніи, дѣвочку, просто чудомъ открытую имъ среди страданій убогой семьи, въ одну изъ его поѣздокъ по службѣ, по бѣднѣйшимъ закоулкамъ края. У директрисы случилась свободная вакансія, и дѣвочка была тутъ же принята и записана въ первый дѣтскій классъ подъ именемъ *Евфиміи Ивановой Басорской*. Новая ученица вошла подъ кровъ опрятнаго, щегольского, красиваго зданія, съ золотою надписью. Утро стало смѣняться вечеромъ, уроки рекреаціями, прогулки репетиціями. Много смѣнилось косыночекъ, износилось чулковъ и передничковъ. Дѣтство уступило мѣсто отрочеству, отрочество юности. Тамъ прибавилась округлость, здѣсь увеличена мѣрка платья, тамъ зашевелились неясныя грёзы. Изъ ребенка незамѣтно стала взрослая дѣвушка...

А между тѣмъ, пока совершилось десять узаконенныхъ лѣтъ, много судебъ прошло и внѣ ея мѣста воспитанія. Предводитель вскорѣ былъ не избранъ, уѣхалъ въ огорченіи въ деревню, гдѣ и скончался отъ удара, среди долговъ, на рукахъ жены и дочери. Его мѣсто увидѣло трехъ новыхъ преемниковъ. О дѣвочкѣ Басорской забыли всѣ. Да мало думали о ней и собственные ея папенька и маменька. Знали они, что куда-то, по милости генерала, въ науку отдана ихъ дочка, а куда именно и въ какую науку, они, грубые люди, даже хорошо и не дознавались. Матушка, здоровенная баба, попрежнему возилась съ утра до поздняго вечера, доила коровъ, варила обѣдать и ужинать, яростно скребла ножемъ бѣлый липовый столъ, чистя хату передъ праздниками, ткала зимой холсты, пряла, откармливала и продавала свиней, по праздникамъ молча съ мужемъ напивалась до омертвѣнія, или отправлялась «повеселиться» къ такой же охотницѣ до хмельного, къ кумѣ-мѣщанкѣ, въ сосѣднюю вольную слободу. Мужъ во всемъ оказывался слабѣе, хотя также, съ грѣхомъ пополамъ, хлопоталъ по хозяйству, ходилъ дома въ простой свитѣ, задавалъ

кормъ воламъ, смотрѣлъ за пасѣкой, моголъ хлѣбъ на мельницѣ, ѣздилъ по разнымъ надобностямъ по сосѣдству, но болѣе шатался по уѣздному городу, стряпая потихоньку желающимъ просьбы и аппеляціи и при этомъ, разумѣется, также усердно служа Бахусу. Когда ему и женѣ сосѣди говорили: «а что, гдѣ же ваша дочка?»—они отвѣчали:—«э! на свѣтѣ не безъ милости добрыхъ людей; выйдетъ изъ науки, намъ же подмога будетъ!»

Между тѣмъ, какъ сказано, прошло десять лѣтъ, и Феничкѣ приходилось покинуть науку. Отца по почтѣ увѣдомили отъ института, что дочь его кончила съ отличіемъ курсъ ученія, и чтобы онъ за нею пріѣхалъ, или, если пожелаетъ, оставилъ бы ее, по уставу заведенія, еще на нѣсколько времени въ пепиньеркахъ при институтѣ. Насилу отыскала бумага за печатью заведенія уѣздъ, волость, глухой хуторъ и въ хуторкѣ, въ бѣдной мазанкѣ, самого Ивана Григорьевича Басорскаго. Старикъ сталъ искать очки. Оказалось, что руки его въ эти десять лѣтъ пріобрѣли еще болѣе дрожанія. Напяливъ на носъ оловянныя очки и вскрывъ пакетъ, онъ прочелъ письмо сначала про себя и потомъ женѣ.

— Вотъ еще что!—говорила мать:—учили, учили, и опять учитъ! Слава тебѣ, Господи, ужъ теперь невѣста; въ Филипповку будетъ восемнадцать лѣтъ! Мнѣ будетъ помощница! Вотъ лѣвая рука, да и нога у меня, тоже лѣвая, совсѣмъ какъ изъ дерева стали. Параличъ, что ли, подбирается! А тутъ нужно подати платить! Гдѣ безъ помощницы обойтись, и не думай этого, и не гадай! Не у насъ, такъ за хорошаго человѣка вамужъ отдадимъ!

Мужъ, не замѣчавшій до этого, чтобы женѣ нужна была помощница, не прекословилъ. Потолковали и съ сосѣдями. На волахъ за барышнею было положено не ѣхать, потому что это совѣстно и на смѣхъ поднимутъ. А когда доходу въ годъ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, за вычетомъ того, что проживешь, то на лошадей не кинешься. Рѣшили Ивану Григорьевичу дойти пѣшкомъ въ «губернію», а тамъ нанять «будку» у жида — и привезти Феничку домой, на покой. Иванъ Григорьевичъ завязалъ въ узелъ платка три цѣлковыхъ на наемъ жида, взялъ мелочи, про запасъ, для выпивки дорогою, перекинулъ черезъ плечо шинель и сапоги и пошелъ въ путь большою дорогой, въ губернію...

Тѣмъ временемъ, Евфимія Ивановна была въ раздумьѣ. Годы воспитанія въ свѣтлой, шумной школѣ мелькнули для нея незамѣтно. Она даже ни разу въ этотъ срокъ не написала домой, и только теперь мысленно стала рѣшать вопросъ, какъ она поѣдетъ домой и какъ встрѣтитъ отца. Изъ маленькой замарашки она стала уже рослою, стройною дѣвушкою, съ полными, бѣлыми плечами, которыя такъ и рвались изъ-подъ зеленаго платья, съ густою каштановою косою и карими глазами. Она уже отлично танцовала; красиво и ловко кланялась; ходила, точно лебедь бѣлая по синю-морю плавала; шнуровалась въ рюмочку; знала она русскую литературу до Пушкина, по руководству Греча. — Писала очень мило по-французски, въ классныхъ упражненіяхъ, на предметы о восходѣ солнца, о трехъ розахъ и о значеніи Шатобріана въ искусствѣ. Декламировала изъ Федры Расина и умѣла дѣлать при публикѣ физическіе опыты надъ электрической машиной и воздушнымъ насосомъ. Отъ подругъ заслужила имя «душечки-Фенички» и «божества», прошла съ ними усердно періодъ поѣданія «грифелей», «мѣлу» и испиванія «уксуса» и, готовясь къ выпускному экзамену, раздѣлила съ ними также усердно человѣчество на «противныхъ штатскихъ» и «обворожительныхъ военныхъ», что не мѣшало, впрочемъ, ей съ ними «обожать» подслѣповатаго и чахоточнаго учителя русской словесности, у котораго блѣдныя ланиты въ классахъ постоянно пламенѣли, и «презирать» учителя математики, сѣденькаго старичка съ подагрой, несмотря на то, что онъ былъ изъ военныхъ. На публичномъ испытаніи Феничка Басорская играла въ четыре руки съ княжной Раисой Вонзковской, изъ сосѣднихъ западныхъ губерній, громкій и ослѣпительный концертъ Тальберга. Потомъ она одна, въ числѣ двухъ другихъ солистокъ, пѣла «Гимнъ» на слова: «Гдѣ вы, гдѣ вы, дни намъ милы?» — сочиненный на случай однимъ городскимъ статскимъ генераломъ, славившимся подписями къ портретамъ разныхъ сановниковъ, и увлекла всѣхъ своимъ густымъ, звонкимъ и широкимъ сопрано. Учитель музыки, худенькій, черненькій человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ, млѣлъ при этомъ отъ удовольствія и, совершенно теряясь, направо и налѣво лепеталъ о ней полузнакомой публикѣ безсвязныя похвалы. Когда пришелъ срокъ, громко прочитали ея имя въ числѣ другихъ дѣвицъ: Евфимія Басорская получила шифръ и похвальную книгу...

Но не это собственно занимало всѣ языки. Горожане и толпы съѣхавшихся къ выпуску родныхъ узнали цѣлое драматическое событіе, эффектная сторона котораго тотчасъ ярко бросилась всѣмъ въ глаза и увлекла всѣхъ. Пронеслась вѣсть, что за этою хорошенькою дѣвицею, которая такъ мило пѣла институтскій гимнъ, престарѣлый отецъ-хуторянинъ, сѣдовласый старецъ, пришелъ за нѣсколько десятковъ верстъ пѣшкомъ. По неизвѣстной причинѣ, у всѣхъ въ умѣ мелькнули тотчасъ образы Эдипа и Антигоны. Когда Иванъ Григорьевичъ, гладко выбрившись въ цирюльнѣ и выпивъ съ колбаской, въ сосѣднемъ кабачкѣ, стаканъ забористаго травнику, вошелъ въ залу, гдѣ происходило еще какое-то послѣднее испытаніе, родъ педагогической бесѣды, изобрѣтенія учителя математики, изъ семинаристовъ, — всѣ глаза и лорнеты обратились на него, на его сѣдую голову, потертый сюртукъ и красный носъ. Дамы стали сильно шушукаться и приходить въ волненіе. Локти и шали задвигались, подъ мѣрные вопросы экзаменатора: «А что приличнѣе въ свѣтѣ гражданину и гражданкѣ?» — «А къ чему насъ долгъ ведетъ, когда мы впадаемъ въ грѣхъ и преступленіе?» — Многія даже перезнакомились тутъ же въ залѣ, безъ чего прежде только холодно оглядывали другъ-друга съ головы до ногъ, или небрежно черезъ плечо. — «Вообразите, моя милая, у этой Басорской, говорятъ, нѣтъ даже теплаго капота, чтобы уѣхать». — «Говорятъ, у ея отца всего десять десятинъ земли и одна корова». — «Жена его сама ѣсть варитъ!» — «Э! это бы еще ничего! Но она, бѣдная, сама этого не знаетъ и не сознаетъ: восьми лѣтъ ее увезли изъ дому. Бѣдная, бѣдная!..» — Изъ этихъ толковъ составилось то, что такъ особенно любятъ составлять барыни. Былъ пожертвованъ теплый капотъ, нѣсколько бѣлья и башмаковъ. Не забыты были и два, довольно ловко сшитыя, хотя и поношенныя платья; одно букмуслиновое, съ перелинкою, а другое гроденаплевое, съ воланами. Жертвованныя вещи сыпались щедро. Нѣкоторыя самолюбивыя дамы даже впослѣдствіи усердно просматривали нумера газетъ, тайно отыскивая, не припечатаютъ ли гдѣ-нибудь ихъ имени за посильныя приношенія на пользу ближнихъ. Замѣшали даже какого-то откупщика, который до того времени сидѣлъ только за счетами и весьма безграмотно подписывалъ свое прозванье, а тутъ счелъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ,

покровителемъ наукъ и художествъ и чуть не философомъ. Онъ пожертвовалъ кушъ въ пятьдесятъ рублей серебромъ, на каковую сумму тутъ же, по совѣту учителя русской словесности, было куплено много книгъ, между прочимъ, изданіе сочиненій Жуковскаго и Муравьева «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ», и совершена подписка на три литературныхъ, два музыкальныхъ и одинъ дамскій рабочій журналъ. Книги и билеты на журналы поднесены госпожѣ Басорской, въ особой коробкѣ, раздушенной и разрисованной, вмѣстѣ съ другими подарками, одною изъ выходящихъ дѣвицъ, причемъ нѣкоторыя изъ дамъ, въ слезахъ и чуть не умирая отъ жалости, почти вслухъ восклицали при Феничкѣ:

«Только осторожнѣе, осторожнѣе, ме-дамъ; чтобъ не обидѣть ее, ахъ, чтобъ не обидѣть ее подарками! Она дѣвушка съ чувствомъ!»

Феничка приняла всѣ подарки съ граціозною улыбкою и съ какимъ-то особенно праздничнымъ чувствомъ радости, перецѣловавъ плечи у дарительницъ и увлекши въ сотый разъ всѣхъ своею миловидностью, застѣнчивостью, румянцемъ, полнотою щекъ и молодого стана. Надавали подруги Феничкѣ и она имъ клятвъ въ «вѣрности и дружбѣ до гроба», обѣщали другъ другу писать обо всемъ—обо всемъ, и часто-часто—причемъ княжна Раиса Вонзковская даже проколола себѣ палецъ и кровью написала ей на лоскуткѣ бумаги: «въ бѣдѣ и въ горѣ доставь мнѣ случай тебѣ помочь, и я все отдамъ, все сдѣлаю, чтобъ быть тебѣ полезной!» Взяла Феничка съ собою на дорогу неоконченную работу Мери Кахновичъ broderie anglaise, запаслась какимъ-то особенно неистовымъ, переданнымъ ей одною изъ подругъ, романомъ Поля Феваля, и поѣхала съ такою мыслью: «бѣдность— вещь нехорошая и довольно, какъ говорятъ, противная; но я постараюсь озолотить дни и часы старыхъ родителей, и подъ шалашомъ водворить рай! О, да, постараюсь!..» И, раскрывъ дорогою, въ трясучей и темноватой будкѣ жида, книжки, она переложила на новую страницу вышитую тамбуромъ закладочку, оправила платье и взглянула на отца. Отецъ молча сидѣлъ въ углу будки и, уткнувъ носъ въ воротникъ, смутно глядѣлъ изъ-подъ полости окна на дорогу.

Что ему думалось въ эту пору? При первомъ свиданіи съ

дочерью, когда вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи лампъ, его ввели по длинному ковру въ залу, ему показалось, что передъ нимъ очутилась если не сама сказочная богиня, то, по крайней мѣрѣ, царица-фея. Такъ показалась ему нарядна и представительна его собственная дочка, его Феничка. Онъ даже чуть-было не приложился къ ручкѣ, чуть невольно не попросилъ извиненія, точно былъ виноватъ чѣмъ-нибудь, и потомъ пристально-пристально посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, скрипя табакеркой и собираясь сказать ей особенно что-нибудь милое. Но ничего не сказалось; тщетно онъ искалъ въ чертахъ смущенной, съ своей стороны, и миловидной дѣвушки черты былой Фенички. А другія дѣвицы, княжны и помѣщицы, генеральскія и асессорскія дочки, о которыхъ ему разсказывалъ до прибытія его дочери словоохотливый сосѣдъ по мѣсту въ залѣ, ходили мимо и посылали Феничкѣ то улыбки, то особые знаки любви, дружбы и равенства. Ликовалъ втайнѣ Иванъ Григорьевичъ: «поди съ нашею Химкою! вонъ она съ кѣмъ за панибрата».

Съ этими чувствами онъ и въ дорогу выѣхалъ. Да уже въ дорогѣ немало призадумался, сожалѣя, что безъ парада, въ простой жидовской будкѣ пустился, и что было бы лучше какъ-нибудь купить дрожки, или коляску и лошадей бы купить, одѣть дочку во всѣ одежды, какія только подарены, и провезти такъ по уѣзду—знай-де, любуйтеся такою писанною красавицею!

Не то ожидало ее дома.

Пріѣхали они въ праздникъ, послѣ обѣда перекусивъ и переодѣвшись по близости, въ корчмѣ, неравно дома гости есть. Перышкомъ вспрыгнула Феничка изъ будки, оправила платье, достала шелковый красный платокъ, припасенный подарокъ для матери, и быстро вошла въ сѣни.

— Нѣтъ, дочка, постой, не ходи: мать спитъ послѣ обѣда; какъ бы не разсердилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу маменьку видѣть, маменьку!..

И она вошла въ темную комнату, гдѣ съ закрытыми ставнями отъ мухъ покоилась старуха. Дочь наклонилась къ морщинистой, запекшейся щекѣ ея и не рукой, а тѣмъ же нѣжнымъ поцѣлуемъ разбудила мать. Отецъ не безъ основанія удерживалъ дочь: отъ матушки несло водкой. Какъ уже сказано, былъ праздникъ и послѣобѣденное время. Мать раскрыла мутные посоловѣлые глаза и долго не могла придти

въ себя; наконецъ, утерла ротъ, встала, оправила на головѣ платокъ и сказала:

— А! это ты, Химко! Хорошо, что ты пріѣхала, только плохо, что мать такъ ни за что разбудила. Впередъ того не дѣлай! Видно, что этому не учили тамъ, гдѣ ты была!

Дочь была озадачена.

— Ну,—начала ласковѣе матушка:—дай же, я подивлюсь на тебя, какая ты стала!

Окна растворили. Старуха сперва пристально осмотрѣла на всѣ стороны подаренный платокъ, потомъ дочку, напилась потомъ воды, перебрала и перещупала всѣ дочкины наряды и книги, бѣлье и разныя бездѣлушки. Наконецъ она задумалась, вышла на крыльцо, сѣла, сложила руки, зѣвнула, перекрестила ротъ и сказала:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла чай пить и теперь хочешь?

— Нѣтъ, маменька, не хочется; если вы выпьете, такъ и я.

— Э! дура же ты, коли это говоришь. Нѣтъ у насъ чаю для себя и въ заводѣ, и не за чтò пить, а держимъ только для пріѣзжихъ!

Дочь потупилась и смолчала. Немного погодя опять зѣвнувъ, мать взглянула на дочку мимо мужа, стоявшаго молча у двери, и спросила:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла въ нарядѣ ходить и чтобъ за тобою глядѣли, чулочки да башмачки тебѣ подавали?—Дочь уже ничего не говорила.—То-то же, дура ты будешь, коли это и помыслишь! Нѣтъ на то у насъ прибытку, а сами все дѣлаемъ, дѣлай и ты!

Сердце Фенички задрожало; она кинулась къ матери на шею и со слезами стала увѣрять, что она ее любитъ, будетъ любить вѣчно и папеньку и раздѣлитъ съ ними труды и подъ убогой крышей.

— Убогая? Нѣтъ!—перебила мать:—и глупо ты говоришь! Чѣмъ же она убогая? Батько твой только въ прошломъ году ее и перекрылъ; самъ и солому возилъ!

Вечеромъ она вышла за ограду хутора. «Вотъ то поле, гдѣ я за гусятами гонялась, вотъ мельница, подъ которою я въ камушки играла, вотъ лѣсокъ, откуда я тогда, въ дождь и бурю, бѣжала съ лукошкомъ». Размечталась Феничка. Не сознавала она въ ту пору еще ясно ни того, что у нихъ нѣтъ ни работника, ни работницы, ни того,

что на десять верстъ кругомъ нѣтъ у нихъ ни одной живой и истинно-человѣческой души. А мѣстечко и вечеръ были обворожительны, закатъ солнца золотилъ и обливалъ тонкимъ румянцемъ верхи пирамидальныхъ тополей, края облаковъ и груды дальнихъ косогоровъ. Воробьи шумными стадами перелетали съ вербы на плетень и съ плетня на огородъ. Неоглядная степь застлалась вечернею мглою. Надъ крышею хаты поднимался тонкою струйкою голубоватый дымокъ. А за нимъ былъ садъ, а за садомъ дорога, городъ, заведеніе, подруги, княжна, выпускъ, обѣщанія, клятвы, надежды...

— Вотъ и видно сейчасъ бѣлоручку! — произнесла мать, выйдя на порогъ хаты, съ засученными рукавами, подоткнутою юбкой и съ ухватомъ: — другая бы скинула ситчикъ и все, что понаряднѣе, да матери бы помогла, да коровку бы сдоила, а она глазѣетъ по верхамъ!

Евфимія Ивановна, еще въ первомъ пылу неопытной энергіи, на другой же день сбросила платье, надѣла какую-то старенькую накидку, вышла на крыльцо, боязливо оглянулась во всѣ стороны, взяла ведро, нашла мать, попросила ее показать, какъ доятъ коровъ, и, несмотря на страхъ, наводимый на нее жирною рогатою коровой, глотая слезы, усѣлась доить... Но это были только цвѣтки. Мать отобрала у нея деньги, какія были, отобрала всѣ платья и повела съ мужемъ рѣчь, что хорошо бы ему отвезти эти платья въ уѣздъ и запродать ихъ исправницкой племянницѣ, а Феничкѣ другого, попроще, накупить, — все выгода будетъ, а ей же не въ шелкахъ да кисеяхъ ходить. Сказано и сдѣлано. Батюшка съ матушкой заперлись и подѣлили между собою привезенныя деньги. На столъ же Феничкѣ были брошены два куска московскаго линючаго ситцу, по двугривенному аршинъ, и было предложено самой пошить себѣ платья: да поскорѣй; «неравно женихи почуютъ и наѣдутъ!», а на тѣ деньги, сказано, наймется степь у балтинскаго винокура и прикупятся два десятка овецъ. И дѣло! Съ тѣмъ же дѣтскимъ рвеніемъ принималась горячо за иглу Феничка и въ три недѣли, между топкою печи, крошеніемъ лука, капусты и бураковъ, доеніемъ смурой коровы, поступившей исключительно подъ ея попеченіе, и ухаживаніемъ за отцомъ, который почти ежемѣсячно страдалъ послѣ запоя сильными приливами къ груди и удушьемъ,

сшила себѣ, по образцу оставшагося завѣтнаго зеленаго платья дешевенькое платье и нѣсколько передниковъ. Въ это время она порывалась нѣсколько разъ писать къ подругамъ, особенно къ одной мечтательной, съ золотыми кудрями, генеральской дочкѣ, Мери Кахновичъ, съ которою была очень дружна. Но некому было отвезти письма на почту, и она отложила письмо до другого времени.

Отецъ оправился. Наступилъ какой-то праздникъ. Съѣхались на хуторъ сосѣди, частію, чтобы навѣстить выздоровѣвшаго сосѣда, а частію, какъ надо было ожидать, чтобы посмотрѣть сосѣдскую дочку. И всѣ женихи, хотя немолодые, незнатные и некрасивые, а женихи въ околоткѣ хорошіе. Отставной юнкеръ Перепелица, вдовый винокуръ и заика Тюрюковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, съ разстроеннымъ желудкомъ, охотникъ до псовой травли, и самъ г. Горихвостовъ, когда-то бывшій въ университетѣ, когда-то учившій Феничку грамотѣ, а теперь совершенный пьяница и больше ничего. Этотъ бѣдственный «пропоица» Горихвостовъ, бывшій еще въ памяти всѣхъ ухарскимъ молодцомъ, ходившій и говорившій, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «съ кондачка», теперь, отъ запоя въ одиночку, впадалъ уже въ деліріумъ-тременсъ и представлялъ совершенную развалину. Онъ уже почти не отрезвлялся, хотя рѣдко терялъ самосознаніе и даже присутствіе какого-то особаго остроумія. Въ часы здоровья онъ ѣздилъ верхомъ на заѣзжихъ съ товарами жидахъ, стрѣлялъ въ нихъ, посредствомъ дворовыхъ людей, залпомъ изъ ружей, холостыми зарядами, обматывалъ ихъ, съ лошадьми и телѣгами, соломой и послѣ зажигалъ эту солому издали ракетами; запаивалъ всякаго, кто къ нему ни являлся изъ новичковъ, и съ тысячами другихъ проказъ слылъ притчею околотка. Послали-было къ нему года четыре назадъ, въ ту пору, когда онъ еще книги читалъ и ѣздилъ кое-куда, и говорилъ мѣтко и ядовито, и на человѣка походилъ, послали-было къ нему увѣщевать его заслуженнаго и уважаемаго всѣми помѣщика, знавшаго его еще ребенкомъ. Помѣщикъ, строгій и трезвый съ юношества, явился къ нему, не вѣря еще въ его порокъ. Войдя въ домъ Горихвостова, онъ засталъ странную картину: самъ хозяинъ полу-раздѣтый сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ на столѣ была дере-

вянная баклага съ водкой, а въ углу на стулѣ полулежала растрепанная Ѳеська, его экономка, тоже пьяная и въ слезахъ. При видѣ посѣтителя, хозяинъ всталъ и потерялся. Дѣтство, молодость, жизнь, университетъ, профессоры, товарищи, погубленная будущность — все передъ нимъ въ мгновеніе мелькнуло. Онъ жалко улыбнулся и, запахиваясь, долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ, сказалъ:

— Вотъ это, Акимъ Савельичъ, водка, а вотъ это — Ѳеська, а я пьянъ!

Ничто не помогло, и напрасенъ былъ заѣздъ увѣщевателя. Судьба Горихвостова окончательно была рѣшена: онъ гибъ, какъ многіе гибнутъ въ глуши деревень, жертвою праздности, лѣни и бездѣйствія ихъ окружающихъ.

Таковы-то были гости Ивана Григорьевича, завертывавшіе иногда изъ своихъ темныхъ и глухихъ норъ, изрѣдка раздѣлить съ нимъ и съ его сожительницей удовольствія питій и брашенъ. Нечего говорить, что всѣ они могли питать и дѣйствительно питали въ сердцѣ надежду поискать и получить въ обладаніе руки новоприбывшей красавицы Евфиміи Ивановны. Съѣхались они.

— Сударыня, позвольте! — отрапортовалъ первый изъ нихъ, юнкеръ Перепелица, злодѣйски подергивая усы и козыремъ подходя къ ручкѣ Евфиміи Ивановны.

— И—и мнѣ по-о-озвольте!—заикаясь, загудѣлъ толстый винокуръ Тюрюковъ, храпя и выставляя увѣсистый животъ.

Мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, робкій по болѣзни и застѣнчивый съ женщинами смолоду, не сходя съ мѣста, только отвѣсилъ издали поклонъ. А Горихвостовъ, въ качествѣ перваго учителя Фенички, рѣшилъ доставить себѣ другое, болѣе дружеское привѣтствіе. Онъ на порогѣ еще разставилъ руки и сказалъ:

— Моя первая и моя послѣдняя ученица! Краса нашего края, роза долинъ и медъ утесовъ! сюда!—и протянулся къ ней съ объятіями. Феничка, перепуганная видомъ сальнаго сюртука и небритой бороды, попятилась-было назадъ и, жалобно присѣдая, поспѣшила уклониться къ притолкѣ двери, но Горихвостовъ не угомонился.

— Э-хе, нѣтъ, нѣ-ѣ-ѣтъ?? — заговорилъ онъ, — и прочіе гости поддерживали его знаками согласія: — такъ съ старыми дядьками не здороваются!

Феничка все еще медлила.

— Эхъ! дура жъ ты, дура,—подхватила мать и плюнула:—коли Петро Михайловичъ цѣлуется, то и цѣлуйся, съ такими можно; онъ нашъ! И хуторъ у него, дочка, хорошій, и всего вдоволь; и уже я къ вамъ заберуся, Петро Михайловичъ, и отвоюю у васъ на заводъ бычка! Дадите, Петро Михайловичъ, бычка на заводъ, изъ-подъ вашего смураго быка?

— Дамъ! не дать маменькѣ!—злодѣйски замѣтилъ Горихвостовъ и, разгладивъ усы, въ два пріема въ засосъ поцѣловалъ раскраснѣвшуюся Феничку. Хозяева засуетились съ обѣдомъ.

А за обѣдомъ господа гости показали, какого они поля ягоды. Съѣли борщъ; съѣли жаренаго поросенка. Выпили передъ борщемъ по первой, выпили послѣ поросенка по второй и третьей. Гости были крѣпче, а хозяинъ свернулся первый. Былъ онъ добръ и кротокъ отъ рожденія, у жены находился подъ башмакомъ, а хмельное дѣлало изъ него звѣря. Какъ напьется, и пойдетъ буянить, и все хочетъ показать, что онъ—первый въ домѣ и во всѣхъ дѣлахъ. Такъ случилось и тутъ. До этого дня онъ на дочку смотрѣлъ жалостливо и нѣжно и сбавлялъ ей работы у матери. А тутъ вдругъ показалось ему, что она брезгаетъ родителями, да и гостями. Хозяйка и дочь прислуживали.

— Не люблю я этихъ чортовыхъ бѣлоручекъ!—гаркнулъ неожиданно зловѣщимъ голосомъ Иванъ Григорьевичъ, смотря на дочку и покачиваясь.

— И я не люблю!—И я!—подхватили гости

— А еще больше я не люблю,—продолжалъ хозяинъ, свирѣпѣя:—когда бабы забираютъ верхъ! Бабы! знай свое мѣсто, и баста!—и онъ ударилъ кулакомъ по столу, причемъ загремѣла посуда и у самой старухи-жены дрогнули руки. Феничка взглянула на отца и окаменѣла; она впервые почувствовала въ этой обстановкѣ приливъ какого-то необъяснимаго отчаянія и ужаса.

Басорскій опять ударилъ кулакомъ по столу и на этотъ разъ еще швырнулъ о-земь миску.

— Слышь! дочка! подноси гостямъ и мнѣ водку!

Феничка, облокотясь о печку, стояла неподвижная и блѣдная, чуть дыша и не слыша словъ отца.

— Химко!—крикнулъ отецъ:—да развѣ ты ужъ не слышишь? Служи по гробъ твоей жизни! пас...—И онъ под-

нялся съ лавки, направляясь къ печкѣ и не слыша ногъ подъ собою. Горихвостовъ остановилъ его и разомъ усадилъ.

— Иванъ Григорьевичъ, не буянь; угомонись и не безпокой дочки; онѣ барышня деликатная, очень деликатная и не снесетъ позора! Чему васъ, барышня, учили, скажите? Учили васъ: «Печально я гляжу на наше поколѣнье?..» Феничка отвѣтила кое-какъ, шумъ увеличивался.

Подали водки. По слову отца, мать передала дочкѣ подносикъ, и та пошла разносить «очищенную». Потомъ по требованію гостей и отца, она дрожащимъ голосомъ, безъ аккомпанимента, спѣла какой-то романсъ, протанцовала тотъ танецъ, которому тамъ въ заведеніи ее учили. И когда всѣ уже лежали по лавкамъ, она вырвалась изъ хаты, безсознательно взобралась сперва по лѣстницѣ на чердакъ, потомъ, при взрывѣ хохота пирующихъ, пугливо сползла оттуда, удерживая платье, прошла дворъ, огородъ, и въ невыразимомъ страхѣ, блѣдная и трепещущая, забилась на сѣнникъ, ежеминутно ожидая кого-нибудь изъ приходящихъ въ себя посѣтителей.

«Въ жизнь мою,—говорила она впослѣдствіи: — я не воображала, чтобъ могла перенести такія муки и страданія, какія перенесла въ ту ночь, когда пробуждавшіеся собесѣдники до самой зари то начинали снова пить, то пѣли пѣсни, то выходили съ фонаремъ и свѣчами изъ хаты, лазили на чердакъ, шарили по двору, кричали пѣтухами и кликали меня среди ночной тишины».

Богъ вѣсть, оттого ли, что замѣтили отсутствіе дочки при гостяхъ, по другой ли причинѣ, только отношенія къ ней семьи выказались вскорѣ. Отецъ, проспавшись, также сталъ къ ней безразличенъ и болѣе сухъ, нежели строгъ. Но мать просто ее возненавидѣла. Миски, ложки въ мытье уже не подавались ей, а прямо швырялись. Слова «бѣлоручка», «барышня», «недотрога» и «гордячка» не сходили у злобной бабы съ языка. Съ утра до поздней ночи она, какъ говорится, уже просто грызла свою дочку. Стоило Феничкѣ задуматься о чемъ-нибудь, она сейчасъ зашипитъ: «ну, о чемъ задумалась? все о городскихъ женихахъ?.. Какъ же, жди ихъ! Такъ и кинутся на дрянь!» — Стоило дочкѣ съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ, выйдя на порогъ, проговорить, хотя бы это былъ мѣщанинъ, мать сей-

часъ опять: «вонъ она, вонъ. Хорошихъ минуетъ, а съ побродягами нюхается! Что же? Мнѣ за тебя топиться въ рѣчкѣ, что ли, какъ пойдетъ про тебя худая молва?»

Сначала дочка плакала, потомъ привыкла; тяжела была ея жизнь. Изъ скупости и загаенной злости на дочку, мать не брала работницы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ уѣзднаго города ѣхалъ какъ-то на хуторъ Басорскаго уѣздный лѣкарь, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-восьми. Давно уже ходили по околотку слухи о тяжеломъ положеніи дочери въ семьѣ Басорскаго. Теперь лѣкарь ѣхалъ потому, что, какъ его увѣдомили, «панночка Химка» ходила на рѣку, въ прорубь, за водой, да надѣла башмаки на босу ногу, простудилась и уже третій день лежитъ въ огнѣ и бредитъ.

Лѣкарь засталъ ее въ горячкѣ. Прогналъ отъ нея всякихъ бабъ и знахарокъ, шептавшихъ надъ нею съ утра, какъ надъ покойницей, употребилъ всѣ средства, искусствомъ и удачей произвелъ переломъ въ болѣзни, объявилъ, что она спасена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раструбилъ по всей окрестности и въ городѣ о ея дивной красотѣ и вполнѣ безпомощномъ, среди семейства, положеніи. Слова его не пропали даромъ.

О дочкѣ Басорскаго заговорили. Но больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ о ней лѣкарь.

— Это, вы не повѣрите... это сущій перлъ, перлъ! — говорилъ онъ:—вообразите! въ сильнѣйшей бѣдности, въ нищенствѣ, и что же бы вы думали? Красавица, сущая красавица, какихъ свѣтъ не создавалъ! Я не взялъ за ея лѣченіе ни одной копейки денегъ! Ну, да этого ли одного она стоитъ!

Дамы ахали, пищали, передавали по двадцати разъ иначе всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ вѣсть о «перлѣ», найденномъ въ грязи ихъ «мизернаго уѣзда», и занялись снова, какъ и губернскія дамы, отрадною для самолюбія мыслью-выниманія «того перла изъ грязи».

Молодой лѣкарь, за красоту бакенбардъ и орлиный носъ носившій въ ихъ сокровенныхъ бесѣдахъ имя Сашки, выигралъ при этомъ въ общемъ мнѣніи на сто процентовъ. «Какъ! ѣздить въ стужу и метель за столько верстъ въ глушь, на хуторъ, вылѣчить, можно сказать, чудомъ, и ничего не взять! это непостижимо; это—ангелъ-благодѣтель,

изрѣдка только посѣщающій міръ и въ рѣдкіе случаи прикрывающій его крыломъ снисхожденія и безкорыстія».

II

«Благодѣяніе у насъ — это по-моему что-то среднее между ханжествомъ и отъявленнымъ взяточничествомъ, одна изъ ступеней, черезъ которыя идутъ къ хорошей карьерѣ».

Изъ одной передовой статьи.

Былъ вечеръ. Феничка значительно оправилась, но еще блѣдная и слабая, въ хорошенькой блузѣ, сшитой собственными руками, лежала въ своей комнаткѣ на кроваткѣ, полузавѣшанной старымъ ситцевымъ пологомъ. Свѣчка горѣла на притолкѣ высокой печи, освѣщая уголъ кровати, подушки, сундукъ, прикрытый коврикомъ, и вещицы Фенички на столѣ и на окнѣ: банки съ помадой и духами, гребенки, ножницы, рабочій ящичекъ, сочиненія Жуковскаго и Муравьева и нѣсколько туалетныхъ бездѣлушекъ, память школьнаго времени, пощаженныхъ еще матерью и отцомъ. Феничка полулежала, окутавъ ноги одѣяломъ и опершись спиной о груду подушекъ. Распахнувъ ленты бѣлаго, хорошенькаго чепчика на головѣ, она опустила усталую руку и смотрѣла на дверь. Дверь отворилась. Вошелъ лѣкарь.

— Что, Яковъ Антоновичъ, гдѣ вы были?

— У вашего батюшки; спорилъ все и убѣждалъ его.

— Въ чемъ это?

— Да все въ томъ же. Ну, съ чѣмъ это сообразно! Развѣ вы на то созданы, чтобъ на босу ногу ходить, да простужаться? Сгоряча-то вы и не то сдѣлать можете; да что же изъ того! Вѣдь найметесь вы, поступите съ вашимъ обученіемъ куда-нибудь, такъ и вы сами будете спокойны, и работницу наймете домой. Эка уважительная причина: мыть кадки, обѣдъ стряпать, коровъ доить! Да на это нужно какую-нибудь Матрену въ пятнадцать пудовъ вѣсомъ, а не васъ!..

— Я думала лично присмотрѣть за стариками.

Лѣкарь засмѣялся.

Феничка повернулась въ подушкахъ и вздохнула.

— Яковъ Антоновичъ!

— Что-съ?

— Вы давно въ городѣ были?

— Вчера.

— Ну, какъ тамъ? очень весело?

— Извѣстное дѣло: святки, отплясываютъ, катаются, обѣды задаютъ, влюбляются...

— А вы влюблены?

— Я-то?

Феничка кивнула ему головой и, улыбнувшись, стала съ подушки пристально смотрѣть на него. Лѣкарь поправилъ золотыя очки, тревожно оглянулся по комнатѣ и, припавъ къ кровати, полушопотомъ произнесъ:

— Я васъ давно люблю, крѣпко люблю... А ты меня, Феня, любишь?

Евфимія Ивановна на это неожиданное признаніе сперва-было откинулась къ стѣнѣ. Но лѣкарь очень ловко схватилъ ее за руку. Какъ видно, онъ въ этомъ былъ уже довольно опытенъ.

— Скажите же мнѣ... Скажи мнѣ, ты меня любишь?

И онъ опять поправилъ золотыя очки.

Оттого ли, что Феничка въ свою болѣзнь успѣла его оцѣнить и полюбить, оттого ли просто, что, благодаря замкнутости и непрактичности своего воспитанія, она составила въ головѣ самыя дикія, неестественныя и отвлеченно-туманныя понятія о человѣкѣ и о любви, и теперь, какъ это случается сплошь да рядомъ, кинулась съ своею любовью и невинностью къ первому попавшемуся мужчинѣ,—только прошло нѣсколько дней, и Феничка уже отвѣчала пожатіемъ на пожатіе руки лѣкаря, и уста ихъ, какъ говорилось въ романахъ г. Воскресенскаго, наконецъ, слились въ безконечный поцѣлуй...

Нечего прибавлять при этомъ, что матушка въ означенное время лежала безъ ногъ, а батюшка былъ въ отсутствіи. Лѣкарь очень поздно, почти на зарѣ, уѣхалъ съ хутора въ городъ.

— Да вы, мамочка, да ты, душка, скажи мнѣ,—говорилъ онъ, сладко разставаясь съ больною:—скажи мнѣ по-правдѣ: хочешь, я устрою твою судьбу и вовѣки тебя не оставлю?

Феничка въ томленьи смотрѣла на него и не медлила отвѣтить:

— Яковъ Антоновичъ! Отнынѣ судьба моя въ вашихъ рукахъ. Что вы мнѣ скажете, то я и сдѣлаю; убѣжимъ хоть на край свѣта!

— Ну, на край свѣта нечего бѣжать. А вотъ что! Есть у меня одна пріятельница, дамочка, тутъ верстахъ въ семнадцати живетъ. Я не то, что у нея домашній врачъ, хотя прежде ее и лѣчилъ, а она, собственно, въ меня влюблена; ну, я попрежнему къ ней изъ жалости и ѣзжу. У нея два мальчишки сына, одному семь, а другому восемь лѣтъ, и она ищетъ гувернантки. Домъ отличный, и она сама—божество доброты и любезности. Хотите... хочешь, я тебя туда пристрою? цѣлковыхъ триста въ годъ дастъ, и къ тому же платье и все готовое!

Феничка вздохнула.

— Ахъ, Яша, я одного боюсь: ты меня тамъ при ней ужъ не будешь такъ любить!

— Какъ можно! Тамъ-то и легко, тамъ-то мы и будемъ видѣться. У нея дремучій садъ... Я къ ней постоянно по пятницамъ и по понедѣльникамъ ѣзжу, подъ предлогомъ золотухи у старшаго сына. А цѣлковыхъ триста навѣрное дастъ. Я ужъ устрою.

Условія приняты. Старикъ и старуха Басорскіе были уговорены, со слезами и причитаньями отпустили дочку, говоря, что хоть и жалко имъ такъ остаться на дряхлости безъ опоры, и она уже дѣвка на выдачѣ, и женихъ есть, ну, да Богъ съ ней, пусть идетъ въ добрые люди хлѣбъ добывать, авось и ихъ не забудетъ. При переѣздѣ дочки къ госпожѣ Черпаковской, батюшка съ матушкой не забыли, однако, взять впередъ деньги за полгода и конфисковали еще часть ея бѣлья, кое-что изъ новаго платья и шубку, ссылаясь на то, что коли барыня добрая, то и нашьетъ ей всего этого.

Барыня, дѣйствительно, была добра. Приняла она Феничку по первому слову доктора. Увидя ее, тревожно оглянула ее съ ногъ до головы и, тутъ же посмотрѣвъ на себя и на свои красы въ зеркало, успокоилась и сказала съ улыбкой:

— Очень рада, моя милая; только какъ вы худы и блѣдны!

Въ этомъ замѣчаніи слышалась невольная радость. Яковъ Антоновичъ, какъ увѣрялъ ее не разъ, любилъ полныхъ и аппетитныхъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія и разспросовъ о родителяхъ, Лукерья Романовна Черпаковская, имѣвшая красное въ пятнахъ лицо, какъ у голландскаго матроса, и сѣдоватые усы на верхней губѣ, встала съ дивана, отряхнулась, сказала:—«а вотъ мы теперь и за урокъ!»—и поплыла въ волнахъ юбокъ въ отведенную гувернанткѣ комнату.

Мальчишки были представлены гувернанткѣ съ книгами, очиненными карандашами, перьями за ухомъ и перепачканными пальцами и куртками. Феничка, затянутая въ бѣлое кисейное платье, сшитое тайкомъ отъ матери на часть задатка помѣщицы, сѣла, облокотила о столъ блѣдныя, еще худощавыя руки и съ тревожнымъ біеніемъ сердца, чуть шевеля губами, начала урокъ. Старшій, золотушный Миша, предсталъ первый.

— Вы заповѣди учили?

— Учили; и еще дальше, еще *Вѣрую*.

— Ну, какая пятая заповѣдь?

Ученикъ запнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этой не училъ, а училъ только вотъ до сихъ поръ! — И онъ ткнулъ грязнымъ пальцемъ въ перепачканную и чуть живую страницу.

— Да, они только до сихъ поръ учили!—замѣтила мать, слѣдившая первый урокъ съ тревожнымъ любопытствомъ.

Выступилъ Коля съ голубыми глазами на выкатъ, какъ два стеклянныхъ яйца. Этотъ уже просто оказался способнымъ болѣе ковырять въ носу и глядѣть по сторонамъ, чѣмъ слышать и понимать что̀ бы то ни-было въ урокѣ. Онъ тутъ же устремилъ все свое вниманіе на муху, ожившую гдѣ-то за печью и начавшую перелетать то на плечо учительницы, то на гребень въ ея волосахъ, то на песочницу и изрѣзанную книжку географіи. Три раза гувернантка спросила, сколько дважды три, и потомъ, какой главный городъ въ Россіи. Мальчикъ почесался за спиной, переступилъ съ ноги на ногу, и вдругъ носъ его началъ безъ видимой причины сопѣть.

— Ахъ, чуть ли и у него не золотуха!—сказала съ нѣжностью мать и заставила его высморкаться въ собственный свой платокъ, поцѣловала его и ушла, сказавъ учительницѣ:—душенька, вы его берегите и поменьше мучьте уроками; онъ мнѣ напоминаетъ своего отца!—Послѣднія слова сказаны были по-французски.

Урокъ былъ вскорѣ конченъ, оставивъ въ мысляхъ Фенички одну пустоту и невыразимую скуку. Она ясно видѣла, что битва съ головами ребятишекъ сто̀итъ любой битвы жизни, но еще болѣе видѣла она, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго призванія и способности къ наукѣ обученія, что сама она еще дитя, которому надо учиться, и что, нако-

нецъ—увы!—и это самая горькая истина—въ эти два года изъ ея головы вылетѣли всѣ книги и тетрадки, вызубренныя ею въ заведеніи, до того, что она сомнѣвалась, ужъ училась ли она когда-нибудь этимъ книжкамъ и тетрадкамъ, и, задавая какой-нибудь вопросъ ребенку, она съ тревогою думала: «а что, какъ онъ возьметъ у меня изъ рукъ книгу, закроетъ и скажетъ: а ну-ка, не смотря туда, сами отвѣтьте, когда основанъ Римъ, сколько было въ древности патріарховъ и кто взошелъ на русскій престолъ послѣ Іоанна Калиты?»

Яковъ Антоновичъ Семереньковъ, лѣкарь, попрежнему ѣзжалъ къ Черпаковской и заставалъ Феничку за уроками. Наступила весна; кругомъ чирикали птички. Воздухъ былъ точно напоенъ паромъ молодого вина. Жилки на вискахъ Фенички бились усиленно. Въ ушахъ былъ звонъ, въ сердцѣ неизъяснимая томительная тревога. Въ то время, какъ ученикъ передъ нею рапортовалъ скороговоркою: «Попрыгунья стрекоза лѣто цѣлое пропѣла... Ты все пѣла, это дѣло, такъ поди же—попляши!»—Семереньковъ сбоку нашептывалъ, то по-русски, то по-французски:

— Вотъ и хорошо, и мило, жизненочекъ, что вы тутъ, и мы съ вами видимся! А то, въ самомъ дѣлѣ, вздумали разыгрывать положеніе малютки, который «Велизарію шлемъ нося, просилъ для Бога пищи лишь дневныя!» Теперь и батюшка вашъ сытъ, и мы неразлучны; пойдемте въ садъ!

Миша съ Колей усылались посмотрѣть, гдѣ мамаша, а докторъ съ гувернанткой, пока она возилась въ кладовой, закрывали урокъ и шли въ садъ собирать цвѣты. Вообще же Черпаковская мало подозрѣвала Якова Антоновича и была совершенно спокойна. Такъ прошло три или четыре мѣсяца. Иногда она съ гувернанткой пускалась даже въ сокровенныя объясненія.

— Ахъ, ма-шерчикъ, — говорила она, оправляя передъ зеркаломъ къ пріѣзду Семеренькова на своемъ плотномъ станѣ какую-нибудь новую шнуровку или платье: — я чувствую... я предполагаю, по нѣкоторымъ признакамъ, по таліи, что я буду скоро счастливѣйшая женщина.

Феничка на это только молча и нѣжно припадала къ ея плечу. Барыня не замѣчала, что сама перешиваетъ платья отъ жиру, а у гувернантки, наоборотъ, появляются безъ причины, ежедневно, то головокруженіе, то тошнота, то быстрые переходы отъ веселья къ слезамъ и особенная блѣдность лица.

Сидѣла какъ-то передъ вечеромъ Черпаковская на крыльцѣ въ садъ, съ сосѣдкою по имѣнію, госпожею Чуланчиковою, слывшею первою особою въ кругу благотворителей и благотворительницъ уѣзда и даже губерніи. Дѣти съ гувернанткой и лѣкаремъ пошли рвать къ пруду ежевику. Черпаковская, на языкѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не хотѣла уступить сосѣдкѣ въ дѣлахъ добра, и потому теперь обѣ барыни просто надсѣдались, хвастая своими поступками.

— Вы не повѣрите, ахъ, вы не повѣрите! — говорила госпожа Чуланчикова, богомольная помѣщица, взростившая у себя какую-то сироту-племянницу:—какое счастіе оказать благодѣяніе! Я моей Фросинькѣ ничего не жалѣю; теперь ее выдала за хорошаго человѣка, за гусара, и все ей откажу— и Марьевку, и Дарьевку, и Коростели. Я же, бѣдная вдова, умру какъ-нибудь; авось она меня на старости не покинетъ...

Фросинька, дѣйствительно, вышла замужъ. Но мужъ въ первыя же сутки узналъ, къ сожалѣнію, что она больна неизлѣчимою падучею, что было скрыто тетушкой-благодѣтельницей. Судьба этой Фроси, замѣтимъ кстати, разыгралась впослѣдствіи очень грустно: падучая навредила во время родовъ: она умерла, оставивъ чахоточнаго сына. Чуть племянница закрыла глаза, тетушка тонкимъ образомъ выпроводила гусара-мужа ея изъ деревни, сказавъ, что она обѣщала сдѣлать счастливою племянницу, а не его, и взяла на попеченіе новорожденнаго. Съ нимъ началась та же исторія. Она выхолила его чуть не въ хлопкахъ, трубя всѣмъ о своихъ пожертвованіяхъ, и выростила въ качествѣ своего наслѣдника. Мальчикъ, мѣняя въ годъ, черезъ безалаберность вздорной бабы, по три, по четыре пансіона, вышелъ, наконецъ, съ поползновеніями пожить тепло, поѣсть сытно и прожить вѣкъ, сложа руки и ничего не дѣлая, какъ наслѣдникъ 3,000 десятинъ. И что же? Благодѣтельница умерла. Вскрыли завѣщаніе—она отказала все свое имѣніе, бывшее благопріобрѣтеннымъ черезъ мужа, какому-то стряпчему Фролу Терентьевичу Балаболкину, о которомъ прежде и помину не было, съ тѣмъ, чтобы тотъ имѣніе распродалъ и деньги за него роздалъ бѣднымъ... Многіе эту госпожу за такое поведеніе возславословили. Но круто пришлось сиротѣ-наслѣднику: кинулся онъ туда-сюда—ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ. Вспомнилъ объ отцѣ, котораго ни разу не видѣлъ. Совѣстно, видно, стало уже идти къ нему за ми-

лостыней, онъ и повѣсился у могилы всѣми оплакиваемой бабушки.

Но этого еще не было, когда шли событія нашего разсказа, и благодѣтельная выдача замужъ племянницы за гусара была еще въ сильномъ ходу у сосѣдки Черпаковской.

— Я вотъ тоже, — замѣтила послѣдняя на хвастливую обмолвку сосѣдки:—я тоже пристроила у себя одну сироту, Яковъ Антоновичъ рекомендовалъ. Такая тихая, знающая... мамзель Басорски...

Съ этими словами глаза Черпаковской, устремленные въ садъ, неожиданно обратились къ окну въ гостиную, и она тревожно насторожила уши. Ей показалось, что черезъ гостиную, изъ комнаты гувернантки, раздался затаенный смѣхъ и кашель.

— Да, подите вы! — говорила сосѣдка: — одна Марьевка моя чего стòитъ, да Дарьевка, а о своихъ заботахъ я и не говорю...

Смѣхъ сталъ явственнѣе. Черпаковская вскочила, какъ съ огня, выпрямилась и быстро пошла черезъ гостиную. И что̀ же представилось ея взорамъ?—Феничка сидѣла, обнявшись съ молодымъ эскулапомъ, и послѣ неосторожнаго веселаго смѣха о чемъ-то, готовилась уста свои и его слить въ новый безконечный поцѣлуй... Боже мой, что̀ произошло при этомъ!

— Какъ? такъ для этого я тебя, дрянь-мерзавка, пригрѣла, чтобъ ты шуры-муры тутъ заводила!? Вонъ!..

Феничка выскочила на крыльцо, въ чемъ была. Ее посадили въ какую-то телѣгу и умчали въ городъ. А лѣкарь потерпѣлъ еще болѣе. Сосѣдка Чуланчикова увѣряла, крестясь и отплевываясь, что своими глазами видѣла, какъ Черпаковская выбѣжала вслѣдъ за нимъ простоволосая, съ упавшимъ на спину чепцомъ, и гнала его черезъ дворъ и часть улицы, не то метлой, не то кочергой, ударяя по чемъ ни попало. Скандалъ былъ произведенъ общій, и всѣ надолго, чуть ли не на годъ или болѣе, оставили посѣщать домъ Черпаковской...

Но странное дѣло! Лѣкарь опять при этомъ выигралъ. Молодая часть мѣстнаго общества, падкая на романическіе случаи, рѣшительно стала на его сторону. Онъ до того возвысился въ общихъ толкахъ, что пріобрѣлъ значительно въ практикѣ и уже пріѣзжалъ въ каждый домъ не иначе, какъ съ улыбкой. Одно вредило ему у мѣстной власти, носившей

чинъ городничаго и падкой до мистицизма: онъ все отнѣкивался жениться на Феничкѣ Басорской. Хотя первые два мѣсяца онъ даже давалъ ей кровъ, пищу и спокойствіе, у одной вдовы мѣщанскаго сословія, подъ видомъ того, что черезъ него она «невинно пострадала», однакоже, умѣлъ ловко обойти этотъ щекотливый для себя вопросъ, на Феничкѣ не женился, остался также уважаемымъ и любимымъ всѣми, и даже, перечислившись въ губернскую больницу, сталъ съ успѣхомъ свататься за дочку зажиточнаго купца.

А Феничка? — Некому было за нее вступиться. Къ отцу и къ матери она боялась показаться въ такомъ положеніи и рѣшилась, послѣ ряда жгучихъ сценъ съ лѣкаремъ, прибѣгнуть къ другой обывательницѣ уѣзднаго города, знавшей ее прежде, и бросивъ окончательно лѣкаря, послала ему обратно всѣ его вещи и подарки, платья, часы, шляпки, мебель и ковры. Семереньковъ все это принялъ съ благодарностью и написалъ къ ней съ посланнымъ, что она еще забыла возвратить ему двѣ голландскія рубашки, вышитыя кружевами, а что онѣ ему нужны при отъѣздѣ въ губернскій городъ.

Городская обывательница, пріютившая Феничку, была тихая труженица. Вдова покойнаго учителя русской словесности и штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, она происходила изъ сословія мѣстныхъ крѣпостныхъ людей, познакомилась съ покойнымъ мужемъ, будучи по найму въ купеческомъ домѣ, полюбилась ему за румянецъ щекъ, густоту темной косы, полноту плечъ, и черезъ два года истинной любви обвѣнчалась съ нимъ и до конца его дней сохранила при немъ ту же неподдѣльную доброту души, мягкость нрава и силу непритворной любви. Этотъ учитель былъ чудакъ. Перейдя изъ гимназіи къ сану педагога, онъ предался непомѣрной честности въ исполненіи долга и писанію стиховъ. Составивъ книжонку лирическихъ пѣсенъ, онъ отпросился на вакансіи въ губернскій городъ, тиснулъ ее и послалъ въ Петербургъ, при письмахъ къ двумъ журналистамъ.

Одному, бывшему уже въ большомъ чинѣ, имѣвшему теплую квартиру и значительный доходъ, онъ написалъ по его печатному адресу простодушно-льстивое письмо, прося похвалъ и прилагая письмо къ другому журналисту, безчиновному бѣдняку и кумиру тогдашней молодежи, говоря

что не знаетъ, куда ему писать. Чиновный журналистъ, какъ и слѣдовало ожидать, расхвалилъ уѣздную музу, сказалъ, что восходитъ новая звѣзда поэзіи, привелъ нѣсколько жалкихъ отрывковъ изъ книжки и тутъ же прибавилъ, въ обращеніи къ дамамъ, что его знаетъ вся Россія, знаютъ даже, гдѣ онъ живетъ, а что есть люди опасные въ литературѣ, къ которымъ онъ хотя по порученію и относится, но съ ними не знается. Журналистъ-бѣднякъ пролилъ на книжку всю свою желчь, называлъ автора чистѣйшею бездарностью и съ увлекательно-жгучею откровенностью во всеуслышаніе взывалъ къ сочинителю, напоминая ему о долгѣ жизни, о правдѣ и о положительной любви къ ближнимъ.

Учитель бросилъ печатать, зарылся оскорбленный, сгорая отъ стыда, въ свои дѣла и въ десять лѣтъ успѣлъ сдѣлать столько для училища, сколько передъ нимъ не сдѣлали другіе въ сорокъ лѣтъ. Мальчики его боготворили. Не было и съ его стороны дня и минуты, когда бы онъ съ благоговѣніемъ не произносилъ имени строгаго критика. Послѣднюю копейку тратилъ, скупая журналъ, гдѣ онъ печатался, и вырывая оттуда его статьи; каждаго заѣзжаго морилъ разспросами о человѣкѣ, убившемъ его литературныя дѣтскія надежды и сдѣлавшемъ изъ него человѣка. Зато журналистъ-хвалитель, разоблаченный однимъ студентомъ, привезшимъ въ тотъ уголъ всѣ пасквили на него, писанныя отъ вдохновеннаго пера Пушкина до послѣдняго изъ поэтовъ молодого поколѣнія, сталъ для него чѣмъ-то неисчерпаемо позорнымъ, дикимъ и гадкимъ. Послѣдній мальчикъ въ школѣ уже зналъ въ настоящемъ свѣтѣ это имя, и даже сама Глаша, сожительница учителя, въ толкахъ о какой-нибудь уѣздной гадости, ссылалась на позорное имя этого журналиста.

Библіотека учителя наполнялась свѣтлыми созданіями духовныхъ дѣтей Пушкина и Гоголя. Онъ жадно слѣдилъ за наукой и поэзіей. Читая передъ смертью тоже почти предсмертную критическую поэму своего любимца, гдѣ мелькнули огненныя слова: «если мы сойдемъ съ поприща свѣта, одно насъ утѣшаетъ — литература русская бросила путь болѣзненнаго романтизма, побрякушекъ и всякихъ непризнанныхъ геніевъ и пошла по пути другому, гдѣ уже мерцаетъ свѣточъ истины и добра», — бѣднякъ уронилъ книгу, заплакалъ и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «ахъ,

Глаша! все хорошо да жутко мнѣ умирать—пусть онъ меня корилъ; да за что этотъ-то меня хвалилъ? Вѣдь онъ хвалилъ только подобныхъ себѣ!»

Феничка видѣла этого учителя у Черпаковской и была очарована его особенною, задушевною рѣчью.

Теперь она явилась къ его вдовѣ, потому что та оставалась безъ куска хлѣба, жила уже второй мѣсяцъ, распродавая книги покойника, которыхъ, между тѣмъ, никто не хотѣлъ брать, и начавъ съ горя заниматься повивальнымъ искусствомъ. Феничка скрыла свои слѣды отъ отца и матери и явилась, привезя съ собою только ящикъ съ необходимою одеждой и даровыми школьными книгами. Она условилась съ Глафирой Ивановной брать работу и шить, а та продержитъ ее, пока ей можно будетъ снова явиться въ свѣтъ. Горестны были дни этихъ двухъ страдалицъ. Работы почти не отыскивалось, и по цѣлымъ днямъ иной разъ онѣ сидѣли безъ куска хлѣба. Наконецъ, какъ-то въ февралѣ, священникъ въ комнаткѣ Глафиры Ивановны окрестилъ новорожденную дѣвочку, дочь Фенички, думавшей еще такъ недавно, что любовь кончается одними поцѣлуями и что новорожденныхъ дѣтей находятъ въ огородахъ, подъ лопушкомъ,—благословилъ спасенную мать и отъ неизвѣстнаго—это былъ онъ самъ—оставилъ на зубокъ ребенку десять рублей серебромъ.

Нищета двухъ сожительницъ перешла всякій предѣлъ. А языки работали: Глафиру Ивановну уѣздныя сплетницы ненавидѣли за покойнаго мужа, ученаго гордеца, не шедшаго къ нимъ съ поклономъ, а Феничку ежедневно распинали просто изъ какого-то дилетантизма.

Священникъ попытался-было съѣздить къ уѣздному предводителю, съ предложеніемъ открыть для несчастной Басорской подписку; куда тебѣ! Насилу ноги унесъ. Было натолковано тутъ и о попранной нравственности уѣзда, и о соблазнѣ окружающихъ, и чуть не затѣяли бѣдную постоялицу Глафиры Ивановны предать суду. Прибавлять ли еще къ этому, что мать и отецъ Фенички притащились къ ней, сдѣлали жалкую, вопіющую сцену и прокляли ее... Съ той поры входъ для нея, въ качествѣ гувернантки, былъ закрытъ во всѣ дома уѣзда и губерніи.

Добрая Глаша просто убивалась и таяла отъ того, что у нея не покупали библіотеки покойнаго мужа.

Но крѣпко держалась душа у одной Фенички. Кое-какъ перебиваясь, она продала все, что̀ имѣла, послѣднія вещицы и бездѣлушки, платье и сочиненія Муравьева, но съ Пушкинымъ, найденнымъ въ библіотекѣ мужа хозяйки, не разставалась. Въ немъ для нея олицетворялась та нравственная жизнь, тотъ свѣтъ науки и мысли, которыми она запаслась, хотя не скоро, вершками и одними намеками, въ заведеніи. Тутъ только она поняла, что какъ ни страшно-тяжело, какъ ни убійственно было ея положеніе, она готова была умереть голодною смертью, но не отдала бы своихъ, даже мелкихъ знаній за тотъ жирный и барскій покой, которымъ пользовались окрестныя тупоумныя и безголовыя барышни.

Она плакала горькими слезами, проклинала ту форму, въ какой пришла къ ней наука, тѣ пріемы, гдѣ она не приняла знанія ни свѣта, ни людей, и пала, обманутая первымъ негодяемъ, — но не роптала на себя за науку. Наука пробудила въ ней въ горькую минуту дремавшую природу, самосознаніе проникло въ душу и сердце, она съ замирающимъ восторгомъ ухватилась за чтеніе обширнаго собранія книгъ покойнаго мужа Глаши, погружаясь по мѣрѣ чтенія въ какія-то особенно крѣпкія, гордыя и насмѣшливо-торжествующія грёзы. Ни днемъ, ни ночью уже не покидалъ ее поэтъ, который говорилъ, сходя съ поединка за честь и свое сердце въ преждевременную могилу:

«Но долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!»

Между тѣмъ, перепала кое-какая работа отъ пріѣхавшей судиться съ сосѣдкой одной барыни-франтихи.

Феничка оправилась и уже ходила. Долги въ мучной лабазъ и въ лавки кое-какъ были заплачены.

Попыталась Феничка предложить барынѣ свои услуги учительства дѣтей ея на отъѣздъ, въ другое имѣніе барыни, за три губерніи далѣе, чтобы забыть и память своего околотка. Барыня сказала, что подумаетъ, и черезъ недѣлю, уѣхавъ въ спокойномъ дормёзѣ, отказала записочкою на раздушенной бумажкѣ.

Въ запискѣ говорилось, что она не понимаетъ, какъ мамзель Басорская рѣшилась предлагать ей свои услуги, послѣ того, что̀ съ ней было, о чемъ весь городъ и въ особенности супруга судьи знаетъ, и какъ ея присутствіе по-

дѣйствуетъ на неопытныхъ крошекъ-дѣтей, когда на жизни ея лежитъ тяжелое, несмываемое преступленіе. Въ заключеніе совѣтовалось сходить въ Кіевъ на богомолье.

Феничка, прочтя это посланіе, невольно призадумалась.

III.

«Сударыня! у васъ еще не все погибло. Смотрите, еще у васъ есть благотворительныя особы, жаждущія вамъ помочь!»
Изъ утѣшательнаго письма одного филантропа-чиновника.

Прошелъ тяжелый, горькій годъ. Кое-какъ промаявшись, прожила Феничка. Она съ отчаянія давно уже была готова на все махнуть рукой. Въ этотъ годъ нѣсколько мѣсяцевъ стоялъ въ городкѣ одинъ кавалерійскій полкъ. Общество оживилось, зашумѣло. Пошли собранія, вечеринки, катанья за городъ. Дамы разорились, справляя визитныя платья и стараясь затереть нарядами полковыхъ дамъ. Феничка, не покидавшая иглы, не слишкомъ, однакожъ, поддавалась любезностямъ кавалеристовъ, сразу отыскавшихъ въ темномъ окошечкѣ глухого переулка ея картинное личико. Офицеры просто дежурили у переулка, гдѣ она жила, сѣти были разставлены ловкія. Ничто не щадилось, даже Глаша явилась какъ-то съ запасами всякихъ снадобьевъ для дома, съ парою ситцевыхъ кусковъ на платье и заячьимъ мѣхомъ на шубу, увѣряя, что прислали родичи изъ ихняго выселка, и стала посматривать на Феничку глазами, пылавшими соблазномъ и особенною улыбкою. Феничка ее разбранила и привела въ слезы. По отходѣ полка, городскія барыни, дѣйствительно, указывали на Феничку, которая изъ-за угла, въ платочкѣ, смотрѣла, какъ выѣзжали офицеры. Но опредѣленнаго ничего не было, и язвительныя догадки далѣе не шли.

Но вотъ терпѣніе Фенички лопнуло. Работы опять истощились. Глафира Ивановна свела дружбу съ какимъ-то становымъ и собиралась переселиться къ нему въ участокъ, въ качествѣ няньки его сиротъ. Феничка ударилась-было еще съ предложеніемъ гувернантки въ два-три мѣста. Ей отказали и она рѣшилась прибѣгнуть къ памяти своихъ былыхъ подругъ. Съ замирающимъ сердцемъ сѣла она, написала три письма: одно къ княжнѣ *Раисѣ Вонзковской*

написавшей ей когда-то кровью изъ пальца клятвенное обѣщаніе помочь ей въ случаѣ нужды; другое къ *Мери Кахновичъ*, учившей ее когда-то шить broderie anglaise и бывшей дочерью значительнаго чиновника Рязанской губерніи, и третье къ *Пашенькѣ Булавеньевой*, хотя тоже бѣдной дочери учителя рисованія при родномъ ей заведеніи, но важной потому, что она предполагала жить гувернанствомъ и могла узнать поэтому хорошія мѣста.

«Душечка Раичка, или нѣтъ — ваше сіятельство, Раиса Владиміровна!—начиналось письмо къ первой:—вспомните нашу дружбу, наши мечты, грёзы, клятвы и обѣщанія. Теперь пришелъ случай взывать къ вашему милосердію: я въ крайней нищетѣ. Денегъ мнѣ не нужно, но умоляю пріискать въ вашей окружности мнѣ мѣсто учительницы при дѣтяхъ или компаньонки въ семейномъ домѣ. Условія какія угодно; лишь бы мнѣ избавиться отъ нищеты, не скрою, угрожающей даже голодною смертью».

Второе письмо говорило: «Меричка! помнишь, какъ я за тебя рѣшила задачу изъ математики и написала сочиненіе по-нѣмецки. Теперь требую и отъ тебя помощи: попроси твоего отца, который, кажется, статскій генералъ и служитъ въ столичной уголовной или гражданской палатѣ, пріискать мнѣ мѣсто. Я сейчасъ пріѣду».

Въ третьемъ повторялось почти то же самое, съ прибавленіемъ только просьбы поклониться старому отцу Пашеньки, Петру Ѳедотычу, который, кажется, писавшую любилъ и всегда ей ставилъ за рисунки пять.

На первое письмо пришелъ отвѣтъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Княжна писала смѣсью французскаго съ англійскимъ языкомъ, говорила, что за ней ухаживаетъ тьма жениховъ, что она у дяди, на Вислѣ, живетъ въ богатѣйшемъ замкѣ, что носитъ такіе-то и такіе-то наряды, а что въ модѣ, впрочемъ, много шелку и бархату; просила Феничку завернуть къ ней когда-нибудь погостить, а чтобы, впрочемъ, она не хандрила (слово поставлено русское французскими буквами: не khandrilla) и сама влюбилась въ какого-нибудь хорошенькаго улана или кирасира. Княжна совершенно не поняла письма и просьбы Фенички.

На второе письмо отвѣтила не сама Мери Кахновичъ, а ея папенька, статскій генералъ, и отвѣтилъ съ отмѣнною

аккуратностью, въ первую же почту:—«Милостивая государыня, Евфимія Ивановна! Ваше почтеннѣйшее письмо застало мою Машеньку ужъ въ замужествѣ, за коллежскимъ совѣтникомъ Веденѣевымъ. Да на сіе замѣчу, что она вамъ и не отвѣтила бы и я ее отнюдь къ тому бы не допустилъ. Ваша исторія съ докторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Семереньковымъ, здѣсь также оглашена. Вамъ остается смириться и возложить надежды и упованіе на милосердіе Божіе. А вслѣдствіе отношенія вашего къ дочери моей и вашей подругѣ, что вы въ нищетѣ, то посылаю вамъ при семъ 25 рублей серебромъ, съ чѣмъ имѣю честь быть, въ совершенномъ почтеніи и преданности, милостивая государыня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Андреемъ Васильевымъ, сыномъ Кахновичъ».

Третье письмо пришло вслѣдъ за вторымъ и совершенно смутило и повергло въ холодное и безвыходное отчаяніе Феничку.

Пашенька Булавеньева писала,—и Феничка тщетно усиливалась въ ея рѣчахъ угадать былую сверстницу своей отроческой жизни. Феничка помнила ту драму изъ ея жизни, когда она кончала курсъ. Пришествіе Феничкина отца за нею въ заведеніе пѣшкомъ обратило общее вниманіе. А между тѣмъ, Пашенька Булавеньева кончала курсъ въ то время, какъ старику Булавеньеву директриса должна была отказать отъ каѳедры рисованія потому, что его руки какъ-то неловко примерзли въ одну изъ зимъ, не прикрытыя щегольскими теплыми перчатками, когда онъ заблудился въ предмѣстьѣ города, поздно возвращаясь домой съ уроковъ,—и стали сильно трястись. Феничку проводили съ романтическими возгласами, а Пашенька перешла въ холодную комнату, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ приходилось жить круглый годъ на пенсіи огорченнаго отца. Старикъ недолго пожилъ: параличъ додѣлалъ его карьеру, и письмо Фенички застало Пашеньку уже на полной свободѣ. Пашенька, проживая уже въ сомнительно щегольскихъ комнатахъ, разодѣтая въ атласъ и въ блонды и разъѣзжая на пролеткахъ какого-то безсемейнаго купца, писала такъ: — «Ангелъ и шерчикъ Феничка! Все трынъ-трава на бѣломъ свѣтѣ. Я сама вздыхала горлинкой и точила слезы отчаянія; все это—чепуха. Теперь я пью шампанское, какъ гусаръ, танцую канканъ и читаю романы Дюма-сына и компаніи. Утѣшься

и ты. Спѣши, пріѣзжай къ намъ. Здѣсь въ той злачной юдоли, гдѣ я живу, не знаютъ ни печалей, ни воздыханій. Посуди сама, что мнѣ предстояло? Состарѣться старой дѣвой или выйти за чахоточнаго чиновника! Оглянись кругомъ себя и спѣши! Если ты любишь и читала Беранже, то вспомни его пьесу: «Je volerais vite, vite, vite, si j'étais petit oiseau!» Явись въ веселый, безцеремонный и вѣчно-довольный кругъ, гдѣ нынѣ обрѣтается и твоя вѣрная Пашета Булавеньева».

Истина во всей ея наготѣ представилась Феничкѣ. «Какое паденіе?.. Надо ее выручить!» повторяла она. Отверженная всѣми, забытая и оскорбляемая всѣми, она почувствовала приливъ невыразимѣйшаго негодованія. Предразсудки, клеветы, зависть и себялюбіе взяли свое. Послѣдніе шаги по пути чести были ею пройдены. Ѣхать въ другую губернію? Но съ какими средствами и куда пристроить ребенка?

Въ одно утро, собравъ свои небольшіе пожитки и запасшись частицей заработанныхъ трудомъ денегъ, Феничка отнесла свое дитя на время къ священнику, простилась съ своей хозяйкой и, договорившись съ какою-то купеческою четою, ѣхавшею въ тотъ же губернскій городъ, гдѣ она училась, отправилась въ путь. Остальная ея надежда была — прибѣгнуть, еще съ незапятнанною совѣстью, къ бывшей своей директрисѣ и упросить ее дать съ какимъ-нибудь мѣстомъ при заведеніи честный кусокъ хлѣба. Она прибыла въ городъ.

Было воскресенье.

Принарядившись въ чистое и бѣлое кисейное платье, прикрывшись платочкомъ, въ вязаныхъ перчаткахъ и подъ старенькимъ зонтикомъ, она подошла съ другими надеждами и вѣрованіями къ знакомому зданію. Швейцаръ, стоя у щегольской лѣстницы, не узналъ ея.

— Дома Анна Карловна?

— Дома, да никого не принимаютъ.

— Доложи, что пришла бывшая здѣшняя воспитанница Басорская.

Швейцаръ оглянулъ ее съ ногъ до головы и пошелъ докладывать. Феничку позвали.

Но продолжать ли мнѣ?.. Директриса, та же ласковая, строгая и чопорная дама, сидѣвшая постоянно у круглаго стола передъ диваномъ, въ то время, какъ лучшія воспи-

танницы сидѣли тутъ же поодаль, занимаясь работами и изрѣдка отвѣчая на ея вопросы, приняла Феничку озабоченно-нѣжно. Взоромъ велѣла остальнымъ дѣвицамъ выйти и усадила ее близъ себя.

— Все такъ, все такъ, моя милая! — говорила она на просьбы Басорской, державшей себя вообще пристойно и гордо: — я понимаю ваше положеніе! Вы, точно, хорошо кончили курсъ. Да что же мнѣ дѣлать! У насъ кровать на кровати, мѣста нѣтъ не только класснымъ дамамъ, даже дѣтямъ. Всѣ должности заняты...

— Ахъ, maman, да вы примите меня хоть куда-нибудь хоть кастеляншей, за бѣльемъ смотрѣть; хоть...

Феничка не договорила. Директриса сидѣла, опустя глаза, мяла въ рукахъ платокъ и была очевидно въ волненіи.

— Притомъ же, — начала она: — не скрою отъ васъ, не хочу васъ обидѣть, здѣсь прошли... такіе... слухи... понимаете, моя милая!

— Боже мой, — заговорила Феничка и закрыла лицо руками: — вы меня призрите, отогрѣйте, защитите; вѣдь я ваша, я съ голоду умираю. Насъ одинъ Господь разберетъ, я ли виновата; а вы меня спасите, поднимите; вашъ голосъ заставитъ молчать другихъ. Я же не убійца, не воровка, не преступная... Ради моего ребенка, maman, защитите меня!

Директриса быстро встала.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, это невозможно. — оставьте меня.

Феничка встала, отерла глаза, хотѣла еще что-то сказать и молча пошла къ двери...

Добрая директриса, чуть стихли ея шаги, со слезами бросилась на колѣни передъ образомъ, — и воспитанницы изъ сосѣдней комнаты, сквозь дверь, видѣли, какъ она усердно молилась.

А между тѣмъ, внизу, у выхода, произошла сцена другого рода. Сходя по лѣстницѣ, блѣдная, безъ слезъ, измученная и чуть живая, Феничка встрѣтила институтскаго эконома, двоюроднаго брата директрисы, рьянаго поборника чистоты половъ, блеска притолковъ и дверей, огненной яркости замочныхъ ручекъ и печныхъ задвижекъ и врага хорошаго аппетита и исправныхъ желудковъ. Онъ всегда ненавидѣлъ Феничку за то, что та въ старшемъ классѣ открыто волновала свой столъ, бракуя то пахнувшую свѣчнымъ саломъ похлебку, то макаронный соусъ, куда неожи-

данно примѣшался тараканъ или цѣлая мышь, или выдаваемую за молоко неподражаемую смѣсь муки, масла и воды. Онъ узналъ ее сразу и сообразилъ въ мигъ, что посѣщеніе начальницы было для этой выпущенной пташки неблагополучно. Онъ поднялъ на лобъ очки, закинулъ голову назадъ, выставилъ ногу впередъ и, обращаясь къ Феничкѣ, сказалъ:

— Вы бы, сударыня, ноги вытирали. Мало еще намъ съ вами въ заведеніи было хлопотъ; а то еще съ воли приходите, шатаетесь тамъ, да ковры у насъ пачкаете. Дѣло нехорошее, сударыня, вотъ что́...

Ничего не видя и не слыша, вышла Феничка на крыльцо. Она пріостановилась, ухватилась рукой за лобъ. Голова ея горѣла, глаза неопредѣленно блуждали. Въ это время подлетѣлъ на рысяхъ лихачъ-извозчикъ. «Эхъ, барыня, прокачу, возьмите!» На другой день въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «изъ Фонтанки вынуто тѣло неизвѣстно какой дѣвицы, бросившейся въ воду съ Николаевскаго моста».

1860 г.

СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА.

РАЗСКАЗЫ.

I.

ПРАБАБУШКА.

Прабабушка моя, Анна Петровна Данилевская, въ дѣвичествѣ Плотникова, была фрейлиной великой княгини, впослѣдствіи императрицы Екатерины Великой, и умерла на восьмидесятомъ году жизни, болѣе пятидесяти лѣтъ безвыѣздно проведя въ родовомъ, степномъ селѣ мужа на Донцѣ. Она была небольшого роста, съ нѣжнымъ, бѣлымъ, въ тонкихъ морщинкахъ, какъ у эрмитажной старушки Дённера, лицомъ и съ большими карими ласковыми глазами. Въ молодости она играла на клавесинѣ, была изъ первыхъ въ придворныхъ веселостяхъ прошлаго вѣка и, любя цвѣты, зачитывалась романовъ Жанлисъ и повѣстей Мармонтеля. Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ, перевезенная въ деревню мужа, она была строгою хозяйкой и постоянно носила черное платье съ небольшимъ шлейфомъ, а подъ чепчикомъ, изъ собственныхъ сѣдыхъ косъ, на гребенкѣ, высокій шиньонъ, который крестьяне тѣхъ годовъ считали колтуномъ. Въ годы силы и здоровья, распутывая дѣла мужа, она съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, на длинныхъ самодѣлковыхъ дрожкахъ, шумѣла на работниковъ, вела приходорасходныя книги, щепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весною и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю ходила пѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ, къ ключу превосходной родниковой воды, чопорно провожаемая двумя гайдуками

изъ дворовой челяди, одѣтыми въ простыя, сѣрыя свиты и съ палками въ рукахъ. «Это — мои камеръ-пажи!» — шутила подвижная не по лѣтамъ старушка, съ пришпиленнымъ шлейфомъ пробираясь полями къ роднику, черпала серебрянымъ стаканчикомъ воды, отдыхала у картиннаго взгорья, поросшаго ракитами, надъ озеромъ, гдѣ бабы, громко горланя пѣсни, бѣлили холсты, и на возвратномъ пути успѣвала еще нарвать пучки лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ: голубыхъ пролѣсковъ, т.-е. подснѣжниковъ, тюльпановъ и дикорастущаго алаго горошка.

Подъ конецъ дней, теряя болѣе и болѣе силы, прабабушка Анна Петровна рѣдко уже покидала опочивальню во флигелѣ, рядомъ съ большимъ домомъ сына. Здѣсь, среди цвѣтовъ и клѣтокъ съ дроздами, да желтощекими жаворонками, прабабушка постоянно сидѣла на постели, въ бѣлоснѣжномъ высокомъ чепцѣ, всѣмъ и каждому ласково и привѣтливо улыбаясь.

Сюда къ утреннему кофе и къ цѣлованію прабабушкиныхъ ручекъ, вымытыхъ въ той же ключевой водѣ, по докладу сѣдого парикмахера Гаврюшки, носившаго на босу ногу башмаки и въ нихъ для прохлады соломенныя стельки, являлась вся огромная, давно угасшая семья: сынъ ея Иванушка, т.-е. мой шестидесятилѣтній дѣдушка, Иванъ Яковлевичъ, памятный въ семействѣ тѣмъ, что чинъ прапорщика гвардіи онъ получилъ еще въ колыбели и далѣе этого чина по службѣ не шелъ, потому что никогда не покидалъ деревни и тихо здѣсь состарился, среди хозяйства, псарни и втихомолку волокитства за сельскими красавицами. За ними шли внуки, т.-е. мой отецъ, дяди, тётки и вся остальная мелюзга правнучекъ и правнуковъ. Старушка кланялась, по тогдашнему придворному обычаю, полукругомъ, т.-е. разомъ всѣмъ, потирая руки приговаривая: «всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?» Поздоровавшись съ матерью, дѣдушка молча отходилъ въ сторону и, потирая хохолокъ сѣдыхъ волосъ, какъ я помню, пришпиленныхъ особою гребеночкой на лысомъ лбу, со вздохомъ садился къ окошку. О чемъ вздыхалъ дѣдушка? Болѣе, вѣроятно, отъ скуки. Также молча, съ реверансами, садились по стульямъ, вдоль стѣнъ опочивальни, и остальные; слушали комплименты старушки, отвѣчали на ея вопросы, пили кофе и, дѣлая новые реверансы, также церемонно расходились по своимъ аппартаментамъ и угламъ.

Казалось, вотъ рай земной; а дѣла, между тѣмъ, были здѣсь очень плохи. Дѣдушка, тихо вздыхавшій въ присутствіи матери, на сторонѣ любилъ покомпанствовать. Продастъ хлѣбъ, либо шерсть, и сейчасъ балъ. Отпросившись у матушки-сударыни въ отъѣзжія поля, онъ исчезалъ иногда по мѣсяцамъ. Вслѣдъ за нимъ, съ охоты наваливали ближніе и дальніе знакомцы. Экипажи наполняли дворъ. Окна большого дома освѣщались. Домашній оркестръ гремѣлъ съ хоръ. Свои пѣвчіе вторили ему изъ столовой. Пушки стрѣляли на дворѣ. Веселыя пары носились въ экоссезѣ и котильонѣ. Иной разъ и прабабушка Анна Петровна, въ такіе дни, оставляла опочивальню, надѣвала парадный бѣлый робронъ, выходила изъ флигелька, крытаго камышомъ, являлась въ домъ Иванушки, въ высокую залу, увѣшанную портретами предковъ, и играла въ бостонъ, либо, подъ музыку Сарти, церемонно и важно шла съ кѣмъ-либо изъ гостей посановитѣе въ польскій.

Отъѣзжія поля и пиры окончательно разорили состояніе Иванушки. Доходило до того, что въ зимніе вечера, скучая недостаткомъ гостей, онъ высылалъ верховыхъ на ближніе и дальніе проселки и, кто бы тамъ ни ѣхалъ, всякаго чуть не насильно принуждали сворачивать въ гости въ его усадьбу. А между тѣмъ, зачастую слуги, носившіе при гостяхъ фраки, безъ гостей понедѣльно сидѣли на кашицѣ. Прабабушка не знала положенія дѣлъ Иванушки и умерла, считая его хорошимъ хозяиномъ. Дѣдушка утѣшилъ ее особенно тѣмъ, что лѣтъ за тридцать до ея кончины, въ видахъ, впрочемъ, размноженія дичи, засѣялъ сосной болѣе пятисотъ десятинъ сыпучихъ песковъ по берегу Донца, и весь этотъ боръ принялся и выросъ на удивленіе, за что дѣдушкѣ былъ пожалованъ орденъ Владиміра.

На такое чудо, исполненное крѣпостными работниками, съѣзжались смотрѣть многія важныя особы, губернаторъ, архіерей, профессора сосѣдняго университета, а потомъ и самъ графъ Аракчеевъ, по близости съ помѣстьемъ прабабушки также дѣлавшій чудеса, а именно: вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ-называемыя военныя поселенія. Прабабушка сама была не прочь еще въ недавнія времена подеспотствовать, причемъ Иванушка, съ вѣдома ея, ковалъ въ кандалы тѣхъ дѣвокъ и парней, которые на селѣ по ея

выбору не желали въ обычные сроки вѣнчаться. Но она не одобрила ни графа Аракчеева, ни тѣхъ мѣръ, которыми онъ вводилъ близъ нея эти поселенія. «Пріѣхалъ онъ, машеръ, представьте,—передавала она по секрету мелкой сосѣдкѣ, ѣздившей къ ней по праздникамъ съ поклономъ: — пріѣхалъ, живодёръ, выстроилъ подъ Чугуевымъ цѣлую слободу, навалилъ розогъ, а въ сторонѣ велѣлъ, на всякій случай, припасти нѣсколько готовыхъ гробовъ и сталъ это сѣчь непокорныхъ. Одни сѣкутъ, а другіе своимъ тутъ же и могилы роютъ! Сѣкъ онъ этакъ мужиковъ, сѣкъ и бабъ. Одна бабёнка со страху-то, монъ-кёръ, вырвалась изъ-подъ розогъ, да въ безпамятствѣ къ гробамъ-то... А графъ и крикнулъ: не бойся, красавица, выбирай любой; какой хочешь, дамъ на погребеніе! Этакой мужикъ, капральщина! Никакой тонкости! Такіе ли душегубы въ наши дни власть имѣли? Невѣжда-азіятъ! Хоть и графъ, да еще и Александровскій кавалеръ».

И когда графъ Аракчеевъ съ адъютантами и командирами новоиспеченныхъ южныхъ поселеній, нежданный и непрошенный, налетѣлъ въ тихій Пришибъ, помѣстье прабабушки, съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ это одинъ человѣкъ могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною, прабабушка Анна Петровна, оказывая властямъ должный решпектъ, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и разсказать его сіятельству, царскому фавориту, все, что̀ нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, увидѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру надутаго «азіята», вылѣзавшаго изъ высокой, запыленной поселенской брички, а при случаѣ даже дала ему и почувствовать немалую долю своего негодованія и пренебреженія.

Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленной живности, но лакеи не первому ему подносили кушанья! А когда графъ Аракчеевъ, сбившись въ хронологіи какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ повѣствовалъ предъ затянутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно каплуна, спросилъ ее: «да позволь же, мать-сударынька, узнать, какой же тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки сверкнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми, какъ мѣлъ,

губами отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлина моей покойной царицы, Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а во-вторыхъ, этакія ужасти! въ наше время изрядные нравомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнула головой вправо и влѣво, и, подавъ руку оторопѣлому Иванушкѣ, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси.

Произошелъ величайшій переполохъ и замѣшательство. Графъ Аракчеевъ, съ недоѣденнымъ кускомъ каплуна, вскочилъ, не доискавшись хозяевъ, крикнулъ экипажъ и уѣхалъ въ Чугуевъ, гдѣ вновь въ окрестностяхъ посыпались шпицрутены и раздались плачъ и вой бабъ, дѣтей и стариковъ. И когда въ Петербургѣ, прослышавъ объ этомъ событіи, шутники-друзья его спрашивали, что̀ за исторія случилась съ нимъ въ гостяхъ у бѣдовой старушки на Украйнѣ, графъ Аракчеевъ ворчалъ и говорилъ: «да что̀, отцы мои! Какъ ей не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, ѣздивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой якобинки стоялъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то промахъ по хозяйству, ея пятидесятилѣтній сынъ, настоящій владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

— Что̀ это у васъ за перстенекъ на рукѣ?—спрашивали иной разъ Анну Петровну любопытные внучата.

— Завѣтный перстенёкъ, дѣтушки, завѣтный! И съ нимъ связана цѣлая авантюра въ нашей фамиліи...

— Какая такая авантюра?

— Преотмѣнная! Фамилія наша, соколики мои, начинается съ первымъ заселеніемъ Донца и всей этой окольной степи...

— Разскажите, миленькая бабушка, разскажите, какъ заселились эти мѣста и что̀ это за случай съ перстенькомъ?

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, полулежа на постели подъ стеганымъ изъ коричневаго атласа одѣяломъ и облокотившись о высокосложенныя, обшитыя кружевомъ, подушки, либо въ мерлушковой шубкѣ, примостившись бочкомъ на распатанной, треногой скамеечкѣ, предъ угасавшею печ

кой, и разматывая на прялкѣ нити козьей шерсти, маленькая, сморщенная старушка не разъ передавала все то, что слышала отъ мужа и еще отъ покойной свекрови о заселеніи края, къ пустырямъ котораго, шесть вѣковъ назадъ, обращался пѣвецъ Слова о полку Игоря, восклицая: «О, Донче! Ты лелѣялъ князя на серебряныхъ берегахъ, стлалъ ему зелену траву, подъ сѣнію дубравъ...»

— «Берега нашего Донца, соколики мои,—разсказывала прабабушка:—даже въ ту пору, какъ я сюда переѣхала молодоженкою изъ Питера, были еще во всей, можно сказать, невиданной красѣ. Народу еще было мало, звѣрья много. По лѣсамъ рыскали дикіе кабаны; отъ лисицъ, бывало, не удержишь ни куръ, ни индюшекъ; а волки заходили даже въ сѣни, какъ ударитъ иной разъ, на нѣсколько денъ, зимняя вьюга, да за ужиномъ запахнетъ бараниной. Татары и нагайцы, скажу вамъ, шмыгали сюда и при мнѣ. Да и родила я мила-дружка Иванушку какъ разъ въ то время, когда по тотъ бокъ Донца отъ татарскаго набѣга, вдругъ зажглись по сторожевымъ курганамъ костры, а я, тяжелая, безъ маво Якова Евстафьича, съ перепуга сѣла на коня, поскакала къ бригадиршѣ въ Чугуевъ, да на дорогѣ, у андреевскаго попа въ пчельникѣ, матерью стала... Но это все ничего. Не то сказываютъ о временахъ мужнина дѣда. Въ тѣ поры здѣсь была сущая пустыня: мѣловыя горы, вѣковѣчные темные лѣса, тихія въ большущихъ камышахъ воды, на некошенныя степи, безъ жилья и безъ единой людской тропы. Забрелъ человѣкъ, кричи съ холма въ лѣсныя провалья, сколько силъ хватитъ, никто не отзовется. Только иволги, хохотвы, да орлы по бутрамъ перекликаются. Звѣрь и птица своею тодга смертію умирали. Такъ было до послѣднихъ почти годовъ царя Алексѣя. Тутъ польскіе паны больно ужъ потѣснили казаковъ за Днѣпромъ: пожгли ихнія церкви, мельницы, винокурни и хутора; тѣ и двинулись сюда.

«Былъ, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморенномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ѣхалъ онъ-атъ, горемычный, безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ пищалью да съ котомкой за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражьяго погрома. Миновалъ одно лѣсное затишье, другое. Слѣзъ съ

коня, напоилъ его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло. Что̀ прохлады кругомъ, въ дремучихъ лѣсахъ! Что̀ птичьихъ криковъ внизу, по голубымъ затонамъ, да озерамъ! Что̀ медвянаго запаху отъ доцвѣтавшихъ въ ту пору дикихъ грушъ и яблонь, и что̀ гудѣнія отъ пчелы и всякаго жука, комара и мухи! Упалъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ, да съ волчицей, чѣмъ пропадать какъ псу отъ польскихъ кнутовъ!» Это, други мои, и былъ первый здѣшній осадчій, а вашъ пращуръ, казакъ-подолянинъ изъ-за Днѣпра, Данило Даниловичъ. Что̀ сказалъ оса́дчій, то и сдѣлалъ: осѣлъ поселкомъ тутъ въ то же лѣто. И какъ напуганная пташка бросаетъ опасныя стороны и прилетаетъ вить гнѣздо въ такомъ тайникѣ, гдѣ ее и вашими глазами, дѣтушки, не увидишь, такъ и Данило перевелъ сюда въ вѣковѣчную глушь, свою старуху и дѣтокъ, и въ скрытности лѣсной, у озера, межъ отрогами холмовъ, вырылъ землянку и срубилъ курень. За Данилой, по его зову: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!» бѣжали сюда его сосѣди. Вырубили лѣсную поляну, выкопали корни. Въ тростники спустили челнокъ. У воды застучалъ о кладку бабій валекъ. Крикнулъ пѣтухъ; загудѣла въ ульяхъ наловленная тутъ же, въ лѣсныхъ дуплахъ, рѣзвая, дикая, степная пчела. Трудно было первымъ поселенцамъ на Донцѣ! Бабы обносились, дѣти напугались звѣрья, сѣрыхъ ужей, да золоторогихъ змѣекъ; всѣ намучились, и старъ, и младъ. По ночамъ боялись свѣтъ зажигать. Сторожа, какъ бѣлки, прятались по верхамъ деревъ. Хлѣбъ сперва сѣяли возлѣ самаго жилья, да и жилье часто разбивали по хлѣбу. Всѣ голодали, на сухаряхъ сидѣли по мѣсяцамъ. Но зацвѣли опять лѣса. Данило съ криками: «на Донецъ, братцы, на Донецъ!» еще перезвалъ товарищей. Вокругъ перваго куреня поднялись, точно грибочки изъ земли, другіе курени. Данилу выбрали сотникомъ.

«Прошли года; изъ куреней въ лѣсу стала слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами, мельницей и съ такою маленькою деревянною церковкой, что не вся въ ней слободка помѣщалась, а многіе слушали служеніе снаружи, по двору и подъ деревьями. Невдали же отъ крѣпостцы Данило сталъ заво-

дить хуторъ, что нынѣ Пришибъ. Одна бѣда: не могъ онъ, други мои, перезвать изъ-за Днѣпра своего названнаго брата и кума, казака Ивана Жука. Сперва прослышалъ онъ, что Жукъ былъ убитъ въ схваткѣ съ поляками; потомъ, что онъ живъ, и что его видѣли въ извозѣ за солью, а потомъ и слухъ о немъ затихъ. Сотня Данилы тою порой обстроилась и богатѣла хлѣбомъ, оружіемъ и всякимъ добромъ. Но не помогали ей ни рвы, ни частоколы, ни пушки. Нагрянули, дѣтушки мои, на нашъ Донецъ поганые татары. Саранчею разъ вечеромъ, подъ самый Юрьевъ день, откуда ни возьмись, налетѣли и вдругъ это устлали всю нашу окольность, а ночью зачали, бормоча и гикая, переправляться въ бродъ по сю сторону Донца. На кого ни наткнутся, сейчасъ его на пику, либо на арканъ. Страхъ напалъ на слободу. Данило Даниловичъ незадолго передъ тѣмъ отправилъ жену и малыхъ дѣтей въ повозкѣ на богомолье въ Хорошевъ монастырь и за нихъ не боялся; онъ боялся за сотенную казну. А казна-то была у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. Выстроилъ онъ сотню подъ ружьемъ, заперъ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окопа пушкарямъ палить по броду, сдалъ на время команду другому, а самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отнесъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника. Только-что опустилъ въ воду боченокъ, смотритъ—по тотъ бокъ колодца, въ камышахъ, стоитъ и глядитъ на него изъ кустовъ, точно привидѣніе, весь бѣлый, другой, незнакомый человѣкъ. Онъ такъ и обомлѣлъ.—«Видѣлъ?» спросилъ Данило.—«Видѣлъ!» отвѣтилъ и тотъ.—«Ну, коли меня убьютъ, а ты уцѣлѣешь, дай знать тутъ въ сотню, гдѣ ея казна». Сказалъ и пошелъ кустами, — а сзади его точно летѣло въ воздухѣ, и послѣ самъ онъ дивился, какъ онъ оставилъ казну на глазахъ невѣдомаго человѣка. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, липовый теремокъ на хуторѣ сотника ограбили, угнали стада и самого долго пытали, гдѣ сотенная казна, и чуть не замучили до смерти. Данилу взяли въ плѣнъ и увели на арканѣ въ неволю въ Крымъ, а потомъ на Кубань. И когда Данило, года чрезъ четыре, подкопавши тайникъ, на хозяйскомъ жеребцѣ бѣжалъ изъ плѣна, явился опять среди своихъ на Донецъ и кинулся къ колодцу, боченка тамъ не было. На-

роду тоже поубавилось. И долго сотня не могла поправиться послѣ татарскаго погрома...»

— Что же, прадѣдушка такъ и не нашелъ боченка?— спросила нетерпѣливая правнучка.

— Постой, пострѣлъ, все узнать успѣешь!

«Такъ прошли еще года два. И вотъ, милые мои, скажу вамъ: разъ Данило стоялъ на пригоркѣ, невдалекѣ отъ остатковъ погорѣлой крѣпостцы, и говорилъ заѣзжему полковому писарю: «вотъ, ваша милость, уже чрезъ нашъ поселокъ и чумаки стали ходить!» А тѣмъ часомъ, дѣйствительно, промежъ деревьевъ показался чумацкій обозъ, шедшій изъ-за Донца мимо ихъ окопа. Времена стали другія; о татарахъ было почти не слышно, и край уже кругомъ заселился, по Торцу, по Самарѣ, по Орели и по Березкѣ. Когда обозъ приблизился къ пригорку, съ передняго воза всталъ чумакъ-хозяинъ, подошелъ къ Данилѣ и писарю и спросилъ: «а кто у васъ тутъ сотникъ Данило, что поставилъ этотъ поселокъ и такъ долго былъ въ басурманскомъ плѣну?» Получивъ отвѣтъ, покачалъ головой и сказалъ: «да какъ же ты, друже, побѣлѣлъ! Совсѣмъ старый сталъ! Не узнаешь, видно, и ты меня: я — Жукъ, твой названный братъ и кумъ! Ѣхалъ я мимо, вершинами Донца. Слухъ о тебѣ далеко пошелъ, я и завернулъ къ тебѣ на подмогу. Довольно ужъ и мнѣ мотаться по свѣту. Коли приметъ меня твоя братія, и я съ моими хлопцами тутъ же сяду. А кто вашу казну подглядѣлъ и тайно взялъ изъ колодца, я тоже слышалъ. Подобралъ ее и перенесъ въ другое мѣсто бѣглый пушкарь изъ Царёборисова. Да не удалось ему ею поживиться. Онъ недавно умеръ отъ оспы и на духу все показалъ попу. А я отъ народа узналъ. Посылай за казною; она у начальства на рукахъ». Данило поклонился куму въ ноги. Сбѣжались казаки; составили совѣтъ; Данило обо всемъ отписалъ царю и воеводѣ. И долго обозъ того чумака, дѣтушки мои, стоялъ на выгонѣ у Пришиба, а сотня веселилась и поила всю чумацкую братію. Казна отыскалась. А къ осени, сударики мои, чумакъ, дѣйствительно, привелъ къ Данилѣ ватагу другихъ земляковъ, поклонился сотнѣ, и сотня отвела подъ жилье, подъ скотъ и подъ хлѣбъ чумаку и его братіи часть своихъ земель, десятинъ сотъ нѣсколько, межами отъ кургана до кургана и отъ дуба до дуба. Въ сотенной слободѣ прибавилась цѣлая новая улица, и ее прозвали, по имени того чумака, Жуками.

«Такъ прошло еще время, и сотникъ Данило сталъ подумывать о томъ, что сталось съ его сынишкой, Евстащей, котораго царь Петръ, во время его полоннаго терпѣнья, взялъ въ Питеръ и помѣстилъ тамъ въ добрую науку къ нѣкоему ученому процептору. Другіе сыновья Данилы росли дома на свободѣ. Евстафію жъ пошелъ уже двадцатый годокъ, и отецъ къ нему въ новую царскую столицу Санктъ-Питеръ упросилъ съѣздить бывалаго въ Нарвскомъ походѣ и далѣе, тоже простого казака-сосѣда, Кирюшку Горличку. А старикъ Горличка тутъ черезъ рѣку также занялъ землицу и сидѣлъ хуторомъ. Отписалъ родитель въ Питеръ письмо, требуя сына домой къ себѣ на помощь, и послалъ ему три рубля на лакомство, харчей и пару коней съ повозкою на дорогу. Кирюшка пріѣхалъ въ Питеръ, сталъ отыскивать по казармамъ да по товарищамъ сосѣдскаго сына и узналъ о немъ недобрыя вѣсти. Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самого царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаворитки дочка Марьюшка, молоденькая, тихая и изъ себя красавица; звалась, впрочемъ, не Юрьевной, а по мужу матери—Алексѣевной. Жила она съ маткой всегда по близости двора; дворъ въ городѣ—и онѣ въ городѣ, дворъ на дачѣ—и онѣ тутъ же, въ закрытности гдѣ-нибудь на дачѣ. Вышелъ-атъ Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ процептора молодецъ-молодцомъ, румянъ да пригожъ, рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардіи, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самымъ царскимъ, не то что къ окольнымъ, дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ, въ тайномъ сирятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту, полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ; танцовали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ екатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, сударики вы мои, любились Евстафій да Марья, только, наконецъ, и скажи ея матка князю Юрью: что такъ, молъ, и такъ, нѣкто сотничій сынъ, изъ Изюмской слободской провинціи, государевъ сержантъ, Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку, что онъ поистинѣ отмѣннаго нрава, самъ молодецъ, добрыхъ родителевъ, и что есть у его казака-отца не мало маетностей, садовъ, лошадей, овецъ,

одёжи и всякаго добра. Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только объ Евстафіи, но и о его родителѣ: обозвалъ обоихъ хохлацкимъ мужичьёмъ и дегтярниками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозя отодрать его батогами, коли узритъ по близости Марьи. Приняты были, должно-статься, тутъ же мѣры крутенькія. Княжескіе лакеи припасли въ передней, по барскому велѣнію, пукъ розогъ; а ночью, у оконъ Марьюшки, ходили сторожа и разъ, заслышавъ впотьмахъ близъ сада чей-то конскій топотъ, подняли на княжеской дачѣ такую пальбу изъ мушкетовъ, что съ барышней сдѣлался отъ страху припадокъ, и ее насилу къ утру отходили. Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла-чахла и кончила тоже, ангелы мои, совсѣмъ плохо... Пошла Марьюшка съ каммермедхеной своей на рѣку Волынку на дачѣ купаться. Лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только матка Марьюшки ждать-пождать, нѣту дочки и каммермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣчки, представьте, нашли только зеленое голландское шелковое платьице Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смердьи обноски этой недогляды-каммермедхены. Значитъ, обѣ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно, какъ камешки. Приволокли невода и лодку, царева хозяйка матросовъ съ острововъ нагнала, искали утопленницъ и не нашли. Порѣшили, что теченіемъ унесло ихъ въ море».

— Что жъ, и вправду утонула Марьюшка? — спросила опять нетерпячая правнучка.

— Ахъ, монъ-кёръ! да сиди ты, егоза, все узнаешь!

«Ударился о землю князь Юрій, не мало плакалъ съ фавориткой; долго служили они панихиды, справляли поминки и угощали нищихъ. На это-то, весьма ужасное и притомъ по истинѣ мерзкое горе-злосчастье и наѣхалъ, представьте. посланный отца, Кирюшка Горличка. Узналъ онъ про все, Евсташи тоже не отыскалъ и долго не рѣшался къ сотнику не то что обратно ѣхать, а даже и писать. Ходилъ онъ, ходилъ по Питеру, да ужъ какіе-то господа, ѣдучи въ Кіевъ на богомолье, довезли его и высадили на пограничной украинской линіи въ Бѣлгородѣ.

«Такъ протянулось, други вы мои, время до войны со

шведами и до самой Полтавской баталіи... Первыя слободки пустили отъ рѣки въ степь, какъ корни на вешней грядкѣ, другія слободки и хутора. Сотникъ же Данило, надо вамъ, миленькіе, доложить, жилъ со своими сукцедѐнтами и съ товарищами все тутъ же, на излюбленныхъ придонецкихъ мѣстахъ, все въ той же занятой, по черкасской обыкности, долинѣ, въ крѣпостцѣ и въ миломъ сердцу сотенномъ Пришибѣ, какъ прошла молва, что на выручку арміи подъ Полтаву, съ юга, отъ Азова, спѣшитъ со свитой черезъ тѣ окольности самъ царь Петръ Алексѣевичъ, а впереди себя послалъ отряды свѣжихъ войскъ. Ахти мнѣ! всполошились поселенцы. Какъ царя встрѣчать! Двадцать седьмого мая, какъ теперь помню, сказывалъ мужу свёкоръ, царь выѣхалъ изъ Азова степью на Бахмутъ, Изюмъ и Зміевъ; въ Изюмѣ онъ изволилъ кушать, справлять день своего рожденія и ночевать у г. Шидловскаго,—а второго іюня былъ уже въ Харьковѣ. Отстоялъ тамъ ясный соколъ-атъ нашъ, въ праздникъ Вознесенія, позднюю обѣдню, прочелъ всенародно, какъ есть среди соборнаго храма, апостола, осмотрѣлъ городъ и крѣпость, бурсака какого-то по-латынски спросилъ, съ бабами на базарѣ побалагурилъ, чье-то дитя бралъ на руки, ласкалъ. Въ тотъ же день его величество отъѣхалъ къ Полтавѣ и двадцать-седьмого іюня, на Сампсонія, разбилъ шведовъ. И, стало-быть, коли второго іюня царь Петръ Алексѣевичъ былъ въ Харьковѣ, то перваго іюня былъ онъ въ гостяхъ у сваво вѣрнаго изюмскаго сотника Данилы. Стоялъ тутъ въ Пришибѣ все еще старый липовый теремокъ, однимъ-одинъ у рѣки. Только вишенье, лѣсное орѣшье, да яблони возлѣ него разрослись, послѣ татарскаго погрома. А кругомъ, въ разсыпку по зеленой полянѣ, возлѣ крѣпостцы и на хуторѣ, стояли соломенные казачьи курени, сарайчикъ, мельницы, да маленькая въ лѣсу церковка. Наканунѣ, отъ сосѣдней слободки Балаклеи, показалось войско и, не доходя Пришиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванные, четверками, рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди, на парѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его трудно было и разсмотрѣть, показался какъ есть въ простой некрашенной одноколкѣ самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника,

Варварѣ Даниловнѣ, Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообѣдалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановлюсь; сдѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да зайду на пироги къ старику-сотнику, поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и флотиліи и за его полонное терпѣнье!» А поверхъ мѣловыхъ прибрежій Донца, отъ Изюма до Пришиба, гдѣ ѣхалъ царь, опять, дѣтушки мои, полнымъ цвѣтомъ цвѣли некошенныя поля, жаворонки заливались, дрофы да стрепеты перелетали; снизу же, отъ Донца-рѣки и отъ озеръ доносились, словно райскіе, запахи всякіе, да звонкіе крики дикихъ гусей, журавлей и лебедей. И нѣсколько разъ онъ, ясный соколъ-атъ нашъ, останавливался и заставлялъ ординарцевъ да генераловъ свиты рвать пучки цвѣтовъ. «Часть поднесемъ въ презентъ хозяйкѣ въ Пришибѣ, а остальное пошлемъ на пробу въ Питеръ, въ гофъ-аптеку; нѣтъ ли тутъ какихъ хорошихъ цѣлебныхъ зеліевъ?» И царская свита, морщась отъ жары да пыли, рвала тѣ самые цвѣты, которые и я вамъ, дѣтушки, старая бабка Апенька, рву иной разъ и донынѣ. Сотня въ строю, на коняхъ, въ оружіи и съ пушкой встрѣтила царя, отдала ему честь, выпалила салютъ, крикнула виватъ и поскакала за нимъ сперва къ крѣпости, а потомъ и къ сотниковой усадьбѣ. Царь, потирая поясницу, весь въ пыли и сильно загорѣлый, въ шелковомъ синемъ кафтанѣ, слѣзъ съ повозки, снялъ шляпу, утерся это платочкомъ, прямо такъ на всѣхъ поглядѣлъ, поклонился и сермяжной братіи, ступилъ на старенькое крыльцо, такъ что половицы заскрипѣли и столбики дрогнули, и шагнулъ въ свѣтлицу, гдѣ уже въ прохладѣ стояла съ хлѣбомъ-солью старая сотничиха Анна, былъ накрытъ столъ и закуска приготовлена. «А! воеводиха! отвоевалась отъ татаръ! Ну, Данило Даниловичъ, слѣзай-ка и ты съ коня, да веди къ себѣ въ гости!» Вошелъ онъ, ясный соколъ, въ теремъ, озираясь на глиняный полъ да на бѣлыя мазаныя стѣны, и сѣлъ за этотъ вотъ самый, что стоитъ у окна, крашеный бѣлый столъ, съ размалеванными на немъ, какъ видите и теперь, тарелками, ножами и солонкою. «А кто это у васъ?»—спросилъ царь хозяевъ, отряхая съ камзола пыль и увидавъ тутъ же въ комнатѣ красивую, но худенькую молодую бабёнку, въ шелковомъ корабликѣ поверхъ русыхъ волосъ, которая, какъ видно, была на сносѣ. Не собрались старики

отвѣчать, съ низкимъ поклономъ, его величеству, что это, молъ, ихъ невѣстушка, какъ въ горницу стала подваливать царская свита и всѣ ближнія креатуры его величества. А со свитой вошелъ и князь Юрій Трубецкой. «Ай! батюшка-князь!»—вскрикнула не своимъ голосомъ сотникова невѣстка, увидавъ князя: пошатнулась, да тутъ же, на порогѣ, словно вотъ помертвѣла, и грохнулась ô-земь. Царь кинулся къ ней, поглядѣлъ это сердито кругомъ, ухватилъ князя Юрья за руку и крикнулъ: «говори мнѣ, Юрій, сущую правду!» А князю не до того; упалъ передъ дочкой на колѣни, плачетъ, дрожитъ, цѣлуетъ ея руки и говоритъ только: «покойница, ваше величество, покойница!» Промолвила тутъ старая сотничиха Анна: «казни насъ, царь-батюшка, только все выслушай!» и тутъ же передала государю, милые вы мои, какъ было все это дѣло: какъ за ея сына, Евсташу, не давалъ князь Юрій Марьюшку, какъ вышла дѣвка на рѣку Волынку, раздѣлась и бросилась въ воду, какъ бы утопилась. А на другомъ берегу, сударики вы мои, въ камышахъ ее ждала подговоренная нѣкая надежная бабка-голландка съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а по близости, въ березахъ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми конями; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу, въ украинскія придонецкія мѣста. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителевъ. А что отца-князя о себѣ два года Марья Алексѣевна не оповѣщала, такъ потому, что боялась его княжескаго, да и вашего, молъ, царскаго гнѣва! «Клади, князь Юрій, гнѣвъ на милость!» рѣшилъ царь. Князь послушался. Робкій Евстафій, вообразите, забѣжалъ тѣмъ временемъ со страху въ вишни. Его отыскали; князь молодыхъ тутъ же благословилъ. И когда царь сѣлъ опять за столъ, выпилъ рюмку запеканки и сказалъ: «горько!» — Евстафья и Марьюшку, передъ персоною самого царя, заставили поцѣловаться, а изъ сотницкаго подвала выкатили бочку меду, и пиръ пошелъ такой, что послѣ обѣда царь велѣлъ отпрячь лошадей, закурилъ трубку, разстегнулся и сказалъ: «ну, минъ-герръ-сотникъ, теперь ужъ угощай»—сѣлъ съ генералитетомъ за пуншъ и остался тутъ компанствовать до разсвѣта. И каково же? Царь пируетъ съ подданными, а съ надворья въ окна вся слободка глядѣтъ сбѣжалася. Да и была къ тому

веселью другая причина. Марья Алексѣвна, ужъ больно, видно, испугалась нежданной встрѣчи съ отцомъ, да къ ночи, нѣсколько ранѣе срока, и родила царю новаго подданнаго, старшаго брата, сударики, мужа маво, Якова Евстафьевича. Свадебный пиръ смѣнился къ полночи крестинами. Царь велѣлъ отпереть и освѣтить церковь и самъ, ставя свѣчи и подтягивая каноны хмельному попу, былъ за крестнаго отца у новорожденнаго. Откуда взялъ тутъ царь пару небольшихъ колоколовъ, можетъ, съ собою въ другія мѣста везъ, только послѣ крестинъ и говоритъ: «плохи у тебя, Данило Даниловичъ, колокола; глухи что-то голосомъ; никто за лѣсомъ и не услышитъ, что тутъ у васъ служеніе! я тебѣ другіе повѣшу!»—и самъ, вообразите, стащилъ ихъ на колокольню. Они и донынѣ у насъ висятъ въ Пришибѣ... Уѣзжая-жъ до восхода солнца далѣе въ Харьковъ, зашелъ къ родильницѣ и сказалъ ей: «прощай, кума Машенька, да роди больше мнѣ такихъ крикуновъ; и дай, я тебя на прощанье поцѣлую; только извини, чеснокомъ закусилъ вашу пеканку!» Надѣлъ Марьюшкѣ аметистовый вотъ этотъ самый перстенёкъ съ своего мизинца, подарилъ ей пучокъ нарванныхъ дорогою полевыхъ цвѣтовъ, посадилъ у крыльца въ саду жолудь и уѣхалъ... Такъ вотъ вамъ исторія перстня.

«Да вотъ еще что̀, мои дѣтушки... Совсѣмъ стара стала, забыла! Ужъ въ какое время, вечеромъ ли засвѣтло, послѣ ли обѣда, али ночью, при мѣсяцѣ, только прослышалъ его величество, что между сотниковымъ хуторомъ и крѣпостцой въ лѣсу есть по-близости озеро Лебяжье, и на немъ, для рыбной ловли, устроенъ такой небольшой катеръ. Что̀ же вы думаете? Велѣлъ себя везти туда, потащилъ съ собой сотника и весь генералитетъ и проѣхался раза три по озеру; ставилъ паруса, заставлялъ стрѣлять изъ мушкетовъ съ катера, въ честь новорожденнаго, и всѣхъ благодарилъ, начальство и казаковъ. Старый Данило тоже подгулялъ и только все кланялся, а при отъѣздѣ царя, какъ упалъ ему въ ноги, такъ насилу его подняли.

«Послѣ Полтавской баталіи государь прислалъ сотнику изъ Батурина пару шлёнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Питера въ скорости и крѣпостную грамоту на владѣніе, какъ бы вы думали чѣмъ?—десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но, какъ потомъ объявилось, и съ самими казаками... Да, дѣтушки

мои! Данило потомъ подпалъ подъ гнѣвъ царя, былъ взятъ по доносу въ Питеръ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, и тамъ, въ крѣпости, хотя и оправдался, въ скорости умеръ. Во власть же и въ подданство его сукцедентовъ, по царской грамотѣ, да по Божьей милости, попали не только свои братья-казаки, но и названный его кумъ Иванъ Жукъ, съ товарищами, принятые сотней, и сосѣдъ его Кирюшка Горличка, со всѣми домочадцами. Люди, разумѣется, были все темные, какъ есть мужички. Да и самъ сотникъ Данило, несмотря на рангъ, какъ жилъ, такъ и умеръ еще по простотѣ. Евстафій же Даниловичъ, по смерти отца, подобрѣлъ, зажилъ припѣваючи, на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталъ носить и парикъ съ буклями; отъ царскихъ же овецъ повелъ огромныя стада. А владѣя крестьянами, онъ потомъ получилъ и дворянство. При пресвѣтлой царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, господинъ лейбъ-гвардіи маіоръ Хрущовъ производилъ тутъ первую ревизію. Тогда Евстафій Даниловичъ былъ уже изюмскимъ полковникомъ, съ Минихомъ въ Крымъ ходилъ, — и за нимъ по ревизіи записали навѣки всѣхъ жильцовъ его придонецкихъ земель. И хотя у Евстафія и Марьи Алексѣевны дѣти померли, и окромя сына Якова, не осталось въ живыхъ дѣтей, но и Яковъ Евстафьевичъ-атъ мой вышелъ тоже изъ себя, предъ всѣмъ своимъ родомъ, мужчина уважительный и средостепенный, строгаго нрава хозяинъ и подданнымъ своимъ не потатчикъ! Его не учили такъ, какъ его родителя; но онъ умеръ, по милости Божьей и матушки царицы, какъ подобаетъ столбовому дворянину: въ чести, въ богатствѣ и въ холѣ; мнѣ приказалъ быть во всемъ хозяйкою до смерти и ѣздилъ изъ Харькова въ Питеръ по дѣламъ, не то, что мелкія нонѣшнія сошки, а восьмерикомъ, въ желтомъ этакомъ рыдванѣ, съ двумя фалеторами и съ двумя же лакеями. Одна бѣда: не удалось ему, моему дружку, до конца жизни быть въ дворскомъ фаворѣ и въ случаѣ. Гордъ былъ, оттого не дошелъ... А изъ царскаго жолудя выросъ, какъ видите, въ нашемъ саду большущій дубъ. Когда Иванушка вѣнчался, мы подъ этимъ дубомъ уже десерты кушали и венгерское пили... И пока дубъ этотъ будетъ въ цѣлости рости, нашему богатству и родовому гонору, дѣтушки мои, вѣрьте мнѣ, не переставать, а цвѣсти въ знатности, въ силѣ и въ славѣ во вѣки...»

Прабабушка Анна Петровна, на этотъ разъ, говоря о своемъ мужѣ, покривила душой. Не столько ее огорчалъ графъ Аракчеевъ, заколачивая палками, по сосѣдству съ ней, потомковъ первыхъ населителей Донца, не хотѣвшихъ обращаться огуломъ въ уланъ и въ драгуновъ, сколько втайнѣ огорчалъ ее этотъ самый милъ-дружокъ, Яковъ Евстафьевичъ, съ нею вмѣстѣ полвѣка спокойно державшій часть этихъ населителей въ самомъ строгомъ крѣпостномъ состояніи. Взялъ онъ Анну Петровну небогатою фрейлиной, изъ-за связей, отъ царицына петербургскаго двора, будучи подъ тридцать лѣтъ. Болѣзненный меланхоликъ, онъ былъ корыстолюбивъ и скрытенъ, рѣдко съ кѣмъ видѣлся, постоянно ворчалъ и сердился, велъ безконечныя тяжбы съ сосѣдями и, еще задолго до отъѣзжихъ полей и пировъ избалованнаго имъ и не особенно любимаго сына Иванушки, умудрился этими процессами и стекляннымъ, въ убытокъ веденнымъ, заводомъ сильно разстроить огромныя, пожалованныя Данилѣ, помѣстья и, между прочимъ, наполовину истребилъ у себя обширные, вѣковѣчные придонецкіе лѣса. До женитьбы онъ былъ слабъ, какъ послѣ и сынокъ, въ отношеніи красавицъ, и не разъ даже открыто, черезъ слугъ своей молодечни, отбиралъ на время женъ у мужей. А обвѣнчавшись, жену держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и, кромѣ книгъ, да прогулокъ со слугами пѣшкомъ и верхомъ, не давалъ ей отъ ревности никакого развлеченія. Онъ умеръ въ чахоткѣ, завѣщавъ женѣ, отъ непреодолимаго страха смерти, построить большой каменный храмъ. Прабабушка никому на него не жаловалась. Но ея затаенныя укоризны покойному милу-дружку Якову Евстафьевичу сказались сами собой. Послѣ нея остались любимыя ею книги, романы прошлыхъ, забытыхъ временъ: Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ острову; мальчикъ, наигрывающій разныя штуки колокольчикомъ; Алексисъ, или домикъ въ лѣсу, и похожденія Жильблаза-де-Сантилланы. Вездѣ въ этихъ книгахъ были подчеркнуты слова, въ родѣ: «о, странное и горестное непостоянство вещей! о, удивительная измѣна и разность сердца человѣческаго!» или: «кроткому духу нравится рѣзвое журчаніе ручейковъ и густая тѣнь рощей, а особенно тогда, когда я, о люди, схоронилъ свое сердце далекó, далекó!» Сбоку этихъ строкъ рукою прабабушки написано: «увы, какъ это вѣрно».

Умерла прабабушка Анна Петровна спокойно, сознательно и рѣшительно. У нея давно былъ припасенъ самый нарядъ на смерть: новое черное гродетурбовое платье, безъ шлейфа, бѣлая буфмуслиновая косынка на плечи, черный тюлевый чепецъ и бѣлый батистовый платочекъ, для подвязанія въ гробу нижней, при жизни ослабѣвшей челюсти. Почувствовавъ приближеніе кончины, она призвала отца Авдія, попа новой каменной церкви (а попъ былъ маленькій, худенькій, бѣдный, но сварливый, задорный и себѣ на умѣ) и долго съ нимъ уговаривалась о подробностяхъ собственныхъ похоронъ: о мѣстѣ погребенія, чтобы могила въ фамильномъ склепѣ не затекла водой съ сосѣднихъ бугровъ, о томъ, кого звать на отпѣваніе и кого не звать, изъ крупныхъ и мелкихъ знакомцевъ; быть ли постороннему духовенству и сосѣднимъ пѣвчимъ и, наконецъ, о платѣ ему, попу, за погребеніе и за поминальный сорокоустъ. Попъ просилъ за послѣднюю статью пятьдесятъ рублей ассигнаціями, увѣряя, что дороги стали свѣчи, ладанъ, вино и мука, а прабабушка давала двадцать-пять; сошлись на сорока. Покончивъ съ попомъ, она позвала сына Иванушку и его ученую и всѣми любимую супругу, объявила имъ, на чемъ порѣшила съ упорнымъ попомъ, и прибавила: «смотрите же, дѣтушки, больше ему, кутейнику, не давайте; Авдіевой попадейкѣ, пожалуй, прибавьте десять ульевъ. Она меня больную развлекала... Да положите въ гробъ со мной царскій перстень и пучокъ ландышей, али иныхъ цвѣтовъ. Царскій Марьюшкинъ пучокъ, кажись, затеряли, какъ иконы мыли. Да теперь легко собрать свѣженькихъ! слышу изъ комнаты, по зарямъ, птицы летятъ изъ-за моря; въ воздухѣ точно вотъ молодымъ виномъ пахнетъ; значитъ, степь и лѣса расцвѣтаютъ!»

Незадолго до смерти, Анна Петровна сказала сыну: «хочу посмотрѣть, какъ ты управляешься по хозяйству!» и объявила, что желаетъ, во что бы то ни стало, взглянуть на табунъ лошадей, кормившійся на зимовлѣ, за Донцомъ, въ ея хуторѣ, на рѣкѣ Богатой. Иванъ Яковлевичъ безпрекословно рѣшилъ выполнить волю матери и, какъ ни трудно было, въ начинавшуюся распутицу гнать рѣзвый и дикій табунъ во сто лошадей, его благополучно привели къ Донцу и чрезъ самый Донецъ, по сильно таявшему и посинѣлому льду. Но едва, съ громкимъ ржаніемъ, передовые рослые жеребцы, а потомъ и весь красивый табунъ выдѣлился изъ

весенняго тумана и ступилъ на рѣченку, по которой расположенъ Пришибъ, ледъ подломился, и всѣ лошади, за исключеніемъ одного невзрачнаго пѣгаго мерина, потонули. Иванъ Яковлевичъ, бывшій при этой переправѣ, заплакалъ и воротился домой повторяя: «это даромъ не пройдетъ: видно, матушкѣ жить недолго!» Потопленіе табуна, однако, отъ старушки скрыли.

Съ той поры прабабушка стала забываться и умерла, передъ вечеромъ, незадолго до вешняго Николы. Въ гробу она лежала маленькая, сухенькая и легенькая, совсѣмъ дитя, а не та властительная и важная помѣщица, изъ питерскихъ статсъ-фрейлинъ, къ которой весь уѣздъ въ оны дни съѣзжался на поклонъ. И хотя она умерла такъ тихо, что не скоро о томъ въ постоянно-суетливомъ дворѣ сына и спохватились, но горничная, стриженая Ульянка, не отходившая въ послѣднія недѣли отъ ея порога, передавала впослѣдствіи на кухнѣ, что старая барыня не разъ передъ смертью по ночамъ вскакивала на постели, въ тоскѣ и въ горести ломала руки, требовала зеркало, смотрѣлась въ него, чесала гребнемъ сѣдые всклоченные волосы и съ блуждающими глазами тихо съ отчаяніемъ про себя восклицала, какъ-бы зовя кого-либо изъ давно умершихъ, далекихъ друзей: «ахъ, Пашковъ, Пашковъ! милъ-сердечный дружокъ, гдѣ ты, гдѣ ты?»

Яковъ Евстафьевичъ, мужъ прабабушки, фамиліи Пашкова не носилъ, и какая драма крылась въ этихъ предсмертныхъ восклицаніяхъ Анны Петровны, осталось, вѣроятно, навсегда неразъясненнымъ, такъ какъ дневникъ ея невѣстки, который та, по преданію, вела, донынѣ пока въ семейныхъ бумагахъ не отысканъ. Полагаютъ, что лакей Абрамка употребилъ его на обертываніе свѣчей. Царскій перстень также затеряли-было, и потому въ кирпичномъ склепѣ, надъ гробомъ старушки, оставили окошечко, которое долго пугало робкихъ прихожанъ и куда потомъ ея внуки, дѣйствительно, бросили этотъ перстень, найдя его въ закладѣ у сосѣдняго жида.

У меня хранится отличный портретъ масляными красками Анны Петровны, съ портретами ея сына и невѣстки.

Вслѣдъ за смертью прабабушки, въ Пришибъ и въ остальныя слободы ея сына налетѣли, въ зеленыхъ вицъ-мунди-

рахъ, приказные, все описали за безпутное мотовство владѣльца, оцѣнили и оповѣстили къ продажѣ съ молотка. И хотя не все въ конецъ было продано съ публичнаго торга, но родъ Данилы съ тѣхъ поръ сильно обѣднѣлъ и разсѣялся. Въ проданномъ лѣсу, на мѣстѣ крѣпостцы, недавній владѣлецъ выстроилъ сахарный заводъ, и въ его огромную, далеко видную красную трубу буквально вылетѣлъ весь лѣсъ, какъ засѣянный дѣдушкой для дичи, такъ и выросшій послѣ стекляннаго завода прадѣдушки.

Одинъ могучій дубъ, полтораста лѣтъ назадъ посаженный предъ домомъ давно несуществующей хуторской усадьбы сотника, стоитъ и теперь свѣжъ и крѣпокъ, на тридцать шаговъ кругомъ простирая, въ заглохшемъ и одичаломъ саду забытаго помѣстья, темныя и густыя вѣтви. Вблизи отъ него, у обветшалой каменной церкви, недавно пріютилась, крестьянская волостная школа. Дѣти вновь получившихъ волю поселянъ, рѣзвою гурьбой, съ удочками и съ книжками, пробираются изъ школы, чрезъ рвы и плетни новыхъ усадебъ, къ рѣкѣ и иной разъ прячутся отъ дождя и солнца подъ дубомъ. Между ихъ кличками уже не слышно прозвищъ ни Жука, ни Горлички. У нихъ нѣтъ прошедшаго, но для нихъ слагается новое будущее. Отцы ихъ пашутъ и сѣютъ теперь уже не на сотника Данилу и не на его внуковъ и правнуковъ, а на новаго хозяина, на сосѣднюю чугунку. Врѣзалась она недавно, снося старые хутора, сады и усадьбы, въ окрестныя мѣста и, что ни день, выкрикиваетъ: «пшеницы, ребята, пшеницы! а за нее вотъ вамъ деньги, а съ ними будетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ и та воля, которой вы тутъ такъ долго искали?»

Прабабушку Анну Петровну въ окрестности всѣ забыли. Случайно о ней напомнило, не такъ давно, одно обстоятельство.

Въ хозяйственныхъ книгахъ прадѣдушки, найденныхъ между старинными нотами и театральными костюмами въ сундукѣ одной умершей, совершенно бѣдной старушки, отысканъ рукописный календарь-дневникъ, куда прадѣдушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вкратцѣ вписывалъ разныя достопримѣчательности своего давно забытаго домашняго обихода. Противъ февраля 1768 года въ этомъ календарѣ написано: «подарилъ Ашенькѣ безподобной яхонтъ и часы отъ Лепика. Иванушка и учитель его, Григорѣвской, любо-

вался». Противъ іюля 1770 отмѣчено: «бѣжалъ садовникъ Максимка Жукъ и поваръ Лука Горличка бѣжалъ же; смутно и у сосѣдей, братецъ капитанъ-исправника, господинъ маеоръ, слышно, умеръ отъ руки своихъ людей». Противъ августа 1775 года стоитъ отмѣтка: «бѣжала дѣвка Нешка, и я за нее попалъ у Ашеньки въ суспицію». А противъ марта 1780 года написано: «укрощалъ Ашеньку, дважды запирая на три сутки въ банѣ, за придирки и за скуку. Женское жеманство тѣмъ исправляется».

1871 г.

II.

ТѢНЬ ПРАДѢДА.

(Лейбъ-кампанецъ).

Въ рукописномъ календарѣ-дневникѣ моего прадѣда, Якова Евстафьича Данилевскаго, подъ 1776 годомъ, уцѣлѣла замѣтка: «13-го іюня, въ понедѣльникъ, заложилъ я хуторъ азовской губерніи, на рѣкѣ Богатой». Подъ 1778 годомъ, тамъ же прибавлено: «іюля 24-го, во вторникъ, въ полночь пріѣхали въ хуторъ на Богатую—я, Ашенька, Иванушка и учитель Григорѣвской. Тогда во оныхъ пустошахъ селяне бѣжали, а сосѣду моему по тому хутору, лейбъ-кампанцу ея величества покойныя императрицы Елисаветъ Петровны, г. Увакину, по его, впрочемъ, квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же поступкамъ, его подданными тогда же содѣянъ столь неподобной и ужести находящій афронтъ, что хотя бы я на свѣтѣ не былъ,—*тѣнь моя* да скажетъ о томъ потомству...»

Яковъ Евстафьичъ очутился сосѣдомъ лейбъ-кампанца Увакина, вслѣдствіе того обстоятельства, что пожелалъ, въ рѣдкій часъ фавора къ моей прабабкѣ Аннѣ Петровнѣ, сдѣлать ей отмѣнный презентъ. А именно, подъ вліяніемъ недавнихъ преданій о заселеніи этого края, онъ задумалъ сперва населить, а потомъ сюрпризомъ за нею укрѣпить плодородную дикую степь въ 7.000 десятинъ, купленную имъ съ торговъ за четыре тысячи рублей ассигнаціями, отъ генерала Штоффельна. Земля же эта находилась въ тогдашней азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи,

между рѣчекъ Богатой, Богатѣньки и Лазовой, и болѣе чѣмъ въ ста верстахъ отъ Пришиба, родового помѣстья прадѣда.

Затѣявъ населить для жены хуторъ, Яковъ Евстафьичъ изъ сыромятины соорудилъ кожаную калмыцкую кибитку, взялъ съ собой изъ Пришиба крѣпостныхъ рабочихъ и купленнаго передъ тѣмъ въ Москвѣ у Архарова приказчика Михайлу Портяного, перваго развѣдчика и доглядчика выбранной степи, и, въ ожиданіи купленныхъ гдѣ-то подъ Тулой крестьянъ, переѣхалъ готовить для переселенцевъ избы, сараи для скота и водопой.

Постройка зданій, по тогдашнимъ затрудненіямъ въ добычѣ припасовъ, запоздала. Сверхъ того, при переводѣ купленныхъ крестьянъ, въ началѣ случились тоже какія-то непредвидѣнныя преграды. А потому, въ первыя два лѣта по покупкѣ земли, Яковъ Евстафьичъ, несмотря на слабое здоровье, по временамъ наѣзжая на Богатую и проживая въ калмыцкой кибиткѣ, разбитой у опушки круглаго степного лѣска, сильно скучалъ.

Вѣчно озабоченный хозяйствомъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ то въ губернскій городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разсказовъ Ашеньки, на которую онъ, впрочемъ, дома то-и-дѣло ворчалъ. А тутъ, вмѣсто лѣсныхъ береговъ Донца и густо-населеннаго Пришиба, дикопорожняя и глухая степь.

Яковъ Евстафьичъ любилъ, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, водятся сверчки. И если они иной разъ оттуда исчезали, онъ отряжалъ Ашеньку къ кому-либо изъ сосѣдей. Анна Петровна останется въ гостяхъ ночевать, разстелетъ на полъ простыню, станетъ водить шпилькой по зубьямъ коснаго гребня, подманитъ тѣмъ изъ-за печки и изъ щелей нѣсколько сверчковъ и привезетъ ихъ въ коробочкѣ мужу. А иногда и самъ Яковъ Евстафьичъ наловитъ пѣвуновъ у кого-нибудь изъ дворовыхъ и напуститъ себѣ въ опочивальню. И по цѣлымъ вечерамъ, особенно зимой, сидитъ, бывало, у окошка и слушаетъ, приговаривая: «эка хорошая музыка! Точно скрипачи! Лихо сладились! Семь человѣкъ сегодня пѣло». Приказчикъ Портяной зналъ обычай барина и, разбивъ кибитку у лѣсного кругляка, въ пер-

вое же лѣто и прежде всего то сухарями, то кашей привадилъ туда цѣлую пѣвческую капеллу разнообразнѣйшихъ полевыхъ сверчковъ, которымъ въ окрестной травѣ вторили тысячи товарищей.

Во второе лѣто Яковъ Евстафьичъ сталъ брать въ побывку на Богатую учителя Иванушки, Григорѣвскаго. Это былъ рослый и худой бурсакъ, вѣчно потѣвшій, робкій и молчаливый, разъ въ мѣсяцъ аккуратно напивавшійся мертвецки и ходившій въ длиннополой нанковой парѣ ярко-желтаго цвѣта, такъ что издали казался большою канарейкой. Яковъ Евстафьичъ любилъ съ нимъ поспорить о философіи и о тайнахъ природы, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ только мистикъ, а Яковъ Евстафьичъ къ тому же еще и масонъ, изъ извѣстной ложи Елагина: землякъ и однокашникъ по кадетскому корпусу извѣстнаго Мировича. За учителемъ водилась еще одна странность, доставлявшая много веселости Якову Евстафьичу. Изъ бурсы учитель вынесъ привычку самъ себѣ мыть не только бѣлье, но и платье. Какъ заноситъ, бывало, то и другое, выждетъ время и шмыгнетъ въ садъ къ пруду, либо на донецкія озера въ лѣсъ. Сниметъ платье и бѣлье, осмотритъ все, отстегнетъ изъ-подъ лацкана запасную иглу, заштопаетъ что надо, да тутъ же и вымоетъ, какъ слѣдуетъ, и развѣситъ сушиться по кустамъ, а самъ разляжется въ прохладныхъ струяхъ на пескѣ и думаетъ: «Вотъ, кабы сюда еще да бутылочку токайскаго, либо пивца!» Яковъ Евстафьичъ поглядѣлъ его нагишомъ за такими упражненіями и съ тѣхъ поръ не могъ на него смотрѣть безъ смѣха.

Учитель пріѣхалъ на Богатую не одинъ. Онъ привезъ съ собою и любимаго Якова Евстафьича ручного журавля, по имени генеральсъ-адъютанта. Нѣсколько лѣтъ этотъ журавль жилъ въ Пришибѣ и такъ привыкъ къ людскому обиходу и суетѣ, что зимой не выходилъ изъ птични, а лѣтомъ, съ прочими домашними пернатыми, весь день гордою поступью шагалъ по двору, клюя всякую всячину и воюя за помои съ собаками и свиньями. Зато осенью, когда по небу тянулись вереницы его дикихъ товарищей, сѣрый журка по цѣлымъ днямъ стоялъ задумавшись и затѣмъ вдругъ начиналъ ногами и крыльями выдѣлывать неистовые и уморительные прыжки. Но какъ генеральсъ-адъютантъ ни старался подняться въ воздухъ, его манило снова назадъ

къ землѣ, въ знакомый дворъ, и, обогнувъ садъ и выгонъ, онъ кругами опускался опять либо на крышу кухни, либо на погребъ и, какъ-бы для развлеченія, усердно принимался долбить носомъ какую-нибудь кухонную дрянь или бабье тряпье. «Что, братъ, журка, не полетишь?» подтрунивалъ надъ нимъ Яковъ Евстафьичъ, стоя на крыльцѣ и вспоминая собственные молодые годы, дружбу съ Мировичемъ и службу въ пѣхотномъ Псковскомъ полку: «видно, не до товарищей теперь, дурачина! привыкъ, обабился, вотъ и сиди!»

Но едва учитель привезъ журавля на Богатую, на другой же день, около вечера, заслыша въ камышахъ гортанные оклики привольной и дикой стаи товарищей, генеральсъ-адъютантъ исполнился тревогой, пересталъ ѣсть, а на утренней зарѣ какъ-то особенно пѣвуче и жалобно затурлы́калъ, взмылъ и улетѣлъ безъ возврата...

Скука на Богатой окончательно стала заѣдать Якова Евстафьича, особенно къ концу второй осени, когда вчернѣ поспѣли жилья для переселенцевъ и, расчиститивъ подъ горой три самородные ключа, онъ занялся пахотью и посѣвомъ подъ зябь. Ничто не помогало: ни еженедѣльныя каракульки сына, ни ласковыя цидулки къ милу-дружку отъ самой Ашеньки, что-де пора вамъ, свѣтикъ, возвратиться и ужъ не полонила-ль вашего сердца какая-нибудь захожая степнячка?» — «Гм! донынѣ глупая баба ревнуетъ!» подумалъ Яковъ Евстафьичъ, почесывая въ затылкѣ. Даже не веселили его поспѣвшія господскія горницы, а наконецъ, и большой табунъ лошадей, съ восемью жеребцами, въ тотъ годъ переведенный сюда съ луговъ изъ При́шиба.

И вотъ, чтобы развлечь барина, приказчикъ Портяно́й однажды сказалъ ему:

— Что̀, ваша милость? Послушайте-ка вы мои рабскія рѣчи. Сѣсть-то поселкомъ мы сѣли, строимъ жилья, нарыли колодезей и насѣяли хлѣба до вешняго теплаго дня. А сосѣдей-то и не почествовали. Не купи двора, купи сосѣда! Съ сосѣдомъ жить въ миру, все къ добру.

— Такъ, такъ, Михайлушка. Да кто же тутъ у насъ, скажи ты мнѣ, стоющіе сосѣди?

— А хоть бы и г. Увакинъ, лейбъ-кампанецъ. Я ужъ вамъ не однова̀ про него докладывалъ. Онъ въ Питерѣ служилъ, и сами, чай, изволили слыхать тётку нонѣшней ца-

рицы, покойную царицу Лизаветъ Петровну, съ товарищами посадилъ на царство... Онъ это съѣзжалъ куда-то, а нонѣ съ Покрова опять тутъ объявился въ своемъ владѣніи.

— Ой-ли? Далече ли его зимовникъ и отъ кого ты про него узналъ?

— Верстахъ въ пятнадцати сидитъ, внизъ по Лозовой, промежъ трехъ яровъ, коли слыщали. Чунихинскій попъ про него сказывалъ. Баринъ ужъ старый, начетчикъ такой и пребѣдовый. Всѣ его тутъ боятся, особливо-жъ женскій полъ. И коли ваша милость пожелаете его узрѣть надоть поосторожнѣе: какъ бы не изобидѣлъ... Гордости великой человѣкъ, хоть и изъ простыхъ рядовыхъ, — извините,—въ столбовые вышелъ...

Якова Евстафьича, впрочемъ, трудно было испугать кѣмъ бы то ни было. Онъ и обыска, и спроса по дѣлу Мировича не испугался, когда къ нему въ имѣніе налетѣлъ самъ намѣстникъ, тутъ-же, впрочемъ, спасовавшій передъ его женой, извѣстной самой государынѣ. А потому, недолго думая, онъ сперва отписалъ къ Увакину вѣжливое письмо, увѣряя его въ дружбѣ и въ уваженіи, а затѣмъ снарядилъ и послалъ къ нему учителя Григорѣвскаго, съ порученіемъ просить его «лейбъ-кампанское благородіе» къ себѣ на побывку въ гости. Семинаристъ отъ сосѣда былъ привезенъ подъ такимъ сильнымъ подозрѣніемъ въ презнатной выпивкѣ, что прежде всего надо было уложить его спать. А потомъ отъ него узнали слѣдующее: «я-де Увакинъ, тоже старъ и хотя былъ, дѣйствительно, когда-то рядовымъ, но ко мнѣ нонѣ ѣздятъ не токма знатные дворяне, а и генералы, да и самъ г-нъ азовскій губернаторъ неоднова-де являлся ко мнѣ на рандеву и какъ слѣдъ отдавалъ решпектъ по всей, то-есть, подобающей аттенціи! Инъ пусть же господинъ поручикъ Яковъ Астафьичъ самъ первый ко мнѣ пожалуетъ».—«Фанфаронъ!»—фыркнулъ на это Яковъ Евстафьичъ. Однакоже, дѣлать нечего, перегодя, велѣлъ запрячь четверню воронопѣгихъ и, передъ возвращеніемъ Пришибъ, самъ съѣздилъ съ решпектомъ на рандеву къ сосѣду лейбъ-кампанцу: «побалую его, пса, можетъ, когда и пригодится. Вонъ тятенька мой, Евстафій Даниловичъ, веселилъ на бандурѣ князя Никиту Юрьича Трубецкого и за то полкъ изюмскій получилъ въ команду!»

Было свѣтлое, съ легкимъ морозцемъ, октябрьское утро. Калина Саввичъ Увакинъ встрѣтилъ Якова Евстафьича на завалинкѣ бѣлаго глинянаго домика, гдѣ онъ, въ волчьемъ тулупѣ и въ рысьей шапкѣ, грѣлся на солнцѣ и изъ кувшина просомъ кормилъ голубей, и сперва показался гостю такимъ сгорбленнымъ и невзрачнымъ старикашкой.

— Милостивѣйшему патрону и сосѣду привѣтъ! — искательно заявилъ о себѣ, вылѣзая изъ коляски, Яковъ Евстафьичъ.

— Прошу и меня нижайшаго жаловать; вашъ слуга! — съ аттенціей принялъ гостя и хозяинъ: — спасибо, что навѣстили меня, Калину! Собачья старость вотъ пришла. Вишенье развожу, птичекъ кормлю, да вѣдомости про нонѣшнія времена читаю. Не могу не благословлять Господа, что до-днесь, по волѣ ея величества, моей покойной императрицы Лизаветъ Петровны (тутъ Увакинъ всталъ и снялъ шапку), тридцать-пять лѣтъ на спокоѣ состою и довольствѣ, въ пречестномъ потомственномъ рассейскомъ дворянствѣ помѣщикомъ...

Гость и хозяинъ церемонно обнялись и присѣли на завалинкѣ.

Шестидесятилѣтній, медвѣдеобразный, съ бѣлыми кустоватыми бровями, почти безъ усовъ, и еще желѣзнаго здоровья, старикъ Увакинъ, родомъ изъ новгородскихъ поповскихъ дѣтей, какъ всталъ, говоря о Елисаветѣ Петровнѣ, да выпрямился, то оказался великаномъ сравнительно съ тщедушнымъ, лысенькимъ, слабымъ и невысокимъ гостемъ. Крупный и красный носъ Калины Саввича показывалъ, что онъ полюбилъ украинскую терновку и часто прикладывался къ ея бутылямъ, укромно глядѣвшимъ наружу чуть не изъ каждаго окна. А громкія побранки, съ которыми онъ раза два прикрикнулъ на вѣрнаго слугу, горбатаго Васильца, распоряжаясь пріемомъ гостя, говорили, что лейбъ-кампанецъ спозаранку уже былъ на второмъ взводѣ. Отсыпавъ другъ другу съ три короба изысканныхъ привѣтствій и комплиментовъ, новые знакомцы перешли въ вишневую куртину, гдѣ въ ту пору подсаживались новыя деревца, а оттуда въ горницу, и здѣсь Увакинъ началъ бесѣду о прошломъ и, главное, о великой перемѣнѣ приснопамятнаго 1741 года.

— Не тѣ нонѣ времена, Яковъ Астафьичъ, не тѣ! То ли

были дни, милостивый патронъ мой, какъ мы матушку красавицу нашу, Лизаветъ Петровну, становили на царство! А наипаче и особливо, сказала она, лейбъ-гвардія нашей полковъ по прошенію престолъ родителя нашего мы воспріять изволили... А? Слышите? И гдѣ у людей уши и память? Такъ, именно этими словами она о насъ и прорекла всему свѣту въ манифестѣ? Наипаче же и особливо!.. Всему царству сказала!.. Да вѣдь этихъ словъ, отцы родные, не стереть вамъ и не вырубить вовѣки. Вотъ онъ, вотъ манифестъ! читайте! — потащилъ онъ гостя къ стѣнѣ, на которой подъ стекломъ висѣлъ сѣрый, въ большой листъ, манифестъ 25-го ноября 1741 года.

Яковъ Евстафьичъ, видя волненіе Увакина, заговорилъ-было о хозяйствѣ и о своей семьѣ, о томъ, что вотъ и онъ небезызвѣстенъ двору, что царь Петръ Первый былъ въ гостяхъ у его дѣда, и родного его брата крестилъ на походѣ, а что по матери онъ сродни знатному роду Никиты Юрьича Трубецкого.

Не тутъ-то было. Увакинъ ушелъ въ спальню, воротился оттуда съ трубками кнастеру, одну подалъ гостю, а другую самъ закурилъ, и на вопросъ, какъ же онъ попалъ въ столь счастливый случай, началъ:

— Дѣло было, коли хотите знать, милостивый патронъ мой, таково. Спали наши преображенцы въ свѣтлицахъ своихъ на Литейной. Ночь была — ухъ! — какова морозная. Я былъ на часахъ, и только-что вышелъ изъ караульни, слышу скрипъ полозьевъ: летятъ шибко, но безъ шуму, трое саней по Литейной перспективѣ, да прямо-то къ нашей съѣзжей избѣ; на ея мѣстѣ послѣ Спасъ Преображенія царица поставила. Изъ первыхъ саней выходитъ сама царевна Лизаветъ Петровна, съ дохтуромъ Лестокомъ, а за кучера у нея графъ Воронцовъ; изъ другихъ саней вышли кое-кто изъ вельможъ, и гранодеры у нихъ на запяткахъ. Въ рукахъ у царевны крестъ, черезъ плечо кавалерія, въ лисьей шубѣ, а сама, сердечная, такъ и дрожитъ, зубъ на зубъ не попадетъ, не то отъ мороза, не то отъ страха. Барабанщикъ ударилъ-было тревогу; только дохтуръ кинулся къ нему и пропоролъ кожу на барабанѣ. Я бросился въ казармы, а ужъ здѣсь и вся наша рота бѣжитъ. «Что, ребята? — крикнула тутъ яснымъ такимъ да смѣлымъ голосомъ царевна: — знаете ли вы, кто я?» — «Знаемъ, матушка

знаемъ!» — «Готовы ли идти за мной и готовы ли дочку самого царя Петра Перваго на престолъ возвратить!» — «Готовы жизнь положить! Давно тебя ждали!» — «Или вамъ, скажите, лучше быть подъ годовалымъ ребенкомъ, да подъ нѣмцами?» — «Смерть молокососу! Нѣмцамъ смерть!» — загалдѣла вся рота: — будетъ имъ надъ Рассеей командовать!» — «Никого, солдатушки, не убивайте, прошу я васъ; а лучше за мной въ тихости маршируйте; мы и такъ съ ними и съ ихъ партизанами справимся!» — сказала царевна, а изъ-подъ шапочки русыя косы выбились; рослая, да статная такая. «Лебедка ты наша!» — гаркнула опять рота и давай у нея крестъ цѣловать. Ружья зарядили, штыки завинтили, да за нею тихо по морозцу прямо въ Зимній Дворецъ. Кое-кого по пути отрядили супротивныхъ министровъ брать подъ караулъ... Мнѣ же съ товарищами, Кокорюкинымъ, Клюевымъ, Першуткинымъ и другими, пришлось брать подъ арестъ самого младенца-императора. И никогда я того не забуду, милостивый государь мой! Вбѣжали это мы во дворецъ, да прямо къ нему въ спаленьку, нѣмецкую няньку связали возлѣ, въ сосѣдней горницѣ. А здѣсь у него-то, смотримъ, колыбель подъ занавѣсочками, лампадка предъ кіотомъ. Я хоть въ солдаты за увѣчье купца попалъ, но все же самъ былъ изъ церковниковъ и маленько, знаете, тутъ было-позамялся, да опомнился и кинулся далѣе. У колыбели вскочила вся въ золотѣ и красивая такая мамка-нѣмка, ломитъ руки, лопочетъ по-ихнему и, ниже мертвая отъ страху, во всѣ глаза глядитъ, что это мы, солдатьё, вскочили такъ безъ указу, гремя ружьями и въ шапкахъ. Я съ Клюевымъ прямо къ колыбели, отдернули положокъ, пообождали чуточку и взяли на руки младенца... Онъ съ перепугу такъ и залился. А изъ дворца, слышимъ, товарищи ужъ шумно сносятъ на рукахъ самоё регентшу Анну Леопольдовну, и кричитъ принцесса черезъ всѣ царскіе аппартаменты: «Иванушка, сынъ мой, названный императоръ! гдѣ ты?» Отвезли регентшу съ мужемъ въ домъ царевны, а потомъ въ крѣпость; императора жъ, младенца Ивана, Лизаветъ Петровна взяла къ себѣ въ сани... Проводили мы этакъ бережно царевну опять въ ея дворъ, гдѣ прислуга подъ замкомъ оставалася. А здѣсь ужъ и всѣ новые фавориты на-лицо. И видѣлъ я, какъ старые фавориты набѣгали и предъ новыми на колѣнкахъ въ сенаторскихъ

мундирахъ ползали, и тѣ надъ ними громко смѣялись, били въ ладоши и грозилися: «что, молъ, нѣмецкая сволочь, измѣнники? теперь оробѣли?» А на улицѣ всю ночь говоръ, крики «виватъ», сходятся и строятся полки, столичная знать въ саняхъ, въ перегонку, подъѣзжаетъ, народъ валитъ и костры горятъ отъ дворца вплоть до Невской перспективы... Лизаветъ Петровна тутъ опять вышла къ генералитету, въ шелковой дымчатой робѣ, на большихъ фижменахъ, объявилась самодержицей и сказала: «съ нами Богъ! Забываю старымъ старое, только служите вѣрою по новому!» На утро по воеводствамъ поскакали курьеры, столица присягнула, и вышелъ манифестъ. Простого народа попамъ къ присягѣ звать не велѣно. Всѣ возликовали. А ужъ о нашей братіи, гранодерахъ, и говорить нечего.— «Ну, сосѣдушка,—перебилъ Яковъ Евстафьичъ:—извините, только слышно, что ваша рота вела себя не очень-то по приличію...»—«Оно, точно, милостивый патронъ мой, спервоначала солдаты наши маленько побуянили. Бросились по кабакамъ. Не обошлось безъ драки, буйства и непокорства шквадроннымъ властямъ. Кое-кому изъ знатныхъ помяли и бока. Въ энту же ночь спьяну не мало растеряло по улицамъ шапокъ, сумокъ и всякой аммуниціи, а кто и ружье. Да и какъ было не пображничать! Самые знатные бояре намъ въ ту пору въ поясъ кланялись... Въ разъясненіе же милосердныхъ сентиментовъ ея величества, скажу еще слово... Она и царевной добротой прослыла и по простотѣ въ гвардіи крестила, не токма у начальства, но и у солдатъ, и на именины къ нашимъ солдаткамъ хаживала. Въ первую жъ годовщину вшествія, Лизаветъ Петровна объявила такія милости намъ, учрежденной своей лейбъ-кампаніи: поручиковъ роты произвела въ генералы-лейтенанты, прапорщиковъ въ полковники, барабанщиковъ въ сержанты и всѣхъ, какъ есть, двѣсти-пятьдесятъ восемь рядовыхъ въ потомственные дворяне... А про капитанское мѣсто въ той ротѣ объявила: «его мы соизволяемъ сами содержать и оною ротой командовать!» И подарила намъ, солдатамъ, матушка-царица, въ Пошехонской волости отписныя помѣстья ссыльнаго князя Меншикова, на каждаго рядового по двадцать-девять душъ, повелѣла всѣхъ насъ вписать въ столбовыя книги и сама апробовала и утвердила каждому гербъ, съ гранатами и съ дворянскимъ шлемомъ, а поверхъ его съ

лейбъ-кампанскою шапкою. Вотъ онъ тоже виситъ на стѣнѣ... Но и другіе прислужники царевны были награждены, какъ слѣдуетъ, не токма что вельможи: комнатные слуги, Скворцовъ и Лялинъ, пожалованы деревнями и дворянствомъ, аметердотель Фуксъ въ вѣдомостяхъ заурядъ переписанъ въ бригадиры. И стали на вѣчную память по Россіи новые дворяне: Увакины, Кокорюкины, Мухлынины, Першуткины, Клюевы и другіе... И никто намъ, жалованнымъ, не указъ.

— Какъ же вы, Калина Саввичъ, попали сюда изъ Пошехонья въ Украйну, на Лозовую? — перебилъ опять Увакина Яковъ Евстафьичъ.

— Сманилъ меня сюда, скажу вамъ, генералъ Штоффельнъ, у коего и вы землицу съ торговъ купили. Былъ у насъ съ нимъ за картами разговоръ: я съ его совѣта и выпросилъ себѣ чрезъ питерскихъ милостивцевъ обмѣнъ грунтовъ и перевелъ сюда своихъ подданныхъ.

— Давно?

— Годовъ ужъ съ двадцать. Да что! Мѣста тутошнія и хороши; только неладно здѣсь нонѣ жить въ степи, хоть и сказывали затѣйники, что здѣшніе берега кисельные, а рѣки медомъ текутъ...

— Чѣмъ же неладно тутъ жить?

— Не тотъ нонѣ штиль и не тѣ времена. Статское искусство верхъ взяло, а военное теперича въ забросѣ. Прожектисты въ гору пошли, и всѣ, кто былъ допрежде сего въ авантажѣ, вездѣ стали забыты. А въ Питеръ намъ, знатному шляхетству, видно, и не показываться. Дѣла тамъ теперича, милостивой патронъ мой, рѣшаются не по закону, а по партикулярнымъ страстямъ. Да вотъ... подавалъ я, примѣромъ, туда черезъ одного благодѣтеля нѣкоторое нужное письмо и къ оному пункты. Что жъ? Ничего, какъ есть, никакой резолюціи до сего дня не добился.

— Какіе же это вы подавали пункты?

— Доношеніе, государь мой, доношеніе на одного здѣшняго непотребнаго озорника и, сказать къ слову, — извините, — моего жъ сосѣда...

— Что же онъ сдѣлалъ за провинность?

— Изъ злой дурости выпустилъ на теперешнюю царицу, на матерь-то нашу, Екатерину Алексѣевну, преострый и преподлый пашквиль...

Яковъ Евстафьичъ даже поблѣднѣлъ и, сказавъ: «съ нами крестная сила!» спросилъ:

— Какой пашквиль?

— Увѣряетъ, представьте, не стѣсняясь долгомъ присяги, якобы новому нашему, въ семъ году затѣянному городу Екатеринославу, быдто не сдобровать... Бабьи-де города не стоятъ! И какое-де нонѣ житье за бабою, коли женской полъ опять царствомъ завладѣлъ и своимъ фаворитамъ отдалъ насъ всѣхъ подъ суверенство. А? каковъ? И такихъ фармазоновъ-вольнодумцевъ терпятъ?

— А кто сей пашквилянтъ, осмѣлюсь спросить? — перебилъ Яковъ Евстафьичъ, не безъ тревоги, подвигаясь къ двери и поглядывая, гдѣ его коляска.

— Кому же имъ и быть, какъ не гулякѣ и не картежнику, однодворцу Фролкѣ Рындину? Ну! да пусть ужъ теперича всякая мелкота сильна и чинна стала. Только я ему мудрость-то и обиды его пособью. У меня случай есть въ новомъ фаворитѣ Зоричѣ. И ужъ коли нонѣшніе потентаты не изведутъ его, злого паскудника, такъ я самъ, за его качествы, на него лихъ пойду и силой покорю подъ нози сего супостата... Такъ-то, милостивецъ мой и сосѣдъ! силою... И вѣрь ты моему лейбъ-кампанскому слову... Говорю я это и тебѣ, и всякому не на вѣтеръ: кто моихъ властей не уважилъ, я того за рога. Послѣдніе дни, видно, приходятъ и все тутъ!..

Не понравился лейбъ-кампанецъ Якову Евстафьичу, и онъ уѣхалъ отъ него, повторяя про себя: «фанфаронъ, какъ есть, и знать презавистливый хвастунъ!».

Похвальбу свою лейбъ-кампанецъ, однако, вскорѣ выполнилъ дѣйствительно.

Только поссорился Увакинъ съ Рындинымъ, какъ оказалось послѣ, не за преострый пашквиль на «новое бабье царство», а по другой причинѣ, и кровавая развязка этой ссоры надолго взволновала тихія мѣста по Богатой!

Настала весна 1778 года.

Яковъ Евстафьичъ въ этомъ году прибылъ въ хуторъ на Богатую ранѣе, такъ какъ сюда, въ концѣ апрѣля, ожидали прихода купленныхъ подъ Тулой крестьянъ. Получивъ письмо отъ повѣреннаго, что первый отрядъ переселенцевъ уже двинулся, прадѣдъ мой, оставя калмыцкую кибитку, помѣ-

стился въ новомъ барскомъ домикѣ, выстроенномъ тутъ же на взгорьѣ, надъ Богатой.

Это была въ полномъ смыслѣ дѣвственная роскошная степь, какими девяносто лѣтъ назадъ еще обладала тогдашняя азовская губернія. Плугъ еще рѣдко взрывалъ ея тучную почву, а стада мериносовъ мало топтали ея дикіе цвѣты. Близъ новаго поселка не было почти никакихъ дорогъ, кромѣ стариннаго чумацкаго тракта на Бахмутъ, проходившаго оттуда въ нѣсколькихъ верстахъ. На хуторѣ стало оживленнѣе. По ночамъ въ окна барскаго домика долетало звонкое ржаніе восьми жеребцовъ, стороживших на свободѣ косяки своихъ кобылицъ. Тихія рѣченки: Богатя, Богатѣнька и Лозовàя, извѣстныя теперь по Севастопольской дорогѣ, протекали здѣсь среди густыхъ камышей, храня въ полноводныхъ плёсахъ множество рыбы и раковъ, а по топкимъ берегамъ неисчислимыя стада чаекъ, кроншнеповъ и дупелей. Долина Богатой, у одного изъ плёсовъ которой, на самородныхъ ключахъ, расположился новый хуторъ, отличалась особою, чисто степною красотой. Одинъ берегъ рѣки упирался въ высокій зеленый горбъ, изрѣзанный красноглинистыми провальями и обрывами. Противоположный берегъ представлялъ гладкую, какъ скатерть, сперва зеленую, а потомъ синѣющую равнину, надъ которою вдали, въ жаркій день, точно струи водъ, откуда-то протягивались и играли волнистыя мàрева, а въ облакахъ кружили орлы, заставляя недавно закрѣпощенныхъ украинцевъ, работниковъ прадѣда, со вздохомъ слѣдить за ихъ вольнымъ полетомъ и задумываться надъ недалекимъ временемъ, когда ихъ отцы и дѣды такими же орлами носились надъ этими пустырями.

Девятилѣтній сынъ Якова Евстафьича, мой дѣдъ Иванъ Яковлевичъ, ходившій еще въ курточкѣ и воротничкахъ и взятый теперь отцомъ на Богатую, ясно помнилъ эту весну и приходъ перваго отряда переселенцевъ и любилъ объ этомъ впослѣдствіи разсказывать.

Къ началу мая были готовы всѣ избы и другія строенія для крестьянъ. Невдалекѣ же отъ небольшого домика, потомъ обращеннаго въ кухню, стали строить изъ навезеннаго, сплавного днѣпровскаго лѣса большой липовый господскій домъ, а возлѣ, на утѣху сударынѣ Аннѣ Петровнѣ, разбили и насадили садъ.

Иванушкѣ теперь была предоставлена полная свобода. И

въ то время, какъ учитель бесѣдовалъ съ Яковомъ Евстафьичемъ или читалъ «Утренній Свѣтъ» Новикова, Иванушка съ приказчикомъ Портянымъ, страстнымъ охотникомъ, урывался съ ружьемъ, съ дудочкой или съ сѣтью въ степь, или съ удочкой и съ острогой къ синимъ плёсамъ рѣки.

Въ лѣсномъ кругляшкѣ, у котораго вначалѣ была разбита кибитка прадѣда, Иванушка намѣтилъ старый высокій дубъ, а на его вершинѣ орлиное гнѣздо. Сперва онъ, тайкомъ и безъ провожатаго, бѣгалъ туда слѣдить за жизнью и кормленіемъ еще безперыхъ орлятъ, а потомъ сталъ просить Портяного добыть ему и выносить для охоты орленка. Долго отнѣкивался приказчикъ: «и зачѣмъ вамъ, батюшка-барченокъ, мучить вольную Божью тварь!» Наконецъ, уступая настояніямъ барченка и не безъ опасности быть заклеваннымъ освирѣпѣлою орлицей, Портяной взялъ ружье и ножъ и, выглядѣвъ подвечерній отлетъ старыхъ орловъ на добычу, полѣзъ къ гнѣзду. Долго Иванушка стоялъ внизу, замирая отъ волненія, ломая руки и прислушиваясь, какъ въ тишинѣ лѣска, подъ руками и ногами Михайлы, трещали вѣтви дуба и сыпался мелкій сушникъ. Но вотъ Портяной добрался до орлинаго гнѣзда и затихъ.

— Что, Михайлушка? — внѣ себя спросилъ снизу мальчикъ:—сколько ихъ? да говори же!

Михайло молчалъ.

— Ни одного!—крикнулъ онъ со смѣхомъ:—проворонили! Всѣ разлетѣлись... Вонъ желтоносые попархиваютъ по верхамъ! Зато, погодите, молчите!—опять отозвался сверху дуба Михайло: — слышите пѣсни? это наши переселенцы подходятъ. Отсюда видно ихъ, какъ на ладони: много, много телѣгъ, идутъ и пѣшо; пыль клубомъ, дѣтей несутъ на рукахъ и пѣсни поютъ... Красныя панёвы, бѣлыя полстяныя шапки... Такъ и есть: наша арава! Пойдемте, барчукъ, имъ навстрѣчу...

И приказчикъ съ Иванушкой бѣгомъ пустились по полю. Когда Иванушка подбѣжалъ къ передовой толпѣ переселенцевъ, и тѣ узнали, кто онъ такой, старики и парни стали брать его на руки, ласкать и приговаривать: «соколъ ты нашъ! надежа наша и покровъ!» — а бабы наложили ему за пазуху дудочекъ и глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ. А кто-то барченку подарилъ пойманнаго дорогой, мохнатаго и жирнаго сурка. Не доходя съ полверсты до усадьбы, пере-

селенцы разбили таборъ, поставили возы кругомъ, загнали туда скотъ и лошадей, разложили костры и отрядили къ барину стариковъ.

— Что́, ребята, притомилися? Милости прошу на хлѣбъ, на соль и на послушаніе! — сказалъ Яковъ Евстафьичъ, выйдя къ нимъ въ сумерки на крыльцо: — жилье вамъ слажено, хлѣбъ посѣянъ, земли и воды вдоволь! Дѣдъ мой, коли слышали, Данила Даниловичъ, населилъ два лѣсныхъ помѣстья; а я вотъ, съ Богомъ, населяю степное! Будете чливы да радѣтельны, подарю васъ въ награду женѣ моей Аннѣ Петровнѣ. Портяно́й! угости ихъ и распоряжайся...

Мужики поклонились, понурили головы и пошли. И съ утра таборъ сталъ размѣщаться по отведеннымъ ему дворамъ. Дня черезъ три, съ поля, и опять подъ вечеръ, чуткій слухъ Портяно́го заслышалъ новыя пѣсни и скрипъ телѣгъ. Подошелъ и разбилъ костры другой отрядъ переселенцевъ. Къ концу же мая населился весь хуторъ; красныя панёвы и бѣлыя полстяныя шапки замелькали по полю, по рѣкѣ и по вновь окопаннымъ огородамъ, засверкали въ травѣ косы, зачернѣла новая пахоть; а по свѣже-натоптанной, широкой улицѣ поселка загремѣли звонкія пѣсни дѣвокъ и парней, не прекращаясь отъ сумерекъ вплоть до криковъ раннихъ, навезенныхъ изъ-подъ Тулы пѣтуховъ.

Такъ населился новый хуторъ прадѣда на Богатой.

Въ то же лѣто Яковъ Евстафьичъ рѣшился показать женѣ этотъ поселокъ и прибылъ сюда, какъ сказано въ его дневникѣ, 24 іюля, въ полночь, вмѣстѣ съ нею, съ Иванушкой и съ учителемъ.

Это былъ вторникъ. А въ четвергъ онъ объѣздилъ съ Ашенькой поля, луга и всѣ границы имѣнія, показалъ ей свѣже-накошенные стога сѣна, копны новаго жита и поспѣвавшій клинъ великолѣпной пшеницы-бѣлотурки, и только-что усѣлся съ семьей за борщъ съ дикой уткой и за пироги съ перепелами, какъ подъѣхалъ гость, Калина Саввичъ Увакинъ.

На этотъ разъ лейбъ-кампанецъ, узнавъ, что сосѣдъ прибылъ не одинъ, а съ женой, да еще — съ былою фрейлиной настоящей императрицы, явился въ полной старинной преображенской формѣ, въ зеленомъ кафтанѣ, въ поясной портупеѣ съ сумкой, въ шарфѣ черезъ плечо, съ откладнымъ

воротникомъ, въ нѣсколько поѣденной молью треугольной лейбъ-кампанской шапкѣ, въ штиблетахъ и въ башмакахъ. Рѣдкіе сѣдые усы старика были нафабрены и вздернуты къ вискамъ, а въ рукѣ его была офицерская трость—эспонтонъ.

Хозяйка, бывшая запросто, въ распашонкѣ, но имѣвшая обычай строго придерживаться приличій свѣта, ушла и явилась за столъ въ бѣломъ матерчатомъ робронѣ, съ фалбарами, не забывъ налѣпить на щеки нѣсколько мушекъ, и, представленная мужемъ гостю, сдѣлала церемонный, по всѣмъ правиламъ моды, поклонъ.

— Гдѣ изволили, матушка, сшить эту робу? — началъ, послѣ первыхъ привѣтствій, съ учтивствомъ былого щеголя, снимая огромныя перчатки, Увакинъ.

— Къ генеральшѣ Херасковой въ Харьковъ посылала!— зардѣвшись, отвѣтила Анна Петровна.

— Знатный вашъ городокъ Харьковъ, коли такія модныя швеи завелися. А почемъ дали за фалбары?

— Восемь рублевъ.

— Отмѣнно сшиты и къ лицу. Особенно сіи фестоны на лифѣ и сіи же отмѣнные на плечахъ буфики.

— За учтивствы благодарю! — сказалъ и налилъ гостю наливки Яковъ Евстафьичъ.

Разговоръ перешелъ на хозяйство.

Увакинъ, между прочимъ, доложилъ, что у нихъ въ околоткѣ, что ни день, становится все хуже и хуже. Передалъ шопотомъ и озираясь, что вездѣ стали отъ злыхъ навѣтчиковъ бѣжать крестьяне и что у него также сбѣжали, недѣлю назадъ, семь лучшихъ подданныхъ, и хотя трехъ изъ нихъ онъ лично поймалъ на воскресномъ базарѣ въ Барвенковой, заковалъ въ кандалы, привезъ обратно и посадилъ ихъ въ погребъ, но четверо остальныхъ все-таки безъ вѣсти пропали.

— Жаль ослушниковъ. Знатные были работники. И одна только теперь надежда у меня, матушка-сударыня, это—мой вѣрный Василѐцъ!—прибавилъ Увакинъ:—все добро мое у него на рукахъ. И теперь вотъ, примѣромъ, я къ вамъ уѣхалъ, а онъ, я ужъ знаю, спустилъ собакъ и съ ружьемъ будетъ рабъ кругомъ усадьбы ходить, пока не обращусь вспять... Чтȯ дѣлать? Я вдовый, жениться, полагаю, поздно, хоть и скучно какъ-то одному, а все-таки жаль своего добра!

— Кого же вы боитесь, Калина Саввичъ?—спросила Анна Петровна, читавшая энциклопедистовъ, Гольбаха и Дюмарсе,

и не любившая старческихъ жалобъ на новизну:—вы, можно сказать, имперію спасли, а тутъ неспокойны и сумнительны.

— Ничего я, матушка, не сумнителенъ! Только мало ли злыхъ людей! Фармазоновъ все болѣе и болѣе разводится. Вотъ, хоть бы и сосѣдъ мой, Рындинъ... Ну, да я ли до него не доберусь...

— Ахъ, всѣ-то вы, мужчины, погляжу я, неважны таковы!—усмѣхнулась Анна Петровна:—сваритесь и грозитесь, а ничуть это не славно! Лучше бы жили въ миру. И какіе тутъ у насъ фармазоны?

— И то правда, Калина Саввичъ,—подтвердилъ хозяинъ:—бросьте вы этого Рындина, да разскажите намъ лучше, чтỏ новаго?

— Вотъ,—началъ Увакинъ:—какъ намедни гнался я за моими бѣглецами, прочиталъ я, доложу, у капитанъ-исправника листъ вѣдомости петербургской, и въ этой вѣдомости прописано, якобы на Невской першпективѣ нѣкій щеголь-гусаръ Волокитинъ раздавилъ рысаками одну простую бабу, и потомъ якобы у насъ скоро опять быть войнѣ...

— Довольно съ васъ погрома и Емельки Пугачова, да хоть бы и походовъ Задунайскаго!—проворчалъ Яковъ Евстафьичъ:—повысосали съ насъ денежекъ! Пора бы намъ ужъ и отдохнуть...

— И еще въ той же вѣдомости,—продолжалъ Увакинъ:—изъ амштердамскихъ курантовъ прописываютъ, якобы у французскаго короля при дворѣ представляли преотмѣнное итальянское дѣйствіе, именуемое паштораль, а потомъ его величество забавлялся машкарадой.

— Чтỏ вы мнѣ, Калина Саввичъ, все про французскаго короля, да про его машкараду!—съ досадой перебилъ и закашлялся Яковъ Евстафьичъ:—ваши же, вить, милостивцы Шуваловы у насъ эту французскую дурость въ общую моду ввели. Я, сударь, въ перепискѣ съ Трубецкими.. Дай-ка Иванушка, письмо отъ князя Сергія, чтỏ мы привезли съ собою.

— Чтỏ же пишетъ князь Сергій?

— А вотъ, прислушайте... «А у его-де сіятельства, у бывшаго гетмана Разумовскаго, давали презнатную комедію *La foire de Hizim* такожде были у него оперы, и на тѣхъ операхъ дѣвки итальянки и кастратъ пѣли съ музыкой»... Вотъ вамъ и бывшій гетманъ всея Украйны! кастратовъ

слушаетъ! Тьфу! А еще римскими доблестями величаются. То ли дѣло здѣсь у васъ, на Украйнѣ, по простотѣ! Не такъ ли, Калина Саввичъ?

Увакинъ задумался и вздохнулъ.

— Мѣста, повторяю, здѣшнія хороши!—отвѣтилъ онъ:— слова нѣтъ! Только, милостивый патронъ мой, повторяю вамъ, мало все-таки защиты намъ здѣсь отъ озорниковъ... того и гляди, тебя изобидятъ!

«Ну, тебя обидишь! — подумалъ Яковъ Евстафьичъ,— найдется такой человѣкъ!»

Послѣ обѣда гость и хозяинъ соснули, потомъ опять угощались наливкой и сластями. А вечеромъ Яковъ Евстафьичъ велѣлъ пригнать ко двору табунъ на показъ сосѣду.

— Смотрите вы у меня,—повелительно сказалъ при этомъ Увакинъ табунщикамъ Якова Евстафьича:—межи вамъ указаны, а ходите вы инова и по моимъ владѣніямъ. Ой, берегитесь; лютъ я, Калина, за свое добро! Разъ пригрожу, два, а тамъ и стрѣлять по васъ изъ винтовки стану, какъ наскочу, либо батогами до полужива задеру»...

«Не стѣсняется его лейбъ-кампанское благородіе!— подумалъ, вспыхнувъ отъ досады, Яковъ Евстафьичъ,— сущій волкъ, волкомъ и умретъ. Ну, да посмотримъ! И я тебя изловлю; овцы твои на водопой ко мнѣ на луга, слышно, перебѣгаютъ. Только я стрѣлять тебя не стану, а свяжу своими молодцами, да прямо въ судъ, хоть ты и чванишься, что царство спасъ».

Послѣ ужина хозяева заговорились съ гостемъ за полночь. Увакинъ собирался въ новооснованный Екатеринославъ, и Анна Петровна надавала ему порученій по дому: купить чаю, сахару, вина. Но едва собесѣдники разошлись по горницамъ и заснули, какъ отъ двора Увакина прискакалъ на взмыленномъ конѣ чуть живой отъ страха Василёцъ и объявилъ въ окошко разбуженному Калинѣ Саввичу, что на его усадьбу въ эту самую ночь напали съ незнаемыми людьми Рындинъ и насильно выкралъ и увезъ къ себѣ во дворъ его рабыню, молодую и весьма красивую ключницу, Улиту.

Бѣшенству старика не было предѣловъ. Онъ выскочилъ на крыльцо въ одномъ бѣльѣ и прежде всего ухватилъ за горло и чуть не задавилъ вѣстника.

— Коня!— заревѣлъ онъ: — коня? Какъ? Меня обидѣть?

Гдѣ же были другіе молодцы? Гдѣ были собаки? Ты, вражій сынъ, выдалъ и живъ? Меня, жалованнаго-то?..

И, какъ буря, понесся онъ сперва къ себѣ на хуторъ, побудилъ и, созвавъ уцѣлѣвшихъ пошехонцевъ, далъ имъ самопалы и топоры, посадилъ ихъ верхами на коней и съ разсвѣтомъ поскакалъ къ усадьбѣ Рындина. Однодворца, разумѣется, дома не засталъ, перевязалъ его небольшую дворню и съ четырехъ концовъ зажегъ его дворъ, овечьи загоны и хлѣбный токъ.

Вѣтеръ раздулъ пожаръ, а Увакинъ до поздняго вечера, рыча, какъ дикій вепрь, ходилъ и бѣгалъ кругомъ, подкладывая огонь тамъ, гдѣ плохо горѣло. На другое утро онъ опять явился сюда съ плугами и съ боронами, перепахалъ испепеленное дворище, изъ собственныхъ рукъ засѣялъ его гречихой и, заборонивъ пашню, отъѣхалъ во-свояси.

— Пусть песій сынъ помянетъ меня, лейбъ-кампанца, до вѣка...

Песій сынъ, однако, тоже не дремалъ.

Онъ подалъ на Увакина въ судъ челобитную, отрекаясь отъ похищенія Улиты, якобы волей отошедшей къ нему, и отыскивая съ обидчика тысячу рублей за убытки отъ поджога и за обиду.

Явилась полиція. Начался окрестный допросъ. Яковъ Евстафьичъ, втайнѣ радуясь грозѣ надъ самовластнымъ сосѣдомъ, который изъ-за личной ссоры выдавалъ въ доносѣ Рындина за франмасона, тѣмъ не менѣе, навѣстилъ его, съ участіемъ сталъ совѣтовать ему помириться съ Рындинымъ и даже отпустилъ къ нему, для писанія отвѣтовъ, учителя Иванушки.

Но не таковъ былъ Калина Саввичъ, чтобы помириться со всякой мелкотой.

Вслѣдъ за началомъ розыска, видя, что безуспѣшно бросаетъ чиновникамъ послѣдніе рубли, Увакинъ черезъ Васильца провѣдалъ, что Рындинъ съ его рабыней-бѣглянкой скрывается у попа, въ слободѣ Чунихиной, и рѣшился расплатиться съ нимъ до-чиста.

Подъѣхалъ въ сумерки верхомъ къ попову огороду, залегъ въ капустникѣ, у садоваго плетня, выждалъ, да собственноручно изъ винтовки, въ присутствіи похитителя, наповалъ и убилъ Улиту...

Слѣдствіе возгорѣлось съ новой силой. Власти переполо-

шились. Дали знать и знакомцу Увакина, губернатору, спрашивая, какъ быть съ такимъ казусомъ со стороны столь важной особы, обитавшей въ ихъ губерніи?

Но ни суду, ни губернатору не удалось изречь своего приговора надъ Увакинымъ.

Улита была женой одного изъ тѣхъ бѣглецовъ, которыхъ Калина Саввичъ незадолго изловилъ и, несмотря на передряги по слѣдствію, продолжалъ держать въ кандалахъ въ подвалѣ.

Затворники отбили кандалы, вырвались ночью изъ подвала, взяли еще кое-кого изъ своихъ, вѣрнаго Васильца утопили въ колодцѣ, а лейбъ-кампанца, у котораго въ то время ночевалъ и опять сильно подгулялъ учитель дѣда, Григорѣвской, стащили съ постели и сказали: «ну, господине, теперь и съ тобой расчетъ!»

И какъ Увакинъ ни молилъ ихъ и ни кланялся имъ въ ноги, вынимая изъ сундука какія-то бумаги, крича о помощи въ окно и обѣщая всѣхъ выпустить на волю, отдать имъ все добро и отъѣхать въ невѣдомыя земли, пошехонцы вытащили его изъ комнатъ и, въ полной лейбъ-кампанской формѣ, повѣсили его на любимой и имъ же нѣкогда посаженной грушѣ, а сами, связавъ полумертваго отъ страха семинариста, разбѣжались.

И хотя, по словамъ дневника прадѣдушки, «сей неподобный афронтъ» отъ подданныхъ былъ содѣянъ лейбъ-кампанцу «по его же квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго жъ поступкамъ», тѣмъ не менѣе, Яковъ Евстафьичъ, вспоминая ли собственныя волокитныя прегрѣшенія, или въ самомъ дѣлѣ жалѣя сосѣда, тогда же разлюбилъ новый хуторъ на Богатой и болѣе въ немъ никогда не бывалъ.

А за полчаса до кончины, умирая отъ чахотки и удивляясь, что не видитъ свѣчи и не слышитъ болѣе любимыхъ сверчковъ, понялъ, что приходитъ смерть, не безъ чувства простился съ женой и съ восемнадцатилѣтнимъ сыномъ, первую выслалъ изъ комнаты, а второму сказалъ слѣдующее:

«Берегись ложныхъ друзей и тяжбъ, а такожде смѣлыхъ прожектистовъ, охотниковъ до дворскихъ и всякихъ перемѣнъ. Красивыхъ же женщинъ берегись и удаляйся пуще всего... Ихъ алльянцъ—не радость, а пагуба, тлѣнь и запустѣніе души!»

1872 г.

III.

ИМЕНИНЫ ПРАБАБУШКИ.

Именины моей прабабки, Анны Петровны, праздновались въ день св. Анны пророчицы, 3 февраля. Именины другихъ родныхъ, не только дѣдушки, но даже и бабушки, можно было еще пропустить, — этихъ же именинъ ни въ какомъ случаѣ.

Уже за нѣсколько недѣль до 3 февраля, пріѣзжалъ, бывало, отъ ея невѣстки, моей бабушки, къ ея женатому сыну и замужнимъ дочерямъ нарочный съ письмами.—«Всѣ ли здоровы?»—спрашивала ихъ бабушка:—«пора бы собираться къ именинамъ маменьки».—«Твоя, милый другъ, «жѐнушка»,—писала она сыну: «пораньше позаботилась бы изготовить все, что̀ нужно дѣтямъ для дороги,—шубки подлиннѣе, сапоги теплые, на барашкахъ, да и чулки шерстяные. Дѣвочку возьмите съ собой непремѣнно; а сына оставьте съ мамкой; еще простудите какъ-нибудь. Пріѣзжайте заранѣе, чтобы потомъ что̀ не помѣшало. Матушка-сударыня, сами знаете, уже стара; Богъ вѣсть, много ли еще достанется намъ поздравлять ее съ дорогимъ днемъ ея ангела».—При этомъ въ гостинецъ присылались замороженные золотые караси, съ надписью: «изъ Великаго села» или огромные карпы—«изъ озера Курба̀това».

Если на приглашеніе отвѣчали неточнымъ обѣщаніемъ, а только завѣреніемъ, что-молъ постараемся, когда все будетъ благополучно,—то являлся вторичный посолъ, съ совѣтами, ка̀къ лучше поступить въ такомъ случаѣ. — «Теперь такіе холода»—писала бабушка:—«запрягите крытый возокъ, да возьмите провожатыхъ-верховыхъ; ночуйте въ дорогѣ у такого-то, а въ такой-то деревнѣ покормите лошадей, — все-таки будетъ не такъ тяжело и надежнѣе».—И это повторялось ежегодно, передъ каждыми именинами.

Родные съѣзжались наканунѣ. Въ день именинъ, утромъ, всѣ шли къ прабабушкѣ съ поздравленіями. Этимъ заправляла бабушка. Входя къ сыновьямъ и къ дочерямъ, она говорила: «Пора къ сударынѣ-матушкѣ!»—осматривала наряды дочерей и внучатъ, и выходила въ залъ большого дома, гдѣ ее ждалъ мужъ и сосѣдніе и дальніе гости.

Всѣ разодѣтые, предшествуемые бабушкой, отправлялись

по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, къ именинницѣ, съ пожеланіемъ добраго утра. Внукамъ и правнукамъ строго приказывалось при этомъ сидѣть у прабабушки смирно, не шептаться, слушать, что говорятъ старшіе, и, если прабабушкѣ будетъ угодно заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то отвѣчать ей, разумѣется, стоя.

Прабабушка жила въ особомъ флигелѣ, подъ камышевою крышей, вправо отъ дома. Крыльцо было посрединѣ флигеля; изъ передней налѣво была большая угольная комната, прабабушкинъ залъ. Въ ней, посрединѣ, стоялъ овальный столъ, всегда накрытый тонкою, голландскою скатертью. Передъ небольшими окнами стояли краснаго дерева, съ бронзой, стулья; между окнами — такіе же столики. На одномъ изъ нихъ, передъ зеркаломъ, красовались, въ видѣ бесѣдки, со стекломъ, англійскіе часы Нортона, подарокъ прабабушкѣ императрицы Екатерины II. Они указывали не только числа мѣсяца, но и ущербы луны, въ видѣ серебряной головы, всходившей и заходившей надъ голубымъ небомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, и каждый часъ, и четверть часа, исполняли пріятную музыкальную мелодію. Эти часы теперь хранятся у одного изъ ея правнуковъ и все это необыкновенно точно продѣлываютъ до сихъ поръ.

Направо отъ залы находилась обширная опочивальня, она же и пріемная гостиная прабабушки. Здѣсь, въ простѣнкѣ, между окнами въ садъ, передъ овальнымъ туалетнымъ зеркаломъ прабабушки, на рѣзномъ, съ позолотой ломберномъ столѣ, красовались два огромныхъ бронзовыхъ канделябра, каждый о пяти восковыхъ свѣчахъ, и рядомъ съ ними, на массивномъ серебряномъ подносѣ, съ ножками, стоялъ серебряный кофейникъ, тоже съ ножками и съ серебрянымъ цвѣточкомъ на крышкѣ, такая же сахарница и тонкаго саксонскаго фарфора чашки, въ видѣ крохотныхъ прямыхъ стаканчиковъ, съ ручками и рисунками, тушью и золотомъ, изображающими розы, въ бутонахъ, и листья. Если именинный обѣдъ прабабушки былъ во флигелѣ, то въ ея спальнѣ потомъ подавался роскошно-сервированный десертъ, изъ варенья, пастилы и фруктовъ въ сахарѣ, при чемъ восковыя свѣчи зажигались, кромѣ канделябровъ, и въ кенкетахъ по стѣнамъ. При движеніи воздуха, свѣтъ этихъ свѣчей очень затѣйливо игралъ на потолкѣ, изразцовой печи и на овальной рамѣ туалетнаго зеркала, искусно составленной

изъ крохотныхъ зеркальныхъ кусочковъ, что очень зани мало дѣтей.

Вдоль стѣны, противъ двери изъ зала, помѣщалась прабабушкина кровать. На ней лежало горкой нѣсколько подушекъ и подушечекъ, въ тончайшихъ бѣлыхъ наволочкахъ, съ кружевными оборками, и темнокоричневое атласное одѣяло, подшитое голландскою простыней, съ бѣлымъ, на четверть кругомъ, отворотомъ по атласу.

Прабабушка, принимая своихъ и постороннихъ гостей, обыкновенно сидѣла на этой постели, спустя ноги на скамеечку изъ краснаго дерева, съ вышитою гарусомъ подушкой, и облокотясь обѣими руками на широкій, покрытый ковровою скатертью, лаковый столъ, за которымъ она всегда и обѣдала. За общій столъ въ большомъ домѣ сына она, въ послѣдніе годы, почти не являлась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, потому, что ужъ слишкомъ, пожалуй, было бы много чести, если бы она стала обѣдать съ прочими, а скорѣе всего—ей просто было спокойнѣе трапезовать у себя одной.

Вправо, за кроватью прабабушки, была дверь въ дѣвичью, а еще правѣе за дверью, въ углу опочивальни, красивая большая, изразцовая, съ зелеными, желтыми и синими разводами, голландская печь, на ножкахъ, съ узенькою лежанкой, на которой дѣти обыкновенно чинно-рядкомъ и усаживались. Здѣсь надъ лежанкой, въ особой печной впадинѣ, въ фарфоровомъ соусникѣ постоянно лежали вкусные только-что испеченные прабабушкины душистые и удобные крендельки, лепешки, сухарики и бублики,—брать которые дѣтямъ позволялось охотно. Они этимъ всегда пользовались столь усердно, что одна изъ правнучекъ Анны Петровны тутъ же, однажды, выломила себѣ кренделемъ расшатанный передній зубъ. Этотъ зубъ, впрочемъ, былъ у нея еще слабый, молочный и потому снова вскорѣ успѣшно выскочилъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Но столь необыкновенный казусъ произвелъ тогда на остальныхъ дѣтей особенно сильное впечатлѣніе, какъ событіе, совершенно неожиданное и выведшее всѣхъ изъ обычнаго, церемонно-вѣжливаго положенія. Дѣти съ тѣхъ поръ, до кончины прабабушки, идя къ ней съ пожеланіями добраго утра, обыкновенно ощупывали свои зубы, не шатается ли какой-либо изъ нихъ.

Полъ въ опочивальнѣ прабабушки былъ устланъ боль-

нимъ, домашней работы, ковромъ, съ бѣлымъ фономъ и зеленою каймой, по которой были разбросаны алыя розы.

Войдя въ опочивальню прабабушки, всѣ церемонно и важно поздравляли ее съ именинами, цѣлуя ей руку, а она, сидя на своей постели, обнимала дѣтей, внуковъ и правнуковъ, а остальнымъ ласково кланялась. Затѣмъ всѣ чинно садились по мѣстамъ. Анна Петровна всегда была одѣта въ черное платье, съ длиннымъ шлейфомъ, изъ плотнаго шелковаго левантина, съ тонкимъ, въ видѣ дымчатой волны, кисейнымъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чепцѣ и въ мерлушковой, длинной шубкѣ поверхъ плечъ, покрытой темнымъ атласомъ. Лицо у прабабушки было необыкновенно-бѣлое и важное. По обычаю времени, она бѣлилась до самой кончины. Карія глаза прабабушки, въ молодости очень красивые, и на старости были привлекательны и очень оживлены. Зубы у нея были такъ свѣжи и крѣпки, что она и въ преклонные годы щелкала ими каленые орѣхи. Руками же она изстари щеголяла. Онѣ у нея были маленькія, бѣлыя и до того нѣжныя, что почти не отличались отъ батистовыхъ манжетовъ, выходившихъ изъ-подъ рукавовъ ея чернаго платья.

Тогда и послѣ, всѣ съ особенною похвалою отзывались о бѣльѣ прабабушки, которое у нея было поистинѣ образцовое, — тонкое, бѣлое, какъ снѣгъ, и все заграничное; притомъ его мыли у нея особенно щегольски. Въ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ Анны Петровны всегда привлекательно пахло восковымъ жасминомъ или чайною розой, любимыми цвѣтами прабабушки. Когда у нея говорили старшіе изъ гостей, младшіе, даже женатые, только молча имъ внимали. Когда же изволила говорить сама прабабушка, то уже всѣ положительно молчали. Дамы говорили съ нею, сидя; мужчины же — не только вставая, но и изысканно-вѣжливо кланяясь.

Никто у прабабушки и въ ея присутствіи не курилъ. Дѣдушка, съ трубкой своего кнастера, уходилъ для того въ оранжерею или портретную; а куряки изъ другихъ мужчинъ, особенно офицеры сосѣднихъ уланскихъ полковъ, для куренія изъ своихъ пенковыхъ трубокъ, въ лѣтнее время, скрывались даже въ садъ, въ бесѣдку, стоявшую тогда возлѣ такъ-называемой придворной груши, подаренной прабабушкѣ императрицей Екатериной. Анна Петровна вывезла когда-

то эту грушу, маленькимъ отводкомъ, изъ Царскаго Села, и собственноручно посадила ее у пруда, въ Пришибскомъ саду.

Во время именинного обѣда, когда онъ происходилъ во флигелѣ прабабушки, она, хотя кушала особо, въ своей опочивальнѣ, нѣсколько разъ, однако, въ теченіе стола выходила оттуда и удостоивала по нѣскольку минутъ постоять за каждымъ изъ обѣдающихъ, облокотясь о спинку его стула и не обходя своимъ вниманіемъ никого. За однимъ просто, бывало, постоитъ, съ другимъ поговоритъ, того ласково потреплетъ по плечу, этому скажетъ что-нибудь привѣтливое или веселое, и опять уйдетъ. Дѣти, въ особенности, удивлялись хвосту прабабушкинаго платья, который за нею обыкновенно тянулся чуть не на сажень изъ другой комнаты. Имъ объясняли, что это не хвостъ, а шлейфъ, котораго она не покидала, въ память давно прошедшей моды и дорогихъ лѣтъ своей молодости.

Ростомъ и фигурой прабабушка была представительна и красива, и въ ея домашнемъ обиходѣ все было также хорошее, дорогое и даже роскошное, такъ какъ сама она была женщина изъ высшаго круга, съ вѣсомъ, и въ душѣ истинная аристократка, причемъ и не подозрѣвала, что ея единственный, пятидесяти-пяти-лѣтній сынъ «Иванушка», какъ она его звала, передъ ея кончиной, уже промоталъ бо́льшую часть своихъ имѣній. Она и умерла, убѣжденная, что ея наслѣдникъ и его многочисленная семья остаются послѣ нея столь же богатыми, какъ была и она.

Обильный обѣденный столъ на именинахъ прабабушки былъ обыкновенно въ полдень. Лакеи, гуськомъ, торжественно несли изъ кухни въ ея флигель безконечное число блюдъ, въ суповыхъ чашахъ, соусникахъ и разныхъ крынкахъ и горшечкахъ, а среди обѣда, за тостомъ въ ея здравіе, которое тогда пилось венгерскимъ, раздавался залпъ изъ домашнихъ пушекъ, стоявшихъ среди двора, противъ крыльца флигеля и большого дома. Вечеромъ, при свѣчахъ, подавался столь же роскошный ужинъ. Послѣ обѣда, до ужина, гости играли въ карты, въ ломберъ или въ бостонъ, причемъ и прабабушка иногда, съ кѣмъ-либо изъ почетныхъ гостей, не покидая своей постели, играла въ пикетъ. Бо́льшею же частью она проводила время въ бесѣдахъ съ гостями.

Непріятныхъ или печальныхъ разговоровъ у прабабушки

не допускалось, какъ не бывало и чрезмѣрнаго веселья или громкаго смѣха.

Все было въ мѣру. Когда она, вспоминая минувшія времена, заводила рѣчь о какомъ-либо прошедшемъ событіи, то излагала его обстоятельно, не торопясь, а гости слушали ее, стараясь не проронить ни единаго ея слова. Такъ какъ дѣтямъ строго воспрещалось, при ней, не только говорить или шептаться между собою, но даже шевелиться, то они, соскучивъ долгимъ, молчаливымъ сидѣньемъ на изразцовой лежанкѣ, обыкновенно одинъ за другимъ незамѣтно уходили, черезъ смежную дверь въ дѣвичью, и оттуда, надѣвъ шубки и теплыя шапки, съ наушниками, вылетали въ посеребренный инеемъ, обширный, прабабушкинъ садъ, гдѣ на холмѣ, на особыхъ подставкахъ, чернѣли длинныя, чугунныя, запорожскія пушки, а у каменнаго грота выглядывала сѣрая «каменная баба», присыпанная пушистымъ снѣгомъ, точно въ бѣломъ серебряномъ чепцѣ—другая, таинственная прабабушка...

Однажды, въ такія же именины, послѣ радушнаго, оживленнаго обѣда, въ опочивальнѣ Анны Петровны остались за кофе, ликерами и десертомъ двое изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ ея гостей,—мѣстный предводитель и командиръ сосѣдняго уланскаго полка. Прочіе гости на нѣсколькихъ столахъ играли въ залѣ въ карты; остальные ушли курить въ большой домъ.

Разговоръ у прабабушки зашелъ о современномъ поколѣніи женщинъ и, между прочимъ, коснулся неравенства лѣтъ въ бракѣ. Полковой командиръ, ужъ далеко не молодой человѣкъ, давно, какъ замѣчала Анна Петровна, не спускалъ глазъ съ одной изъ ея родственницъ, совершенно молоденькой дѣвушки, и мѣтилъ посвататься къ ней. Неравнодушно поглядывалъ на дѣвушку и совсѣмъ старый предводитель. Прабабушкѣ это сильно не нравилось, хотя она ни тому, ни другому объ этомъ не говорила, такъ какъ и они, со своими сокровенными, но очевидными помыслами, еще молчали.

— Нашу сестру, особенно изъ нонѣшнихъ, да еще молодую, — сказала Анна Петровна: — коли не сдерживать, не вразумлять, то сейчасъ свихнется и, рано выйдя замужъ, такъ станетъ рядиться, да мести хвостомъ, что разоритъ

господина-мужа, либо, извините, хуже того, прямо стрекотуха-егоза наставитъ ему рога.

Сказавъ это, прабабушка на минуту смолкла, взяла со стола флаконъ съ какимъ-то спиртомъ, понюхала изъ него и оглянулась по комнатѣ.

— Дѣти, кстати, всѣ разошлись,—произнесла она.—Хотя у меня что-то не совсѣмъ свѣжа голова, могу вамъ, коли не наскучу, сообщить одно поучительное событіе, или даже, если хотите, трогательный анекдотъ...

Дѣти въ это время, дѣйствительно, вышли одинъ за другимъ изъ комнаты прабабушки, кто въ садъ, кто въ конецъ двора — на ледяную гору, или съ нянькамм къ рѣкѣ, гдѣ сквозь ледъ на ужинъ ловили бреднемъ рыбу. Одинъ, впрочемъ, изъ правнуковъ Анны Петровны, войдя передъ тѣмъ въ опустѣлую дѣвичью и не найдя тамъ своего теплаго платья, присѣлъ, въ ожиданіи прислуги, у печи, за дверью, и невольно услышалъ и потомъ запомнилъ то, что разсказала тогда прабабушка.

— Это, други мои, было давно,—начала Анна Петровна:— лѣтъ десять спустя послѣ основанія здѣшняго университета. Въ то время къ намъ изъ города, знакомясь съ краемъ, охотно ѣзжали въ гости новоприбывшіе профессора и доценты разныхъ наукъ: архитектуры, физики, ботаники, медицины и словесности. Все это были хорошіе люди, образованные, деликатные. Они отдыхали здѣсь на привольѣ, особенно лѣтомъ,—да и намъ бывали полезны. Мы, съ Иванушкой, тогда только-что, съ Божьей помощью, кончили постройку нашего каменнаго пятиглаваго храма,—вы, государи мои, нынѣ такъ любуетесь имъ, а Иванушка, въ ту пору, успѣшно началъ опыты съ посадкой на нашихъ пескахъ сосноваго лѣса. Теперь это, какъ тоже вы знаете, уже не опыты, а настоящій на нѣсколько верстъ боръ... Такъ вотъ, говорю, тогда къ намъ на отдыхъ въ гости ѣзжали разные профессора и между ними немолодой уже адъюнктъ ботаники, — вы о немъ, чай, слышали, — Романъ Романычъ,—послѣ его перевели куда-то въ другой городъ. Онъ въ лѣтніе заѣзды дѣлалъ у насъ экскурсіи въ лѣсъ и степь за травами, а зимой на святкахъ, раза два ѣздилъ съ Иванушкой на волчьи облавы. Былъ онъ, скажу, лѣтъ за пятьдесятъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, но еще бодрый, съ румянцемъ во всю щеку и подвижной,

Сильно близорукій, онъ, между тѣмъ, страстно любилъ всякую охоту съ ружьемъ. Присматривалась я къ нему и удивлялась. Ужъ какъ онъ тамъ попадалъ въ птицу или бѣгущаго звѣря, никогда я не могла понять, — а туда же, бывало, примащивается къ самымъ записнымъ охотникамъ, возьметъ на плечи ружье, надѣнетъ высокіе сапоги и марширует. — «Куда вы? — говорю я ему однажды: — поберeглись бы; еще по близорукости подвернетесь подъ чье-нибудь дуло и васъ пристрѣлятъ въ гущинѣ».—«Кому, сударыня, утонуть, — отвѣтилъ онъ: — того ружье не тронетъ; а я хоть и близорукъ, а иной разъ вижу дальше зрячаго. Не я ли вамъ презентовалъ собственной охоты куропатокъ?» — А ужъ гдѣ тамъ собственной охоты! Думаю, покупалъ изъ любезности у нашихъ же егерей. Онъ въ десяти шагахъ почти ничего не видѣлъ, а разъ, ѣдучи къ намъ, принялъ терновый кустъ за отца благочиннаго и, снявъ шляпу, усердно кланялся ему.

Слушатели разсмѣялись.

— Въ тѣ годы въ нашемъ же институтѣ для бѣдныхъ дѣвицъ, — продолжала Анна Петровна, — кончила ученіе одна сирота, питомка съ дѣтства и крестница моего покойнаго брата, по имени Анна, какъ и я. По смерти брата, мы съ Иванушкой призрѣли эту Ашеньку и очень ее полюбили. За наши ласки и она насъ чтила, а меня звала маменькой. Кончивъ науку, разумѣется, она, какъ вполнѣ безпріютная, поселилась у насъ. Прошло лѣто, кончилась осень и наступила зима. Ашенька, видимъ, очень сильно скучаетъ по своемъ институтѣ, а особенно по товаркамъ. Отпраздновали святки; сталъ близиться день нашего общаго съ Ашенькой ангела. Ну, какъ вотъ и теперь, мы и тогда ждали добрыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ кое-кого и изъ губерніи. Кто-то при Ашенькѣ сказалъ, что на именины къ намъ и на охоту, съ волчьей облавой, будетъ и доцентъ ботаники. Ашенька такъ и заалѣла. — «Романъ Романычъ?» — спрашиваетъ меня. — «Онъ самый, — отвѣчала я: — а развѣ ты его знаешь?» — «Какъ не знать! онъ и въ институтѣ у насъ обучалъ ботаникѣ, и мы его всѣ, какъ есть, обожали!« — Извѣстно институтское обожаніе, — разумѣется, пустяки. Я о тѣхъ словахъ Ашеньки и забыла. Стали съѣзжаться гости; пріѣхалъ и этотъ доцентъ. Ашенька, какъ увидѣла его, запрыгала отъ радости и чуть не

кинулась ему на шею. Мы потомъ не мало упрекали ее за эту прыть; ты, молъ, уже не приготовишка какая-нибудь, въ куцомъ коричневомъ платьѣ, а кончившая всѣ курсы барышня, и надо бы тебѣ, милая, честь и совѣсть знать. А она, просто, какъ ошалѣла, глазъ не спускаетъ съ бывшаго своего ментора. Такъ, это, онъ побылъ у насъ двое сутокъ въ гостяхъ—и уѣхалъ. Видимъ, Ашенька стала болѣе тосковать; на себя не походитъ, похудѣла, блѣдна, какъ кусокъ мѣлу, — вздыхаетъ, плачетъ. А лѣтомъ этотъ ботаникъ опять появился у насъ. Привезъ огромный свой гербарій, въ пачкахъ оберточной бумаги, ходитъ по степи и по лугамъ, собираетъ и сушитъ травы, а мы, съ горничными и съ Анютой, помогаемъ ему по вечерамъ. Одинъ разъ сидѣлъ онъ со мною на балконѣ, дивуясь лѣсомъ, посадкой Иванушки, — а лѣсъ въ то время уже сталъ виденъ черезъ степь, съ нашего балкона, — да и брякнулъ мнѣ: «Сударыня, Анна Петровна, не разсердитесь, если что скажу?» — «Говори, милый, слушаю; ты хоть и философъ, а добрый человѣкъ». — Онъ помолчалъ. Замѣчаю, утромъ былъ онъ въ голубенькомъ шейномъ платкѣ, а тутъ уже сидѣлъ въ розовомъ; фракъ съ иголочки и башмаки съ модными пряжками. — «Отдадите за меня вашу Анну Львовну, — спрашиваетъ: — коли осмѣлюсь посвататься?» — Я такъ и обомлѣла. — «Да что ты, Романъ Романычъ, — отвѣчаю: — очумѣлъ, извини, что ли? ну, пара ли она тебѣ? такое неравенство лѣтъ... совсѣмъ молодёшенька, всего семнадцатый годъ, а тебѣ за пятьдесятъ! И кто, не сердись ты, въ мысли это втемяшилъ тебѣ?» — Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни слова. — «Что же, сударыня, — говоритъ: — развѣ я могъ бы быть столь дерзостенъ? Мнѣ подали нѣкоторую надежду... Лукерья Ивановна по тайности открыла, что Анна Львовна не только не прочь, но даже ко мнѣ расположена». — А эта Лукерья, надо вамъ сказать, была жена нашего тогдашняго попа, молодая, превзбалмошная и болтливая бабенка. — «Нашелъ сватью! — отвѣчаю я ему: — да неужели, — ну, скажи по правдѣ, — ты не боишься? Нашить тряпокъ и обвѣнчать-то васъ не долго, да и ты, повторяю, хорошій во всемъ человѣкъ; но обдумалъ ли ты? не вышло бы чего, не сталъ бы послѣ жалѣть!» — «Если вы, государыня моя, лично не препятствуете, — сказалъ онъ: — о себѣ скажу, —

я уже рѣшился; что Господь дастъ, то и будетъ; а потому снова прошу принять мое почтительнѣйшее предложеніе и насъ благословить». — Тутъ онъ всталъ и поклонился мнѣ, съ глубокимъ решпектомъ. Я, однако, други мои, всегда была не изъ податливыхъ... отложила рѣшеніе на сутки, да и на другія ничего не отвѣтила,—толковала съ сыномъ, совѣтовалась съ невѣсткой. Принялись мы допрашивать и Анюту. Да что съ такимъ безперымъ птенцомъ? плачетъ, молитъ дать благословеніе. Иванушка мнѣ на третій день и говоритъ: «Что же, маменька, партія для бѣдной сироты-безприданницы, во всякомъ случаѣ, подходящая, онъ еще въ самомъ видѣ мужчина, имѣетъ бригадирскій чинъ, ласкаемъ, какъ видно, начальствомъ и получаетъ приличное жалованье; не нынче-завтра возведенъ будетъ въ профессоры, и беззаботно можетъ прожить, не только съ женой, но и съ дѣтьми, коли имъ Господь ихъ дастъ».—Ашенька три дня, заперлись, ничего не ѣла и не пила; видимъ, ума отъ любви рѣшилась: и милъ-то онъ, по ея мнѣнію, и уменъ, и добръ, и всѣ у него, какъ есть, качества! — «Да старъ онъ тебѣ, дурочка, — твержу я ей напрямикъ: — ну, куда ему до тебя? ты жива, быстра, краля писанная и съ огнемъ, а у него бѣлый пухъ уже, какъ у голубя-турмана, не токмо въ ушахъ, даже въ носу повыскочилъ!» — Ахъ, маменька, — отвѣчаетъ она:—да я старенькихъ-то, бѣленькихъ именно и люблю! Отдайте за него, я вотъ какъ его, еще со второго класса, полюбила». — Глупышъ ты, — говорю: бутонъ мой розовый, стрекоза! да за тебя адъютантъ вонъ полковой, писанный красавецъ и танцоръ-мазуристъ, сватается; я только тебѣ до времени не говорила... пожелай, съ руками тебя возьметъ». — Куда! ничто не подѣйствовало. Настояла Ашенька на своемъ; а тутъ еще сосѣди давай ѣздить и трещать,—не томите любящихся, не разводите счастья! Я подумала, погадала и согласилась: будь, въ самомъ дѣлѣ, что будетъ! Ашенькѣ нашили мы приданаго, назначили свадьбу и въ тотъ же годъ она стала профессоршей. . . . .

— Анекдотъ дѣйствительно интересный, — сказалъ полковой командиръ:—развѣ дѣвицамъ и впрямь все выходить за молодыхъ? съ пожилыми иногда бываютъ счастливѣе...

— Что же, сударыня, было далѣе?—спросилъ предводитель:—ваша исторія, повидимому, еще не кончена. . . . . .

— Ты, cher ami, угадалъ, — отвѣтила Анна Петровна, опять понюхавъ изъ флакона: — конецъ былъ, но, можно сказать, не только странный, а даже неожиданный. Молодые, представьте себѣ, зажили совершенно счастливо. Не только они сами, но и посторонніе отзывались о ихъ житьѣ-бытьѣ съ отмѣнною похвалой. Доцентъ усердно ходилъ читать свои лекціи, а на дому сверхъ того практически занимался со студентами; посылалъ ихъ собирать травы, объяснялъ имъ наглядно сорты и свойства всякихъ былинокъ и приводилъ съ ними въ порядокъ свой огромный, за нѣсколько лѣтъ собранный гербарій. Ашенька, въ чепчикѣ и въ простомъ ситцевомъ или муссeлиновомъ платьѣ,—ихъ мы ей нашили вдоволь всякихъ, дешевыхъ и дорогихъ, — носила мужу наверхъ, въ его рабочую комнату, чай и кофе, и хлопотала по домашнему хозяйству и въ кухнѣ. Слыша похвалы Анютѣ, я сама однажды предприняла вояжъ въ городъ и своими глазами видѣла — какъ ея вниманіе, такъ и истинную ея любовь къ мужу. А ужъ о немъ нечего и говорить. Сѣдой и румяный селадонъ въ ней души не чаялъ; подарилъ ей колье, — вотъ съ какою крупною жемчужиной! — колечко алмазное, и даже выписалъ ей черезъ купцовъ изъ Парижа модную бархатную мантилью и шляпку Сандрильонъ. По цѣлымъ часамъ сидѣли они рядкомъ, вздыхая, обнимаясь и говоря другъ другу завѣренія въ любви. — «Диво дивное! — думала я, глядя на нихъ; — и впрямь, — чего на свѣтѣ не бываетъ? старъ человѣкъ, а какъ къ себѣ этакую юницу привязалъ!» Одно мнѣ не нравилось въ Ашенькѣ... Она была невоздержна въ насмѣшкахъ надъ нѣкоторыми студентами, учениками мужа. Они и дѣйствительно были странно и неряшливо одѣты, отвѣчать не умѣли, а ужъ о манерахъ что̀ и говорить. Одного студента Анюта особенно вышучивала и шпыняла, хотя, повторяю, отчасти и подѣломъ. Звали его Митей, фамилія—Сверчковъ. Это былъ сынъ бѣднаго, городского чиновника, высокій, тощій, носатый и вѣчно молчаливый, съ длинными красными руками, которыхъ онъ постоянно не зналъ, куда дѣвать. Одно было въ немъ привлекательно: большіе, темные, ну, чудные глаза. Какъ теперь ихъ вижу, — такъ и просятся въ душу... А она надъ нимъ — ха-ха, хи-хи, — проходу ему не даетъ. Тотъ, бывало, при мнѣ, придетъ, усядется у нихъ за чаемъ, уткнётъ носъ въ чашку, а ру-

чищи, какъ оглобли, разложитъ по выпяченнымъ, худымъ колѣнямъ, и въ то время, какъ другіе весело и безъ церемоніи болтаютъ и острятъ о томъ-о-семъ, молчитъ, какъ каменный истуканъ. Ашенька глядитъ и не вытерпитъ; либо пришпилитъ къ его фалдѣ салфетку, такъ что онъ, повернувшись, чуть не валитъ всей посуды,— либо принесетъ изъ кухни и потихоньку сзади насыплетъ ему на спину и на голову курьихъ перьевъ и пуху, да еще и къ зеркалу подведетъ его. Тотъ, съ-оторопу, чуть не плачетъ, а прочіе, и она больше всѣхъ, отъ смѣха надрываютъ надъ нимъ животы. Я ей потомъ наединѣ дѣлала строгіе реприманды.—«Ты, ма шеръ, говорю, не подростокъ, а профессорша; стыдись: можно ли такъ издѣваться надъ человѣкомъ?» — «Да что же, маменька, дѣлать? — отвѣчаетъ она, не удерживаясь отъ хохота: — руки-то, ноги его! развѣ такой увалень—человѣкъ? а со смѣху, онъ, пожалуй, и исправится, станетъ, какъ всѣ!» — Я уѣхала, а вскорѣ вышла, скажу вамъ, изъ всего того такая исторія, что не знаю, какъ уже и разсказать.

— Что же, студентъ, видно, наконецъ, разобидѣлся и дерзостей ей натворилъ?—спросилъ предводитель.

— Мужа вызвалъ за нее на поединокъ?—спросилъ полковникъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтила Анна Петровна:—а вотъ что. Жили такъ-то наши молодожены спокойно. Послѣ студеной зимы и начала сырой и грязной весны, наступили превосходные майскіе дни,—теплынь, яркое солнце и благораствореніе воздуховъ. Въ университетскомъ саду зацвѣли бѣлыя акаціи, дикіе жасмины и бульденежи. Луга и поля подъ городомъ, ну, какъ ковромъ, устлались тысячами вешнихъ цвѣтовъ. Романъ Романычъ по утрамъ торопился читать свои лекціи и, кое-чего перехвативъ за обѣдомъ, до поздняго вечера пропадалъ со студентами въ окрестностяхъ, за собираніемъ травъ. Однажды случилось такъ, что онъ, наморясь день-денской въ шатаньяхъ подъ городомъ, возвратился домой поздно ночью, едва чувствуя подъ собою ноги, упалъ, не раздѣваясь, на постель и заснулъ, какъ убитый. Утромъ, разумѣется, всталъ позднѣе обычнаго, взглянулъ на часы и увидѣлъ, что сильно проспалъ. Погода стояла восхитительная; душисто, тепло, птички щебечутъ за окнами, а солнце глядитъ ласково и празднично.

До лекціи оставалось не болѣе получаса. Романъ Романычъ наскоро умылся, напялилъ на себя вицмундиръ, уложилъ въ портфель брульоны своихъ лекцій и часть гербарія и хотѣлъ уже бѣжать въ аудиторію, но вспомнилъ, что внизу ждетъ его этотъ студентъ Митя, котораго онъ въ то утро рѣшилъ послать на подгородній архіерейскій лугъ. Тамъ въ это время окончательно отцвѣтали какія-то особенно дорогія, по мнѣнію ученыхъ, травы, цѣлебные папоротники, что ли, и ихъ надобно было разыскать и захватить непремѣнно въ цвѣту. Онъ кликнулъ къ себѣ Сверчкова наверхъ, показалъ ему образцы тѣхъ травъ и снова объяснилъ ему, какъ и на какихъ мочажинахъ ихъ собирать.— «Но ты, папаша, хотя бы закусилъ!»—сказала ему, войдя также наверхъ, Анюта. Мужъ взглянулъ на нее и жаль ему стало идти. Она въ ту минуту, какъ онъ послѣ говорилъ друзьямъ, сіяла милѣе и свѣжѣе всякаго майскаго утра.—«Да, мой другъ, выпилъ бы я съ тобою кофейку,—отвѣтилъ мужъ, любуясь ею:—только вотъ что, ты знаешь, какъ я аккуратенъ... во всю жизнь въ университетѣ, да и у васъ въ институтѣ не пропустилъ ни одной лекціи. Надо идти!» — Онъ собственноручно надѣлъ на шею Сверчкову сумку съ инструментами и пропускной бумагой, для прокладки между нею свѣжихъ травъ, спустился съ лѣстницы и чуть не вприпрыжку пустился въ университетъ. Жилъ онъ довольно далеко, въ домѣ протопопа, почитай, въ концѣ города, однакоже успѣлъ дойти какъ разъ въ то время, когда на сосѣдней соборной колокольнѣ часы стали звонить девять, — начало лекцій. На крыльцо онъ взошелъ, впрочемъ, не безъ конфуза, такъ какъ ни у воротъ, ни возлѣ университета не было замѣтно никого изъ студентовъ. Всѣ, очевидно, были уже въ аудиторіяхъ. Такъ или иначе, а онъ, все-таки, значитъ, припоздалъ. Поднялся онъ по главной лѣстницѣ, заглянулъ мимоходомъ въ профессорскую сборную, она также была пуста. — «Эхъ, засмѣютъ, — подумалъ онъ, еще болѣе смутившись, — этакій точный, сама аккуратнѣйшая аккуратность, а явился позднѣе всѣхъ!»—Остановился онъ на верхней площадкѣ, отеръ вспотѣвшее лицо, оправилъ на головѣ свой бѣлый кокъ и одернулъ фалды мундира. Но едва онъ ступилъ въ общій коридоръ, навстрѣчу ему оттуда, тоже съ портфелью и тоже какъ бы озадаченный, хотя и съ улыбкой, — коллега

его, профессоръ астрономіи. — «Ты куда это?» — спросилъ астрономъ. — «На лекцію, сегодня о губоцвѣтныхъ буду читать, — тараторилъ Романъ Романычъ: — но ты замѣтилъ ли? вѣдь я, кажется, припоздалъ?» — Астрономъ такъ и покатился со смѣху, хохочетъ и его смѣхъ громко разносится въ пустомъ коридорѣ. — «Что ты смѣешься?» — «Да какъ же? оба мы поступили, какъ истинные философы, а сказать повѣрнѣе, даже просто, какъ разсѣянные колпаки!» — «Какъ такъ?» — «Да очень даже просто; вѣдь сегодня табельный, царскій день!» — Романъ Романычъ на это совершенно опѣшилъ и, тоже разсмѣявшись, вышелъ съ коллегой на улицу. — «Куда же ты теперь?» — спросилъ астрономъ. — «Домой, разумѣется; вѣдь я, представь, послѣ вчерашней экскурсіи въ луга, спалъ, какъ сущій богатырь, проспалъ до восьми съ половиной и такъ сюда торопился, что даже не закусилъ». — «Такъ зайдемъ ко мнѣ на обсерваторію, — сказалъ астрономъ: — во-первыхъ, это ближе, чѣмъ твоя квартира, а во-вторыхъ, мой вахтеръ намъ мигомъ подастъ не только закусочку, но и шнапсику; держу наверху для ради всякаго случая. Положимъ, фриштикъ у меня не столь будетъ вкусенъ, какъ мокскій кофе изъ рукъ твоей юной супруги, — зато у меня на башнѣ еще одна приманка... Представь, три дня всего назадъ установленъ новый вѣнскій телескопъ, да какой? Разумѣется, теперь не ночь, планетъ и звѣздъ мы съ тобою не разглядимъ; но прислана еще великолѣпная, зрительная труба, и изъ нея видны не только твои подгородніе луга, но и далѣе, вся окольность, чуть не до монастырской горы». — Романъ Романычъ былъ вообще любознателенъ, а тутъ еще и голодъ, отъ пробѣжки утромъ и натощакъ по городу, сильно давалъ о себѣ знать. Все еще раздумывая, какъ это онъ такъ опростоволосился съ лекціей, онъ согласился и послѣдовалъ за коллегой...

Сказавъ это, Анна Петровна откупорила флаконъ, налила изъ него нѣсколько капель на уголокъ носового платка и потерла имъ у себя виски и за ушами.

— Голова у васъ, сударыня, болитъ? — спросилъ предводитель: — давеча за обѣдней не простудились ли?

— Ничего, монъ ами, недолго договорить, кончу, — отвѣтила Анна Петровна. — Товарищи взошли на обсерваторію. Пока вахтеръ готовилъ фриштикъ, астрономъ открылъ окно

на башнѣ, наставилъ въ него подзорную трубу, снялъ съ ея стекла закрышку и навелъ рефракторъ на окрестности. — «Другъ мой, смотри и любуйся, — сказалъ онъ: — видъ—какъ бы съ Монблана или Ризенгебирге... Духъ захватываетъ отъ столь дивнаго изобрѣтенія людского ума!»— Романъ Романычъ присѣлъ на табуретку, наладилъ стекло по глазу и сталъ любоваться дѣйствительно диковиннымъ видомъ, — голубыми въ легкомъ туманѣ полями, темными лѣсами и контурами холмовъ.—«Да,—сказалъ онъ,—узнаю, вонъ дорога на Кавказъ, а это, вонъ, гора, должно быть, возлѣ монастыря, — какая даль! а это, постой, по-близи, такъ и есть, архіерейскій лугъ... Я туда давеча послалъ одного своего слушателя дополнить гербарій... Старательный и хорошій малый, мѣтитъ въ ученые. Пожалуй, разгляжу и его за работой среди луговъ... Нѣтъ, что-то не видно; должно быть онъ взялъ напрямикъ черезъ лѣсъ».— Романъ Романычъ, пока его коллега и сторожъ ладили столъ и ставили на него закуску, любовался видомъ окрестностей. Наконецъ онъ навелъ трубу и на предмѣстья города. Тутъ онъ уже прямо пришелъ въ восторгъ.—«Ай, прелесть!—вскрикивалъ онъ:—каково? домъ Андрея Ѳедоровича—какъ на ладони; даже его пеструю кошку видно; вонъ крадется по крышѣ къ воробьямъ... Василій Назарычъ цвѣты въ палисадникѣ поливаетъ... постой, да что это?.. такъ и есть,—георгины и конвольвулосы, на тычинкахъ... все разберешь!.. ай, да рефракторъ! по чести, не труба, а чистое диво!»—«Да, инструментецъ изрядный,— сказалъ астрономъ:—а теперь, коллега, насчетъ шнапсику! это будетъ почище!»—Товарищи усѣлись, выпили и закусили. Хозяинъ вспомнилъ о недавно открытой кометѣ. Начавъ разсказывать о ней, онъ отперъ шкапъ, чтобъ достать и показать полученный ея рисунокъ.—«Что же это, однако?—спохватясь, подумалъ гость,—я смотрѣлъ на чужіе, а своего дома и не разглядѣлъ».—Онъ снова присѣлъ на табуретъ и навелъ рефракторъ на свое предмѣстье. Замелькали на стеклѣ подгородные домики, огороды и сады; сталъ виденъ, какъ бы въ десяти шагахъ, узенькій переулокъ и домъ протопопа. Романъ Романычъ разглядѣлъ знакомую красную крышу, тесовыя ворота, бѣлье, развѣшенное по двору, для просушки, на веревкѣ, и кучу протопоновыхъ голубей на вышкѣ, у слухового окна;—а по-

ниже и раскрытое окно своего кабинета,—книжные шкапы, комодъ, картинки по стѣнамъ и рабочій столъ, съ бумагами, передъ окномъ. Но вдругъ Романъ Романычъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ трубы, не вѣря своимъ глазамъ. Онъ замеръ и нѣсколько секундъ сидѣлъ, ни живъ, ни мертвъ.—«Еще водочки, коллега!—сказалъ товарищъ, доставая рисунокъ новооткрытой кометы:—смотри какая,—а хвостъ изогнутъ и сквозь него видны звѣзды». Но ужъ куда тутъ было до водочки или до кометы. Романъ Романычъ протеръ платкомъ зрительное стекло, еще взглянулъ въ рефракторъ и надвинулъ на него крышку... Потъ каплями падалъ съ его лица...

Прабабушка снова замолкла.

— Что же онъ увидѣлъ?—спросилъ предводитель.

— То, что и слѣдовало ожидать,—раздражительно отвѣтила Анна Петровна, прикладывая носъ къ флакону.

— Непріятность какую-нибудь?—спросилъ полковникъ:—воры забрались въ кабинетъ?

— Да, воры, — отвѣтила прабабушка, — только иного сорта... На диванѣ въ кабинетѣ сидѣлъ Митя, а рядомъ съ нимъ Ашенька, и оба они, обнявшись, цѣловались, какъ истые голубки.

— Возмутительно, дерзко и неблагодарно!—сказалъ предводитель...

— Именно, монъ шеръ, неблагодарно, — обратилась къ нему Анна Петровна, разведя руками: — совершивъ такое открытіе, Романъ Романычъ молча отошелъ отъ трубы. Коллега знакомъ пригласилъ его къ столу. Они еще выпили по рюмкѣ.—«Такъ рефракторъ не дуренъ?» спросилъ астрономъ.—«Преотмѣнный!» отвѣтилъ гость.—«И все хорошо видно?»—«Все...»—Товарищи пожали другъ другу руки и разстались. Точно на крыльяхъ вѣтра Романъ Романычъ понесся домой. Онъ шелъ, какъ облитый водою, съ портфелемъ подъ мышкой, и не грустилъ, а какъ-то странно усмѣхался.—«Такъ тебѣ и надо, старый дуракъ!—разсуждалъ онъ, идучи:—совсѣмъ сосулька, сморщенный грибъ, а тоже затѣялъ играть въ амуры. Подѣломъ ротозѣю, плюгавой размазнѣ! Не такъ надо было смотрѣть за молодою, красивою женой!»—Примчался онъ на квартиру и прямо на лѣстницу. Услышала Анюта скрипъ ступеней, узнала шаги мужа и выбѣжала къ нему изъ кабинета на пло-

щадку.—«Какъ?—спрашиваетъ:—ты уже домой? а лекція?»—«Забылъ я, милая, сегодня табельный день».—«Будешь пить кофій? только налить—готовъ».—«Охотно!» отвѣтилъ мужъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ и окинулъ его глазами. Все въ немъ казалось на мѣстахъ и какъ бы въ порядкѣ. Одна только его шинель какъ-то странно была брошена на диванъ и свѣсилась съ него до полу.—«Такъ пойдемъ же внизъ ко мнѣ—сказала Ашенька:—тамъ и спокойнѣе, и не такъ жарко».—«Нѣтъ, я усталъ; давай сюда».—Анюта вышла на площадку и крикнула въ кухню стряпухѣ: «Завари кофій, да неси наверхъ двѣ чашки; выпью и я».—«Нѣтъ, три!» сказалъ мужъ. Ашенька удивилась.—«Развѣ еще кого ждешь къ себѣ»? спрашиваетъ.—«Да, жду одного пріятеля».—Тутъ Романъ Романычъ вынулъ изъ портфеля свои записки и травы, разложилъ ихъ на столъ, снялъ съ себя вицмундиръ и облекся въ покойный домашній шлафрокъ. Кухарка возилась съ посудой.—«Удивительные люди, эта прислуга!—съ нетерпѣніемъ восклицала Ашенька:—кипятокъ всегда есть и кофейникъ былъ на плитѣ, а не несетъ!»—Кофій наконецъ былъ принесенъ.—«Ну, гдѣ же твой знакомецъ?» спросила Анюта, наливая пока двѣ чашки.—«Наливай и третью», сказалъ мужъ. Анюта налила. Романъ Романычъ всталъ со стула, быстро нагнулся къ дивану и приподнялъ брошенную на него шинель.—«Ну-ка, господинъ Сверчковъ,—сказалъ онъ, увидя торчавшія изъ-подъ дивана, въ болотныхъ сапогахъ, ноги Мити и похлопывая по нимъ:—что конфузиться? вылѣзайте, будемъ пить кофе». Еле живой отъ смущенія, весь красный и въ пыли, Сверчковъ выползъ изъ-подъ дивана, отряхнулъ на себѣ платье и робко присѣлъ на край стула. — «Полно церемониться,—вотъ ваша чашка, откушайте; да проси же гостя, жена!»—Ашенька не вѣрила своимъ ушамъ и была готова провалиться сквозь землю. Сидя какъ на иголкахъ, она ожидала бурныхъ взрывовъ, грозы. Ничего этого, однако, не произошло. Мужъ налилъ себѣ въ чашку сливокъ, медленно помѣшалъ ложечкой и, обмакивая печенье въ кофій, сталъ съ удовольствіемъ прихлебывать. Видя его спокойствіе, началъ пить и Митя, а за нимъ и Ашенька.—«Это съ инбиремъ и корицей?» обратился Романъ Романычъ къ женѣ, указывая на поданные сухарики.—«Да».—«Ты сама пекла?»—«Сама...»—«Превкусно...»—«Что за

диво?—разсуждала Анюта:—неужели онъ ровно ничего не замѣтилъ? и могла ли до такой степени дойти его ученая, не отъ міра сего, простота? Что же? весьма возможно; онъ, по его мнѣнію, поймалъ ученика въ лѣности, да лаской, косвенно и коритъ его за то, что тотъ, убоясь его упрековъ за нерадѣніе, спрятался подъ диванъ».—А тѣмъ временемъ, какъ Анюта это думала, Романъ Романычъ разспрашивалъ Сверчкова о его родителяхъ и узналъ, что они померли и что онъ живетъ у тетки, вдовы аптекаря.—«Она и теперь содержитъ мужнину аптеку?» спросилъ онъ.—«Такъ точно».—«И хорошо идутъ ея дѣла?»—«Изрядно».—Допивши кофе, Митя всталъ, вѣжливо поблагодарилъ за угощеніе, взялъ шапку и сумку, и сталъ откланиваться.—«А ты, Ашенька?—обратился Романъ Романычъ къ женѣ:—что не берешь также своей шляпки и мантильи?»—«Зачѣмъ?» удивилась та.—«Какъ зачѣмъ?—отвѣтилъ Романъ Романычъ:—теперь ужъ не я тебѣ мужъ, а вотъ онъ... Вы любите другъ друга, будьте же счастливы и неразлучны. Извольте, молодой человѣкъ, взять подъ руку Анну Львовну и шествуйте во-свояси...»—Анюта помертвѣла, не могла слова проговорить.—«Да, мои милые, да, други сердечные!—продолжалъ Романъ Романычъ:—я сдѣлалъ въ жизни одну великую глупость, не послушалъ тѣхъ почтенныхъ особъ, кои мнѣ перечили и предрекали то, что случилось, и ужъ болѣе, разумѣется, я того не повторю!»—Ашенька залилась слезами. Митя упалъ на колѣни и сталъ молить о прощеніи.—«Да что же вы, дорогіе мои, каетесь?—сказалъ Романъ Романычъ:—вы только открыли мнѣ глаза, и я вамъ за то крайне благодаренъ. Здѣсь законъ природы, его же не прейдеши, и провидѣнія перстъ! Повторяю, не смущайтесь: облегчите мою душу, живите счастливо, и да благословитъ васъ Господь!»—Сверчковъ поднялъ на Анюту свои большіе, плѣнительные глаза. Ашенька растерянно взглянула на него. Они поняли, что дѣлать болѣе нечего, взялись подъ руки, да потихоньку и ушли...

Анна Петровна смолкла; молчали и ея слушатели.

— Что же было потомъ?—рѣшился спросить предводитель.

Анна Петровна закрыла глаза, какъ бы собираясь съ мыслями. Такъ она пробыла съ минуту.

— Давняя исторія,—сказала она,—и тѣмъ собственно, если хотите, дѣло и кончилось... Романъ Романычъ, сгоряча

покончивъ все, сперва было какъ бы пошатнулся духомъ, никуда не показывался, не ходилъ на лекціи и по цѣлымъ днямъ молча смотрѣлъ изъ кабинета въ окно, либо, открывалъ книжный шкапъ и медленно перелистывалъ какую-нибудь книгу, ничего въ ней не понимая. Потомъ, однако, онъ успокоился и возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Ашенька поселилась сперва у Митиной тетки, такъ какъ ко мнѣ она уже не рѣшалась болѣе обращаться. Когда же Романъ Романычъ, перейдя въ другой университетъ, получилъ тамъ каѳедру профессора, онъ далъ Анютѣ разводъ и она обвѣнчалась со Сверчковымъ. Дѣло, если посудить, обыкновенное и не особенно мудреное. Такъ не разъ бывало на свѣтѣ и всегда будетъ. Но, вотъ что, по-истинѣ, дивно... Романъ Романычъ впослѣдствіи узналъ, Митя не только не бросилъ науки, но, кончивъ курсъ университета, выдержалъ экзаменъ на магистра, а потомъ и на доктора. Тутъ уже Романъ Романычъ не утерпѣлъ и написалъ ему письмо.—«Вы, какъ и слѣдовало ожидать,—выразился онъ ему,—преуспѣваете въ наукахъ; я же, сообщу вамъ, совсѣмъ состарился и отъ занятія микроскопомъ теряю зрѣніе... Для новаго вина нужны и новые мѣха. Пріѣзжайте, дорогой мой, да не одни, а съ женою, вашею супругой, и съ дѣтками. Порадуйте, дайте взглянуть на васъ всѣхъ. Будемъ вмѣстѣ хлопотать у начальства. Я вамъ уступилъ лучшее мое сокровище въ жизни—жену; охотно достойному уступлю и мою каѳедру, которую, ахъ, я люблю не менѣе, чѣмъ любилъ свою жену!»

— И онъ это исполнилъ?—спросили съ удивленіемъ полковникъ и предводитель.

— Истинный и тонкій былъ философъ!—заключила прабабушка:—нынѣ мало такихъ людей! все какіе-то самонадѣянные и, простите, легкомысленные... А онъ, какъ сказалъ, такъ, представьте, все и совершилъ!

1887 г.

IV.

ДѢДОВЪ ЛѢСЪ.

Мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ Данилевскій посѣялъ... тысячу десятинъ лѣса.

Не правда ли, какъ это странно слышать въ нашъ, но

преимуществу «лѣсонстребительный вѣкъ?» Вспомнимъ сжиганіе лѣсовъ желѣзными дорогами и пароходами, которыхъ по одной Волгѣ ходитъ болѣе пятисотъ; вспомнимъ рубку «березокъ» по всей Россіи въ Троицынъ день.

Люди предпріимчивые, люди съ сильной волей и дѣловымъ умѣньемъ, при всякихъ новѣйшихъ приспособленіяхъ, съ паровыми плугами, рядовыми сѣялками и при своихъ и акціонерныхъ капиталахъ, — стали бы въ затрудненіе передъ задачей—посѣять и выростить тысячу лѣсныхъ десятинъ.

Много и въ послѣдніе годы толковали о «лѣсоразведеніи», «древонасажденіи» и «обводненіи» южныхъ степей. Ученые геологи и ботаники, по древеснымъ остаткамъ въ курганахъ и на днѣ рѣкъ и озеръ, доказывали, что нынѣ пустынныя, лишенныя рощъ и дубравъ—Украйна и Новороссія въ незапамятныя времена были покрыты лѣсными породами, гдѣ заброшенный въ степи путникъ могъ находить убѣжище отъ непогоды. Писались доклады, вызовы, проекты и уставы; командировались свѣдующіе чиновники и лѣсники; составлялись общества и продавались паи. Но ни «лѣсоразведенія» и «древонасажденія», ни «обводненія» степей до сихъ поръ не оказалось и слѣда. А въ глубинѣ слободской Украйны, въ Зміевскомъ небогатомъ селѣ Пришибѣ, проживалъ незнаемый свѣтомъ хуторянинъ, мой дѣдъ, который семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, безъ машинъ, безъ своихъ и чужихъ вспомогательныхъ капиталовъ, взялъ да и засѣялъ лѣсомъ тысячу десятинъ никуда негодныхъ, песчаныхъ земель на Донцѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ оффиціальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина.

Во-первыхъ—свидѣтельства официальныя.

Въ рѣчи извѣстнаго харьковскаго ученаго профессора ботаники, В. М. Черняева — «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, сказано слѣдующее: «Покойный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Делавинъ, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на сыпучихъ пескахъ.

— «Я знаю,—говоритъ онъ,—одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени.

Когда я проѣзжалъ по его землямъ, лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.),—я нашелъ песчаную равнину, десятинъ въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного? Почему имя сего мужа не достигло подножія трона?

— «Въ 1844 году,—продолжаетъ профессоръ В. М. Черняевъ,—имѣлъ я удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятинъ, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтьми изъ лѣса, который за полвѣка посѣянъ ихъ отцомъ. Чрезъ ходатайство начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, помѣщикъ Зміевскаго уѣзда, награжденъ, за столь благодѣтельный и поучительный примѣръ, орденомъ св. Владиміра».

Такъ говорятъ оффиціальныя печатныя данныя; такъ свидѣтельствуютъ почтенные профессора. И сообщеніе ихъ въ точности вѣрно: сѣятель зміевскаго лѣса былъ, дѣйствительно, примѣрной скромности человѣкъ. Какъ всѣ люди, чѣмъ-нибудь истинно послужившіе родной землѣ, онъ и умеръ, не подозрѣвая, что совершилъ какой-либо подвигъ и этимъ былъ кому-нибудь полезенъ.

Мой дѣдъ, какъ свидѣтельствуетъ его формулярный списокъ, родился въ 1769 году. Въ 1791 г., съ небольшимъ двадцати лѣтъ, зачисленный въ службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, онъ въ теченіе пяти лѣтъ былъ произведенъ въ фурьеры, подпрапорщики, каптенармусы и сержанты гвардіи, а въ 1796 году, незадолго до смерти императрицы Екатерины, уволенъ, по прошенію, въ отставку. Надо, впрочемъ, пояснить, что какъ это поступленіе въ полкъ, такъ и прохожденіе въ немъ службы, равно и полученіе чиновъ, по тогдашнимъ обычаямъ, совершились при постоянномъ и полномъ отсутствіи служившаго изъ полка.

Мой дѣдъ никогда не былъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, и не видѣлъ въ глаза не только гвардіи, но и своего преображенскаго полка.

Формулярный списокъ прибавляетъ, что въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ исполнялъ, по выборамъ дворянства, должность зміевскаго «комиссара для сбора денегъ, пожертвованныхъ дворянами съ ихъ имѣній на учрежденіе харьковскаго университета». Не будетъ лишнимъ вспомнить

нынѣшнему молодому поколѣнію южныхъ землевладѣльцевъ, что наши дѣды на этотъ предметъ пожертвовали и до копейки собрали въ тѣ годы болѣе полумилліона рублей.

Въ 1819 году послѣдовало награжденіе Ивана Яковлевича орденомъ св. Владиміра, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличные труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанные, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ».

Избранный старостой имъ построенной въ 1810 году, въ роловомъ селѣ, каменной церкви, мой дѣдъ несъ эту обязанность до конца жизни.

Онъ умеръ шестидесяти-четырехъ лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, въ три комнаты, домикѣ, у Курбатовскаго ключевого пруда.

Оффиціальныя и письменныя данныя на этомъ кончаются. Устная семейная старина щедрѣе...

Отецъ Ивана Яковлевича воспитывался въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ соученикомъ извѣстнаго, по Шлиссельбургской катастрофѣ, Мировича. Служа въ пѣхотѣ, онъ женился на дочери выборгскаго коменданта, Плотниковой, занимавшей въ то время должность каммермедхенъ при дворѣ императрицы Екатерины. Угрюмый мистикъ и масонъ, отецъ Ивана Яковлевича умеръ отъ чахотки, когда сыну исполнилось восемнадцать лѣтъ. Сынъ получилъ домашнее воспитаніе.

Любимецъ и единственная отрада матери, Иванъ Яковлевичъ, со дня своего рожденія и по ея кончину, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, не разлучался съ родительницей. Въ его дѣтствѣ она его няньчила и сама учила не только грамотѣ, но и верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья. Подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія, въ послѣднемъ году прошлаго столѣтія, женился.

Новый, XIX-й, вѣкъ засталъ Ивана Яковлевича на тридцать первомъ году жизни. Прекрасно образованная и даже, какъ тогда говорили о ея пансіонскомъ воспитаніи, «ученая» — его жена, моя бабка, Анна Васильевна была изъ семьи Рославлевыхъ, стяжавшихъ громкую извѣстность своимъ пособіемъ при возведеніи императрицы Екатерины Второй на престолъ. Живая, чувствительная и подвижного нрава, Анна Васильевна съ трудомъ выносила застѣнчивый,

тяжелый на подъемъ и нерѣшительный нравъ мужа. Воля доброй, умной свекрови въ этой семьѣ была закономъ. Робкій и мнительный съ посторонними, съ дѣтства замкнутый, бука и домосѣдъ, Иванъ Яковлевичъ до женитьбы увлекался лишь двумя предметами—охотой и музыкой. Хозяйствомъ онъ занимался мало. Имѣніемъ завѣдывали, подъ надзоромъ матери, приказчики. А какъ они занимались хозяйствомъ, можно было видѣть въ концѣ села, у кабака, особенно въ праздники, когда одного изъ нихъ оттуда велъ въ хату кумъ, а другого провожала смазливая дочка, крестница матери Ивана Яковлевича.

Днемъ Иванъ Яковлевичъ бродилъ по степи и по Донцу съ ружьемъ; по вечерамъ тѣшилъ матушку игрою на скрипкѣ или на клавесинахъ! Тѣхъ же обычаевъ онъ вздумалъ держаться и ставъ молодоженомъ.

Анна Васильевна терпѣла-терпѣла деревенскую скуку и рѣшилась, наконецъ, ласково и стороной намекнуть мужу о губернскомъ городѣ Харьковѣ: что тамъ, дескать, всякія веселости, театры, выѣзды, танцовальные вечера.

Долго,—почуявъ, въ чемъ дѣло,—кряхтѣлъ и робко улыбался молодой, неподатливый и неповоротливый мужъ. Не хотѣлось ему оставить деревенскаго теплаго угла, нажитыхъ привычекъ, охоты съ любимымъ ружьемъ «калиновкой», бесѣдъ съ матерью и стеганнаго на ватѣ, мягкаго шелковаго архалука. Да и сидѣла въ немъ, съ недавнихъ поръ, какая-то внутренняя смутная дума. Онъ все охалъ, брался за грудь и бока, жаловался на нездоровье. Жена незамѣтно, однако, пересилила.

Потолковавъ съ «сударыней-матушкой» и продавъ сосѣднимъ купцамъ кое-какіе сельскіе запасы, Иванъ Яковлевичъ рѣшилъ провести часть зимы 1801 года въ Харьковѣ. Онъ послалъ нанять квартиру у тамошняго своего знакомца, доктора Вырубова; но медлилъ и медлилъ съ отъѣздомъ, или, какъ бабушка думала о томъ впослѣдствіи, «мямлилъ-мямлилъ» и отправился туда ужъ на рождественскихъ святкахъ, въ февралѣ.

— Вы довольны, зёльхенъ!—спросилъ дѣдъ, такъ называвшій въ нѣжные часы жену.

— Какъ же, гёрцхенъ, не довольна!.. Увидимъ свѣтъ, освѣжимся...

Побывали молодожены у городскихъ властей и у губерн-

скаго предводителя; выстояли архіерейскую службу въ монастырѣ; посѣтили театръ и какую-то панораму, обжились, устроились и сами стали принимать знакомцевъ и родныхъ.

Иванъ Яковлевичъ справилъ себѣ модный нарядъ; сталъ выѣзжать въ голубомъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами, и въ крахмаленномъ жабо; но часто шептался съ докторомъ, квартирнымъ хозяиномъ. Зная мнительность некрѣпкаго здоровьемъ мужа, Анна Васильевна все собиралась спросить Вырубова, въ чемъ дѣло, и стѣснялась, какъ бы не огорчить этимъ мужа. Харьковъ, между тѣмъ, огласился печальнымъ событіемъ.

Въ началѣ великаго поста прихожане старой Вознесенской церкви, заслышавъ звонъ понамаря, стали собираться къ заутренѣ. Двѣ старухи замѣтили на стѣнѣ деревянной колокольни бумажку, прибитую у входа на паперть. Одна изъ старухъ, грамотная купчиха Слатина, сосѣдка по квартирѣ дѣда, предполагая, что это было призваніе къ пожертвованію, стала вслухъ читать написанное... Бумага оказалась острымъ и сильно дерзкимъ пасквилемъ на одно высокое лицо.

Вознесенскій протопопъ, отецъ Василій Фотіевъ, проходя мимо къ службѣ, взглянулъ на «бунтовскую грамотку», сорвалъ ее и тотчасъ заявилъ о ней полиціи. Въ тотъ же день онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и взятъ подъ арестъ. Старуху Слатину къ ночи умчали съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. И хотя всѣ знали, что ни Фотіевъ, ни Слатина, какъ ни въ чемъ здѣсь неповинные, будутъ, по всей вѣроятности, вскорѣ освобождены, тѣмъ не менѣе, всѣмъ городомъ овладѣла паника.

А тутъ еще какой-то проѣзжій изъ столицы чиновникъ сообщилъ новое извѣстіе, въ особенности поразившее моего дѣда. Завернувъ по пути къ пріятелю архимандриту, этотъ петербургскій житель подъ секретомъ разсказалъ, что однофамилецъ и дальній родичъ моего дѣда, тоже Иванъ Данилевскій, былъ въ ту зиму схваченъ полиціей гдѣ-то въ курской или пензенской губерніи и такъ же, какъ Слатина, отвезенъ въ Петербургъ.

Разсказчикъ, впрочемъ, прибавилъ, что арестъ для этого обвиняемаго окончился благополучно. Когда арестанта ввели въ кабинетъ императора Павла, государь съ негодованіемъ

показалъ ему какой-то рисунокъ со стихами и спросилъ: «Это ты меня изобразилъ въ такомъ привлекательномъ видѣ?»—Государь!—проговорилъ черезъ силу, упавъ на колѣни, арестованный;—я не только пашквилей на обожаемыхъ моихъ монарховъ, но даже и писемъ къ роднымъ дѣтямъ писать не могу... третій годъ рука въ параличѣ»...

Было произведено новое дознаніе; настоящій виновникъ дерзкой сатиры былъ найденъ и уличенъ. Ивану Данилевскому императоръ Павелъ, по словамъ разсказчика, пожаловалъ, за напрасныя тревоги и страхъ, дорогой перстень, далъ мѣсто въ ассигнаціонномъ банкѣ, на поправку разстроенныхъ дѣлъ записалъ ему обширную вотчину и, наконецъ, по просьбѣ оправданнаго, въ память этого событія съ нимъ въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ тогда жилъ государь Павелъ Петровичъ, прибавилъ къ его фамиліи слово—«Михайловскій». Съ той поры и стали на Руси Михайловскіе-Данилевскіе.

Анна Васильевна всячески старалась успокоить мужа, встревоженнаго этимъ разсказомъ.

— Ну, видите, видите,—говорила она:—какой добрый и справедливый монархъ!..—Не права ли я? Не только наградилъ невинно-подозрѣваемаго, но еще передъ нимъ на разводѣ принесъ извиненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо уѣзжать!—твердилъ дѣдъ:—и тотъ Иванъ, и я Иванъ, и оба Данилевскіе. Мало ли что можетъ произойти... Подальше отъ города,—болѣе спасенія и тишины.

— Но что же произойдетъ?

— А вонъ, квартальный поручикъ вчера пять разъ за день мимо насъ прошелъ и все поглядывалъ на окна... Вѣрь, что ужъ не даромъ...

— Да его квартира здѣсь на улицѣ.

— А зачѣмъ на наши окна смотрѣлъ?

Въ Харьковъ, незадолго передъ тѣмъ, пріѣхалъ извѣстный фокусникъ Манчини. Онъ пустилъ афиши, въ которыхъ извѣщалъ, что публика увидитъ у него отмѣнно-дивныя вещи: ращеніе въ четверть часа изъ сѣмянъ цвѣтущихъ розъ, глотаніе зажженной пакли и оживленіе обезглавленныхъ передъ зрителями голубей. Городъ спѣшилъ въ заманчивый балаганъ.

— Собирайся, сейчасъ ѣдемъ!—сказалъ Иванъ Яковле-

вичъ, торопливо, съ блѣднымъ лицомъ, входя къ женѣ съ утренней прогулки.

— Къ Манчини? развѣ сегодня?

— Нѣтъ, сударыня,—въ деревню, домой...

— Какъ? что случилось? А ты же обѣщалъ завтра съ Вырубовыми къ фокуснику?..

— Не до заморскихъ нынче штукъ,—мрачно отвѣтилъ дѣдъ:—слышала, мой другъ, что грозитъ Харькову? Представь,—прибавилъ онъ съ боязливою оглядкой:—прислали, говорятъ, секретный приказъ... Если въ трое сутокъ не найдутъ виновника вывѣшенной у колокольни сатиры, то въ Харьковъ войдетъ чугуевскій казачій полкъ и подожжетъ съ конца въ конецъ всѣ улицы; и когда городъ сгоритъ, его мѣсто спашутъ, засѣютъ, и поставятъ у дороги столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ городъ Харьковъ».

— Что вы, что вы, Иванъ Яковлевичъ! всякому слуху вѣрите!—возразила, сама поблѣднѣвъ, Анна Васильевна:—помяните мое слово, никакихъ подобныхъ вандальствъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ быть не можетъ... Сколько разъ я вамъ говорила, по поводу такихъ политическихъ пересудъ, что все это—бабскія выдумки! будемъ надѣяться на Бога; а нашъ Харьковъ, вѣрьте, останется цѣлъ и невредимъ.

Слова нѣжной, любящей, вѣрившей въ «просвѣщеніе вѣка» бабушки, на самомъ дѣлѣ, оправдались.

Утромъ слѣдующаго дня, когда архіерей, губернаторъ и прочія высшія городскія власти выходили отъ вечерни изъ собора,—къ паперти подскакалъ въ волчьей шубѣ, засыпанный снѣгомъ, фельдъегерь. Онъ, еще стоя въ бѣшенно-мчавшихся саняхъ, скинулъ шапку и, ею махая, крикнулъ охрипшимъ голосомъ: «Счастье имѣю поздравить съ восшествіемъ на престолъ императора Александра! царство небесное императору Павлу!»

Эта вѣсть съ быстротою молніи облетѣла Харьковъ.

— А все-таки, зѐльхенъ, уѣдемъ въ деревню!—сказалъ, выслушавъ новость, дѣдъ женѣ.

— Почему, гѐрцхенъ? развѣ не видите, какъ, по моему предсказанію, все счастливо кончилось?—отвѣтила жена:—городъ ликуетъ; съ близкой пасхой будутъ новыя празднества, веселье, балы.

— Въ своемъ гнѣздѣ и веселѣе, и лучше!

— Но мы многимъ еще визитовъ, какъ слѣдуетъ, по

отплатили,—настаивала жена:—родные обидятся; у многих назначены вскорѣ вечера, а такою родней, гѐрценька, как у вас, не слѣдует пренебрегать... Донец-Захаржевскіе, Краснокутскіе, Двигубскіе, князь Трубецкой, Милорадович, Пестичи, граф Петр Михайлыч Апраксин, Булацѐль-богач...

— Еще, сударыня, нѣт ли кого на примѣтѣ? А я скажу,—рѣшил дѣд:—скупим, что надо, да скорѣй во-свояси. Знаешь пословицы: своя хатка — родна матка... на своей печи все красное лѣто... Дома и стѣны помогают; и мышь в норку тащит корку... Вот и я, скажу вам, к своей «калиновкѣ» пріобрѣл нынче новый, с пороховницей, ягдташ...

«Калиновка», долго хранившаяся в нашей семьѣ, была любимым ружьем дѣда. Он из нея, по преданію, под шестьдесят лѣт, не давал промаха по волкам и убивал на лету ласточек.

— А кстати,—прибавил дѣд женѣ:—поздравляю и с новым егерем, Антипкой... Сегодня с ним встрѣтился! Завзятый стрѣлок... И он поѣдет с нами.

Новаго егеря Иван Яковлевич нанял случайно. Дѣд вошел в польскую лавочку, гдѣ торговал прибор на ружье. Здѣсь он увидѣл здоровеннаго, сухопараго, сильно обвѣтреннаго и с примороженным носом верзилу, покупавшаго дробь и картечь на старенькую, перевязанную веревкой винтовку. Разговорились. Антип оказался странствующим торговцем-охотником.

— Откуда пришел?

— Из брянских лѣсов.

— Какова там охота?

— Другой нѣт на всем свѣтѣ.

Дѣд еще поговорил, осмотрѣл винтовку Антипа, спросил, как и у кого он охотился в брянских лѣсах, и предложил ему съѣздить с собою за город, попробовать в цѣль «калиновку».

— Вот так бисова говинька! хоть бы и кошевому! — сказал Антип, протирая глаза, когда дѣд на пробѣ всадил на сто шагов пулю в пулю:—я бы с таким ружьем жил, как с жинкой, и ходил бы за ним, как за родною лѣтиной.

«Эге! Ковинька! и вспомнил кошевого!—подумал, поко-

сясь на Антипа, дѣдъ,—персона, очевидно, не пустячная; ужъ не изъ бывшихъ ли, нынѣ шатающихся по міру, славныхъ сѣчевиковъ?».

Антипъ Легкоступъ, дѣйствительно, былъ изъ закрытаго двадцать-пять лѣтъ передъ тѣмъ Запорожья. Гдѣ онъ былъ со времени памятнаго «руйнованія сѣчи»—никто не зналъ. Уходилъ ли онъ съ прочимъ «товариствомъ» въ Турет-чину, да соскучился и самъ возвратился, или первое время прятался гдѣ-нибудь въ глухихъ степяхъ, да по морскимъ рыболовнямъ въ Новороссіи,—преданіе о томъ умалчиваетъ. Въ послѣднія же семь-шесть лѣтъ Антипъ шлялся, стрѣляя и сбывая дичь помѣщикамъ и въ города, по бѣлгородскимъ и брянскимъ лѣсамъ. Пріѣхавъ въ нашъ Пришибъ съ обозомъ дѣда, онъ прожилъ у него около десяти лѣтъ, исчезая, впрочемъ, по временамъ, на годъ и болѣе.

— Куда же ты, Антипъ?—спрашивалъ его въ такихъ случаяхъ дѣдъ.

— А къ морю, пàне, въ Тилигулъ... Появилась птица отàйка и птица усòй.

— Да не брешешь ли ты?—говорилъ дѣдъ:—что это за отàйка и усòй? никто про такихъ птицъ не слыхивалъ; а въ Тилигулъ вашъ братъ вѣчно шелъ, когда было скучно и хотѣлось просто уйти на всѣ четыре стороны...

— Ни, пàне, ей-же то Богу,—до моря, въ Тилигулъ,—отвѣчалъ, собираясь въ дорогу, Антипъ:—такая птица явилась, нельзя...

Дѣдъ оказывалъ полное довѣріе новому егерю, поручилъ ему всѣ свои ружья и весь охотничій арсеналъ. Антипъ проживалъ въ саду, въ пустой банѣ. Иванъ Яковлевичъ почасту его навѣщалъ.

— Что вы все шепчетесь съ лѣкаремъ?—спросила какъ-то бабушка мужа, когда они вновь обжились въ селѣ и къ нимъ сталъ наѣзжать въ гости сосѣдній полковой врачъ.

— То такое,—отвѣтилъ таинственно и растерянно дѣдъ:—что вамъ, Анна Васильевна, какъ дамѣ, можетъ, и не подъ силу. Не женскаго резона матерія, извините... Когда-нибудь и скажу... А впрочемъ, можетъ-быть, и пустяки.

Бабушка была довольна новою утѣхою мужа. Съ Антипомъ дѣдъ охотился какъ у себя, такъ и въ сосѣдскихъ поляхъ. Онъ узналъ его ближе, полюбилъ за сумрачный,

нѣсколько дикій, но прямой и стойкій нравъ, и сообщилъ ему нѣкій завѣтный, сладкій замыселъ, созрѣвшій на днѣ его робкой, несообщительной души. Это было во вторую весну пребыванія Антипа у дѣда, въ 1802 году.

— Знаешь ли, Антипъ, что я затѣялъ?—сказалъ однажды дѣдъ егерю:—и не только затѣялъ, твердо рѣшилъ, и хочу о томъ переговорить съ матушкой.

— Не знаю, пане; и какъ намъ можно знать всѣ панскія мысли?

— Хочу у матушки проситься съ тобою въ отъѣзжее поле, въ брянскіе лѣса...

— Ну, и съ Богомъ, пане Иване! Тамъ такія мѣста, такія, и столько всякой дичи, — только помогай Богъ въ дорогу!..

— Да, помогай Богъ!—произнесъ, почесывая переносье, дѣдъ:—а какъ матушка не пуститъ?

— Да почему же?

— Потому, я все хворый, все мнѣ не по себѣ...

— А оттого, паночку, и не по себѣ, что много дома сидите. Вотъ и у меня, на что ноги, — лошадиныя, а ужъ мозоли стали сходить на вашихъ, спасибо, хорошихъ хлѣбахъ...

— Ну, такъ я попытаюсь,—только ты, Антипъ, до времени молчи... Будешь молчать?

— Буду.

Воспитаніе дѣда прошло подъ вліяніемъ мѣстныхъ религіозныхъ и бытовыхъ преданій. Онъ росъ подъ кровомъ сельской, сказочной старины. Женскій міръ, совѣты, ласки и руководство любящей матери въ теченіе долгой ея жизни, положили на дѣда свой, нѣсколько фантастическій, отпечатокъ.

Въ то время не только въ поселянскихъ, но и въ дворянскихъ семьяхъ всецѣло царили особыя космическія понятія о мірѣ, небѣ и землѣ.

Небо тогда неоспоримо еще считалось синей кровлей великановъ — «одноглазцевъ», бабы которыхъ на нее съ вечера кладутъ свои веретена и вальки. Облака — это студень, и его пробовалъ въ бурю какой-то пастухъ. Солнце— человѣкъ съ огненными волосами. Одинъ панъ заблудился на охотѣ, попалъ на небо, гдѣ солнце спитъ, и если-бъ не

вѣтеръ, губатый солнцевъ братъ, этотъ панъ сгорѣлъ бы, какъ снопъ. Передъ концомъ свѣта солнце спустится къ землѣ и уже не зайдетъ; тогда загорятся озера, колодцы, и рѣки потекутъ краснымъ огнемъ. На лунѣ по ночамъ,— Адамовы сыновья, — Каинъ держитъ на вилахъ убитаго Авеля. Затменіе—это св. Юрій ставитъ на мѣсяцъ заслонку. На Срѣтеніе — встрѣча и борьба семейной жены, зимы, и гулящей дѣвки, лѣта. Звѣзды — свѣчи въ рукахъ ангеловъ, сидящихъ на ступеняхъ божьяго трона; и эти свѣчи—души людей: праведно живущихъ—яркія, грѣшниковъ — тусклыя, мерцающія. Едва родится человѣкъ, Богъ зажигаетъ свѣчку и даетъ ее ангелу. Сколько звѣздъ, столько и людей; падучія—это души покойниковъ. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ. Громъ—архангелъ Михаилъ охотится съ ружьемъ на утокъ и прочую дичь. Роса—слезы великомученицы Варвары, которая ходитъ по тощимъ, засыхающимъ нивамъ и плачетъ о бѣдныхъ людяхъ. Радуга—ея коромысло, и по ней втягиваются въ тучи, кромѣ рѣчныхъ водъ, маленькія рыбки и лягушки, потомъ падающія на землю. Морозъ — дряхлый сѣдой старикъ, весь въ сосулькахъ. Вѣтеръ—Касьянъ вѣтродуй, мордатый, губатый и усатый, прикованный гдѣ-то къ стѣнѣ. Проснется, шевельнетъ однимъ усомъ — вѣтеръ, другимъ—буря.

Тогда — въ дѣдово время — вѣрили, что волы, лошади и всякій скотъ, въ ночь подъ Рождество, говорятъ между собой по-человѣчьи; что летучая мышь стала съ крыльями оттого, что съѣла на Пасху «свячёнаго»; что чайка — неутѣшная вдова, ставшая птицей отъ непрерывнаго плача надъ могилой мужа, и что воробьи, за указаніе евреямъ воскресшаго Спасителя, до конца вѣка будутъ повторять свой предательскій крикъ: «живъ, живъ!»

Егерь Антипъ внесъ немало новыхъ таинственныхъ преданій и откровеній въ умственную жизнь дѣда. Онъ даже помѣщеніе въ банѣ избралъ вслѣдствіе особыхъ соображеній. Жить на охотномъ дворѣ онъ не захотѣлъ.

— Со псами, пане, извините, нечисто! — сказалъ онъ:— боюсь не блохъ, а того, что бываютъ всякіе псы.

— Какіе же бываютъ псы?

— Душа иного человѣка за плохія дѣла переходитъ, по смерти, въ собаку,—отвѣчалъ егерь:—оттого бываютъ «песьи-

головцы» и «вовкулаки» — ихъ сразу и не различишь. — они ночью сердце сосутъ.

— Я вамъ, пане, найду и добуду «ремезево гнѣздо»,— говорилъ одинъ разъ Антипъ, бродя въ камышахъ по Донцу и тамъ въ травѣ подглядывая птичьи сѣдала.

— Какое же это гнѣздо?—спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Отъ лихорадки лѣчитъ и отъ дурного глаза... Такая махонькая, тихая птушка есть; въ зелени ее и не видать.

Отъ подносимой чарки водки Легкоступъ отворачивался, увѣряя, что съ давней поры, по зароку, не пьетъ. Сельскій шинокъ онъ обходилъ какъ-то мрачно, окольными тропинками, говоря, что кто сидитъ за горѣлкой, тотъ не выкрикнетъ на приманку ни волка, ни лисицы. Поселяне дичились его и не щадили насмѣшками. Онъ отругивался отъ нихъ забористо и на особый ладъ. «Лярво ты, хляпитуро!— кричалъ онъ, выйдя изъ себя: — чтобъ ты сдурѣлъ и вѣялся, какъ вѣтеръ! Чтобъ тебя позавертало! Чтобъ ты съ дымомъ пошелъ!..»

«Запорожецъ! какъ есть, запорожецъ! — думалъ дѣдъ, любуясь шагавшимъ по улицѣ, въ сермягѣ, на босу ногу стрѣлкомъ:—«такъ ругались сѣчевики, наѣзжавшіе къ отцу въ былые годы».

Собираясь на охоту и ладя барину нужные припасы, Антипъ напѣвалъ одну и ту же заунывную, протяжную пѣсню, гдѣ слышались слова: Черное море, турки и братья сѣромахи, славные молодцы. Иногда же онъ ласково, нѣжно причитывалъ, будто молился: «Вы зѣри-зорницы, три сестрицы! займите тотъ кубокъ, что Іисусъ руки мылъ... Ночь темна, темница! замыкаешь ты церкви и хаты, монастыри и царски палаты... замкни звѣрю уши и глаза, чтобъ я подошелъ и не промахнулся».

На охотничьихъ привалахъ Антипъ безъ умолку разсказывалъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку.

— Я, пане, одинъ разъ сподобился встрѣтить святого Юрья,—повѣдалъ какъ-то Антипъ.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ?

— Да тамъ же, куда собираетесь, въ тѣхъ лѣсахъ.

— Какъ же это было?

— Иду я вотъ съ этимъ самымъ мушкетомъ, — сказалъ Легкоступъ, беря ружье въ жилистыя, точно сверченныя изъ канатовъ руки:—ночь была темная, въ позднюю осень.

Поглядѣлъ, а вдали, въ гущинѣ деревьевъ, перебѣгаютъ огоньки; точно кто со свѣчами ходилъ и чего-нибудь искалъ по травѣ. Я прилегъ въ кусты, выждалъ; вижу, св. Юрій идетъ, — какъ есть, въ латахъ, въ желѣзной шапкѣ и съ большущимъ самопаломъ черезъ плечо; а за нимъ понуря морды и махая хвостами,—вереница волковъ... ихъ-то глаза и свѣтились...

— Да какъ это за Юріемъ волки?

— Онъ волчій пастухъ,—отвѣтилъ Антипъ.

— Своими глазами видѣлъ?

— Своими.

— Да, любопытны ваши брянскіе лѣса, и я, что задумалъ — сдѣлаю, — сказалъ, прохаживаясь по банной горенкѣ, дѣдъ.

— Много дивъ, еще больше дичи,—произнесъ Легкоступъ:— только знайте, пане Иване, вся она заговорена. Много тамъ чертей...

— Откуда же они, когда тамъ святой Юрій?

— То не его дѣло. А извѣстно—лѣсъ, вѣковѣчныя дебри; опять же воздухъ свободный; ну, всякая нечисть и водится,—лѣсовики, овражники, болотняники, камышники; гдѣ какой изъ чертей захочетъ, тамъ себѣ и живетъ; есть и лѣсныя бабы, — полнолунницы, что звѣзды крадутъ; есть дѣвки щекотницы, — попадешься къ нимъ, защекочутъ до смерти. Эхъ, пане, вотъ бы сюда, на Донецъ, да такіе дремучіе лѣса!..

— Я и самъ давно думаю, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ;—засѣять бы, въ самомъ дѣлѣ, вотъ хоть всѣ эти песчаные кучугуры, да бугры...

— То-то птушекъ бы прибыло!—обрадовался Антипъ: — дикіе голуби-вытютни, сойки, сѣрый и черный дроздъ, вальдшнепы, шпаки.

— Я полагаю, съ лѣсомъ завелись бы и всякія лѣсныя травы! — произнесъ дѣдъ, какъ-то раздумчиво, загадочно и несмѣло взглядывая на егеря.

— Еще бы!—продолжалъ Легкоступъ: — въ тѣни выползетъ тебѣ не только всякая подземная былинка, всякій божій злакъ, а покажется, пожалуй, и «дѣдъ-моркунъ».

— Это кто?—спросилъ, поднявъ брови, Иванъ Яковлевичъ.

— Кладъ такой... Иной, пане, кладъ выбѣжитъ и катится ночью по дорогѣ бѣлою овцою или чернымъ лохма-

тымъ пѣтухомъ; его и не узнаешь. А другой вышелъ и станетъ въ кустахъ старымъ, засморканнымъ нищимъ; въ дерюгѣ, съ котомкой и съ клюкой; горбатый онъ, поганый, ну—плюнуть; а кто ему утретъ, извините, сопли—глядь и разсыплется золотомъ. Разныя дива бываютъ. Опять-же, пàне, слышно, что при концѣ вѣка такіе будутъ махонькіе люди, что дюжина ихъ въ печкѣ станетъ горохъ молотить...

— Ну, то при концѣ свѣта, — перебилъ Иванъ Яковлевичъ. — А скажи ты мнѣ лучше, Антипъ, вотъ чтò... Есть тамъ въ лѣсахъ, гдѣ ты былъ... жàбникъ, жàбья трава? А кое-гдѣ зовутъ ее также чистотѣломъ, и отъ нея, какъ сказываютъ очищается тѣло человѣка... Есть такая трава? Ты ее видѣлъ?

— Жàбникъ? какъ не быть!—отвѣтилъ Легкоступъ:—всякая трава, пàне Иване, выраститъ подъ деревомъ, абы лѣсъ былъ... А ужъ лѣсà тамъ, говорю вамъ, вотъ лѣса! Безъ начала и конца...

Задумался дѣдъ пуще прежняго и окончательно рѣшилъ не откладывать дѣла.

Наступилъ 1802 годъ. Весной въ этомъ году у Ивана Яковлевича родился сынъ Петръ, мой отецъ. Пò совѣту своей матери, дѣдъ ѣздилъ въ мартѣ на богомолье въ Святогорскій монастырь, гдѣ служилъ молебенъ о здравіи родильницы и новорожденнаго. Возвратясь оттуда, Иванъ Яковлевичъ передалъ матери просьбу отпустить его на богомолье въ Бѣлгородъ, а кстати и поохотиться въ Брянскій уѣздъ.

— Съ кѣмъ же я отпущу васъ, Иванъ Яковлевичъ, въ столь дальній вояжъ?—сказала за вечернимъ чаемъ на балконѣ, въ кругу цвѣтущихъ яблонь, Анна Петровна:—кучеръ Яшка мнѣ нуженъ, для поѣздокъ въ поле и къ знакомцамъ; кучеръ Сашка для вашей жены, — на случай послать за докторомъ или за чѣмъ-нибудь.

— Я, матушка, поѣхалъ бы съ егерь Антипомъ, — сказалъ не смѣло сынъ:—мы бы запрягли кибитку, онъ правилъ бы тройкой, и мы благополучно сдѣлаемъ этотъ вояжъ.

— А какъ вы подстрѣлите себя, Иванушка, на охотѣ?— возразила, слѣдуя давнему обычаю, Анна Петровна тридцати-трехъ-лѣтнему сыну.

— Не подстрѣлю, матушка, — отвѣтилъ, цѣлуя руку матери, сынъ:—ружье въ пути у меня никогда не заряжено.

— Отпустите его, ma bonne mère,—произнесла сидѣвшая здѣсь же, на балконѣ, еще блѣдная, бабушка Анна Васильевна:—онъ зимой почти не охотился, а теперь такая дивная погода... вся въ цвѣту, и какъ тепло.

Прабабка оправила на себѣ бѣлый, въ кружевахъ, высокій чепецъ, строго взглянула на вечерѣющее, тихое небо, на освѣщенныя верхушки осыпанныхъ цвѣтомъ яблонь и грушъ, и сказала со вздохомъ:

— Будете въ Бѣлгородѣ,—тамъ у обители, гдѣ покоятся мощи преосвященнаго Іосафа, знатный садъ—добудьте мнѣ саженцевъ яблони «добрый крестьянинъ». Плоды съ нея отмѣнные, и ихъ очень выхвалялъ покойный бригадиръ Пашковъ...

Сердце дѣда радостно забилось. Всякій разъ,—а это было не такъ часто,—когда прабабка вспоминала бригадира Пашкова, въ дальней завѣтной молодости въ нее влюбленнаго,—все шло, какъ по писанному, на ладъ. Поѣздка въ Бѣлгородъ и далѣе была рѣшена.

Стоялъ ясный, безвѣтренный апрѣль. Рогожная кибитка, нагруженная всякой всячиной, двинулась по «чернотропу» въ путь. Антипъ возсѣдалъ на козлахъ. Дѣдъ, въ стеганомъ, шелковомъ архалукѣ и въ лисьей шубкѣ, сидѣлъ среди ружей и складней съ провизіей въ кибиткѣ.

Побывали въ Бѣлгородѣ, отстояли въ монастырѣ службу, приторговали и отправили на особой, нанятой подводѣ саженцевъ «добраго крестьянина» изъ Іосафовой обители, и выѣхали на дорогу къ Брянску.

Бесѣда въ пути не прерывалась. Идутъ лошади шагомъ на мѣловую гору,—Легкоступъ разсказываетъ о лѣсахъ; идутъ подъ гору,—дѣдъ опять его осыпаетъ разспросами.

— Ты говорилъ, Антипъ, что въ брянскихъ лѣсахъ не всегда было спокойно?

— Теперь тихо, а въ старые годы ихъ обходили далеко.

— Что̀-жъ тамъ было прежде?

— Въ нихъ, па̀не, жилъ въ старину соловей-разбойникъ, да его побѣдилъ Илья Муромецъ.

— Какъ же онъ его побѣдилъ?

— Прослышалъ о чудищѣ и поѣхалъ по топкимъ болотамъ, трясинамъ и по калиновымъ мостамъ, въ самую гущину, гдѣ на двѣнадцати дубахъ сидѣлъ гнѣздомъ этотъ

самый разбойникъ. Не пропускалъ соловейко ни коннаго, ни пѣшаго—убивалъ всѣхъ наповалъ, и не оружіемъ, а молодецкимъ, разбойнымъ посвистомъ... Завидѣлъ соловейко Илью, засвистѣлъ,—пыль столбомъ поднялась, и посыпались ворохомъ сбитые свистомъ листья и сучья съ деревъ... Да загудѣла калена̀-стрѣла, разбойникъ съ дуба повалился...

Въ такихъ разсказахъ степняки проѣхали нѣсколько сутокъ, миновали песчаныя прибрежья только-что опавшей отъ половодья Десны и приблизились къ сплошнымъ сосновымъ и чернымъ ра̀меннымъ пу̀щамъ, простиравшимся въ то время близъ Брянска, по окраинамъ Орловской губерніи.

Усталость одолѣла дѣда. Онъ уже не выглядывалъ изъ кибитки и крѣпко спалъ, когда ночью колеса застучали и запрыгали по кряковистымъ сосновымъ кореньямъ, выступавшимъ на пути изъ песчаныхъ бугровъ. Легкоступъ привезъ барина въ сторожку давняго своего пріятеля, — тоже охотника-лѣсника̀, богатаго по̀лбинскаго «смолоку̀ра» На̀двина. Дѣдъ отказался отъ закуски, легъ на сѣно и проспалъ, какъ убитый, до утра.

Выйдя утромъ изъ сторожки, стоявшей у озера, надъ холмомъ, дѣдъ не взвидѣлъ свѣта отъ радости. Громадныя, двухсотъ-и-трехсотлѣтнія сосны, ели, дубъ, ольха, береза и клёнъ простирали свои вершины надъ темнымъ, суглинистымъ и супесчанымъ доломъ. У озера ладились барки для сплава лѣса. За озеромъ дымились черныя, закоптѣлыя смолоку̀рни.

А когда степняки дѣдъ и Антипъ, подкрѣпившись пищей у лѣсника, двинулись налегкѣ, съ ружьями, въ чащу стараго болотнаго бора, когда ихъ встрѣтили и оглушили всякіе птичьи свисты, стоны и крики, и дѣдъ, звонко стрѣляя изъ длинной «калиновки», наполнилъ дичью свой ягташъ, потомъ торбу Легкоступа и привѣсилъ еще къ своему и его поясамъ нѣсколько десятковъ сизыхъ вытютней, но̀сатыхъ вальдшнеповъ, утокъ и дроздовъ,—по пути къ сторожкѣ дѣдъ остановился. Восхищенный мощью и роскошью лѣса, обиліемъ и запахомъ древесныхъ породъ, о которыхъ въ обнаженной, пустынной степи не имѣютъ и понятія, дѣдъ скинулъ шапку, отеръ разгорѣвшійся лобъ и лицо и, глядя на окружавшую его лѣсную чащу, сказалъ Легкоступу:

— Антипъ, знаешь ли ты, что были въ древнемъ Египтѣ цари-фараоны; а у насъ императоръ, Великій Петръ?

— О Петрѣ — какъ не слышать, а о фараонахъ читають въ святыхъ книгахъ.

— Ну, Антипъ, фараоны соорудили среди сыпучихъ песковъ пирамиды, а царь Петръ выстроилъ на невскихъ трясинахъ столицу Петербургъ. Тысячи конныхъ и пѣшихъ работниковъ трудились по ихъ волѣ надъ этимъ. Вотъ бы намъ съ тобой... посѣять на Донцѣ такой лѣсъ...

— Намъ, пане, и не нужно такого дорогого кошта.

— Какъ не нужно?

— Дайте мнѣ, пане, только подводъ, да выпросите у сударыни-матушки десятокъ плуговъ, и я вамъ лѣсъ посѣю.

— Шутишь?—сказалъ дѣдъ.

— Не шучу, тогда повидите сами! Только надъ плугами чтобъ былъ не приказный Касьянъ Криворучка, — лярво, хляпитура ему, сучему, въ родню!—а пусть либо десятникъ Петръ Багацкій, либо ключникъ Бритвенко Сергѣй...

Погостилъ и поохотился въ волю дѣдъ въ смолокуровской полбинской пущѣ, прокатился по озеру на дегтярный заводъ, къ самому Надвину, собралъ нужныя справки, засушилъ, въ презентъ матери, подборъ дикихъ брянскихъ цвѣтовъ и отправился во-свояси.

Съ той поры Иванъ Яковлевичъ точно преобразился. Куда дѣлись его вялость, мнительность и нерѣшительность. Онъ сталъ неузнаваемъ.

Легкоступу дали сперва три, потомъ пять воловыхъ подводъ. Онъ съ ними нѣсколько разъ ѣздилъ въ брянскій уѣздъ за сосновыми шишками. Когда шишки привезли и выбили изъ нихъ сѣмена, Иванъ Яковлевичъ выпросилъ у матери плуги, отдалъ ихъ подъ надзоръ Бритвенка и Багацкаго, и тѣ стали пахать песчаные кучугуры и бугры близъ Донца. Въ проложенныя борозды Легкоступъ съ рабочими сажалъ свѣже-нарѣзанные колышки вербы и шелюга красной лозы; а между ними разбрасывалъ, подъ борону, сосновыя сѣмена.

Люди дивились. «Нашъ панъ сдурѣлъ... вмѣсто ржи и пшеницы, сѣетъ сосновыя шишки?»

А дѣдъ безъ устали сѣялъ и сѣялъ. Онъ вошелъ въ переписку съ заводчикомъ Надвинымъ и его сосѣдями, высылалъ имъ, въ обмѣнъ на боровыя шишки, возы тяжеловѣсной пшеницы гирки и бѣлотурки. Съ новой весной онъ опять принялся за дѣло, окопалъ кучугуры рвами, поставилъ избы

для сторожей и заказалъ туда всякому путь-дорогу. Боже упаси, если, бывало, Иванъ Яковлевичъ, ѣдучи къ своимъ сѣянцамъ, встрѣтитъ возлѣ нихъ на тропинкѣ коннаго или пѣшаго... Подбирай скорѣе полы и бѣги лучше безъ оглядки, что есть духу! Обругаетъ поносными словами, а не то задрожитъ и ухватится за ружье: «какъ смѣлъ топтать заповѣдную палестину?»

Прошелъ годъ. Тычинки вербъ и лозы окинулись листьями, пустили вѣтки. Еще годъ,—между ихъ рядами то здѣсь, то тамъ зазеленѣли чуть видныя по песку кудрявыя грядки крохотной, игольчатой травы: то были молодыя сосенки...

Спустя три года, сосны стали по поясъ человѣка; въ пять лѣтъ выросли дѣду по плечо. Задержанный отъ разноса, песокъ началъ крѣпнуть. Дѣдъ сѣялъ и сѣялъ...

На седьмомъ году первые посѣвные участки поднялись выше человѣка; на десятомъ—половина молодого бора ужъ давала широкую, прохладную тѣнь...

А подъ смолистыми деревцами, въ перегноѣ травъ и падающихъ сосновыхъ иголъ, образовался дернъ, поползла цѣпкая песочная осока,—carex arenaria,—явился верескъ, раскинулись и дружно зазеленѣли прочія лѣсныя травы.

Дѣдъ былъ внѣ себя отъ радости. Мать и жена любовались его трудами. Онъ не покидалъ завѣтнаго дѣла, отдавалъ ему всѣ свободные часы. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Съ первыхъ же лѣтъ въ молодомъ бору явились лисицы, а къ зимѣ туда стали набѣгать цѣлые уймы зайцевъ и куропатокъ. Антипъ выслѣдилъ два волчьихъ выводка. Были приглашены сосѣди, и охота началась на славу.

Поселяне, насмѣшливо и подозрительно встрѣтившіе первыя хлопоты дѣда, болѣе ужъ не говорили:—«вотъ одурѣлъ панъ, вмѣсто хлѣба сѣетъ сосновыя шишки!»—Теперь было не то. Крестьянинъ оцѣнилъ доброе дѣло: сельскія пашни болѣе не заносились со смежныхъ бугровъ песками.—«Ишь, вѣдунъ! хлѣба столько лѣтъ не продавалъ,—говорили поселяне:—а за то, что вышло! лѣсъ какъ лѣсъ, точно и всегда тутъ росъ».

Стали даже толковать, что и впрямь дѣдъ волшебникъ. Одна баба, Морозиха, увѣряла, что видѣла разъ, какъ панъ вечеромъ стоялъ у сосны; онъ былъ по сю сторону дерева, а то вдругъ сталъ—точно на крыльяхъ перелетѣлъ—по дру-

гую, и въ оба раза стоялъ, какъ вкопанный, не двигался, точно на облакѣ...

Видъ съ дѣдова крыльца, изъ Пришиба, на молодой боръ былъ привлекательный. По зарямъ, лѣтомъ, были слышны въ домѣ всѣ лѣсные птичьи крики. На селѣ, впрочемъ, толковали:—«Развѣ то однѣ птицы голосятъ? тамъ теперь немало и *тѣхъ* пѣвуновъ, что къ ночи не слѣдъ и называть»...

— Что-жъ тамъ еще за пѣвуны?—спрашивали бабы мужей.

— Недаромъ тотъ чортовъ запорожецъ осѣдлалъ пана,— отвѣчали мужья:—добра изъ этого не выйдетъ. Поростетъ, поростетъ лѣсъ, да и провалится, съ самымъ тѣмъ бѣсовымъ запорожскимъ сѣяльникомъ, покроется весь водою, какъ озеро. Не къ добру тотъ, чортовъ сучакъ, и водки не пьетъ, и въ кабакъ никогда не заглянетъ, чтобъ поговорить съ добрымъ человѣкомъ.

Однажды, въ концѣ іюня, дѣдъ охотился въ новомъ лѣсу съ Антипомъ.

— Ты говорилъ о жабьей травѣ,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ:—помнишь? а ну-ка, поищи; не выросла ли она за эти годы?

— Давно, пане, и отчего не вспомнили? вотъ она,—отвѣтилъ Легкоступъ, нырнувъ въ гущину сосенъ и неся оттуда молодые стебли чистотѣла.

Дѣдъ радостно перевелъ духъ, долго смотрѣлъ на траву и, робко потрогивая себя за поясъ и грудь, перекрестился.

— Ну, слава Богу, и спасибо, Антипе, тебѣ!—произнесъ онъ:—можетъ быть, теперь еще проживу лишніе годы на свѣтѣ.

— Что вы говорите, пане? Развѣ у васъ какая, не приведи Богъ, хвороба?

— Такая хвороба, такая, что коли и это зелье не поможетъ, придется въ скорости помирать.

Антипъ удивленно глядѣлъ въ смущенное, понуренное лицо дѣда.

— Ну, теперь ступай ты съ кучеромъ домой,—сказалъ дѣдъ:—доплети ту перепелиную сѣтку, что я далъ: скоро будетъ нужна; а барынѣ скажи, чтобъ не ждали съ обѣдомъ. Пропасть куропатокъ,—два выводка вонъ въ томъ

мѣстѣ сейчасъ видѣлъ—поохочусь самъ. А ты съ кучеромъ выѣзжай къ опушкѣ, какъ смеркнется, и жди...

Легкоступъ и кучеръ, переглянувшись и покачавъ головами, поѣхали изъ лѣса.

Дѣдъ, между тѣмъ, пошелъ въ чащу деревъ, отыскалъ поляну, гдѣ болѣе разроссся жабникъ, прилегъ среди его зелени подъ сосной, положилъ съ боку ружье, и какъ впослѣдствіи разсказывалъ, въ неотвязной, гнетущей мысли, закрылъ глаза...

«Сегодня Ивана Купала,—разсуждалъ онъ:—травы въ самомъ соку и цвѣту... Теперь-то *она*, проклятая, несытая, и падка на свой настоящій харчъ».

Долго ли такъ лежалъ Иванъ Яковлевичъ, онъ того не помнитъ, такъ какъ крѣпко заснулъ. Солнце закатилось, окрашивая игольчатые гребни разросшихся вправо и влѣво сосенъ. Птичьи крики смолкли. Надъ прохладными полянами точно незримый дьяконъ прошелъ, съ дымящимся душистымъ кадиломъ...

Сумерки въ лѣсу сгустились. Дѣдъ очнулся и вскочилъ. Въ волненіи, ощупывая грудь и животъ, онъ взглянулъ себѣ подъ ноги, бережно обошелъ дерево и опять себя потрогалъ.

— Слава Господу милосердному!—прошепталъ дѣдъ, поднимая съ травы ружье и отрадно вдыхая смолистый воздухъ:—чудо, настоящее чудо содѣялось! Вонъ и дорожку по травѣ оставила... не давитъ больше подъ ложечкой, не шевелится *треклятая*, не томитъ и не полэётъ... Домой, скорѣе домой! Завтра молебенъ и всей слободѣ обѣдъ...

Подъ лѣсной опушкой, въ отблескѣ зари, онъ разглядѣлъ на степномъ просторѣ знакомыя дроги и сидѣвшаго на нихъ Антипа.

— Ну что, пàне,—настрѣляли?—спросилъ, подозрительно его осматривая, Легкоступъ.

Дѣдъ отозвалъ егеря въ сторону.

— Такого застрѣлилъ, такого,—началъ онъ, въ силу сдерживая волненіе:—слушай, Антипе, да никому, смотри, до срока не сказывай!.. Надо осмотрѣться, выждать. Насѣялъ я лѣсу, какъ видишь, дѣти и внуки вспомянутъ. Выростетъ сосновая пуща, покроетъ всѣ остальные пески. И охотимся здѣсь мы съ тобой, ну, и все... А мнѣ сподобилось, скажу тебѣ, еще и вылѣчиться...

— Чѣмъ?—спросилъ Легкоступъ, безсознательно обнажая чубатую голову.

— У меня, Антипе,—сказалъ дѣдъ:—жаба сидѣла въ животѣ; десять лѣтъ каторжная сидѣла и двигалась... А какъ легъ я и заслышала она поблизу свой настоящій жабій харчъ, такъ, треклятая, совсѣмъ сразу изъ меня и выскочила... Я видѣлъ и ея слѣдъ по травѣ.

Легкоступъ въ тотъ же день не вытерпѣлъ и на радости, что вылѣчилъ пана, завернулъ передъ ужиномъ въ кабакъ, котораго онъ по зароку такъ всегда избѣгалъ. Тамъ было веселое сборище: у Багацкаго родился сынъ Иванъ (донынѣ живущій), и отецъ угощалъ сосѣдей. Къ сосѣдямъ примкнули другіе. Антипъ много пилъ, выставилъ водки и остальнымъ пирующимъ. Кто-то задѣлъ его насмѣшкою:—«Пришла-таки попадья къ просвирнѣ». Началась ссора. Услышавъ кличку «бродяга-гайдамакъ», Легкоступъ вскочилъ и далъ тумака подгулявшему обидчику. За послѣдняго вступились товарищи. Легкоступъ нашелъ помощь въ Багацкомъ и его кумовьяхъ. Поднялась общая свалка. Прижатый къ углу съ защитниками, Антипъ выскочилъ въ сѣни. На него навалились цѣлой аравой у крыльца. Видя нападеніе не по силѣ, онъ засучилъ рукавъ, быстро нагнулся къ голенищу и выхватилъ оттуда короткій, широкій ножъ...

Тутъ только, когда разгорѣвшійся, въ порванной одеждѣ, Легкоступъ, размахивая ножомъ, проложилъ себѣ дорогу сквозь разсвирѣпѣвшую, кричавшую толпу и медленно, безъ оглядки, какъ травимый неопытными псами, старый матерой волкъ, пошелъ по улицѣ,—всѣ опомнились, рѣшивъ въ одинъ голосъ:—«Да, это—характерникъ, запорожецъ; видно по всему...»

Во дворъ къ дѣду Легкоступъ болѣе не заходилъ. Совѣстно ли ему стало, что не выдержалъ насчетъ водки, или вновь пришла пора пуститься въ странствіе, только онъ взялъ въ банѣ свой мушкетъ, оставилъ на столѣ доплетённую въ тотъ день перепелиную сѣть и на разсвѣтѣ, какъ видѣли пастухи, вышелъ за село. Съ той поры Антипъ въ нашихъ мѣстахъ никогда уже не показывался.

О дѣдовомъ лѣсѣ вскорѣ заговорили не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Разныя почтенныя лица, въ томъ числѣ и члены харьковскаго университета, губернаторъ и вводив-

шій военныя чугуевскія поселенія, графъ Аракчеевъ, пріѣзжали взглянуть на невиданное чудо, на засѣянныя дѣдомъ тысячу десятинъ бора. Иванъ Яковлевичъ терялся, робѣлъ и не зналъ, какъ принимать благосклонные отзывы пріѣзжихъ.

Дѣдъ былъ радъ за свой лѣсъ, радъ за трудное, съ прилежаніемъ и любовью конченное дѣло. Охотясь же въ бору на зайцевъ или поджидая въ лѣсной землянкѣ на приваду волковъ, онъ вспоминалъ Антипа, вздыхалъ и думалъ про себя:—«Хоть биться объ закладъ, онъ, дѣйствительно, былъ характерникъ и навѣрное знался съ бѣсомъ, оттого ему все удавалось».

Въ 1818 году, нежданно получивъ за лѣсъ монаршую милость отъ императора Александра I, дѣдъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, моего отца и дядю, на воспитаніе въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ.

Вручая юношамъ прогоны, онъ далъ шестнадцатилѣтнему моему отцу письмо къ графу Аракчееву и сказалъ:

— Ты, Петя, еще молодъ; старайтесь съ братомъ учиться; блюдите чистоту нрава, а паче всего не забывайте дворянскаго гонора и оказывайте должный решпектъ властямъ. Вслѣдствіе послѣдняго резона, вотъ вамъ цидулка къ графу Алексѣю Андреевичу. Отвезите ее по адресу и решпектуйте графу мое достодолжное почтеніе. Поступайте, какъ въ школѣ, такъ и далѣе въ жизни, согласно его указаніямъ и совѣтамъ. Раскаиваться, государи мои, не будете, пріобрѣтя столь могучаго милостивца! Онъ, коли успѣшно заищете, двинетъ васъ и въ классахъ, и далѣе въ министеріяхъ... Желаю обоимъ возвратиться вспять министрами...

Письмо Аракчееву было отвезено. Графъ принялъ юныхъ недорослей украинскаго знакомца отмѣнно сухо, хотя обѣщалъ имъ покровительство, и пригласилъ изрѣдка его навѣщать. Въ одинъ изъ праздниковъ, когда застѣнчивые кадеты очутились передъ всемогущимъ графомъ, Аракчеевъ сталъ ихъ разспрашивать, благополучна ли попрежнему роща ихъ отца?—Разсказъ кадетовъ о диковинной рощѣ графъ заставлялъ ихъ потомъ повторять чуть не каждому изъ своихъ гостей. «И представьте, государи мои, — говорилъ при этомъ графъ гостямъ:—такое дѣло и исполнилъ одинъ, одинъ! сократилъ на время хлѣбные посѣвы, поэкономничалъ и со-

орудилъ такое дѣло... Самъ я, *самъ* оное видѣлъ и донынѣ о подражаніи тому другими, хоть бы казной, не приложу ума!..»

Графъ пригласилъ юношей не пропускать праздниковъ. А тутъ еще оказалось, что украинскіе гости въ родительскомъ домѣ были обучены музыкѣ: отецъ игралъ на флейтѣ, дядя—на віолончели. Доморощенный петербургскій Неронъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, почти въ секретѣ, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи—позабавиться мелодіями Ромберга и Сарти. Ихъ ему разыгрывала на клавесинѣ какая-то, изрѣдка, въ праздничные вечера, приходившая къ нему пожилая горбатая родственница. Графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ музыкальнымъ упражненіямъ кадетовъ.

Мечты дѣда о судьбѣ дѣтей, казалось, были близки къ осуществленію. Такой сильный человѣкъ, самъ, можно сказать, «рыкающій левъ», оказывалъ—кому же?—его дѣтямъ персональное благоволеніе.

Украинская природа, однако, взяла свое. Среди холоднаго, затянутаго въ мундиры, вымуштрованнаго, шагавшаго на площадяхъ Петербурга, сыновья дѣда впали въ неисходное уныніе. Тоска по родинѣ заѣла ихъ съ перваго же года. Въ то же время шли слухи о новыхъ и новыхъ подвигахъ «рыкающаго льва». Слухи проникали въ дворянскій полкъ...

Віолончель и флейта были брошены. Музыкальныя услуги въ домѣ графа стали, какъ отписывали кадеты, ограничиваться лишь аккуратной, еженедѣльной, по воскресеньямъ, настройкой клавесина, который, къ слову сказать, вовсе не былъ разстроенъ, такъ какъ горбатая родственница графа куда-то однажды стушевалась, и клавесина никто ужъ безъ нея не касался.

Министрами дѣдовы сыновья вспять не возвратились.

Подавъ безъ воли отца прошеніе о переводѣ ихъ на службу на родину, они были зачислены юнкерами въ ольвіопольскій уланскій полкъ и въ 1819 г. уѣхали къ мѣсту назначенія, въ уманское военное поселеніе.

Дѣдъ, скучая по дѣтямъ и въ ожиданіи ихъ производства въ офицеры, подписался на «Московскія Вѣдомости».

Однажды,—это было лѣтомъ 1821 года,—долго не получалось вѣстей изъ Умани. Въ то время въ нашихъ мѣстахъ

былъ еще старый обычай полученія почты изъ городовъ черезъ общихъ для цѣлаго околотка «пѣшихъ почтарей». «Бродячій», или, по мѣстному выраженію «мандрóванный» почтарь, Архипъ Гýня,—онъ же по-просту «Мандрыка»,—разносилъ тогда изъ Зміева письма, газеты и почтовыя повѣстки по Донцу и окрестнымъ рѣкамъ верстъ на пятьдесятъ. Гýня былъ коренастый, плотный старикъ шестидесяти-пяти лѣтъ. Его курчавая сѣдая голова, жилистыя, босыя ноги, мѣшокъ съ почтой за плечами и длинный грушевый костыль въ рукѣ были извѣстны всѣмъ.

— Да гдѣ-жъ Мандрыка? не видѣлъ ли кто Мандрыки?— допытывалъ прислугу дѣдъ, теряя терпѣніе, что давно не было извѣстій отъ дѣтей.

— Гдѣ-нибудь занялся работой, — отвѣчала ключница Ульянка: — у лиманскаго протопопа полная клуня хлѣба: ну, вѣрно и сталъ по пути помолотиться...

— А, чтобъ его мухи съѣли, какъ долго его нѣтъ!—говорилъ съ досадой дѣдъ: — Петя писалъ, что ихъ представили; должно-быть давно ужъ пропечатано въ вѣдомостяхъ.

Гýня, сверхъ почтарской обязанности, еще портняжилъ, умѣлъ безъ станка подковать лошадь и былъ хорошимъ печникомъ. Разнося почту, онъ по дорогѣ не отказывался за могарычъ исполнять и разныя другія послуги: кому нужно сшить жилетку, или починить тулупъ,—сдѣлаетъ; гдѣ надо поправить печку,—поправитъ, вычиститъ и смажетъ глиной трубы; а нужно хорошему человѣку, въ рабочую, горячую пору, помолотить,—то и здѣсь не откажетъ.

— Куда тебѣ, Архипъ, въ такіе годы, все пѣшкомъ, да пѣшкомъ? ноги отобьешь! — скажетъ ему, бывало, знакомецъ:—лучше стань, возьми цѣпъ и сбей какую копну; а я тебя водочкой, варéниками угощу.

Положитъ Гýня почтарскій мѣшокъ, съ столичными газетами, письмами, книжками журналовъ и прочей ношей, подъ скамью, или на голбикъ хлѣбнаго сарая, возьметъ цѣпъ и молотитъ сутки, двое, а иногда и болѣе.

— Чтò жъ ты такъ опоздалъ?—спросятъ Гýню нетерпѣливые изъ хуторянъ:—двѣ недѣли не приносилъ вѣдомостей. Мы все ждали, ждали...

— Оттого не приносилъ, что ничего путнаго и не было!— отвѣчаетъ, вытряхивая мѣшокъ, почтарь:—глядите сами.

— Ты же почемъ знаешь?

— Отецъ Иванъ Вересовичъ въ Андреевкѣ говорилъ. А вотъ въ Зміевѣ такъ было диво; да и въ Харьковѣ какой случился пожаръ...

И начнетъ разсказывать. Почтовыя новости въ то время такъ занимали скучающихъ сельчанъ, что на нихъ накидывались живо и вспоминали о доставителѣ ихъ, когда и слѣдъ его простылъ.

Въ іюнѣ 1821 года, послѣ долгаго-долгаго промежутка, въ улицѣ Пришиба показались, наконецъ, знакомыя, сгорбленныя плечи Мандрыки, его сѣдая, вихрастая голова и длинный костыль. Дѣдъ завидѣлъ его съ крыльца, прабабка допустила его къ рукѣ.

Гуня высыпалъ передъ господами изъ мѣшка принесенную почту. Тутъ были пачки вѣдомостей, выписанныя изъ Москвы, отъ Кольчугина, романъ «Анахарсисъ», книжка какого-то альманаха и нѣсколько писемъ.

Иванъ Яковлевичъ обратился къ письмамъ.

«Дражайшій и милый родитель!»—писалъ дѣду изъ Умани его сынъ Петръ. — «Мы сего двадцатаго мая произведены въ корнеты...» (Дѣдъ снялъ шапку и перекрестился). «Начальство насъ жалуетъ, цѣнитъ и обѣщаетъ намъ на побывку къ вамъ продолжительный отпускъ... Въ Умани весело; много наѣхало на ярмарку хорошенькихъ дѣвицъ; вечера, танцы, прогулки. А на-дняхъ, mon père, мы были сильно обрадованы. Нашъ ремонтеръ пригласилъ насъ посмотрѣть и поторговать приведенныхъ на торгъ изъ Молдавіи, турецкихъ лошадей. Хозяинъ одного табуна, турокъ, показался намъ будто знакомымъ: въ чалмѣ и во всемъ турецкомъ уборѣ, а точно не турчинъ. Ужъ мы такъ къ нему и сякъ; отворачивается, молчитъ и не сознается. Да ужъ вечеромъ, когда продалъ весь табунъ, подвязалъ кошель къ поясу, сѣлъ на коня, отозвалъ насъ въ сторону и произнесъ: «Кланяйтесь, панычи, своему тятенькѣ; никогда не забуду его хлѣба-соли и вашихъ вольныхъ, на Донцѣ, краевъ. Въ Туретчинѣ, однако, не въ примѣръ лучше, — не требуютъ пачпортовъ, не обижаютъ и не тѣснятъ. Долго искалъ я сюда дороги. Теперь живу за Дунаемъ, у своихъ братьевъ-запорожцевъ, въ Буткальскомъ округѣ, куда они ушли. Вѣры не перемѣнилъ, а торгую на всѣ концы. Ѣдучи сюда, наряжаюсь... Когда-нибудь все узнасте...»—Онъ не договорилъ, завидѣвъ город-

ничаго, стегнулъ лошадь и ускакалъ. Это, дражайшій тятенька, былъ вашъ егерь, Антипъ Легкоступъ. И если онъ вновь окажется здѣсь на ярмаркахъ, мы его разспросимъ, какъ въ былые годы запорожцы ушли въ Туретчину, и вамъ, notre très cher père, о томъ не замедлимъ въ точности сообщить».

1878 г.

V.

БАБУШКИНЪ РАЙ.

Моя бабушка, Анна Васильевна Данилевская, рожденная Рославлева, была совершенною противоположностью своему мужу, Ивану Яковлевичу. Моложе его, она пережила его нѣсколькими годами и умерла, какъ и онъ, безъ малаго шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Дѣдушка Иванъ Яковлевичъ былъ небольшого роста, плечистый, сѣдой, совершенно лысый, съ мясистымъ носомъ и черными, вялыми, лукавыми глазками. Отъ природы лѣнивый и мѣшковатый, онъ подъ старость совершенно осунулся, ходилъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, въ широкихъ нанковыхъ панталонахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, и въ высокихъ съ кисточками сапогахъ. Бѣлье у него, впрочемъ, благодаря бабушкѣ, было всегда тонкое и безукоризненно чистое.

Бабушка Анна Васильевна была высокая, худая и блѣдная, съ быстрыми умными глазами, прямымъ вострымъ носомъ и, не взирая на преклонные годы, стройная и не по лѣтамъ проворная и дѣятельная. Въ праздники она ходила въ черномъ левантиновомъ, въ будни въ неизмѣнномъ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ. На ея сѣдыхъ волосахъ всегда красовался чистый кисейный чепецъ; на шеѣ легкой волной былъ наброшенъ бѣлый, запущенный подъ платье, платочекъ. Къ этому, въ холодные дни, иногда прибавлялась сѣрая фланелевая фуфайка дѣдушки, или его халатъ, крытый синимъ демикотономъ, на бѣлыхъ мерлушковыхъ смушкахъ. По хозяйству Анна Васильевна ходила въ мужскихъ сапогахъ, а въ гости по сосѣдству ѣздила въ телѣжкѣ, причемъ любила надѣвать старую дѣдушкину ополченскую шинель и его теплый съ наушниками картузъ. — «Спартанка!» говорили, глядя на нее въ такомъ нарядѣ, сосѣди. И бабушка, дѣйствительно, была спартанка.

У Анны Васильевны не было своей постоянной комнаты. Одну недѣлю она спала въ зеленой гостиной, другую въ портретной, иногда перекочевывала въ угольную, или въ библіотеку. «Долги мучатъ, безсонницей страдаетъ!» шептали о ней сосѣдки. Бабушка любила читать. Хорошо образованная въ молодости, знавшая нѣмецкій и французскій языки, она и подъ старость не покидала любви къ книгамъ и къ выпискамъ изъ нихъ того, что ей особенно нравилось. Добывъ въ городѣ или у кого-нибудь изъ окрестныхъ знакомыхъ новую любопытную книгу, она уносила ее къ себѣ и рядомъ съ нею клала для отмѣтокъ толстую тетрадь. Послѣ ея смерти, на чердакѣ кладовой нашли цѣлыя кипы такихъ тетрадей, четкимъ и крупнымъ почеркомъ исписанныхъ выдержками изъ любимыхъ ея авторовъ: Вольтера, Руссо, Бомарше и Дидеро. Постоянной, личной прислуги у бабушки тоже не было. Помогали ей въ ея надобностяхъ деревенскія бабы, ходившія по очереди убирать барскій домъ. Анна Васильевна смолоду любила кроить и перешивать разный носильный хламъ. А потому и въ старости нерѣдко можно было видѣть ее на коврѣ, въ гостиной или въ портретной, въ кругу пяти-шести деревенскихъ бабъ, за распарываньемъ и перешиваньемъ платьевъ, которыя, впрочемъ, бабушка рѣдко потомъ носила.

Въ семьѣ господствовалъ постоянный безпорядокъ. Бабушка безъ устали читала; дѣдушка охотился. Дѣти обучались съ грѣхомъ пополамъ. При нихъ когда-то проживалъ гувернёръ, изъ французскихъ солдатъ, эмигрантъ Санбёфъ. Пристроясь въ этой семьѣ, Санбёфъ выписалъ изъ Франціи и свою жену. Мадамъ Санбёфъ отлично готовила кушанья. Мужъ ея, впрочемъ, не столько занимался обученіемъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, сколько охотой съ ружьемъ по болотамъ, ловлей лягушекъ себѣ и женѣ на соусъ, да разсказами любовныхъ исторій, во вкусѣ новеллъ Бокаччіо. Дѣти подросли. Мальчики облеклись въ мундиры и уѣхали въ дальніе полки. Дѣвочки вышли замужъ. Уѣхали изъ деревни Санбёфъ съ женою. Впослѣдствіи они открыли въ Харьковѣ колбасную и отлично торговали.

Хозяйство дѣдушки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, стало болѣе и болѣе приходить въ упадокъ. Случалось такъ, что, при пяти имѣніяхъ и въ нихъ при десяти тысячахъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для

стола. Гости, впрочемъ, не переводились въ домѣ дѣдушки. Несмотря на долги, Иванъ Яковлевичъ жилъ въ свое удовольствіе: имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотнею и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ.

Обѣдъ въ домѣ заказывалъ всякъ, кто хотѣлъ. Своей птицы зачастую не хватало, а приносили ее, какъ молоко, яйца и огородную зелень, по очереди въ счетъ барщины съ села. Разливала чай и ходила въ комнатахъ, при ключахъ, худенькая, съ жидкою, сѣдою косичкой и постоянно босая, старая дѣвушка Марья.

Иванъ Яковлевичъ, мало развитой, робкій и съ юныхъ лѣтъ несообщительный и молчаливый, отъ долговъ и разстройства дѣлъ, былъ постоянно не въ духѣ. Анна Васильевна о мужѣ всегда, однако, отзывалась съ отмѣннымъ уваженіемъ, увѣряя всѣхъ, что Иванъ Яковлевичъ—весьма умный и тонкій человѣкъ, и что самое его молчаніе—многозначительно. Даже къ сердечнымъ слабостямъ Ивана Яковлевича она относилась крайне снисходительно. Когда у него въ лѣсу, на винокурнѣ въ Курбатовомъ, завелась, въ лицѣ весьма красивой лѣсничихи Ульянки, фаворитка, — Анна Васильевна и въ этой Ульянкѣ, сверхъ ожиданія, находила нѣкоторую степень ума «привлекательнаго» и рѣдкаго «въ этомъ сословіи». Жалѣя здоровье Ульянки, она ей подарила свою старую котиковую шубу и дюжину собственныхъ шерстяныхъ чулокъ. А замѣчая косые взгляды и даже ропотъ невѣстокъ, при видѣ предпочтенія, которое оказывалось этой Дульцинеѣ, говорила: «вы, сударыньки мои, не фыркайте и не смотрите слишкомъ строго на то, коли и собственный муженекъ у какой-либо изъ васъ иногда отшатнется въ сторону. Жена, милыя вы мои, это то же, что новенькое платье; чай, слышали: за-ново ситцы на колочкѣ висятъ... А мужъ намъ — господинъ и владыка. Мы должны радоваться его удовольствіямъ и беречь его паче зѣницы ока...» Невѣстки слушали такія рѣчи молча и наставленій свекрови отнюдь не одобряли.

Навѣщая родныхъ и знакомыхъ, Анна Васильевна любила привозить мужу въ гостинецъ пробы разныхъ кушаньевъ. «Покушайте, зѐльхенъ,—говорила она въ такихъ случаяхъ, развязывая крыночки и горшечки:—это—постные пирожки съ рыбкой и съ грибками: очень вкусны; а это — паштетъ

изъ дупелей». И Иванъ Яковлевичъ, забираясь на сутки и болѣе на охоту въ лѣсъ, присылалъ въ гостинецъ женѣ стряпню Ульянки, при записочкахъ: «Покушайте и вы, гѐрцхенъ, издѣлія моего кухмистера; на тарелкѣ — бѣлые грибы въ сметанѣ, а въ мискѣ—застуженные караси. Же ву бэзъ и рекомендую,—превкусны».

Жилъ Иванъ Яковлевичъ въ родовомъ селѣ Пришибѣ. Въ остальныхъ его имѣніяхъ—въ Ольшанкѣ, на Середней, въ Великомъ Селѣ и на Богатой—всѣмъ управляли приказчики. Дѣла Ивана Яковлевича, что ни годъ, становились хуже и хуже. Заимодавцы оказывались злѣе и злѣе. Судьба имѣній висѣла на волоскѣ. А устроить дѣла, построже наблюсти за распорядками управляющихъ не хватало воли, терпѣнія и рѣшимости.

Стараясь, чтобы ничто дурное и тревожное не доходило до мужа, Анна Васильевна сама возилась съ заимодавцами, спорила съ ними, молила ихъ объ отсрочкахъ, выслушивала ихъ упреки и даже брань, но къ мужу этихъ господъ не допускала. Иванъ Яковлевичъ зналъ такіе обычаи жены, и если кто-либо изъ кредиторовъ являлся въ Пришибъ, онъ сказывался больнымъ, требовалъ пьявокъ и все собирался ихъ ставить, пока назойливые гости не уѣзжали.

— Вы бы, зѐльхенъ, отправились на Середнюю, или въ Ольшанку,—говорила иной разъ мужу бабушка:—дѣла тамъ, слышно, изъ рукъ вонъ плохо идутъ...

— Да зачѣмъ же я, гѐрцхенъ, туда поѣду?

— Ради Бога, поѣзжайте; повѣрьте этихъ мошенниковъ управляющихъ. Сколько у васъ земель, овецъ и скота, а доходовъ почти никакихъ... Сыновья на службѣ, надо имъ и на обмундировку, и на житье; ну и молодые люди, — повеселиться тоже... А денегъ у насъ давно ни алтына...

— Ахъ, гѐрценька! я бы и поѣхалъ, да вонъ... кажется, собирается... гроза...

Иванъ Яковлевичъ былъ вообще не храбраго десятка, но особенно боялся грозы. Онъ избѣгалъ быть въ пути во время бури, опасаясь, что его непремѣнно убьетъ громъ. Человѣкъ мнительный и слабый во всѣхъ отношеніяхъ, въ дорогу онъ собирался особенно неохотно. Иногда эти сборы длились по нѣскольку недѣль.

Всѣ знаютъ, бывало, что барыня уговорила барина и

что баринъ, наконецъ, рѣшился выѣхать. И начинаются приготовленія. Съ пяти-шести часовъ утра передняя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже полна. Писарь, конторщикъ, десятскіе и ключникъ, переминаясь съ ноги на ногу, вздыхая и зѣвая, стоятъ въ ожиданіи зова и приказаній барина. А баринъ проснется и, тоже зѣвая и вздыхая, прихлебываетъ ложечкой на постели чай, разсматриваетъ свои руки, или, собираясь понюхать табаку, медленно развертываетъ и опять свертываетъ на колѣняхъ клѣтчатый носовой платокъ.

Каждый разъ съ вечера, въ такихъ случаяхъ, ученики Санбёфши, сѣдовласый поваръ Явтухъ Мычка и старая повариха Нёшка нажарятъ барину и напекутъ въ дорогу всякой всячины. Призывался и лихой на пѣсни и на выпивку слесарь Ѳедька. Появлялся и низенькаго роста, несчетные разы мятый на выѣздкѣ молодыхъ лошадей, коренастый мрачный и вѣчно смотрѣвшій въ землю, главный кучеръ Ивашко. Слесарю Ѳедькѣ отдавался строгій наказъ— получше осмотрѣть и перечистить въ дорогу бариновы ружья. Ивашкѣ приказывалось — пораньше накормить, напоить и приготовить любимую караковую четверню бариновыхъ лошадей. Но съѣстные припасы, ружья и лошади давно, бывало, готовы, приказные по нѣскольку разъ выйдутъ изъ передней на крыльцо размять усталыя спины и покурить, и на селѣ всѣ хоронятся по дворамъ, чтобъ не перейти барину дорогу, а баринъ все не выходитъ изъ своей опочивальни.

Анна Васильевна, въ такихъ обстоятельствахъ, вертитъ-вертитъ спицами чулка, глядитъ то въ одно окно, то въ другое, потеряетъ, наконецъ, терпѣніе и выходитъ къ мужу.

— Что же вы, зёльхенъ, не ѣдете? — спрашивала она, видя, что мужъ попрежнему сидитъ, свѣсивъ необутыя ноги съ постели и разсматриваетъ руки или носовой платокъ.

— А что, гёрценька,—отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ:— ѣхать, видно, сегодня не приходится.

— Почему?

— Руки терпнутъ и ногти на пальцахъ какъ будто синіе... Это, вѣрно, къ перемѣнѣ погоды. Пусть лучше до-завтра.

— Какой же еще погоды! — вскидывается въ досадѣ бабушка:—смотрите,—божій день ясенъ, а въ саду, въ полѣ, какой ароматъ...

— Ну, нѣтъ, — отвѣчаетъ дѣдушка: — я вотъ и Нёшку повариху призывалъ, говоритъ, всю ночь до утра курица какая-то на кухнѣ кричала: видно, будетъ дождь.

— Да какой же дождь? на небѣ ни облачка.

— И сонъ, гéрценька, я видѣлъ сегодня; совсѣмъ нехорошій сонъ... Покойнаго попа, отца Ивана, будто я въ прудѣ купалъ, а онъ меня осилилъ и верхомъ на мнѣ будто къ губернатору поѣхалъ... Да и вчера былъ тоже сонъ. Снился покойный тятенька Яковъ Астафьичъ...

И начнетъ разсказывать Иванъ Яковлевичъ свои сны, да такъ медленно, съ такими разстановками, что бабушка не вытерпитъ и уйдетъ. Отъѣздъ, разумѣется, при этомъ отлагался. А тѣмъ временемъ и приказчики отдаленныхъ вотчинъ пронюхаютъ, что баринъ собирается ихъ провѣрять, и принимаютъ свои мѣры.

Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, рѣшается. Бабушка молебенъ отслужила, ходитъ веселая, довольная. Къ крыльцу подкачена желтобокая, выписанная изъ Вѣны коляска, и въ нее горой наложены всякіе складни, погребцы, узлы, укладки и свертки. Лакей и парикмахеръ Гаврюшка, со всякой всячиной подъ мышками, мечется какъ угорѣлый изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ музыкантскую, а изъ музыкантской въ швальню, не забывая, впрочемъ, по пути забѣжать и позубоскалить съ кружевницами и ковёрницами. Солнце подбирается къ десяти часамъ. Ужъ и жарко.

— Пора,—говоритъ, кончивъ кофе, Иванъ Яковлевичъ:— можно бы, гèрцхенъ, и запрягать.

— Куриную котлетку только или фрикасѐ изъ дичи скушали бы еще, зѐльхенъ, на дорогу, — говоритъ, не помня себя отъ радости, бабушка.

Онъ подаетъ знакъ ключницѣ.

Черезъ полчаса въ хомутахъ ведутъ и запрягаютъ лошадей. Лягавый жирный песъ Бекасъ усѣлся между торчащими ружьями на козлахъ, радостно визжитъ и воетъ отъ нетерпѣнія.

А тѣмъ временемъ, какъ Иванъ Яковлевичъ, еле-еле жуя и перебирая косточки, кушаетъ напутственное фрикасé и куриную котлетку,—ключница Марья, высунувшись изъ коридора, шопотомъ докладываетъ барынѣ, что на деревнѣ... появился мужикъ съ Середней.

— Кто? кто? — спрашиваетъ, заслышавъ этотъ шопотъ, баринъ.

— Капитошка Кочетъ.

— Зачѣмъ онъ?

— Родныхъ пришелъ навѣстить... потомъ у него кума...— прибавляетъ, не видя тревожныхъ знаковъ барыни, сѣдая ключница.

— Позвать Капитошку!—объявляетъ, утирая губы и въ раздумьѣ шевеля бровями, дѣдушка.

И является Капитошка. Поклонится онъ, станетъ, какъ ни въ чемъ неповинный, у двери и молчитъ.

— Ну, все ли у васъ тамъ благополучно?—спрашиваетъ, нюхая табакъ, дѣдушка.

— Какъ вамъ, сударь, сказать... кажись бы все...

— А болѣзней никакихъ не слышно?

— Какъ не слышно! Есть...

— Какія же?

— А ходитъ одна, сказать бы и пустая, да такая, что руки и ноги у человѣка отнимутся, а то и попрыщетъ...

— Слышите, гёрценька? — спрашиваетъ, глядя на жену, дѣдушка.

— Слышу,—отвѣчаетъ, сердито глядя поверхъ очковъ на Капитона, бабушка.

— Ну, а погода? — допытываетъ баринъ, начиная опять на колѣняхъ разстилать и свертывать носовой платокъ.

— У васъ тутъ, сударь, еще бы и ничего, — отвѣчаетъ на заданный урокъ Капитонъ: — а вотъ степью сейчасъ я шелъ, такъ и не приведи Богъ, какая тамъ собралась туча. Какъ выѣдете въ поле, то будетъ дождь.

— Ну, иди же ты, Капитонъ, на кухню, да вели себѣ дать водки и пирога,—а я лучше пережду.

Иванъ Яковлевичъ до того боялся грозы, что даже въ комнатахъ съ первымъ ударомъ грома приказывалъ запирать ставни и двери, зажигалъ лампады у образовъ, ложился среди бѣла-дня въ постель, голову прикрывалъ одѣяломъ и такъ лежалъ, пока удалялась гроза.

Но случалось, что Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, и выѣдетъ, да вспомнитъ, что въ то утро всталъ съ постели лѣвой, а не правой ногой, или увидитъ на улицѣ крестъ-на-крестъ упавшія двѣ соломинки, или кто-нибудь въ де-

ревнѣ перейдетъ ему дорогу, то непремѣнно возвращается, и къ новому отъѣзду соберется уже не скоро.

Жизнь Анны Васильевны на старости была вообще не легка. Сыновья были на службѣ, дочери замужемъ. Однѣ книги ее утѣшали. Твердая нравомъ, начитанная и умная старушка не унывала. Мужнино хозяйство, правда, шло до того плохо, что, при тридцати-сорока лошадяхъ на конюшнѣ, иной разъ не на чемъ было выѣхать: лошади то хромали, то были запалены; а кучеръ Иванко подчасъ докладывалъ, что нѣтъ ни единаго цѣлаго и сноснаго хомута. Зато въ комнатахъ, благодаря хлопотамъ Анны Васильевны, всегда было чисто, уютно, свѣтло и пріятно пахло. Позолота на зеркальныхъ рамкахъ потускнѣла, правда, и потерлась, и Гаврюшка нерѣдко ходилъ съ прорванными локтями. Зато цвѣты по окнамъ были постоянно свѣжи и зелены. Полы въ комнатахъ бабы подметали вѣниками изъ душистыхъ травъ, вощили и вытирали суконками. И если Анна Васильевна не всегда имѣла деньги на собственныя необходимыя потребности, если сама она пила чай изъ безносаго чайника, зато мужу кофе на завтракъ подавался не иначе, какъ въ серебряномъ, съ рѣзьбой и съ цвѣткомъ на крышкѣ, кофейникѣ и съ такою же сахарницей. Въ новый годъ прислуга не выбрасывала изъ дому сора, а оставляла его гдѣ-нибудь въ углу за дверью или подъ печкой, чтобы не вымести вонъ изъ дому... счастья...

— Что жъ за «счастье» было у бабушки?

Анна Васильевна, лѣтомъ съ книгой на балконѣ, а зимой съ чулкомъ, склонясь къ промерзлому окну, по цѣлымъ часамъ стояла, глядя черезъ садъ на дорогу, въ дальнюю ихъ вотчину на рѣкѣ Богатой.

Тамъ-то и былъ «бабушкинъ рай»... И этотъ рай была бабушкина крестница—Груня.

Чуднымъ образомъ досталось это утѣшеніе бабушкѣ. Вышла какъ-то лѣтомъ Анна Васильевна въ старый пришибскій садъ, взглянуть, не осыпалась ли отъ мороза завязь на молодыхъ, посаженныхъ ею щепахъ. Она взглянула на яблони — «добрый крестьянинъ», на плодовитку и антоновку; взглянула на бергамоты и дули... Все было благополучно. Она нарвала цвѣтовъ и ужъ хотѣла уйти, какъ

у корня груши-тонковѣтки, въ сочной, высокой травѣ, услышала какой-то пискъ... Анна Васильевна склонилась къ землѣ, бережно раздвинула траву. Передъ ней, перебирая голыми ручками и ножками, копошилось крохотное, въ оборванныхъ пеленочкахъ, дитя.

Найденная подъ грушей дѣвочка была названа Груней, принята, выращена и воспитана бабушкой. А когда Грунѣ пошелъ пятнадцатый годъ и она уже была обучена грамотѣ, шитью, домашнему хозяйству, пѣнію и даже игрѣ на клавесинахъ, Анна Васильевна рѣшилась съ нею разстаться.

«Дѣвка на возрастѣ и страхъ какъ хорошѣетъ!—думала про себя бабушка:—сынки то-и-дѣло изъ полковъ навѣдываются, сосѣдніе военные тоже какъ комары здѣсь толкутся, и одинъ изъ нихъ, этотъ картежникъ изъ сербовъ, майоръ Дучичъ, особенно сильно сталъ на Груню поглядывать... Надо ее спровадить подальше».

И Анна Васильевна, скрѣпя сердце и обливаясь слезами, спровадила Груню. Она снабдила ее одеждой и обувью, наставленіями, благословеніемъ и книгами и отправила со за Донецъ, на Богатую, подъ надзоръ и руководство стараго и опытнаго, но хвораго управляющаго изъ нѣмцевъ, Флуга. Старикъ Флугъ въ скорости умеръ. — «Поставьте на его мѣсто Флугшу,—стала совѣтовать бабушка мужу:— нѣмка, почитай, и такъ при покойномъ всѣмъ тамъ заправляла. Управится и теперь. Особливо же при ней наша Груня; будутъ у нихъ для насъ масло и птица, будутъ, какъ слѣдъ, догляжены овцы, лошади и все наше добро». Мужъ согласился.

Груня привыкла къ хозяйству и дѣйствительно хорошо управлялась. Она часто переписывалась съ бабушкой. — «Живу хорошо, милостивая государыня и крёстная матушка,—писала она,—только скучаю. Степь, ни села кругомъ не видно, ни лѣса. Новый флигель, поодаль отъ батрацкихъ избъ, сколоченъ тепло, заборъ вкругъ двора высокъ и крѣпокъ, а на ночь мы ворота съ Миной Карловной запираемъ на замокъ. Ленъ цвѣтетъ — все поле голубенькое, какъ ситчикъ, что̀ вы прислали. Овцы здравствуютъ,—табунъ съ нови бѣжитъ, земля дрожитъ,—а ужъ садъ да и огородъ у насъ, на рѣчкѣ Богатой — не чета, маменька, вашему: будутъ яблоки апортъ, будутъ сливы-

безсѣмянки, будутъ черешни и бѣлая слива. Принасайте, крёстная, меду: всего наваримъ. Да пришлите книжечекъ. Смерть, по вечерамъ, тоска. Прочла я «Наталью боярскую дочь»... Ахъ, какъ хорошо. А не вышло ли, маменька, продолженія «Онѣгина?» Да еще слышно,— купецъ тутъ съ бакалеей сбился съ дороги, у насъ кормилъ, — ходятъ, говоритъ, въ спискахъ стихи — «Горе отъ ума». Очень хвалитъ, и у него списано нѣсколько стишковъ... Пришлите. Флугшу лихорадка бьетъ, да и глазами хвораетъ. Нѣтъ ли какихъ капель?»

Грунѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Высокая, темнорусая, степенная и гордая, съ полною, крѣпкою грудью, румяная и широкая въ кости, — Груня ходила съ увальцемъ, говорила медленно, будто нехотя, работала не спѣша. Большіе сѣрые глаза смотрѣли ласково... Станетъ она, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется,—всю душу освѣтитъ. А пѣла, забравшись въ поле или въ садъ, — не наслушаешься.

«Ой, соберется онъ на Богатую, соберется!—мыслила, въ тоскѣ о своей питомкѣ и въ тревогѣ о мужѣ, Анна Васильевна: — Середняя, Ольшанка ближе къ дому, и дѣла тамъ вотъ какъ запущены, — а его туда не сдвинешь. На Богатую-жъ, въ этакую даль, какъ разъ онъ угодитъ, — и не спохватишься... Да, да, угодитъ; и майоръ Дучичъ съ нимъ собирается... Недаромъ Иванъ Яковлевичъ сталъ толковать, что на табунъ надо взглянуть. Ружья началъ чистить, — дичи, говоритъ, лисицъ, да дрофъ, не оберешься тамъ... Знаю, сударь, на какую дичь твой другъ сербинъ мѣтитъ».

Съ упавшимъ отъ жалости и страха сердцемъ Анна Васильевна вздыхала, хмурилась, быстро перебирала спицами чулка и не отходила отъ оконъ, изъ которыхъ былъ виденъ путь за Донецъ, на Богатую.

Опасенія бабушки не сбылись. Груня вскорѣ ускользнула отъ всякой опасности.

Бабушка продолжала навѣщать хуторъ на Богатой.

Особенно любила Анна Васильевна встрѣчать весну на хуторѣ. Поѣдетъ къ роднымъ на Самару или на Торецъ, отговѣетъ тамъ въ великій постъ и заѣдетъ провѣдать Груню.

А Грунѣ пошелъ восемнадцатый годъ.

Февраль-бокогрѣй дохнулъ тепломъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ. Колья заборовъ, углы хатъ и сараевъ на подсолнечной сторонѣ съ утра затаяли, а къ вечеру обмерзли опять. Мартъ еще держалъ и холодъ, и снѣгъ, хотя небо становилось ласковѣе, голубѣе. Вотъ Благовѣщенье, конецъ поста. Дружнѣе подулъ съ полдня знакомый, теплый и полный обаятельной нѣги вѣтерокъ. Старый табунщикъ Максимъ глянулъ въ окно, подтянулъ поясъ и говоритъ женѣ: «а что, Ганна, должно быть и весна на дворѣ?»—«Можетъ, и весна!» — отвѣчаетъ покорно и робко жена. И оба они выходятъ на порогъ хаты, жутко и весело вглядываясь въ засинѣвшую степь.—«Пора барышнѣ доложить, пусть отпишетъ господамъ, не размять ли табуна на волѣ, не выгнать ли коней хоть на старыя жнивья?»

Вышла и Груня за ворота. Кругомъ еще тихо. А бѣлыя перистыя облака неспокойно несутся надъ вздувшеюся отъ подпора степныхъ водъ Богатой. Еще зарями морозитъ; еще по ночамъ хруститъ подъ ногами. А въ лицо уже пашетъ инымъ, щедрымъ, будто праздничнымъ тепломъ. Точно паръ молодого хмельнаго вина разлитъ и струится въ воздухѣ. И отъ каждаго вошедшаго съ надворья, отъ его одежды, лица и рѣчей—пахнетъ весной.

И вотъ весна пришла.

Огромный, исхудалый за зиму грачъ, звонко каркая, летитъ съ поля на выгонъ. Выглянуло солнце, глядитъ и не прячется. Подъ его лучами залаяли родники, сугробы и намёты. Все точно дымится, обрушается, шумитъ и плыветъ. Къ вечеру будто отпуститъ. Выйдетъ Груня на крыльцо: кругомъ тихо, только собаки на дальней овчарнѣ лаютъ, да въ темнотѣ кое-гдѣ раздается шелестъ подтаявшаго снѣга, неугомонное шушуканье и пошептыванье бѣгущей по скатамъ въ разныхъ уголкахъ и направленіяхъ воды. Стоитъ Груня и слушаетъ, что говорятъ воды и что нашептываетъ весна? Все стихло, не слыхать ничего. Но впотьмахъ у сарая что-то вновь зашелестило: вода понемногу скопилась, пробуравила дырку подъ соломой, сваленной у коновязи, закипѣла и точно ухнула и рѣзко понеслась вдоль двора къ рѣкѣ. А не то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, вдругъ посыплется что-то съ крыши, точно ея снѣжный покровъ охватило налетѣвшимъ, бродячимъ тепломъ, и онъ подъ его струей затаялъ...

Прошелъ день-другой, прошла недѣля. Груню манитъ въ садъ. Изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема пробиваются первыя травы, тутъ же на солнцепекѣ быстро и расцвѣтая. Голубые пролѣски и бѣлые ландыши гнѣздятся между безлистныхъ еще деревъ. Явились ласточки, мотыльки. Цвѣтовыя почки на вѣтвяхъ вздулись, и ихъ липкіе, душистые лепестки развертываются зелеными и бѣлыми кулачками. Еще день — вишень и терна не узнать: все сливается въ бѣлую стѣну, и запахомъ меда далеко несетъ отъ нихъ. Показались рои мошекъ и комаровъ. На тропинкахъ обозначились ямки пауковъ. Рогатый черный жукъ суетливо катитъ задомъ, черезъ былинки и сучки, скомканный изъ всякаго хлама шарикъ. Отозвалась кукушка. А вотъ и соловьи...

Сидитъ Груня на крыльцѣ, мысль ея далеко—съ Кавказскимъ плѣнникомъ, или съ цыганомъ Алеко. Дворъ хутора на взгорьѣ. За выгономъ влѣво и вправо—неоглядная степь, на днѣ широкаго лога—извилины рѣчки Богатой, а за рѣкой—опять взгорье и опять синяя, гладкая степь,—все это видно съ крыльца, какъ на ладони. Во дворѣ тихо. Рабочіе, старъ и младъ, ушли на посѣвъ. Овцы и лошади пасутся далеко по буграмъ; за косогоромъ ихъ не видно. Солнце грѣетъ. Птицы затихли. И ни одинъ звукъ не долетаетъ до Груни. Развѣ хлопотунъ-пѣтухъ, роясь въ кучѣ сора, отзовется на отошедшихъ къ сторонкѣ куръ, да согнанная коршуномъ или кошкой стая голубей съ шумомъ взлетитъ съ овчарни или съ мельницы и, кружась, унесется къ вербамъ на луга...

Груня смотритъ на голубей, на сарай, подъ которымъ кучей свалены зимнія дровни, на всякую домашнюю рухлядь, развѣшенную Флугшей по веревкѣ, между погребомъ и амбаромъ, на заячьи тулупы, наволоки, кофты, одѣяла, платки и мѣшки. Посидитъ Груня, вздохнетъ и идетъ въ садъ. А тамъ, въ сочныхъ травахъ и въ кустахъ, кипитъ домовитая хлопотня пѣвчихъ пташекъ и звѣрьковъ. Въ земляныхъ, лиственныхъ и древесныхъ тайникахъ вездѣ пищатъ, копошатся, звенятъ и шуршатъ новорожденныя крылатыя и четвероногія семьи. А въ воздухѣ жарче и жарче. Земля накаляется. По степи, волнуясь, ростя, опять исчезая, движутся исполинскія туманныя марева... Скоро на кольяхъ заборовъ и на высохшихъ былинкахъ явится во-

строносенькая, вѣчно-чиликающая, «птичка-жажда». Загремятъ страшныя грозы, прольются шумные дожди...

Грунѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Въ концѣ зимы того года, ѣздивъ съ Флугиной въ церковь ближняго села, Груня простудилась и пролежала въ горячкѣ большую часть великаго поста. Бабушка присылала къ ней фельдшера и сама ее навѣстила на страстной недѣлѣ. Много въ эту зиму въ степи болѣло людей. Старый табунщикъ Максимъ умеръ и на его мѣсто Иванъ Яковлевичъ прислалъ отъ себя другого наѣздника, Родьку, по прозвищу Бѣлогубова. О смерти и о похоронахъ Максима, а равно о присылкѣ Бѣлогубова Груня знала смутно, по слухамъ, изрѣдка долетавшимъ въ свѣтелку, гдѣ она томилась въ болѣзни. На пасху Груня оправилась. Еще блѣдная, худая и слабая, она пріодѣлась, накинула на голову платокъ и, пошатываясь, отъ скуки вышла на крыльцо, а оттуда въ садъ.

Былъ конецъ апрѣля. Вечерѣло. Овцы шли къ водопою. Табунъ рѣзво несся по степи домой.

Груня потянула грудью свѣжаго воздуха и закрыла глаза отъ блеска солнца, тонувшаго за рѣкой, да отъ запаха распускавшихся деревъ и цвѣтовъ. Никогда еще весна такъ не плѣняла и не чаровала Груни. Слезы покатились у нея по лицу. Она присѣла на кочкѣ, склонилась головой на руки и сперва тихо, потомъ громче и громче, съ переливами запѣла нѣкогда модную пѣсню, которой за клавесиномъ выучилась у крестной:

Я бѣдная пастушка,
Весь міръ мой—этотъ лугъ;
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

За спиной Груни послышались шаги. Что-то зашелестило въ кустахъ. Она смолкла, оглянулась. Раздвинувъ вѣтви вишенника, передъ нею, безъ шапки, стоялъ высокій, статный человѣкъ: въ сѣромъ старенькомъ, обхваченномъ ремнемъ армякѣ, на поясѣ—подпилокъ, ножъ и ланцетъ, самъ онъ русый, борода чуть пробивается, молодое, обвѣтренное лицо и ласковые, веселые и вмѣстѣ робкіе глаза.

— Птушки, сударынька! это вамъ-съ!..—сказалъ подошедшій разжимая широкую, мозолистую ладонь.

Груня взглянула: передъ ней на протянутой рукѣ сидѣли рядкомъ, шевелясь и раскрывая желтые, мягкіе носы, двѣ, чуть обросшія сѣрымъ пухомъ, птички.

— Чтò это?—спросила Груня.

— Птушки, сударынька, жавороночки! а може и скворцы... не бойтесь, это вамъ...

— А ты самъ кто такой?

— Новый табунщикъ, Родька, коли изволили слышать.

Груня встала.

— Ну, Родивонъ, сдѣлай же ты мнѣ божескую милость,—сказала она:—отнеси ты этихъ пташекъ туда, откуда ихъ взялъ. — Это — соловьи. Пусть себѣ живутъ... Да бережно, смотри, положи, чтобъ соловьиха не откинулась. А за вниманіе благодарствую...

Съ этими словами Груня ушла. Поглядѣлъ ей вслѣдъ Родивонъ, вздохнулъ и, почесывая затылокъ, долго не сходилъ съ мѣста. Какъ стемнѣло, онъ спустился въ ягодные кусты, положилъ птицъ въ гнѣздо, въ сборную избу ужинать не зашелъ, а сѣлъ на коня, шевеля плеткой, тихо выѣхалъ въ степь, и Груня изъ своей свѣтелки слышала, какъ по темному бугру за рѣкой, на привольи, раздалась его заунывная пѣсня:

«Охъ, и гдѣ жъ ты, гдѣ же,
Милъ сердечный другъ?»

Съ той поры Родивонъ не выходилъ изъ головы Груни. Она пряталась отъ него, избѣгала его, но невольно слѣдила за всѣмъ, чтò онъ дѣлалъ и чтò о немъ говорили.

Въ срединѣ мая на Богатую пришли подводы, забирать проданную купцамъ прошлогоднюю пшеницу и кое-что изъ запасовъ льна. За болѣзнью Флутипи кули вѣсилъ и, какъ грамотный, по списку отпускалъ, подъ надзоромъ Груни, Родивонъ. Первые возы нагрузились и съ купеческимъ приказчикомъ уѣхали; стали грузиться вторые; подводчики устали и пошли обѣдать. Въ прохладномъ, пахнувшемъ мукой и развѣшенными новыми вѣниками, амбарѣ остались только Родивонъ да Груня. Поглядывая на Груню, Родивонъ карандашомъ выводилъ послѣднія отмѣтки въ амбарномъ спискѣ. Груня зѣвнула.

— Это у васъ, барышня, какое колечко?—спросилъ Родивонъ, встряхивая запыленными мукой кудрями.

— Сердоликъ, крестной подарокъ!—отвѣтила Груня, протягивая руку.—Да что ты, непутный, поди, мукой всю перепачкаешь!—крикнула она, смѣясь и съ силой отталкивая Родивона:—ой, да не жми жъ такъ, больно... пусти... Мину Карловну позову...

Родивонъ не отступалъ. Онъ крѣпче обнялъ Груню, подхватилъ ее отъ полу, какъ перышко, посадилъ на куль рядомъ съ собой и сказалъ:

— Что жъ, сударыня, кричите; одинъ, видно, мнѣ конецъ...

— Да пусти жъ ты, сумасшедшій, что затѣялъ! одумайся! ой!..

— Нечего мнѣ, барышня, думать. Сердце изныло. Одна дорога: либо петля, либо въ воду... День хожу, какъ шальной, ночи не сплю—помутила меня твоя красота, Грунюшка...

Трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Груни. Она вспыхнула, искоса поглядывая на Родивона.

— Ахъ, отчего я не богатый, да не знатный!—продолжалъ Родивонъ:—не пойдешь за простого, не отдадутъ такой крали за сермяжника...

Груня вырвалась отъ Родивона.—«Руки коротки! — сказала она, толкнувъ его такъ, что тотъ о закромъ ударился спиной.—Минѣ Карловнѣ, вотъ ей-Богу, все разскажу!» — прибавила она, безъ оглядки уходя изъ амбара. А когда вечеромъ уѣхали послѣднія подводы, Груня вышла на крыльцо, подозвала Родивона, взяла у него амбарные списки и, не уходя въ горницы, спросила: «кто ты родомъ и отколь къ господамъ нашимъ взялся?»

— Княжескій я,—нѣсколько замявшись, тихо отвѣтилъ Родька:—въ пѣвчихъ былъ—не вытерпѣлъ; въ егеряхъ—не по нраву пришлось; лошадей любилъ—ну, съ тѣмъ и остался...

— Какъ же ты къ господамъ-то къ нашимъ присталъ?

— У лѣкаря, у Егора Ѳаддеича Слѣзіевскаго, сперва кучеромъ ѣздилъ, а онъ меня и къ вашимъ господамъ направилъ.

— По паспорту, что ли, ходишь?

— Мы оброчные,—еще тише отвѣтилъ Родька.

— Есть же у тебя отецъ, мать?—допытывала Груня, поглядывая на стоявшаго передъ ней безъ шапки молодца.

— Какъ перстъ, барышня, одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ...

— Ну, иди же, Родивонъ, къ себѣ, да впередъ не смѣй озорничать. Не то, поссоримся.

— А книжечки, сударыня, нѣтъ ли почитать?—лукавыми карими глазами усмѣхнулся Родька.

— Послѣ приходи... Найду, сама тебя кликну и отдамъ... а самъ не смѣй!—сказала, вся закраснѣвшись, Груня, обернулась и ушла къ себѣ въ горницу.

Кончился май. Началась косовица, полотье огорода и льна. Груня ходила въ поле къ гребцамъ и къ полольщикамъ въ огородъ и на луга. Не зимняя пора. Весело и размяться, несмотря на зной и духоту. Вездѣ въ часы роздыха неслась болтовня словоохотливыхъ захожихъ поденщицъ. Бабы толковали о хозяйствѣ мужей, дѣвки о женихахъ да нарядахъ. И всякія тайны сосѣдокъ-хуторянокъ при этомъ невольно узнавала Груня: гдѣ парни хорошіе и гдѣ дурные, и кто кого любитъ и съ кѣмъ знается, и кто кого гонитъ, или за кого собирается замужъ. Вонъ загорѣлая, статная, съ черными бровями и русой косой красавица, бросивъ грабли, божится, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, какъ ткачихинъ сынъ; но она его прогнала и не пуститъ къ своей хатѣ, хоть убейся онъ. Другая, худощавая, блѣдная, забитая лихорадкой, лежитъ подъ копной и, закинувъ руки за красивую голову, шепчетъ подругѣ, какъ въ воскресенье, въ слободѣ, ее затронулъ у церкви поповичъ и что она при этомъ отвѣтила, и какъ, оставивъ своихъ, она уже и слободу миновала, а поповичъ все за нею, все за нею, идетъ и проситъ, чтобъ она вечеромъ вышла къ нему постоять за ворота. И всюду любовь, всюду нѣга, всюду голосъ, зовущій къ иной, неизвѣданной, чудной жизни...

Гребцы идутъ пестрыми рядами по свѣжимъ покосамъ, а Груня глядитъ въ даль, гдѣ по синѣющему пригорку Родивонъ водитъ на просторѣ вольный табунъ. Соберется Груня съ дворовыми стряпухами въ сосѣдній лѣсокъ по грибы,— Родивонъ уже тамъ: подойдетъ къ ней, ласковыя рѣчи ведетъ, застѣнчивъ, глазъ на нее не поднимаетъ, а съ другими зубы скалитъ, пѣсни во все горло поетъ. «Такъ, такъ! Онъ полюбилъ меня, оттого и стыдится!»—думаетъ Груня, съ кузовкомъ грибовъ идя домой.

«А коли не суженый?—размышляла какъ-то Груня, погасивъ свѣчу и собираясь ко сну въ своей горницѣ,—отдадутъ меня за чиновника, отдадутъ за офицера... Да будетъ ли тотъ такъ любить? Простой, подневольный человѣкъ...

Лишь бы не обманулъ,—крестная выкупитъ его у князя... Смышленый, умный такой, да работящій; все знаетъ, грамотный,—ему быть не при лошадяхъ... Ему цѣлой вотчиной править, такъ не испортитъ дѣло»...

Груня откинула пологъ кровати, распустила косу, присѣла и, не раздѣваясь, стала глядѣть въ окно. Полный мѣсяцъ плылъ въ ясномъ небѣ. Кудрявая акація, не шелохнувшись, стояла на садовой полянѣ противъ окна. Тихо. Только кузнечики трещатъ по лугамъ, да изрѣдка на птичномъ дворѣ крикнетъ пѣтухъ, и ему прерывистымъ, звонкимъ баскомъ вторятъ молодые, подрастающіе пѣтушки.

Что-то зашелестило подъ окномъ. Груня привстала, слушаетъ. Чья-то рука будто скользитъ по стеклу, нажимаетъ раму. Рама отворилась. «Боже! неужели воры?—подумала, мертвѣя отъ страха, Груня,—съ нами крестная сила!..» Она спряталась за положокъ.

— Барышня, вы не спите? это я!—шепчетъ изъ саду тихій голосъ.

— Да кто ты, говори! или я крикну...

— Не кричите, барышня, это я... Родивонъ...

— Что тебѣ?

— Книжечки нѣтъ ли? скука... смерть—тоска!—шепчетъ Родивонъ.

— Нашелъ, безпутный, въ какое время книжку просить! Поди, говорю тебѣ, поди... чтобъ и духу твоего не пахло! какъ можно! такая пора...

— Да вы, сударыня, слушайте не бойтесь... да вы только подойдите сюда, къ окну... Хоть словечко промолвите...

«Встать ли? подойти ли къ нему, озорнику?»—разсуждала, не выходя изъ-за полога Груня. А ночь тиха, свѣтъ мѣсяца щедро льется. Медвяный запахъ цвѣтущихъ липъ врывается въ открытое окно...

Въ началѣ іюля Анна Васильевна получила отъ Груни письмо, съ просьбой о благословеніи и о разрѣшеніи ей выйти замужъ за Родивона. Сильно озадачила и огорчила эта вѣсть старуху. Она ни словомъ не проговорилась о томъ мужу, а велѣла запрячь крытыя дрожки, съѣздила на Богатую, посовѣтовалась съ Флугшей, разспросила Груню, потребовала къ себѣ на глаза Родьку и, давъ ему добрую головомойку, кончила тѣмъ, что благословила его на бракъ

съ Груней. Свадьбу сыграли въ ту же осень въ Прiшибѣ. Родька сталъ именоваться Родивономъ Максимычемъ и получилъ званiе конторщика, а въ слѣдующемъ году, когда умерла Флугша, Грунѣ и Родивону было передано и все управленiе хозяйствомъ на Богатой.

Отлично зажила Груня съ мужемъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, которая также удостоилась быть крестницей Анны Васильевны. Груня завѣдывала коровами, птицей, садомъ и огородомъ; Родивонъ Максимычъ—овцами, лошадьми и хлѣбопашествомъ. Доходы съ Богатой удвоились. Не нахвалится новыми хозяевами далекаго хутора Иванъ Яковлевичъ. А ужъ объ Аннѣ Васильевнѣ и говорить нечего—она души въ нихъ не чаяла.

— Да кто жъ онъ, матушка, кто этотъ вашъ новый управляющiй? — спрашивали Анну Васильевну любопытныя сосѣдки.

— Четвертинскаго князя крѣпостной, изъ дворовыхъ, съ Литвы, а проживалъ при барскомъ домѣ въ Москвѣ. Былъ у насъ прежде почитай конюхомъ, а вонъ, за отличiе да за старанiе, чѣмъ его мужъ мой пожаловалъ.

— Вы его, матушка, выкупили?

— Самъ выкупился; безъ того я крестницы за него не отдавала.

И дѣйствительно, Бѣлогубовъ съѣздилъ въ Москву и передъ вѣнчанiемъ привезъ оттуда отпускную. Все шло хорошо. Только самъ Родивонъ Максимычъ сталъ что-то неспокоенъ: по-часту охаетъ, ходитъ задумчивъ, мало разговариваетъ, а ужъ жену любитъ—не наглядится на нее, да и съ дочкой-подросточкомъ такъ ласковъ да нѣженъ, съ рукъ ее не спускаетъ, слезы потихоньку утираетъ, любуясь на нее.

— Что ты, Родя, печалишься будто? — спрашиваетъ его Груня: — изъ-за чего думы твои? или ты чѣмъ недоволенъ, или я тебѣ не угодила?

— Всѣмъ я, Грунюшка, доволенъ, оттого и мысли мои... Ну, думаю, какъ все это кончится? Ну, какъ ничего не станетъ у меня, ни тебя, ни дочки, ни всего?

— Какъ не станетъ и отчего? Бога ты гнѣвишь, Родя, и не добро думаешь.

— Одначе... постой, отвѣть: а что... вдругъ, — ну, какъ вы помрете, или кто васъ отберетъ?

— Полно, пустяки говоришь. Я думала, о чемъ о другомъ онъ заботится... А ты о смерти... пустяки! Всѣ мы подъ Богомъ, всѣ подъ Его волею, Онъ насъ и помилуетъ. Лучше ты бѣглыхъ вонъ тутъ не держи. Самъ толкуешь про становаго, про Сидора Акимыча, не человѣкъ, а звѣрь.

— Полно, Груня, будто бѣглые не люди! Жаль ихъ, да и работаютъ какъ... А обо мнѣ ты не думай, это пройдетъ...

Родивонъ, однакоже, не унимался: похудѣлъ, опустился, даже старѣе будто сдѣлался на нѣсколько годовъ. И началось это съ той поры, какъ онъ съѣздилъ на ярмарку продавать выбранныхъ изъ табуна лошадей. На ярмаркѣ, между всякимъ народомъ у кабака, его узналъ какой-то рыжій и невзрачный съ виду, загулящій побродяжка. Родивонъ сильно смѣшался при видѣ этого человѣка и сперва на его привѣтъ не признался; но потомъ они пошли въ трактиръ и больше сутокъ тамъ угощались. Загулящій человѣкъ, на радости отъ встрѣчи съ старымъ пріятелемъ, остался мертвецки пьяный подъ лавкою трактира, а Родивонъ поскорѣе уѣхалъ домой, но съ той поры его какъ въ воду опустили: совсѣмъ сталъ иной.

Эти заботы, спустя нѣкоторое время, какъ будто и прошли. Родивонъ съ виду сталъ спокойнѣе. Но къ зимѣ онъ получилъ откуда-то письмо и опять закручинился; началъ искать денегъ взаймы, добылъ, сколько могъ, и выслалъ ихъ куда-то, а прежняго спокойствія не видитъ.—«Откуда письма получаешь?» допытывала жена. — «Отъ родныхъ, изъ нашихъ мѣстъ», отвѣчалъ Родивонъ, но писемъ женѣ не показывалъ.

Какъ-то, въ Спасовку, написала Анна Васильевна къ Грунѣ письмо, что сильно соскучилась по ней и что хорошо бы Груня сдѣлала, если бы, пока тепло, собралась и навѣстила ее съ дочкой.

— Что, ѣхать ли намъ къ крёстной? — спросила мужа Груня.

— Нѣтъ, обожди.

— Какъ ждать! Спасовка вонъ проходитъ, скоро Успеньевъ день, пчелу пора морить, медъ къ господамъ отсылать; а мы бы при этомъ случаѣ и съ Параней поѣхали.

— Поѣдешь послѣ Воздвиженья! ленъ надо молотить на сѣмяна—я одинъ не управлюсь.

Но и пчелу поморили, и медъ послали, и Успеньевъ день прошелъ, а Родивонъ не отпускалъ Груни за Донецъ.

Въ концѣ августа стояла особенно жаркая погода. Родивонъ съ утра верхомъ, а послѣ обѣда на бѣговыхъ дрожкахъ объѣхалъ поля, взглянулъ, какъ пасутся овцы и лошади, повѣрилъ счетъ подводъ, перевозившихъ остальныя копны на гумно, и навѣстилъ грабарей, рывшихъ въ степи новый прудъ. Онъ возвратился на вечерней зарѣ дó-нельзя усталый, наскоро поужиналъ, перемолвилъ нѣсколько словъ съ женой, пошутилъ съ дочкой и ушелъ спать.

Долго Груня возилась съ уборкой посуды и съ отдачей разныхъ приказаній, сходила за мужа въ амбаръ и въ кладовую. Спать ей не хотѣлось. Изъ головы у нея не шли слова, вскользь сказанныя мужемъ за ужиномъ. — «Всяки порядки бываютъ, — замѣтилъ онъ, доѣдая поросячій бокъ съ кашей: — вотъ бы вольныя, значитъ, отпускныя... Иной тебѣ вчешетъ туда такое словцо, что послѣ и не расхлебаешь». — «Да ты это чтò?» — спросила, похолодѣвъ отъ страха, Груня. — «Ничего... это я про одного нашего землячка вспомнилъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Родивонъ: — да и становой опять въ голову пришелъ. Ужъ точно Иродъ, не человѣкъ, какъ есть душегубъ; намедни пятерыхъ бѣглыхъ изловилъ на Терновой и всѣхъ упекъ въ кандалы, да въ острогъ... Есть тоже такой баринъ, графъ Аракчеевъ, коли слышала, — къ тому попадись, живого съѣстъ...» — «Да вѣдь онъ въ Питерѣ, при царѣ служитъ», — сказала Груня. — «Въ Питерѣ-то, въ Питерѣ, а подъ землей всякаго найдетъ, коли захочетъ... Чай слыхала, къ Чугуеву ужъ подбирается...»

Все, наконецъ, затихло въ горницахъ. Груня взглянула на спавшую въ углу за шкапомъ Парашу, помолилась, раздѣлась, тоже легла и заснула.

Спитъ Родивонъ, да неспокойно, по временамъ вздрагиваетъ и мечется. Снится ему, что онъ изнываетъ отъ духоты. — «Охъ, хоть бы вѣтеръ пахнулъ въ лицо, — думаетъ онъ, — хоть бы глотокъ студеной водицы...» Странныя грёзы порхаютъ надъ его изголовьемъ...

Красное, въ веснушкахъ, отекшее, пьяное лицо склоняется надъ нимъ, сѣрые безстыжіе глаза смѣются, рыжая борода щекочетъ ему губы и носъ. — «Ха-ха-ха! поймался, Родька, поймался, землячекъ! — хохочетъ на всю комнату

пьяная рожа:—вставай, арестантъ! вонъ онъ, вотъ! ха-ха-ха! тебѣ хорошо, мнѣ худо... берите его...»—Тьфу ты, сгинь!— отмахиваясь руками, изъ всѣхъ силъ плюнулъ на стѣну Родивонъ.

Онъ вскочилъ, присѣлъ на кровати, протеръ глаза. Въ комнатѣ мертвая тишина. Полный мѣсяцъ смотритъ съ неба. Чебрецомъ и калуферомъ пахнетъ изъ огорода, и чудные, серебристые звуки несутся въ окно. Звенитъ, звенитъ что-то тамъ въ сверкающей дали, за рѣкой, смолкнетъ и опять отзовется, будто спускается со взгорья, ближе и ближе подплываетъ къ рѣкѣ.—«Батюшки-свѣты! колокольчикъ!—спохватился Родивонъ: — это полиція... меня ищутъ... Куда дѣться?»

Онъ бережно, мимо Груни, слѣзъ съ кровати, наскоро одѣлся, отыскалъ впотьмахъ ведро съ водой, перегнулъ его, жадно отпилъ разъ и другой и бросился къ окну. Во дворѣ ни звука. Хромая дворовая собаченка Стрѣлка, наставя чуткія уши, лежитъ на мѣсяцѣ у крыльца. Она увидѣла хозяина, легонько помахала хвостомъ, встала и, ковыляя, побѣжала въ садъ. Родивонъ за нею. Выскочила собачка на освѣщенную мѣсяцемъ дорожку, постояла, поджавъ лапку, у одного куста, у другого, скусила верхушку какой-то травки, вѣжливо пожевала ее, перепрыгнула черезъ канавку, обнюхала какой-то бугорокъ, уставилась носомъ за рѣку и вдругъ замерла, точно слыша что-нибудь въ той сторонѣ. А въ ушахъ Родивона опять шумъ и звонъ... Затихая и вновь раздаваясь, несутся серебристые звуки: тень-тень... тень...

«Милочка, Стрѣлочка! да ты врешь, обозналась! никого нѣту!» готовъ былъ молить собаченку Родивонъ. И вдругъ его какъ варомъ обдало. Онъ вздрогнулъ, судорожно двинулся по поясъ въ высокую душистую траву и замеръ. Прохладнымъ лужкомъ съ зарѣчнаго бугра явственно донеслось фырканье одной лошади, другой, и негромкое постукиваніе бережно катившихся колесъ.—«Крадутся! колокольчикъ подвязали!—пронеслось въ головѣ Родивона:—не къ кому больше, какъ ко мнѣ...»

Кликнувъ собачонку, чтобъ та не разлаялась, Родивонъ бросился въ комнаты, разбудилъ жену и наскоро разсказалъ ей въ чемъ дѣло. Та ахнула, заметалась.—«Звать ли кого изъ людей?» — «Не зови никого... Пропадать видно! самъ управлюсь...»

Черезъ часъ, за бѣлою скатертью, установлённой всякою снѣдью и флягами, передъ пыхтѣвшимъ самоваромъ, при свѣчѣ, сидѣлъ низенькій, сѣденькій, лысый и сутуловатый, въ разстегнутомъ мундирѣ, при шпажонкѣ, становой. Родивонъ, съ заложенными за спину руками, растерянно и покорно стоялъ передъ нимъ. Груня, чуть живая отъ страху, выглядывала на нихъ въ дверь изъ сосѣдней комнаты.

— Дверь въ сѣни заперъ? — спросилъ, уписывая поросенка, становой.

— Заперъ.

— Никто не знаетъ, что я пріѣхалъ?

— Никто.

— Гдѣ кучерёнокъ?

— На птичню, за дворъ отвелъ.

— А лошади?

— Въ конюшню къ корму поставилъ.

— Ворота?

— На засовѣ.

— Такъ какъ же?

— Чего-съ?

— Отдаешь тройку бѣлоногихъ на придачу?

— Къ чему на придачу-съ?

— Десятокъ овецъ отпустишь, коровенку тамъ какую, или двѣ, суконца на бешметъ...

— Много будетъ, ваша милость! — проговорилъ Родивонъ: — нельзя ли поменѣе?.. Я подначальный! взыщется... Господа притомъ строгіе...

— Строгіе? — засмѣялся становой: — знаю я ихъ лучше тебя! А это, читай... что... «Доношу вашему благородію, что на рѣчкѣ Богатой, по фальшивому виду... проживаетъ...» ну-ка, читай, братецъ, самъ: «проживаетъ бѣглый, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева крѣпостной слуга, Василій Ильинъ, сынъ Самопаловъ... А бѣгалъ онъ трижды и сидѣлъ въ острогѣ въ Муромѣ, да сидѣлъ же въ Херсонѣ и въ Бахмутѣ... и мнѣ про то доподлинно извѣстно... мѣщанинъ Исай Перекатовъ...»

— Исайка, ваша благородіе, вретъ; онъ по злобѣ...

— Не вретъ, я тебѣ докажу... Ты—Васька, а не Родивонъ, Самопаловъ,—а не Бѣлогубовъ... Лучше признавайся, да помиримся; а то будешь меня помнить. Хе-хе... Черезъ часъ, черезъ два, знай ты это, подойдутъ понятые. Письмо-

водитель съ сотскимъ въ Чунихиной остался; чуть зорька выглянетъ, всѣ будутъ здѣсь... Такъ согласенъ? Помни— свяжу, а тамъ—въ кандалы и въ Сибирь... чтò въ Сибирь? хуже! къ самому графу Аракчееву по этапу перешлю... Онъ те вчешетъ—съ живого кожу сдеретъ! Хе-хе...

— Смилуйтесь, Сидоръ Акимычъ! смилуйтесь!—не своимъ голосомъ взмолился Родивонъ: — все берите; не погубите только жены, да маленькой дочки.

— Да ты, можетъ, и взаправду не графа Аракчеева крѣпостной, а князя Четвертинскаго вольноотпущенный?— шутилъ, хмелѣя отъ старой Флугшиной запеканки, становой.

Родивонъ упалъ ему въ ноги.

— Гдѣ состряпалъ паспортъ? — крикнулъ, затопавъ на него, становой.

— Въ Бердянскѣ у жида купилъ.

— У Герцика? знаю... А отпускную гдѣ добылъ?

— Тамъ же.

— Чтò далъ?

— Два золотыхъ.

Становой покатился со смѣху.

— Вотъ, сударыня, — обратился онъ къ подошедшей Грунѣ, наливая стаканъ: — за вашу хлѣбъ да соль готовъ я вамъ помочь. А опрометчиво поступили, опрометчиво... неужели многочтимая, столь высокаго ума и характера дама, Анна Васильевна, ваша крёстная матушка, — я ихъ довольно знаю и ручку имъ не разъ цѣловалъ! — неужели, говорю, не нашла бы она вамъ лучшаго сокола? Эхъ, эхъ... А запеканка — мое почтеніе!.. вѣчная память Минѣ Карловнѣ,—я ею и равно покойнымъ мужемъ ея много пожалованъ!.. Что, любезный?—обратился становой къ Родивону;— не слыхать ли понятыхъ? не пришли еще?

— Не видно что-то, — отвѣтилъ Родивонъ, взглядывая въ окно.

— Такъ готовь, душенька ты моя, бѣлоногихъ... Рѣзвы, ухъ рѣзвы! Видѣлъ, какъ ты на чортовыхъ жеребцахъ по ярмаркамъ свою кралю-сударушку покачивалъ... Готовь, а я тѣмъ временемъ маленечко сосну... Да ты не бойся: все теперь у насъ будетъ гладко, шито! Никто, опричь меня, про доносъ этотъ не знаетъ, даже и письмоводителю я не показывалъ... Рыло у него нечисто... Понятыхъ тѣмъ же часомъ отпущу назадъ и напишу, куда слѣдуетъ, что нѣтъ-

молъ такого въ здѣшнихъ мѣстахъ; а про подарки ты выдашь мнѣ росписку, что деньги за все сполна получилъ...

«Слава тебѣ, Господи! слава!» — не помня себя отъ радости, взмолилась Груня, когда становой погасилъ свѣчу и, примостясь на лавкѣ, захрапѣлъ въ первой горницѣ, а Родивонъ ушелъ ему готовить тройку бѣлоногихъ.

— Ѣдемъ, — шепнулъ, входя къ женѣ впопыхахъ, Родивонъ.

— Куда?

— Нечего толковать. Буди и бери Параню, да захвати хлѣба, одежи. Послѣ все разскажу.

— Да онъ же поладилъ съ тобой, согласился!—лепетала, дрожащими руками одѣвая дочку, Груня.

— Знаю я ихъ, ненасытныхъ волковъ. Дай ему только палецъ въ глотку, всю руку слопаетъ. Пропали мы, пропали... Скорѣе снаряжайся, скорѣй... Люди не скоро сойдутся,—успѣемъ уйти: загоню коней до смерти, а сто верстъ проскачу. Въ Бахмутѣ есть пріятель, далѣе отъ него уйдемъ... въ Анапу или за Кубань.

Родивонъ хотѣлъ-было сразу порѣшить съ становымъ, да раздумалъ. Пошаривъ потомъ съ фонаремъ на чердакѣ и вкругъ дома и раздумывая, не повѣситься ли? онъ возвратился къ женѣ, поднялъ у печки топоромъ половицу, вынулъ оттуда кожаный поясъ съ деньгами, снялъ со стѣны ружье, перекрестился на образъ и вышелъ на крыльцо.

На дворѣ чуть начинало бѣлѣть. Запряженная тройка бѣлоногихъ, какъ вкопанная, стояла на привязи у крыльца.

Родивонъ усадилъ въ телѣгу Груню съ дочкой, бросилъ къ нимъ кое-какіе пожитки, бережно растворилъ ворота, самъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, еще разъ перекрестился, прислушался. Вездѣ было тихо. Только въ сосѣдней слободкѣ за бугромъ, какъ бы по волку, тявкали собаки.

Телѣга безъ шума выѣхала за ворота, спустилась на темный еще лугъ, стала переваливать за косогоръ. Родивонъ неспокойно задвигался, подобравъ вожжи и сперва рысью, потомъ вскачь пустилъ храпѣвшихъ и рвавшихся жеребцовъ.

— Охъ, да что̀ же это? что̀? — заговорила въ страхѣ, оглядываясь, Груня: — никакъ у насъ, Родивонъ Максимычъ, пожаръ?

Родивонъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и молчалъ. Онъ

крѣпче надвинулъ шапку на уши, крѣпче налегъ на бѣлоногихъ, и тройка, выбравшись на дорогу къ Волчьей, скрылась за горой, въ то же время, какъ начавшійся за спинами бѣглецовъ пожаръ далеко освѣтилъ долину Богатой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ хуторъ и гдѣ Богатая сливалась съ рѣчкой Богатенькой.

Домъ, гдѣ спалъ мертвецки-пьяный становой, вспыхнулъ и горѣлъ, какъ свѣча. Не успѣли сбѣжаться изъ задворныхъ избъ разбуженные ревомъ скотины и гуломъ огня батраки, не успѣли подойти завидѣвшіе пламя понятые, отъ новаго дома Ивана Яковлевича остался одинъ пепелъ.

Письмоводитель далъ знать въ городъ. Явился исправникъ. По окончаніи слѣдствія, былъ составленъ протоколъ, а въ протоколѣ было сказано: «По Божьему изволенію, такого-то года, мѣсяца и числа, на хуторѣ лейбъ-гвардіи прапорщика Д**, отъ неизвѣстной причины, въ глухое ночное время, приключился пожаръ. А на томъ пожарѣ, кромѣ лошадей, коровъ и прочаго имущества владѣльца, сгорѣли: становой приставъ, Сидоръ Акимовъ Солодкій, со всѣми его бумагами, пара обывательскихъ коней, съ повозкою, и управляющій тѣмъ хуторомъ вольноотпущенный, Родивонъ Максимовъ Бѣлогубовъ, съ женою Аграфеною Ивановою и съ малолѣтней дочкой Прасковьей! Въ чемъ и подписуемся...»

Вѣсти о пожарѣ на хуторѣ и о гибели управляющаго съ семьей сильно поразили Ивана Яковлевича и Анну Васильевну. Дѣдушка рѣшилъ раздѣлаться съ землей и со всѣмъ хозяйствомъ на Богатой. Бабушка мужу не перечила. Это имѣніе вскорѣ было продано курскому второй гильдіи купцу, Ивану Михайловичу Слатину. Иванъ Яковлевичъ былъ доволенъ тѣмъ, что вырученными деньгами уплатилъ немало особенно тяжелыхъ долговъ. Анна Васильевна была зато неутѣшна.

— Нѣтъ моего рая, нѣтъ Грунюшки, — толковала старуха:—погибла моя Груня, съ мужемъ и съ дочкой, да еще какою страшною смертью погибла! И все я виновата, я... Зачѣмъ боялась, зачѣмъ ее туда отослала?..

Прошелъ годъ и два, прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ и дѣдушка Иванъ Яковлевичъ.

Аннѣ Васильевнѣ, по его кончинѣ, не жилось болѣе въ старомъ пришибскомъ домѣ. Она тосковала, не знала куда

дѣться, и почасту гостила въ лѣсномъ домикѣ, при винокуренномъ заводѣ, въ Курбатовомъ.

Нѣкто г. Баженовъ, борисоглѣбскій уланъ и мѣстный поэтъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1802 году, оставилъ въ альбомѣ бабушки слѣдующее «Изображеніе пріятнаго мѣста Курбатова»:

«Курбатовъ! ты сокрытъ природой подъ горами...
Въ тебѣ собраніе прекраснѣйшихъ картинъ;
Величественъ твой видъ, обиленъ ты водами
И у природы, знать, ты прелюбезный сынъ...
Въ тебѣ я созерцалъ пріятные предметы:
Долину, горы, лѣсъ, звѣринецъ, водометы,
И какъ изъ тростника Михайло козъ гонялъ...
Тогда-то въ сердцѣ я твой видъ благословлялъ!»

Что же манило бабушку въ лѣсную глушь, въ тихое, пустынное Курбатово? Здѣсь умеръ дѣдушка. Сверхъ того, домикъ въ Курбатовѣ сильно напоминалъ Аннѣ Васильевнѣ выстроенный по его образцу, сгорѣвшій домъ на Богатой, гдѣ она въ прежніе годы любила съ Груней встрѣчать весну. Подъ конецъ своихъ дней бабушка еще болѣе стала походить видомъ и нравомъ на спартанку. Уѣдетъ изъ Пришиба на заводъ, велитъ отпречь лошадей и пойдетъ бродить съ книжкой или съ кузовкомъ, будто за грибами, въ окрестностяхъ старой винокурни, по лѣсу и по лугамъ.

«Нѣтъ моего рая, нѣтъ Груни!» тоскуетъ бабушка: «думала ее сосватать за Калиныча, за винокура. Жила бы, радовала-бъ меня и поднесь. А теперь? Гдѣ-то витаютъ душеньки ея и ея дочки? Ахъ! не прощу себѣ, никогда не прощу... я виновата въ ихъ смерти... я!»

Бабушка ходитъ между высокихъ сосенъ, по песчаному пристѣну и между кудрявыхъ березъ и ольхъ, по лугамъ. Стародавніе годы ходятъ по слѣдамъ бабушки. — «Ничего, никакого приданаго я не принесла мужу,—думаетъ она,— пользовалась его имуществомъ. Полъ-состоянія предлагалъ онъ мнѣ отписать по дарственной. Все, все отдала бы, лишь бы жива была Груня...»

А лѣсъ стонетъ, поетъ, отзывается на тысячи голосовъ. По влажному, остывшему илу, таская изъ него свѣжіе сладкіе корешки, бѣгаютъ кулички и черныя дикія курочки. Сѣрая поверхность грязи усѣвается крестиками ихъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ,

каждая вѣтка одѣты своимъ благоуханіемъ. Чубатый удодъ посвистываетъ на бугоркѣ; слышится рѣзкое чоканье дрозда; кукушка вдали отзывается; дятлы и иволги, какъ куски разноцвѣтнаго сукна, перебрасываются съ дерева на дерево.

А на зарѣ — нескончаемый лѣсной концертъ... Вверху, вокругъ, вездѣ слышится музыка. Цѣлое море звуковъ проливается на лѣсъ и на зеленые луга.

Возвратится бабушка на крутой бугоръ, на которомъ стоитъ старый заводскій домикъ, сядетъ на крылечко, развернетъ на колѣняхъ книжку, или, глядя вдаль, шевелитъ спицами чулка, — мысли ея за Донцомъ. Слушая весеннія лѣсныя пѣсни, и бабушкинъ фаворитъ-пѣтухъ, состарѣвшійся при винокурнѣ, не унимается: смотритъ съ холма на луга и на озера, и то-и-дѣло кричитъ... Да крикнетъ иной разъ такъ, что самъ отшатнется въ сторону и, наставивъ одинъ глазъ въ землю, а другой на бабушку, какъ бы разсуждаетъ: «кто это такъ странно крикнулъ?»

Незадолго передъ смертью, бабушка возила больного внука на Кислыя воды, на Кавказъ. На одной станціи, не доѣзжая Екатеринодара, она мѣняла лошадей. Станціонный писарь взглянулъ въ ея подорожную, потомъ на нее самою. Онъ пригласилъ Анну Васильевну въ особую горницу, заперъ за собой дверь и, спросивъ ее, не у нея ли на хуторѣ когда-то проживала съ мужемъ и съ дочкой Аграфена Бѣлогубова?—разсказалъ ей, какимъ образомъ Бѣлогубовы спаслись отъ огня и какъ они долгое время скрывались по близости, въ казацкихъ станицахъ, въ томъ числѣ и на этой станціи, гдѣ Родивонъ нанимался старостой.

— Что же Груня?—спросила, ни жива, ни мертва отъ страху, бабушка:—гдѣ она теперь? жива ли?

— Не знаю...

— А мужъ ея?

— Лошадьми на Кубани въ послѣднее время, сказываютъ, торговалъ...

— Отчего-жъ они, безумные, отчего-жъ ни о чемъ не дали мнѣ вѣсти? зачѣмъ терзали меня?

— Боялись, сударыня-матушка.

— Меня боялись?

— Не васъ, сударыни, не васъ... Они такъ васъ хва-

лили и помнять—я все уговаривалъ ихъ къ вамъ писать... Боялись же своего... графа-то Аракчеева...

— Да онъ вѣдь давно померъ...

— А дѣло-то ихнее—бѣгство?.. потомъ пожаръ—нешто все это померло?

Бабушка залилась слезами...

Въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ и Екатеринодарѣ, вездѣ Анна Васильевна потомъ отыскивала Бѣлогубовыхъ, сулила за ихъ указаніе значительную сумму денегъ, переписывалась съ властями, даже черезъ мирныхъ черкесовъ сносилась съ горцами—ничто не помогло. Слѣдъ Бѣлогубовыхъ пропалъ навсегда.

— «Вотъ, душенька,—говорила мнѣ бабушка, разсказавъ эту исторію:—я стара, у меня ничего нѣтъ; имѣніе твоего дѣда раздѣлено и распалось... Выростешь, помни это... души-то, крѣпостныя... крѣпостные люди... Приглядывайся, да читай умныя книги, все поймешь...»

1873 г.

Оглавленіе

VII ТОМА.

Семейная старина. Разсказы.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

I.

Среди зимы 1716 года въ Петербургѣ заговорили о сильномъ разладѣ между царемъ Петромъ и его единственнымъ сыномъ.

Грозная «сиверка» Петра готовилась, какъ всѣ ожидали, разразиться надъ царевичемъ Алексѣемъ. Овдовѣвъ съ осени, самъ царевичъ, между тѣмъ, продолжалъ мирно и тихо жить въ небольшомъ дворцѣ, выстроенномъ къ его свадьбѣ, на Невѣ, близъ Литейной, повидимому, не очень безпокоясь даже о томъ, что отецъ при встрѣчахъ перестаъ съ нимъ говорить. Кстати же, трауръ давалъ ему возможность вовсе не появляться на торжественныхъ пріемахъ отца и ассамблеяхъ вельможъ, а дома у себя, боясь смотрѣльщиковъ отца, онъ не принималъ почти никого.

Крытый тёсомъ, въ двѣнадцать оконъ по улицѣ, съ антресолями и обширнымъ садомъ на Неву, деревянный, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, дворецъ царевича былъ на Шпалерной, противъ нынѣшней церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Въ глубинѣ двора, вдоль сада, шли разныя службы, избушки, боковуши, сарайчики и склады, и возвышалась церковь. У крыльца на улицѣ стоялъ караулъ. Комнаты были убраны уютно и со вкусомъ: стѣны — въ кожаныхъ, съ позолотой, обояхъ, зеркала—въ фигурчатыхъ фарфоровыхъ рамахъ, съ потолковъ пріемной и столовой висѣли хрустальныя люстры, а мебель обтянута цвѣтнымъ сукномъ и штофомъ. Все это, впрочемъ, какъ и ковры, за-

навѣси оконъ и столовая посуда, было свадебнымъ подаркомъ, присланнымъ покойной женѣ царевича отъ ея сестры, жены австрійскаго императора. Скупой и неприхотливый царь, глядя на эту обстановку, морщился. «Денегъ-то убито сколько, денегъ!»—думалъ онъ при этомъ, не охотно посѣщавшій сына и при жизни покойной кронпринцессы.

Вверху, на антресоляхъ, съ гофмейстериною, кормилицей и нянями, жили дѣти царевича. Внизу помѣщался онъ самъ. Его кабинетъ, двумя окнами выходившій въ садъ и однимъ на уголъ улицы, былъ расположенъ между пріемною и спальней. Еловый вощеный полъ кабинета, у письменнаго стола, былъ покрытъ бухарскимъ ковромъ, передъ софой и креслами—медвѣжьимъ мѣхомъ. На стѣнныхъ полкахъ лежало нѣсколько нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и церковныхъ русскихъ книгъ. Въ углу комнаты, возлѣ окна, стоялъ небольшой голландскій клавесинъ, а на стѣнѣ, надъ нимъ, висѣла небольшая семиструнная лютня.

Было утро двадцать-пятаго января.

Солнце ярко свѣтило въ разрисованныя морозомъ окна кабинета. У письменнаго стола, на обитомъ черною кожей креслѣ, откинувшись на его высокую спинку, сидѣлъ худощавый и блѣдный, выше средняго роста, лѣтъ двадцати-шести-семи, человѣкъ. Онъ былъ въ шелковомъ сѣромъ кафтанѣ, въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Темнокаштановые, слегка напудренные его волосы длинными завитками падали на узкія плечи. Большіе, черные глаза неподвижно были устремлены на столъ, на которомъ стоялъ раскрытый, отдѣланный слоновою костью и сафьяномъ, ларецъ. То былъ царевичъ Алексѣй.

Давно молодой камердинеръ поставилъ передъ нимъ, возлѣ ларца, подносъ съ кофе, сливками и булкой. Онъ нѣсколько разъ неслышно отворялъ дверь изъ гардеробной и смотрѣлъ изъ-за кресла, качая головой. Кофе простылъ; до него не касались.

Царевичъ болѣе часа сидѣлъ, задумавшись и не помня, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ. Онъ зналъ одно, что въ послѣднее время сильно прогнѣвилъ отца и что сталъ у него въ явной и полной опалѣ, а ка̀къ и чѣмъ онъ прогнѣвилъ его, объ этомъ онъ боялся и избѣгалъ думать. День и ночь его мысли были далеко. Въ памяти проносились годы его дѣтства,

жизнь въ Москвѣ, потомъ въ Измайловскомъ, когда онъ жилъ на глазахъ матери.

Гдѣ эти счастливые годы и гдѣ мать? Не вернуть ихъ. Она насильно пострижена, томится въ монастырѣ, а у отца, при живой женѣ, другая, бывшая плѣнная нѣмка. Тяжело было ребенку безъ матери. По девятому году его хотѣли отправить учиться въ чужіе края, въ Дрезденъ, но это не состоялось. Четырнадцати лѣтъ онъ былъ уже въ рядахъ новаго войска, въ преображенскомъ мундирѣ; по семнадцатому году ему поручили возведеніе укрѣпленій Москвы, въ ожиданіи шведовъ. Его обучали точить, чертить, французскому и нѣмецкому языку и ариѳметикѣ; возили его по воинскимъ и корабельнымъ дѣламъ то въ Смоленскъ и Сумы, то въ Воронежъ, Сѣвскъ и Ярославль,—въ бой подъ Полтаву, однако, не взяли.

Девятнадцати лѣтъ Алексѣя, по болѣзни, отправили за границу, въ Карлсбадъ. «Не остаться ли здѣсь навсегда?—подумалъ онъ въ то время, охваченный волей, любуясь дивными видами и нравами чужихъ краевъ.—Но разстаться съ родиной?.. Да что тамъ и хорошаго на этой родинѣ,—день денской возня и сутолока, воинскіе смотры и парады, спуски кораблей, постройки,—ни на часъ отраднаго, тихаго отдыха... а тамъ выберутъ тебѣ иноземную принцессу, о которой не гадалъ и не думалъ, и насильно женятъ. Нѣтъ, лучше остаться тутъ простымъ, вольнымъ человѣкомъ!..»

Мечты царевича не сбылись. По двадцатому году ему посватали въ невѣсты принцессу Шарлотту Вольфенбютельскую. Она показалась ему «человѣкъ добръ» и черезъ годъ онъ женился на ней, въ Саксоніи, въ Торгау. Ему грезилось счастливо пожить съ женой, но и это ему не удалось. Вскорѣ потребовали его отъ жены въ корпусъ Меншикова, подъ Штетинъ, и онъ пробылъ тамъ всю весну и лѣто, а осень и зиму въ Мекленбургѣ, откуда, по волѣ отца, отправился съ мачихой въ Петербургъ и хоть по дорогѣ думалъ встрѣтиться съ женой, бывшей все еще въ чужихъ краяхъ, но и здѣсь не видѣлъ ея. Въ слѣдующемъ году сама жена прибыла въ Петербургъ и снова неудачно, — царевичъ находился въ то время при войскѣ, въ Або; черезъ мѣсяцъ онъ возвратился изъ похода, но опять его поспѣшно услали, для надзора за корабельными работами, въ Ладогу.

Въ такихъ-то постоянныхъ разъѣздахъ и мыканьяхъ шли

первые годы семейной жизни царевича. Согласія и лада съ иноплеменкою женой, не знавшею ни слова по-русски и окруженною собственнымъ дворомъ, не было и быть не могло. Выходили частыя ссоры; царевича содержали скудно. Отъ огорченій онъ снова захворалъ и вторично былъ посланъ на излѣченіе за границу. Наблюдательный умъ его нашелъ тамъ не мало пищи для размышленія и сравненій родного гнета съ чужеземными порядками и льготами. Въ Карлсбадѣ, Франкфуртѣ и Берлинѣ онъ накупилъ нѣмецкихъ, французскихъ и польскихъ книгъ, философскіе трактаты Баронія, Де-Лявальеръ и Ларима, басни Езопа и другія. Полюбивъ, благодаря женѣ, музыку, онъ посѣщалъ духовные и свѣтскіе концерты и слѣдилъ по курантамъ за церковными и общественными событіями. По собственному благочестію, прочтя когда-то пять разъ подъ-рядъ Библію по-славянски и творенія св. отцевъ, онъ теперь ознакомился съ книгой *Манна небесная* Дрекселя, съ разсужденіями «объ истинной правдѣ», о томъ, «какъ скоро ученымъ себя сдѣлать», «какъ безъ болѣзни жить» и проч.

На родину царевичъ возвратился здоровый, но еще болѣе настроенный противъ дѣлъ, убѣжденій и стремленій отца. Да и какъ ему было сочувствовать отцу? Ихъ нравы были совершенно чужды и даже противоположны другъ другу.

Добрый, мягкій сердцемъ, щедрый и впечатлительный, царевичъ походилъ не на отца, а на тёзку-дѣда — «тишайшаго царя» Алексѣя Михайловича и отчасти на дядю, отцова брата, царя Ѳедора Алексѣевича. Суевѣрный и набожный, какъ дѣдъ, онъ былъ не прочь отъ занятій нетрудными дѣлами, предпочиталъ изученію неголоволомное чтеніе и умные разговоры, не отвергая пользы отъ образованія и изученія языковъ. Подобно же дядѣ, царю Ѳедору, онъ былъ подозрителенъ, слабъ волею, скрытенъ и осторожень до трусости. Вставая поздно, за всякое, порученное отцомъ, дѣло брался неохотно и вяло. Огненный, не знавшій покоя и удержу, нравъ непосѣды-отца не выносилъ обычаевъ сына. Онъ осыпалъ его укоризнами, стыдилъ наединѣ и при другихъ, но всѣ укоры шли мимо. Сынъ не любилъ отца и какъ тирана своей матери, а сознавая, что нѣтъ болѣе тяжкихъ мукъ, какъ требованіе измѣнить, переломить врожденный нравъ, питалъ къ нему только недоброжелательство и страхъ.

Уклоняясь, подъ разными предлогами, отъ зова на отцовскіе смотры войскъ и верфей, свои домашніе досуги онъ проводилъ за бесѣдой и тихой, хотя подчасъ и болѣе знатной, выпивкой съ близкими пріятелями, съ которыми, въ подражаніе «всепьянѣйшему собору» отца, и у него, въ его холостые годы, бывали такія же «соборныя» засѣданія и бдѣнія. Принося жертвы Бахусу, отецъ своимъ сотрапезникамъ давалъ клички «всешутѣйшаго князь-папы», «князь-игуменьи», «патріарха Яузы и всего Кокуя», — участники пирушекъ царевича также носили клички: «Жибанда», «Захлюстки», «Ада», «Сатаны» и другихъ.

Женитьба мало измѣнила наклонности и привычки царевича. Хотя, послѣ семейныхъ ссоръ и огорченій, иногда во хмелю, онъ и жаловался «сообиннымъ» друзьямъ на жену: «Вотъ, батюшкины клевреты чертовку-нѣмку навязали мнѣ! Иду къ ней, а она все сердитуетъ!» — молодая, образованная кронпринцесса находила способъ обуздывать и снова привлекать къ себѣ разгнѣваннаго мужа: вывезя изъ родного Брауншвейга любовь къ музыкѣ, она прекрасно играла на клавесинѣ. Торжественныя сонаты и фуги Баха, суровые псалмы и ораторіи Генделя и нѣжныя прелюдіи, аріи и менуэты Скарлатти приковывали къ себѣ, въ ея исполненіи, вниманіе царевича. Въ неизъяснимомъ восторгѣ, потрясенный и растроганный до глубины души, онъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ клавесина, подарка невѣстки, изъ котораго обыкновенно сухая и чопорная, затянутая въ фижмены, кронпринцесса извлекала такіе нѣжные и сладкіе, бурные и страстные звуки. Особенно Алексѣю нравилась въ игрѣ жены одна изъ сюитъ Генделя. Начинаясь лѣнивою и медленною саксонскою «алемандой», она переходила въ оживленную французскую «куранту», смѣнялась жгучею испанскою «сарабандой» и кончалась безумно-веселою англійскою «жигой». «Еще, либхенъ, герцхенъ, еще!» — повторялъ онъ женѣ, слушая эту сюиту и не отходя отъ клавесина, — а потомъ, bitte, изъ Ринальдо и Те-деумъ!..» Кронпринцесса молча поворачивала ноты и снова безъ умолку играла.

Съ минувшей осени все это кончилось. Жена царевича, родивъ сына, неожиданно для всѣхъ, скоропостижно умерла. Клавесинъ закрыли, ноты съ него убрали. Вдовый царевичъ заперся въ своемъ дворцѣ и никуда не показывался, пови-

димому, ни отъ кого и ни отъ чего не ожидая болѣе отрады и счастья по душѣ.

На стѣнѣ, надъ клавесиномъ, однако, появилась лютня. Откуда она взялась и кто на ней игралъ, объ этомъ зналъ только онъ самъ и немногіе изъ его ближнихъ.

II.

«Да! какъ это было, какъ случилось?.. И неужели, Господи, все это произошло?»—съ замираніемъ сердца, вспоминая о прошломъ, думалъ царевичъ. И сколько онъ ни думалъ, мысленно кончалъ: «Да, все это было, произошло, но воротится ли опять?»

Два года назадъ ему купили у Нарышкина алатырскую вотчину, село Порѣчье. Ѣдучи туда, онъ остановился, по пути на ночлегъ, въ подмосковной деревушкѣ Вязёмахъ, родинѣ бывшаго своего дядьки Никифора Вяземскаго. Звонили къ вечернѣ. Царевичъ зашелъ въ церковь, а послѣ службы присѣлъ на поповомъ крылечкѣ. Былъ конецъ покосовъ. Улицей съ поля шли косари и гребцы, спѣшившіе къ празднику по домамъ. Нѣсколько гребчихъ, съ домочадцами попа Созонта, вошли въ его дворъ. Между ними царевичъ разглядѣлъ статную и рослую, въ бѣломъ платкѣ, надъ густою, темнорусою косой, дѣвушку. Она бодро и весело шла, съ граблями на плечѣ; а когда во дворѣ увидѣла, что поповымъ работникамъ не сложить съ телѣгъ до ночи въ сарай подвезеннаго новаго сѣна, крикнула товаркамъ: «Ну-ка, дѣвушки, Веронья! Ѳедосья, за рожны!»—и принялась помогать рабочимъ. Алексѣй видѣлъ, какъ эта дюжая, полногрудая и голубоглазая дѣвушка, откинувъ съ головы на спину платокъ, смѣясь и скаля зубы, быстро взмахивала рожномъ и, то нагинаясь, то выпрямливаясь и опять натуживаясь всѣмъ станомъ, подавала въ окно сарая тяжелые сѣнные вороха. Долго слѣдилъ царевичъ съ крыльца за этою гребчихой, любуясь ея ловкостью и радостнымъ блескомъ ея красивой и сильной природы. «Кто это?»—спросилъ онъ попадью, шедшую въ ворота отъ сарая. Та оглянулась на сѣнникъ. «Толстогубая-то?»—спросила, усмѣхаясь, попадья.—«Да, что впереди всѣхъ». — «Наша питомка». — «Какъ звать?»—«Фрося».—«Откуда она у васъ?»—«Твоего пестуна, а намъ кума, Никифора Кондратьевича Вяземскаго крѣпостная, изъ плѣнныхъ, что ли...» — отвѣтила Созонтиха.— «Гдѣ взята въ полонъ?»—«Подъ Полтавой, сказывали, от-

бита, съ братомъ, у шведовъ; малыми ребятками были, Ванюша да Фрося, не помнящіе ни племени, ни родства; можетъ, изъ богатой, дворянской семьи, убіенной на войнѣ,— руки были бѣлыя, лица чистыя». — «Какъ же они попали къ вамъ сюда?»—«Раздавали въ ту пору плѣнныхъ боярамъ, этихъ записали за Вяземскимъ, а онъ дѣвчурку отдалъ, до возраста, въ науку намъ, бездѣтнымъ, а мальчёнку въ пѣвчіе. Дѣвка выросла у насъ, всякому рукомеслу обучилась, у мужа грамотѣ, а у братишки съ голоса пѣть, и надсѣдается нынче инова̀, какъ жавороно̀чекъ тебѣ, либо какъ та пеструшка, и на крылосѣ поётъ...»—«Гдѣ же ея братъ?»— «Былъ тоже сперва у насъ, а недавно въ соборъ, въ Каширу, батюшка отослалъ».

Задумался царевичъ. Рабочіе и домочадцы отъ сѣнника разошлись. Дворъ опустѣлъ. Дюжая, съ рожномъ въ рукахъ, загорѣлая и весело скалившая зубы полонянка не выходила изъ головы Алексѣя. «Писаная красота! — мыслилъ онъ.— И какъ жаль! Не здѣсь ей быть, не на грубой и черной, простой работѣ! И почему Никифоръ столько времени молчалъ,—хоть слово бы сказалъ о своихъ плѣнныхъ?»

Стемнѣло. Царевичъ вышелъ въ садъ и долго тамъ ходилъ. Ночь была теплая, безлунная. Изъ-подъ развѣсистыхъ ивъ и липъ онъ прошелъ въ вишенникъ, оттуда на полянку къ рѣкѣ, въ малинникъ. Воздухъ былъ напоенъ цвѣтущими липами. За околицей водили хороводы; по рѣкѣ неслись пѣсни дѣвокъ и парней. Вдругъ Алексѣй замеръ. Съ вышки попова дома, черезъ садъ, послышались сперва тихіе, потомъ болѣе явственные струнные звуки, какъ бы отъ гуслей или торбона. Одно изъ оконъ на вышкѣ было отворено. Струнамъ вторилъ и человѣческій голосъ; пѣла, очевидно, женщина. «Неужели она, этотъ жаворонокъ, пеструшка?»— подумалъ царевичъ, упиваясь переливами голоса и струнъ. Съ шибко бившимся сердцемъ, онъ направился, пробиваясь сквозь кусты и деревья, къ дому. «Лютня! — проговорилъ онъ себѣ, узнавъ инструментъ, не разъ слышанный имъ въ горахъ Саксоніи,—и такъ стройно, душевно беретъ, искусница, лады!» Звуки затихли, окно на вышкѣ притворилось, но Алексѣй еще долго бродилъ по тропинкамъ сада, поглядывая на вышку.

На другой день онъ былъ у обѣдни. Сельская церковь была наполнена молящимися. Дьячку и понамарю на кли-

росѣ подпѣвали племянницы священника и его питомка. Послѣдняя читала и апостолъ. Царевичъ не узналъ гребчихи. Въ праздничномъ аломъ сарафанѣ и бѣлыхъ кисейныхъ рукавахъ, съ двумя густыми русыми косами, въ синихъ лентахъ, взойдя на амвонъ среди церкви, она такъ степенно поклонилась на три стороны и, опустивъ глаза въ книгу, такъ истово и толково-звучно вычитывала святыя слова, хоть бы первому грамотею и чтецу. Когда лысый, подслѣповатый понамарь, въ концѣ обѣдни, вынесъ царевичу изъ алтаря на блюдѣ просвиру, Алексѣй, принявъ ее съ крестомъ и глядя на клиросъ, гдѣ стояла чтица, положилъ на блюдце золотой дукатъ.

Царевичъ прожилъ въ то время въ Порѣчьи недолго, опять завернувъ въ Вязёмы, гдѣ отдыхалъ и охотился, а когда вернулся въ Петербургъ, Вяземскій неожиданно для всѣхъ прислалъ обоимъ своимъ крѣпостнымъ плѣннымъ отпускныя. Бывшій каширскій пѣвчій, Иванъ Ѳедоровъ Аѳанасьевъ, тогда же былъ взятъ въ Петербургъ, ко двору царевича, гдѣ его назначили камердинеромъ и гардеробмейстеромъ Алексѣя, а вскорѣ къ нему на побывку пріѣхала и его сестра, Афросинья Ѳедоровна, по прозвищу взявшаго ее въ плѣнъ полтавскаго козака, Смолокурова. Она нѣсколько разъ навѣщала брата и впослѣдствіи. При жизни покойной жены царевича, его ближніе поговаривали о ней, какъ о будущей, новой камермедхенъ Шарлотты. Такого назначенія Смолокурова не получила, хотя, гостя у брата, при дворѣ царевича, допускалась и въ собственные аппартаменты кронпринцессы, гдѣ ее жаловали дозволеніемъ поиграть на лютнѣ. По смерти кронпринцессы, Афросинью отправили обратно въ деревню, но уже не въ Вязёмы, а, въ уваженіе ея брата, на мызу царевича, доглядывать за огородомъ, птичней, прядильнымъ дворомъ и садомъ, въ Порѣчьи. Попа Созонта туда же перевели.

Всѣ о ней вскорѣ забыли и вовсе перестали толковать. Не забылъ о ней самъ царевичъ. Онъ не только поминалъ ее, но тайно переписывался съ нею, посылалъ ей черезъ ближнихъ своихъ и получалъ отъ нея нѣжныя грамотки и, глядя на оставшуюся послѣ нея лютню, съ замираніемъ сердца, робко думалъ: «Вотъ гдѣ мое счастье, вотъ отрада! И ничего другого, кромѣ этого рая, жизни съ нею, если бы только то случилось, мнѣ болѣе не нужно!»

Тѣ же мысли наполняли Алексѣя и теперь.

«А отецъ? Что скажетъ онъ, какъ узнаетъ?—въ ужасѣ подумалъ онъ.—Куда загонитъ меня, какія кары наложитъ?—Царевичъ вспомнилъ о грозныхъ письмахъ, полученныхъ отъ отца. Ихъ было два и оба они лежали теперь у раскрытаго ларца. Онъ приподнялся и блѣдными, тонкими пальцами потянулъ къ себѣ эти письма.—Неужели же ихъ написалъ отецъ? И какой отецъ могъ выражаться такъ сурово и безпощадно-зло? Да, его почеркъ, его мысли!» — Алексѣй, съ содроганіемъ, снова прочелъ два посланія.

Первое письмо, врученное царевичу въ минувшемъ октябрѣ, вслѣдъ за похоронами невѣстки, Петръ озаглавилъ: «Объявленіе сыну моему». Вспоминая въ немъ свои успѣхи, послѣ начальныхъ тяжелыхъ годовъ своего царенія, онъ выразился: «И егда, сію радость разсмотряя, обозрюся на линію наслѣдства, горесть мя снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго,—ибо Богъ разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ». «Есмь человѣкъ и смерти подлежу,—говорилось въ заключеніе этого письма,—то кому оставлю? За благо изобрѣлъ я сей тестаментъ тебѣ написать и еще мало подождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, извѣстенъ будь, что я тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангрéнный; и не мни себѣ, что ты одинъ у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину, како могу тебя, непотребнаго, жалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Получивъ это письмо, Алексѣй бросился за совѣтомъ къ тайнымъ своимъ друзьямъ и въ томъ числѣ къ ближайшему изъ нихъ, дворецкому его тетки, царевны Марьи Алексѣевны, Александру Кикину, жившему не вдали отъ него, въ собственномъ домѣ, у Смольнаго двора. Друзья сказали: «Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то что̀ стрясется! Улита ѣдетъ, да коли-то будетъ! Это не запись съ неустойкою!» Алексѣй, помедливъ, отвѣтилъ отцу: «По погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государь, вычелъ; на что иного донести не имѣю, только, буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны россійской,—буде по волѣ вашей, — о чемъ и я васъ, государь, всенижайше прошу. Всенижайшій рабъ и сынъ вашъ Алексѣй».

Второе письмо Петра сыну отъ 19 января было еще су-

ровіе. На немъ значилось заглавіе: «Послѣднее напоминаніе еще». «Только о наслѣдствѣ вспоминаешь, — писалъ въ немъ отецъ сыну,—и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня; а что столько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Хотя бы и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ. Такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно. Или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ. На что дай немедленно отвѣтъ, на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю».

Полученное шесть дней назадъ, это письмо еще болѣе взволновало и огорчило Алексѣя. Онъ снова поспѣшилъ къ Кикину.

— Да чего же ты сомнѣваешься, царевичъ?—сказалъ совѣтникъ.—Придетъ время и разстрижешься: клобукъ, вѣдь, не гвоздемъ къ головѣ прибитъ!

Алексѣй на другой день отвѣтилъ отцу: «Милостивѣйшій государь-батюшка. Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать, за болѣзнію, не могу. Желаю монашескаго чина и прошу вашего о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй».

Перечтя письма, Алексѣй молча уложилъ ихъ обратно въ ларецъ и спряталъ его въ шкапъ. Онъ вспомнилъ опять о Смолокуровой. «Какъ я низокъ и гнусенъ, что такъ мало забочусь и думаю о ней! — мыслилъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ.—Почти забылъ ее, а она теперь единственное мое счастье, вся отрада! И какъ она любитъ, какія грамотки пишетъ; умница, богобоязненна, хозяйственна и добра. Но давно не отзывается,—ужъ здорова ли?»

Алексѣй живо представилъ себѣ дальнѣйшія встрѣчи съ Афросиньей въ Вяземахъ, чрезъ которыя онъ не разъ потомъ ѣздилъ на осмотръ новокупленной вотчины и гдѣ иногда оставался охотиться. Послѣ вечерни, когда онъ впервые увидѣлъ ее во дворѣ священника, онъ, ѣдучи съ борзыми по полю, неожиданно встрѣтилъ ее у опушки лѣса. Смолокурова собирала съ подругами грибы. Алексѣй заговорилъ съ нею, шутилъ. «Какія мы милыя, да красавицы, съ

такими-то ручищами!—усмѣхнувшись, отвѣтила она, показывая свои загорѣлыя, точно испеченныя на солнцѣ, руки.— Этакими только жать, да вязать снопы!» Случались и другія встрѣчи, за околицей, на дорогѣ, у мельницы на рѣкѣ. Царевичу приходилось вскорѣ возвращаться изъ Порѣчья въ Петербургъ. Вязёмовскій священникъ въ ту пору отлучился въ Москву... Темною ночью, къ задворкамъ его усадьбы, подкатила телѣга. Бубенцы и колокольчикъ на лошадяхъ были подвязаны. Садомъ, въ огородъ, неслышно сошла попова питомка. Ее подхватили черезъ заборъ и усадили въ телѣгу. Лошади помчались. Ими правилъ въ кучерскомъ нарядѣ самъ царевичъ. Утромъ спохватились питомки,—ея и слѣдъ простылъ. Впослѣдствіи оказалось, что ее увезли, съ поклажей царевича, въ особой колымажкѣ, въ Москву. Здѣсь она нѣкоторое время скрывалась въ домѣ пріятеля царевича, Александра Васильевича Кикина, а потомъ навѣщала въ Петербургѣ своего брата, уже служившаго при дворѣ Алексѣя.

III.

Дверь въ кабинетъ изъ спальни отворилась. На ея порогѣ появился, радостно сіяющій, съ подносомъ въ рукѣ, камердинеръ.

— Что ты?—спросилъ его царевичъ.

— Отъ Александра Васильевича,—отвѣтилъ слуга, подавая на подносѣ письмо изъ Москвы:—коли что надо, наказалъ, писали бы; вечеромъ, молъ, опять въ вотчину оказія.

Алексѣй въ надписи на письмѣ узналъ четкій, прямой и крупный почеркъ Афросиньи.

— Ну, хорошо, ступай,—сказалъ онъ:—позову, когда надо.

Краска залила его лицо. Съ забившимся сердцемъ, онъ вскрылъ печать. На пакетѣ была надпись: «Государю моему, другу сердечному, царевичу Алексѣю Петровичу. Прійти близко, поклонитеся низко, честь весело, быть радостну». Въ письмѣ было написано: «Государь мой батюшка, другъ желанный, царевичъ Алексѣй Петровичъ, здравствуй на много лѣтъ! Азъ же, по волѣ Божіей жива еще, по десятый день сего януарія. Не забудь, радость, любовь мою къ тебѣ, а во мнѣ духъ съ печали едва живъ. Охъ, другъ мой, любонька-свѣтъ! Съ ежечасной докуки свѣта Божьяго не вижу. Будь крылья у сироты убогой, сама прилетѣла бы. Ой, скучно, смерть моя! Милъ-человѣкъ день и ночь въ глазахъ.

И гдѣ прежнія веселыя восхищенія, гдѣ радости? Либо вызови, либо самъ пріѣзжай. Дай повидать свѣтлыя оченьки. Самъ не можешь, хоть вели, солнышко, ближнимъ по тайности отписати. Да пришли мою семиструнку. Ей, соскучилась, не на чемъ душеньку отвести. А я, писавши, остаюсь вѣрная твоя раба, женишка запретная Фроська, челомъ премного бью».

«Не запретная и не по тайности, — когда-нибудь все то обрѣтется и въ-явь!» — подумалъ царевичъ, пряча за пазуху письмо Смолокуровой. Онъ снова присѣлъ къ столу, досталъ бумаги, вырѣзалъ конвертъ, надписалъ на немъ: «Матушкѣ, хозяюшкѣ, любезнѣйшей Афросьюшкѣ. Прійти близко, поклонитеся низко, честь весело, принять радостно»—и подумавъ, съ разстановками, написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Матушка Афросьюшка, другъ мой сердечный, здравствуй! О себѣ извѣствую, Божьею помощью такожде еще живъ, о твоемъ же здравіи непрестанно слышати желая. А что безгласна по се число была, ни единой грамотки не писала, и тѣмъ уязвися сердце мое печалью. Никто съ вотчины не писывалъ же, а иные съ домовъ непрестанно получаютъ. Ей, матушка, любонька, утѣшь, пожалѣй; не мало тяготы и смертныхъ докукъ отъ вышней стороны имѣемъ. Инако же не думаемъ, какъ объ увольненіи насъ отъ всѣхъ дѣлъ на покой, на наше съ тобою хозяйство. Какъ наши лебеди, павлины, гуси, живы ли? Какъ житный, скотный и конюшій дворы? такожде урожай каковъ вышелъ, варятъ ли брагу, меды? далъ ли Богъ уберечь улечковъ, пчелъ молодыхъ? Придетъ вешня пора, опиши все, сбережены ль пруды и какъ уродитъ всякій новый овощъ и хлѣба. Улетѣлъ бы я къ хозяюшкѣ. Вспомяни гулянье въ рощѣ. Воззрѣвши кверху древа и видя гнѣздо и птичища, въ немъ сидяща, кому въ тѣ поры уподобила мя еси? малѣйшей птичицы хуже! У той—зелена, густа, дубрава, у насъ сиротъ—скорбная тюрьма; у той — высота синь-небесная, воля — свѣтъ, намъ отъ родшаго ны — таковы печали, абы, случаю зовущу, не умрети безъ покаянія. И что нынѣ приводится: либо насильно пострищитись, идти въ чернецы, либо таки на иноземной велятъ жениться. Только батюшка вершитъ свое, а Богъ свое. Попуститъ Богъ, женюсь, только по своей волѣ,—вить и батюшка таковымъ же образомъ учинилъ...»

Написавъ это, Алексѣй остановился и оглянулся. «Ну,

какъ кому изъ стороннихъ смотрѣльщиковъ попадутся эти строки?—подумалъ онъ,—пустяки! некому теперь смотрѣть и доносить. Отецъ съ осени ни ногой сюда, со мной вовсе не говоритъ, а написавъ послѣднее свое напоминаніе, и окончательно махнулъ на меня рукой. Будь, что̀ будетъ,— сердцу не преградить пути».

Алексѣй вспомнилъ просьбу Смолокуровой о присылкѣ ей въ Порѣчье лютни. Онъ снялъ послѣднюю со стѣны, отеръ съ нея пыль, тронулъ ея струны. Ему вспомнилась пѣсня, которую подъ эти струны пѣла Афросинья:

«Ахъ, сколь трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку!
О младыя мои лѣта,
Что дрожайша всяка цвѣта!
Коли пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь уже быть въ радости»...

— «Именно,—сказалъ себѣ Алексѣй:—на что и почести, сила и высокій санъ, коли нѣтъ счастья, нѣтъ радости?» Онъ снова склонился надъ бумагой и дописалъ: «Семиструнку твою, не безъ жалости, отсылаю, цѣлуя личико бѣлое, оченьки ясныя, рученьки и ноженьки. И пожалуй, матушка, не молчи, отписывай, а коли твоя воля на то, изволь безъ опаски и къ намъ побывать. Вышніе на-дняхъ паки отъѣзжаютъ къ арміи и надолго, и имъ, по всему видать, нынѣ не до насъ. За симъ, будь здорова, кланяюсь долоклонно. Писавый—другъ твой вѣрный, Алексѣй.»

Запечатавъ письмо, царевичъ позвалъ слугу, отдалъ ему пакетъ и лютню и велѣлъ немедленно отослать съ ѣздовымъ къ Кикину. «Да въ руки самому Александру Васильевичу, слышишь ли?—приказалъ онъ,—ему одному; не будетъ дома, чтобъ обождалъ».—«Не сомнѣвайтесь, ваше царское высочество!—отвѣтилъ слуга.—Недалекъ путь, самъ отнесу».

Алексѣй, съ облегченнымъ сердцемъ, опустился въ кресло. «Вѣрно написалъ я,—мыслилъ онъ,—батюшка вершитъ свое, а Богъ свое. Мало ли на что, по вынужденію, соглашаются? Ужли и вправду надѣть рясу и клобукъ, что Василію Шуйскому? Не попуститъ Богъ, руки коротки!»—Онъ вспомнилъ о забытомъ кофе, и только-что коснулся чашки, на улицѣ послышался звукъ барабана. Часовой у подъѣзда билъ тревогу. Царевичъ бросился къ окну и замеръ въ недоумѣніи.

Караулъ у подъѣзда строился во фронтъ. Прохожіе на улицѣ снимали шапки. Со стороны Литейной неслись государевы сани. «Не ко мнѣ, вѣроятно, мимо, на прядильный дворъ,—подумалъ царевичъ,—не за чѣмъ ему сюда!» Сани, между тѣмъ, подкатили къ крыльцу. Отдавъ честь караулу, государь вышелъ изъ саней, отряхнулъ съ себя снѣгъ и сталъ подниматься на крыльцо. Совершенно растерявшійся Алексѣй нѣсколько секундъ не зналъ, что ему дѣлать. Опомнившись, онъ схватилъ съ полки и раскрылъ-было на столѣ еще осенью присланную отцомъ тетрадь пушкарныхъ чертежей, но раздумалъ, прилегъ на софу и, повторяя мысленно: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»—принялъ видъ недужнаго и страждущаго. Въ прихожей послышались знакомые тяжелые и твердые шаги. Они близились къ пріемной. «Гдѣ же онъ? здоровъ ли?»—громко спрашивалъ растерявшихся слугъ голосъ Петра.

Въ то утро, проснувшись, по обыкновенію, съ зарей и откинувъ занавѣску съ окна, государь навелъ подзорную трубу на противоположный берегъ Невы, гдѣ на окраинѣ Лѣтняго сада, рядомъ съ каменнымъ двухъэтажнымъ дворцомъ Екатерины, тогда строился новый флигель, очень заботившій Петра. Онъ самъ въ то время продолжалъ еще жить въ крошечномъ деревянкомъ дворцѣ, на Петербургской сторонѣ, гдѣ нынѣ часовня Спаса. Все его помѣщеніе состояло изъ маленькой пріемной, служившей вмѣстѣ и столовою, еще меньшей дежурной комнаты для адъютантовъ и ординарцевъ и кабинета, гдѣ государь и спалъ.

Дежурнымъ въ то утро состоялъ недавно возвратившійся изъ арміи, посланной противъ шведовъ, бывшій любимый государевъ денщикъ, нынѣ капитанъ гвардіи, Александръ Ивановичъ Румянцевъ. Ему было нѣсколько не по себѣ. Явясь, по привычкѣ, на дежурство до разсвѣта, онъ съ тревогой поглядывалъ на узенькую кабинетную дверь. Нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала дежурную комнату. Увидѣвъ на стулѣ у двери государевъ суконный зеленый кафтанъ, такіе же штиблеты и камзолъ, а на полу высокіе, съ раструбами, сапоги, Румянцевъ, не дождавшись камердинера, досталъ изъ шкапика въ углу комнаты ваксу и щетку, почистилъ государевы сапоги и принялся за его платье. Замѣтивъ отпоротый на камзолѣ позументъ и плохо держав-

шуюся на кафтанѣ пуговку, онъ отстегнулъ у себя лацканъ, гдѣ про запасъ всегда держалъ иглу, обмотанную ниткой, и, подсѣвъ къ свѣчкѣ, принялся штопать. «Вотъ она, его бережливость!—разсуждалъ онъ, закрѣпивъ пуговку и принимаясь чинить камзолъ.—Побывалъ я и въ Турціи, и въ Швеціи, сколько одежи истрепалъ, а онъ все одно и то же носитъ платье. Оно у него и будничное, и праздничное,— залоснилось на отворотахъ, стамедъ на подкладкѣ вытерся, а ему ничего,—о лучшемъ нарядѣ и не думаетъ. Хорошо еще, скупился бы на себя, да насъ не забывалъ бы... Куда! Зовемся ближними, видятъ по всѣ дни его царскую расположенность къ намъ, а въ домашнемъ обиходѣ совсѣмъ истончали, живемъ скудно, чуть не въ бѣдности и послѣдней тѣснотѣ. Тридцать шестой годъ пошелъ, двѣнадцать лѣтъ несу службу и никакого состоянія; хоть бы деревнюшкой какой пожаловалъ или домомъ въ столицѣ. А того ли можно было, по близости къ цареву дому, ожидать?» Румянцеву вспомнилась первая его встрѣча съ царемъ.

Сынъ бѣднаго костромского дворянина, двѣнадцать лѣтъ назадъ записанный въ преображенскіе солдаты, онъ стоялъ на часахъ у только что отстроеннаго государева дворца. Петербургъ въ то время также едва возникалъ изъ болотъ. Былъ сильный, съ вѣтромъ, морозъ. Продрогнувшій до костей, въ неподбитомъ мѣхомъ плащѣ, широкоплечій и рослый, разрумяненный на морозѣ часовой, пожимаясь и постукивая ногой объ ногу, прохаживался у дворца съ ружьемъ на плечѣ. Государь былъ на постройкѣ верфи. Всѣ поглядывали на Неву; пушка давно пробила адмиральскій часъ, а государя еще не было. На льду показались, наконецъ, государевы сани. Завидѣвъ у крыльца статнаго, молодцеватаго солдата, Петръ подозвалъ его къ себѣ. «Какъ прозываешься?»—спросилъ онъ.—«Румянцевъ».—«Прозвище и лицо одной масти!—улыбнулся Петръ.—Коли нравъ и ревность къ службѣ не разнствуютъ отъ того жъ, быть тебѣ на отличіи... Имѣешь состояніе?»—«У отца двадцать душъ».— «Сильно озябъ?»—«Никакъ нѣтъ,—это что еще за морозъ! клюетъ только, не рветъ...»—«Шуба есть?»—«Въ деревнѣ у матушки осталась,—тутъ не до шубъ».—«Молодецъ!.. Смѣнишься, зайди къ Данилычу». Послѣ смѣны, явясь къ Меншикову, Румянцевъ былъ осчастливленъ двумя монаршими милостями: ему поднесли стаканъ собственной цар-

ской церцовки и объявили, что государь изволилъ принять его, съ того же дня, въ ординарцы. За расторопность, честность и точность въ исполненіи множества ежедневныхъ порученій государя онъ вскорѣ былъ произведенъ въ сержанты гвардіи, за привозъ изъ Турціи извѣстія о мирѣ съ Портой — въ поручики и черезъ три года — въ капитаны гвардіи.

«Отличій, что и говорить, не мало, а жить, все-таки, нечѣмъ!—мыслилъ Румянцевъ, кончивъ штопанье государева платья и пряча иглу.—И сколько разъ жалобно печалился я ему; одинъ отвѣтъ: подожди! Ну, да, Господь дастъ, скоро авось оправимся. Отецъ наѣхалъ, сватаетъ богатую невѣсту. Только какъ и съ этимъ рѣшиться, не объявясь царю?»

IV.

Бережно сложивъ на стулъ государеву одежу и видя, что начало разсвѣтать, онъ загасилъ щипцами свѣчу. Вскорѣ за дверью послышались шаги государя въ туфляхъ. Румянцевъ, по привычкѣ, каждую минуту угадывалъ, что въ извѣстную пору дѣлалъ государь. «Вотъ онъ откинулъ занавѣски у оконъ, умывается,—думалъ онъ.—Теперь умылся, чешется, скоро возьметъ одежу, станетъ молиться». И точно, дверь пріотворилась, въ нее просунулась мускулистая, волосатая рука государя: Петръ самъ взялъ платье и сапоги. Слышно было, какъ молча постоялъ, очевидно, молясь, и присѣлъ къ рабочему столу. Прошло съ полчаса. Послышался стукъ отодвинутаго стула; зазвучало точильное колесо. «Точитъ костяное паникадило,—скоро выйдетъ!»—сказалъ себѣ Румянцевъ, бросаясь въ столовую, взглянуть, — все ли тамъ припасено. Дверь отворилась.

— А это ты, Иванычъ?—произнесъ Петръ:—и, кстати, есть дѣло къ тебѣ. Готова ли закуска?

— Готова, ваше величество.

Петръ направился къ столовой. Румянцевъ у ея порога упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Что ты?—удивился государь.

— Много, превыше заслугъ, твоею милостью, государь, почтенъ, только не осуди за правое слово.

— Въ чемъ дѣло?.. Встань, говори.

Петръ вошелъ въ столовую, Румянцевъ за нимъ.

— За твои милости, великій государь, до конца дней буду

молить Бога о твоемъ здравіи,—сказалъ онъ, поднося Петру флягу тминной.—Люди мы только, прости, мелкотравчатые, малопомѣстные, жить въ скудости и бѣдности тяжело. За что попускаешь терпѣть недостатки?

— Учись, братецъ, терпѣнью, продолжай отличаться по службѣ,—произнесъ Петръ, выпивая тминной и закусывая ее кренделемъ,—придетъ время, рука моя развернется, посыплются и на тебя всякіе земные дары и блага.

— Казна у тебя, батюшка царь, не богата,—продолжалъ Румянцевъ:—много про нея нуждъ, а насъ, просящихъ, у тебя еще того больше... Есть, государь, иной способъ...

— Какой?

— Родитель сватаетъ мнѣ богатую невѣсту; назначена и вечеринка для смотринъ и сговора.

— Сколько за невѣстой приданаго?

— Тысяча душъ.

— Чьихъ будетъ невѣста?

— Племянница Кикина.

— Какого?

— Александра Васильевича.

— Но у него свои дѣти, почему такъ награждаетъ племянницу?

— Ея мать была изъ богатыхъ, родная сестра жены Кикина, у нихъ сирота и выросла.

Петръ помолчалъ.

— Нравится дѣвка тебѣ?—спросилъ онъ:—видѣлъ ты ее? хороша-ль?

— Не видѣлъ, государь, не утаю; а сказываютъ, не дурна и не глупа.

— Такъ съ чего жъ тебѣ за нее свататься? ужли потому только, что коза съ золотыми рогами?

Румянцевъ смѣшался, подыскивая, что отвѣтить государю.

«Кикинъ,—съ досадой думалъ тѣмъ временемъ Петръ,—сынку моему тайный доброхотъ и радѣлецъ во всѣхъ его непотребствахъ; смекнулъ, видно, что царскому ординарцу легче, чѣмъ иному, дойти до первыхъ степеней, и затѣялъ сбыть свою родню».

— Вотъ тебѣ, Румянцевъ, мое рѣшеніе, — сказалъ государь, вставая изъ-за стола. — Вечеринкѣ и смотринамъ почему не быть, дозволяю, — отъ сговора же всячески помедли, удержись... Когда назначена вечеринка?

— Завтра.

— Простая или какъ быть слѣдуетъ, съ музыкой и танцами, ассамблѐя?

— Ассамблѐя.

— Отлично. Дай сейчасъ знать Кикину, я и самъ буду у него на смотринахъ; и коли невѣста тебѣ пара, не стану перечить браку и твоему счастью.

Румянцевъ низко поклонился.

— А вотъ и кстати,—сказалъ Петръ, увидя въ окно готовыя сани у крыльца,—ѣдемъ вмѣстѣ; мнѣ къ Литейной, и тебѣ туда же,—подвезу.

Румянцевъ сталъ на запятки государевыхъ саней. Осмотрѣвъ постройку у Лѣтняго сада, Петръ на Литейной ссадилъ Румянцева, а самъ, повернувъ на Шпалерную, остановился у дворца Алексѣя.

— Что же и впрямь хвораешь?—спросилъ онъ, войдя къ сыну и видя, что тотъ, унылый и блѣдный, лежитъ на софѣ.

— Недуженъ, государь-батюшка,—отвѣтилъ, поднявшись и кланяясь, Алексѣй.

Петръ зорко осмотрѣлъ его, приподнялъ его волосы, коснулся лба и взялъ его руку.

— Жара не слышно, пульсъ умѣренный, лихоманки, стало быть, нѣтъ,—въ чемъ же немочь, скажи?

Сынъ молчалъ. Отецъ взглянулъ на столъ.

— Чертежи разсматривалъ, — произнесъ онъ: — сдѣлалъ ремарки?

— Прости, государь, за хворостью, не успѣлъ.

Петръ покачалъ головой.

— Все некогда?—сказалъ онъ.—Мы къ обѣднѣ—тамъ отпѣли, мы къ обѣду—тамъ отъѣли, мы въ кабакъ—только такъ... Вѣрно ли говорю?

Увидя на полкѣ духовныя, въ почернѣлыхъ переплетахъ, книги, Петръ взялъ одну изъ нихъ, разогнулъ и сталъ просматривать.

— Ужли и впрямь готовишься,—спросилъ онъ:—слушая своихъ бородачей, подъ клобукъ?

Алексѣй молча переступилъ съ ноги на ногу.

Петръ бросилъ книгу на столъ и опустился въ кресло.

— Слушай, Алёша, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—сядь и обдумай, что скажу.

Царевичъ сѣлъ, противъ отца, на софѣ.

«Боже Господи,— съ радостно-забившимся сердцемъ подумалъ онъ,—Алёшей, какъ въ дѣтствѣ, назвалъ! Алёшей, вмѣсто ненавистаго, нѣмецкаго Зоона, и такъ добродушно... неужели привезъ прощеніе и забвеніе всему?»

— Ой, черноризцы, попы, бородачи,—корень всякому злу!— началъ Петръ. — Не научатъ они тебя, любезный, добру, помяни меня; ученіе въ этихъ книгахъ свѣтло, да душа-то ихъ и сами они черны, какъ переплетъ. Къ намъ приставлено по одному бѣсу, къ нимъ по семи. Скажи мнѣ, только откровенно, не картавя, безъ удобо-вымышленныхъ аргументовъ и лживыхъ рацей,—почему въ столь ранніе годы предпочитаешь ты живому, бодрящему дѣлу монашескій чинъ?.. Одни мы, никто насъ не слушаетъ, говори...

Государь всталъ, заглянулъ въ пріемную и въ опочивальню сына, заперъ обѣ двери и снова сѣлъ.

— Батюшка, — отвѣтилъ царевичъ, — дѣло простое: не всякому подъ силу тяжелый трудъ, тѣмъ паче воинское поведеніе.

— А меня, Алёша, тебѣ не жаль?—произнесъ Петръ.— Ты обученъ всему, получилъ доступъ къ умнымъ книгамъ, я же во младости былъ лишенъ не только дѣльныхъ наставниковъ, но и книгъ... Не взирая на то, поднялъ я непомѣрное бремя на плечи, отечество отъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ ввелъ въ Европу, и вездѣ одинъ, одинъ, какъ перстъ. Давно говорю тебѣ и всѣмъ вамъ,—лѣвшей не владѣю, въ одной же рукѣ держать шпагу и перо возможно ли, а помощниковъ вѣрныхъ, самъ знаешь, ни одного... Да хотя бы и были, развѣ они то же, что родной сынъ?

Слезы навернулись на глазахъ Алексѣя. Онъ дышалъ тяжело.

— Батюшка, помилуй,—сказалъ онъ, схвативъ руку отца и покрывая ее поцѣлуями.—Не повелишь изъ жалости въ монахи, не принуждай къ дѣламъ, коихъ недостоинъ и не осилю,—отпусти, уволь отъ всего.

— Какъ уволить?—спросилъ, нахмурясь, Петръ.

— Въ деревнишки мои, на хозяйство,—отвѣтилъ, не выпуская руки отца, царевичъ.—Нынѣ Господь далъ мнѣ брата, у васъ второй есть сынъ, до его возраста управятъ другіе; дай вѣкъ въ тихости прожить, простымъ человѣкомъ.

Въ глазахъ Петра сверкнулъ гнѣвный огонь. Уголъ его рта, съ подстриженнымъ усомъ, судорожно задвигался.

— Это откуда,—вскрикнулъ онъ, вырвавъ отъ сына руку,— подсказано? Пароль суздальской чернохвостницы? Глупъ ты, Алексѣй; двадцать шесть лѣтъ тебѣ, а ты какъ птица желтоносая, безпёрая, все въ чужой ротъ смотришь. Эй, остерегись слушать льстивую, древнюю змѣю и всѣхъ черныхъ воронъ, старцевъ да поповъ, ея приспѣшниковъ и вѣрныхъ слугъ. Ну, да ты правды не скажешь и не сознаешься. Впослѣдствіи самъ доподлинно узнаешь ихъ скрытую прелесть и клеветные поступки. Не даромъ, поймешь, пошелъ я, съ костылемъ Грознаго, на всѣхъ этихъ безчинниковъ и ихъ крамолу. У исторіи ротъ незатворенный,—потомство узнаетъ все.

Петръ замолчалъ, стараясь утишить поднявшееся въ немъ негодованіе. Царевичъ обсуждалъ, сказать ли отцу завѣтную свою мысль объ Афросиньѣ. «Мы съ нимъ на одной стезѣ поставлены судьбой,—мыслилъ онъ,—подобно ему, и я полюбилъ плѣнницу, только онъ нѣмку, я русскую, онъ при живой женѣ, я вдовый. Кто изъ насъ болѣе правъ?»

— Такъ что же ты скажешь, чѣмъ окончательно рѣшишь?—спросилъ Петръ.—Черезъ три дня ѣду въ Копенгагенъ, хочешь ли быть мнѣ помощникомъ, или, въ стыдъ и досаду отечеству, на самомъ дѣлѣ примешь монашескій чинъ? Ужели царевичу, моему сыну, быть въ нѣтѣхъ?

Алексѣй склонилъ голову. «Не согласится отецъ, — мыслилъ онъ,—еще отъ гнѣва разразится въ конецъ, изведетъ неповинную».

— Позволь, государь, постричься, — отвѣтилъ онъ, кланяясь въ поясъ. — Въ томъ мое рѣшеніе, коли позволишь, нерушимо.

Петръ, медленно выпрямляясь, всталъ. «Вотъ оно, Авдотьино сѣмя, упорный заклятой родъ Милославскихъ, вотъ оно! — подумалъ онъ, съ горечью глядя на сына. — Да не будетъ потачки лицемѣрамъ и всякому ихъ дурну и злу! Малаго обошли, опутали черные пауки... Надо дать время; авось самъ комаръ вырвется изъ ихъ паутины».

— И это твое послѣднее слово?—спросилъ государь.

Алексѣй молча поклонился.

— Прощай же! Дѣло важное, одумайся, не спѣши. Мое мнѣніе—лучше взяться за открытую, прямую дорогу, чѣмъ

въ столь молодые годы идти въ чернецы. Я же не забылъ, что тебѣ отецъ, а потому вотъ тебѣ и мое послѣднее слово: буду ждать окончательнаго твоего рѣшенія, отъ сего дня, еще полгода.

Петръ надѣлъ шляпу, обнялъ сына и направился къ выходу.

— Кстати, — сказалъ онъ, одѣвшись и спускаясь съ крыльца къ сѣнямъ: — у насъ скоро быть помолвкѣ, твой пріятель Кикинъ племянницу сватаетъ.

— За кого, батюшка?

— За капитана Румянцева; не былъ бы ты въ траурѣ, вмѣстѣ бы поѣхали, — я же завтра на смотринахъ буду.

«Вотъ удивительно, — подумалъ царевичъ, — отецъ собирается къ Кикину: знать не къ добру».

Проводивъ государя, Алексѣй медленно возвратился въ кабинетъ, постоялъ передъ столомъ и упалъ, горько рыдая, на софу. «Молодые годы!.. прямой путь! — мысленно повторялъ онъ, ухватясь за голову. — Но если бы точно все это говорилъ отецъ, если бы онъ по правдѣ любилъ меня, ужли для молодости, для счастья родного сына онъ не уважилъ бы его искренней, душевной мольбы?»

V.

На другой день была ассамблея у Кикина. Гостей съѣхалось много. Кромѣ радушія привѣтливыхъ и умныхъ хозяевъ, всѣхъ привлекала вѣсть, что на ихъ вечеринкѣ будетъ самъ государь.

Александръ Васильевичъ Кикинъ двадцать лѣтъ назадъ, въ числѣ другихъ волонтеровъ, былъ при великомъ посольствѣ съ Петромъ въ Голландіи, гдѣ съ товарищами учился кораблестроенію. Вернувшись оттуда, въ званіи мачтъ-макера, онъ состоялъ на верфяхъ въ Воронежѣ и Олонцѣ. Въ чинѣ адмиралтействъ-совѣтника онъ снова побывалъ въ чужихъ краяхъ. По кончинѣ отца, получивъ изрядное наслѣдство, онъ сталъ проситься на покой, но не былъ уволенъ. Это было началомъ его охлажденія къ Петру. Назначенный состоять при дворѣ царевны Маріи Алексѣевны, Кикинъ, кромѣ дома, невдали отъ двора Меншикова, на набережной Васильевскаго острова, построилъ себѣ еще домъ, на Невѣ, у Смольнаго двора. Здѣсь онъ жилъ съ семьей.

Перейдя въ рядъ тайныхъ недоброжелателей Петра, Кикинъ, и въ первые годы близкой службы при немъ, не вполнѣ одобрялъ ломки царемъ всего стараго, освященнаго обычаями вѣковъ. Отъ природы набожный, строго соблюдавшій посты и всѣ прочіе церковные обряды, онъ въ домашней жизни охотно допускалъ непротивные догматамъ отцовской вѣры европейскіе обычаи—вечеринки, музыку, танцы.

Ассамблея у Кикиныхъ была въ полномъ разгарѣ. Шли угощенія сластями и виномъ. Пожилые играли въ карты и шахматы. Танцы, въ ожиданіи царя, нѣкоторое время не начинались; но въ виду того, что государь не любилъ, чтобы имъ гдѣ-либо стѣснялись, хозяева дали знакъ музыкантамъ и молодежь пустилась въ плясъ. Гавоты смѣнялись менуэтами. Румянцевъ, познакомясь съ дѣвушкой, которую ему сватали, танцовалъ съ нею нѣсколько разъ, все поглядывая на входную дверь, гдѣ толпившаяся прислуга любовалась танцующими, разряженными въ пышныя робы дамами и дѣвицами. Вечеринка кончилась; ни хозяева, ни гости государя не видѣли. Впослѣдствіи только стало извѣстно, что уже въ концѣ вечеринки, когда подпившіе старики крикнули «русскую» и двое изъ лучшихъ гвардейцевъ-плясуновъ, выйдя на средину залы съ своими дамами, стали танцовать,—нежданно подъѣхавшій государь вошелъ въ переднюю, протискался между слугъ, поглядѣлъ изъ-за нихъ на гостей и, проговоривъ вполголоса: «Неважно! ничему не бывать!»—уѣхалъ.

На утро Петръ призвалъ Румянцева.

— Былъ я, братецъ, у Кикиныхъ,—сказалъ онъ ему:—на-короткѣ, а все видѣлъ; невѣста тебѣ не пара и о бракѣ съ нею позабудь. Ты вонъ какой молодецъ, и ростомъ взялъ, и красой, а она хоть и умильна, — отнять того нельзя,—но сухощава больно и мелка, въ родѣ, извини, какъ бы воробушекъ.

Румянцевъ нахмурился. «И какое ему дѣло,—подумалъ онъ,—вмѣшиваться, такъ разбирать? Одно ясно видно, не хочетъ онъ допустить просвѣтленія моей участи, даже и черезъ женитьбу».

— Печалишься, недоволенъ?—спросилъ Петръ.—Успокойся, я твой сватъ; найду и высватаю тебѣ получше. Приходи вечеромъ сегодня, увидишь, правду ли говорю.

Въ тотъ же день вечеромъ Румянцевъ снова явился къ государю.

— Вчера черезъ тебя я попалъ на одну вечеринку, — сказалъ ему Петръ: — сегодня самъ тебя свезу на другую. Домъ, куда поѣдемъ, не Кикинымъ чета. Тамъ будутъ дѣвушки иныя: выбирай любую, какая приглянется, — отказа черезъ меня не получишь.

Государь и Румянцевъ поѣхали въ домъ графа Матвѣева, на Луговую.

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ любимѣйшимъ изъ пособниковъ Петра. Сынъ знаменитаго боярина, Артамона Сергѣевича, у котораго царь Алексѣй нѣкогда высмотрѣлъ и посваталъ за себя Наталью Кирилловну Нарышкину, мать Петра, — Андрей Артамоновичъ свои дѣтскіе годы провелъ, при царѣ Ѳедорѣ, въ ссылкѣ, въ Пустозерскомъ монастырѣ, гдѣ изгнанники жили въ нуждѣ и въ холодѣ, безъ печи и безъ хлѣба. Съ воцареніемъ Петра, Андрей Артамоновичъ былъ назначенъ двинскимъ воеводой, потомъ состоялъ посломъ въ Голландіи, Франціи, Англіи и Австріи. Пожалованный, два года назадъ, графомъ, сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ плѣнялъ своимъ широкимъ и щедрымъ хлѣбосольствомъ.

Обширный каменный домъ графа Матвѣева, близъ адмиралтейства, на Луговой, состоялъ болѣе чѣмъ изъ тридцати комнатъ. Къ дому, сквозь каменныя ворота, съ дворянскимъ гербомъ на щитѣ, вела аллея изъ липъ и березъ. Стѣны столовой палаты въ домѣ были обиты нѣмецкими золочеными кожами. Передній уголъ въ ней и часть прилегающихъ къ нему стѣнъ были унизаны иконами, въ дорогихъ окладахъ, съ висящими передъ ними лампадами. На прочихъ стѣнахъ висѣли, въ рѣзныхъ деревянныхъ рамахъ, «персоны» царей Іоанна Васильевича Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, также французскаго Людовика XIV и шведскаго Карла XII. Окна въ столовой были въ два пояса, верхнія изъ нихъ по стекламъ расписаны сквозною живописью, фигурами красивыхъ женщинъ и воиновъ. На срединѣ полотнянаго, крытаго голубою краской, потолка золотомъ было изображено солнце, съ лучами, и вокругъ него созвѣздія и планеты. Изъ средины солнца надъ столомъ

опускалось костяное паникадило, о четырехъ поясахъ, съ шестью свѣчами въ каждомъ. Въ простѣнкахъ между оконъ висѣли зеркала въ точеныхъ деревянныхъ, посеребренныхъ и черепаховыхъ рамахъ. Скамьи и стулья были обиты синимъ сукномъ. На полкахъ и особыхъ поставцахъ красовалась старинная, серебряная и золотая посуда, — кубки, братины, кружки и ковши съ чеканенными на нихъ крылатыми геніями, деревьями и цвѣтами.

Въ пріемной-гостиной палатѣ окна были также въ два пояса, но на верхнихъ, вмѣсто фигуръ, были изображены сады и поля. Здѣсь былъ большой, на ножкахъ, голландскій изразцовый зеленый каминъ. На немъ стояли часы съ боемъ, и въ нихъ, вмѣсто маятника, амуръ, качавшійся на качели, подъ стекляннымъ колпакомъ. Стѣны гостиной палаты были обиты краснымъ сукномъ, вперемежку съ холщевыми шпалерами, изображавшими морскіе виды и корабли. Съ потолка гостиной, на проволокѣ, съ хрустальными прорѣзями, спускались три хрустальныя люстры. Стулья и лавки здѣсь были обиты косматымъ бархатомъ и бухарскими коврами. Въ углу, на деревянномъ станкѣ, стоялъ нѣмецкій органъ. На стѣнѣ, противъ оконъ, висѣли три голландскія картины, съ библейскими изображеніями: Судъ Соломоновъ, Давидъ и Голіаѳъ и прекрасная Сусанна у купели; на полкахъ подъ ними были разставлены разныя вещи: шкатулки съ янтарною и костяною отдѣлкой, кувшинцы, сулей и чашки черепаховыя, фарфоровыя и алебастровыя, и костяныя фигурки, а по бокамъ полокъ висѣло древнее оружіе: мечи и кинжалы съ серебряною и финифтяною насѣчкой, обухи, пищали, протазаны, кульчуги, луки и топоры. Изъ пріемной одна дверь вела въ бильярдную, другая — въ библіотеку. Здѣсь въ фигурчатыхъ шкапахъ, вывезенныхъ хозяиномъ изъ Лондона и Вѣны, за стеклами, хранилось собраніе иностранныхъ изданій и русскія книги, по духу времени, большею частью церковныя: *Руно одушевленное*, *Евангеліе толковое*, *О благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ*, *Патерикъ печерскій*, *О титлѣ вѣнца Христова*, *Объ антихристѣ* и пр. Но были здѣсь и свѣтскія: *Риѳмотворная*, *Право или уставы Галанскія земли*, *О гражданскомъ житіи и направленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежитъ народу* и *Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ мать кесарева хотя погубити.*

Едва смерклось, дворъ графа Матвѣева освѣтился плошками и фонарями. Съ шести часовъ вечера начался съѣздъ гостей. Въ ворота то и дѣло въѣзжали шестерками и четверками, на полозьяхъ и колесахъ, колымаги, берлины и открытыя калеши. Государь пріѣхалъ въ семь часовъ. Встрѣченный музыкой, онъ хозяиномъ и хозяйкой былъ проведенъ въ театральную палату, гдѣ дожидались уже всѣ гости. Здѣсь, по знаку хозяина, въ глубинѣ комнаты раздвинулась занавѣсь и на подмосткахъ, убранныхъ живыми растеніями, собственными актерами графа, изъ его дворовыхъ слугъ, была разыграна въ переводѣ комедія Мольера *Докторъ принужденной,* съ веселою интермедіей *О гаеръ, шляхтичъ, цыганъ, купцъ и двухъ молодкахъ.* Между дѣйствіями, гостямъ разносили вина, пуншъ и сласти.

По окончаніи представленія, начались танцы. Шведскій оркестръ духовыхъ и струнныхъ музыкантовъ игралъ съ разубранныхъ хоръ. Танцовали въ двухъ смежныхъ залахъ.

Бесѣдуя съ моряками, сенаторами и дипломатами, Петръ не спускалъ глазъ съ Румянцева. Изрѣдка онъ подзывалъ его къ себѣ.

— Что, Иванычъ, находишь по сердцу? — спрашивалъ онъ его:—нравится кто-нибудь?

— Глаза, государь, разбѣгаются, только не нашего все полета... гдѣ низменной синицѣ сравняться съ соколами, съ орлами?

— Полно, братецъ, не дешеви себя, приглядывайся.

Въ концѣ вечера, когда у гостей и у самого государя глаза стали особенно веселы отъ безпрестанно разносимыхъ гданскихъ, токайскихъ и иныхъ винъ, государь всталъ изъ-за стола, за которымъ игралъ въ карты съ Долгоруковымъ, Ягужинскимъ и Апраксинымъ, и подозвалъ къ себѣ Румянцева. Онъ приблизился съ нимъ къ залѣ, гдѣ оживленныя пары танцующихъ только-что кончили веселую, шумную куранту, и, медленно двигаясь въ менуэтѣ, то присѣдали другъ передъ другомъ, то плавнымъ шагомъ отходили и, снова присѣдая, сближались и кланялись.

— Приглянулась, нашелъ?—спросилъ Петръ Румянцева.

— Прости, государь! Что̀ вижу — неприступно, что̀ нравится—и думать страшусь.

— Ну, а эти три? — указалъ государь на среднее окно,

противъ котораго, съ морякомъ и гвардейцами, танцовали три дѣвушки.

Румянцевъ зналъ ихъ. То были бѣлокурыя княжны Шелешпанская и Щетинина и черноволосая дочь хозяина дома, графиня Матвѣева. «Неужели могу мыслить объ одной изъ этихъ? — подумалъ, замирая отъ волненія, Румянцевъ.—Нѣтъ, царь только испытываетъ, шутитъ, послѣ самъ засмѣетъ... У каждой за полмилліона приданаго. Отцы же ихъ, за дерзость одного помысла, опозорятъ, разнесутъ!»

— Что же молчишь?—спросилъ, пристально вглядываясь въ красавицъ, Петръ.

— Умъ цѣпенѣетъ, не смѣю и взора поднять.

— А ты подними, пріударь! — усмѣхнулся Петръ. — Съ малыми, да храбрыми батальонами не такія еще фортеціи берутъ. Вотъ хоть бы княжна Щетинина, да и графинюшка Марья Андреевна... отчего бы тебѣ не просить ихъ въ пару?.. Музыка перемѣнилась; ну-ка, не плошай, — начинаютъ гавотъ...

Государя ждали у карточнаго стола. Ему была очередь сдавать. Онъ возвратился туда. Продолжая игру, онъ видѣлъ, однако, что Румянцевъ, какъ вкопанный, оставался на мѣстѣ, слѣдя за танцующими, и не пригласилъ ни Шелешпанской, ни Матвѣевой. «Храбрецъ по этой части, видно, не изъ смѣлыхъ, — подумалъ Петръ. — Надо инымъ путемъ».

«Шутитъ государь или правду говоритъ? — терялся, въ то же время, въ догадкахъ Румянцевъ. — И неужели дѣло идетъ и онъ намекалъ о графинѣ Марьѣ Андреевнѣ? Нѣтъ, это несбыточно, невозможно!» Краска выступила на его лицѣ. Облокотясь о притолокъ двери, онъ пристально вглядывался въ высокую и стройную, черноглазую красавицу, со вздернутымъ носикомъ и приподнятою верхнею губой, обнажавшею при улыбкѣ бѣлые и острые, какъ у бѣлки, зубы. Онъ все забылъ, музыку, ярко-освѣщенный залъ и танцы, помня одно—эти пышные, черные волосы, вздернутый носикъ и бѣлые, сверкающіе зубы.

VI.

Музыка разомъ затихла, танцы прекратились. Гостей звали ужинать. Къ государю подошли хозяинъ и хозяйка.

Они, съ низкими поклонами, пригласили его откушать въ цвѣточную, носившую названіе зимняго сада. Петръ прошелъ туда съ немногими изъ приближенныхъ. Румянцевъ удостоился также ужинать съ государемъ. Не любившій вообще гдѣ-нибудь долго сидѣть, Петръ и здѣсь то и дѣло вставалъ, обходя ужинающихъ. Съ бокаломъ вина, а то и съ крылышкомъ недоѣденной дичи въ рукахъ, онъ одного изъ сотрапезниковъ уговаривалъ выпить налитый хозяиномъ ему, какъ и прочимъ, ковшъ аликанте; другому приказывалъ, при общемъ смѣхѣ, разсказать, какъ онъ нѣкогда былъ пойманъ и уличенъ своею женой въ тайной любовной авантюрѣ; третьяго заставлялъ осушить, присужденный, по примѣру царскихъ ассамблей, общимъ приговоромъ пирующихъ, за молчаливость, уныніе и скуку, огромный кубокъ мальвазіи.

Среди ужина, въ цвѣточную, двумя слугами, на серебряномъ блюдѣ, былъ внесенъ и поставленъ на столъ огромный, обложенный цукатами и облитый вареньемъ и ромомъ, пудингъ. Едва слуги отошли отъ стола, пудингъ распался, изъ него выскочили карликъ и карлица, одѣтые пастушками, и, подъ музыку изъ залы, начали тутъ же, на столѣ, между тарелками и бокалами, плясать менуэтъ. Веселью пирующихъ не было конца. Послѣ пирожнаго принесли корзину глиняныхъ трубокъ съ табакомъ. Дымъ поднялся коромысломъ. Разговоръ сталъ шумнѣе. Начались споры, даже перебранки хмельныхъ. Государь, куря трубку, всѣхъ подзадоривалъ. «Какой ты слуга? я вѣрнѣе тебя! — кричалъ, стуча по столу, сенаторъ Бутырлинъ сенатору Юшкову. — Васъ на алтынъ мѣняли!» — «По-нѣмецки пьешь, выпьемъ по-московски!—твердилъ Салтыковъ Стрешневу,— вотъ какъ, видишь?—вотъ!» — «Древнему другу и благодѣтелю! въ поминанье старыхъ благъ!»—обращался Головинъ къ Писареву.—«Маменька, другъ мой! вотъ какъ люблю!»— отвѣчалъ совсѣмъ растроганный Писаревъ. Раздался звонъ разбитой кѣмъ-то посуды. Всѣ хохотали, говорили безъ умолку. Кто-то, желая обнять сосѣда, полѣзъ къ нему черезъ столъ и сапогомъ попалъ прямо въ блюдо съ пирожнымъ. Кого-то за руки, а наконецъ и за воротъ оттаскивали отъ зеркала, которое охмелѣвшій разбилъ головой, принявъ его за дверь...

Среди общаго шума, гама и хмельныхъ восклицаній, го-

сударь, какъ видѣлъ Румянцевъ, былъ, по обыкновенію, свѣжъ и бодръ. Онъ всталъ изъ-за стола и, съ коротенькою голландскою трубкой въ зубахъ, прошелъ съ графомъ Матвѣевымъ въ сосѣднюю комнату. «О чемъ онъ съ нимъ бесѣдуетъ?»—размышлялъ Румянцевъ, глядя въ раскрытую дверь на Петра. Лицо государя казалось озабоченнымъ. Онъ то вынималъ изо рта трубку, поправлялъ въ ней пепелъ и разсматривалъ лѣпныя на ней изображенія, то опять порывисто курилъ.

— Завтра ѣду въ Копенгагенъ, — сказалъ онъ Матвѣеву: — а душа неспокойна, — царевича все сбиваютъ; имѣю несомнѣнный суспѣтъ на стороннихъ, и чего боялся паче всего—связей съ Суздалемъ, съ тамошнею моею черницей,— то, кажется, какъ разъ и дѣйствуетъ.

— Въ чемъ же твои подозрѣнія, государь?

— Умру, все погибнетъ и, вмѣсто славы, пойдетъ у насъ одно безславіе.

— Не понимаю, прости,—произнесъ Матвѣевъ.

— Алексѣя, скажу тебѣ, склоняютъ, по примѣру матери, также въ монастырь, — связь понятна... По кончинѣ моей оба скинутъ черныя рясы, облекутся въ иныя одежды и все повернутъ по-своему.

— Въ такомъ разѣ не соглашайся, батюшка, не давай своего благословенія, — и кто же противъ воли твоей пойдетъ?

Петръ положилъ трубку на столъ.

— Въ томъ-то и ловушка, самъ я ему, какъ вдовцу и лѣнивцу, въ острастку, предложилъ монашество, — сказалъ онъ:—а простака, видимо, научили, онъ и согласился, проситъ постриженія. Одинъ путь—Алешѣ жениться бы снова на здоровой, доброй бабѣ. Не знаешь ли подхожей какой, изъ видѣнныхъ тобою, опять-таки иноземныхъ, не худородныхъ принцессъ?

— Не мало пожелали бы съ вашимъ величествомъ породниться, на какую только страну изволишь бросить взглядъ.

Петръ подумалъ, прислушиваясь къ цвѣточной, откуда, попрежнему, неслись веселые голоса пирующихъ.

— Эта метерія еще терпитъ, теперь объ иномъ,—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо Матвѣева,—выражусь прямо, безъ утайки... Одно сватанье въ сторону, другому, надѣюсь,

пособишь; у тебя, Андрей Артамоновичъ, невѣста, я къ тебѣ привезъ жениха.

Матвѣевъ растерянно взглянулъ на государя.

— Твоя дочь, Марьюшка, — ты знаешь, какъ я къ ней расположенъ,—продолжалъ Петръ:—умна, мила, привѣтлива; но, извини, по молодости, легкомысленна... да, да, не смущайся, это вѣрно! Ее надо выдать за такого, кто любилъ бы ее, но, притомъ, держалъ бы въ рукахъ...

— Развѣ, ваше величество, чтò за нею замѣчено? или проглядѣла глупая, слабая мать? Да я ее, негодницу, если въ чемъ провинилась, разражу, собственными руками убью...

— Успокойся, не стòитъ; лучшая, братецъ, исправка дѣвичьяго нрава — вѣнецъ, и я потому-то у тебя нынче и сватомъ...

— Много чести, великій государь; но кто, извини, выбранъ тобою?

— Вонъ онъ, у края стола,—указалъ государь въ цвѣточную на Румянцева,—этого предлагаю въ женихи твоей Марьюшкѣ; просимъ честью, не осуди жениха и свата.

Матвѣевъ сталъ бѣлѣе стѣны. Его грудь дышала тяжело; въ опущенныхъ глазахъ проступили слезы. «Какое униженіе и какой стыдъ!—мыслилъ онъ, не помня себя,—мелкопомѣстный дворянчикъ, изъ самыхъ бѣдныхъ, и это женихъ моей графинюшкѣ! За что такая немилость?»

— Ты недоволенъ, вижу, сватовство не по тебѣ?—спросилъ Петръ. — Говори прямо: считаешь его недостойнымъ твоей дочери и тебя?

— Затрудняюсь, великій государь... Тебѣ повелѣвать, намъ слушать и покоряться.

— Не ладно говоришь, Артамоновичъ, — не приказую и не насилую твоего рѣшенія... А только помни, этотъ слуга изъ близкихъ мнѣ, и я люблю его, какъ любилъ и тебя; ты за труды сенаторъ, министръ и графъ,—отъ меня, отъ моей милости, самъ ты знаешь, зависитъ и его сдѣлать счастливѣйшимъ между вами, превознести выше всѣхъ. Не знатенъ, не богатъ теперь, будетъ богатъ и знатенъ черезъ часъ.

Матвѣевъ молчалъ. Потъ крупными каплями падалъ съ его лица на расшитый золотомъ кафтанъ.

— Что же скажешь? согласенъ?—спросилъ Петръ.

— Весь въ твоей милости,—отвѣтилъ, кланяясь, Матвѣевъ.—Необиженъ тобою донынѣ, не обидишь и впредь.

— Отлично, Артамонычъ,—сказалъ, обнявъ его и цѣлуя, Петръ.—Дѣло, значитъ, слажено; только заповѣдь тебѣ: до срока о томъ, чуръ, никому.

— А жениху, государь, изволишь объявить? — спросилъ Матвѣевъ.

— Никому, повторяю, и ты — ни женѣ, ни дочкѣ; приданаго тебѣ не готовить,—чай, давно полны сундуки; сговоръ останется тайнымъ, промежъ меня только да тебя. И тому важный резонъ: завтра надолго ѣду въ чужіе края, беру съ собой и жениха. Будемъ, съ Господомъ, живы, вернемся, напомню тогда,—за парадною помолвкой, сыграемъ и свадьбу.

Государь позвалъ Румянцева. Тотъ подалъ ему шляпу и шпагу. Провожаемый Матвѣевымъ, Петръ вышелъ въ сѣни. Здѣсь съ матерью, накинувъ на плечи желтую тафтяную шубку, въ зеленой бархатной шапочкѣ, съ алымъ верхомъ, стояла раскраснѣвшаяся отъ танцевъ графиня Марья Андреевна.

— И ты вышла проводить? — улыбнулся, увидя ее, Петръ. — Простудишься, плутовка! Береги здоровье, — оно надобно тебѣ,—иди...

Онъ обнялъ и поцѣловалъ дѣвушку въ обѣ щеки. Матвѣевъ подалъ государю теплый плащъ. Петръ уѣхалъ.

— Что же, братецъ, такъ и не выбралъ себѣ суженой?— спросилъ онъ Румянцева, подъѣзжая съ нимъ ко дворцу.

— Превыше силъ, прости, не смѣю...

— Я за тебя выбралъ... только до времени посмотрю еще на тебя, не скажу. Готовься, завтра ѣдешь со мной въ Данцигъ и далѣе въ Копенгагенъ.

Въ ту ночь совсѣмъ не спалось Румянцеву. Онъ ложился на правый бокъ и на лѣвый, закрывалъ глаза, вызывая дремоту, думалъ о морѣ и спѣющей, колеблемой вѣтромъ ржи,—ничто не брало, сонъ бѣжалъ отъ него. Въ мысляхъ неотлучно были веселые черные глаза, вздернутый носикъ и зеленая шапочка, съ алымъ верхомъ, надъ пышными черными волосами.

Въ ожиданіи отъѣзда съ государемъ, Румянцевъ всталъ до зари, одѣлся въ парадную форму, уложилъ небольшой дорожный свой скарбъ и готовился ѣхать во дворецъ. Онъ жилъ у просвирни Казанской церкви, въ Мѣщанской сло-

бодкѣ, возлѣ Невской першпективы, занимая двѣ горенки, изъ которыхъ въ одной ютился самъ, а въ другой помѣщались его отецъ и мать, пріѣхавшіе провѣдать его изъ костромской деревушки. Отецъ привезъ ему волчью шубу, своей охоты, которой сынъ теперь, въ виду дальняго вояжа, особенно былъ радъ. Старики тоже встали рано, побывали въ банѣ и, красные, съ повязанными головами, хлопотали надъ укладкой сыновнихъ вещей.

— Ну, Александръ, что же государь? — спросилъ отецъ, увязывая узелъ съ бѣльемъ. — Какъ насчетъ, то-есть, сватовства? Выбралъ, наконецъ, указалъ тебѣ какую кралю?

— Молчитъ,—съ недовольствомъ отвѣтилъ сынъ,—и что у него на умѣ, не пойму...

— Молчитъ? А припасенную, указанную отцомъ и матерью, отвергъ?.. Ему что?—терпится; намъ-то каково? Хоть бы, примѣромъ, бѣлье,—нешто въ такомъ ходить гвардейскому офицеру, да еще капитану? Сорочки — одно званіе, карпетки—въ заплатахъ... Степанидушка, глянь сюда, ужли сына этакъ-то въ дорогу и снаряжать?

— Пусти, постылый, не видишь развѣ? — съ сердцемъ вскрикнула мать, вырывая у мужа обноски сына, — вотъ новые чулки... не помнишь нешто, какъ сама вязала? А вотъ и сорочекъ трое изъ фряжскаго холста. Гдѣ былъ? или опять запамятовалъ, какъ о Спаса пять ройковъ продали, кума за холстомъ ѣздила?

— Такъ, такъ, сорокоумовцамъ продали.

— То-то, сорокоумовцамъ. Носи, Сашенька, насъ поминай. Безъ матери-отца кому вспомнить, приголубить тебя?

Старушка отерла слезы.

— Вотъ пирожки, съ сигомъ, да съ курятинкой, а на дорогу хозяйка печетъ блинцы. Не торопись, родимый, успѣешь еще,—духомъ принесу.

Старуха ушла къ хозяйкѣ.

VII.

— Ужъ не думаетъ ли царь,—сказалъ Румянцеву отецъ, когда они остались вдвоемъ,—не затѣялъ ли онъ выдать за тебя одну таковую персону?

— Какую?

Старикъ оглянулся.

— Новую одну матресишку, послѣднюю... это съ нимъ бываетъ.

— Кто же она?

— Ужли не знаешь?

— Я отсутствовалъ, только что вернулся изъ похода, почемъ же мнѣ всѣ здѣшнія новости знать?

— Да тебя же туда онъ и возилъ.

— Не понимаю, батюшка, о комъ рѣчь.

— О дочкѣ графа Андрея Артамоновича.

Румянцевъ не взвидѣлъ свѣта. Комната заходила въ его глазахъ.

— Клевета, родной, какъ же не видишь? Небылица!—вскрикнулъ онъ.—И кто тебѣ такія сплётки напѣлъ?

— Не сплётки, Ликсаша, а истинная, должно быть, правда. Дворецкій изъ Катерингофа, — ну, старый знакомецъ ты знаешь его...

— Знаю, только что изъ того?

— Вечоръ это, какъ повезъ тебя государь къ Матвѣеву, онъ зашелъ и сказывалъ... и такое открылъ, что лучше бы не слышать...

— Эхъ, батюшка, не мучь; что же онъ, лысый чортъ, говорилъ такое? Языкъ бы ему клещами пощупать...

— Не горячись и не шумаркай, все скажу, только не прочуялъ бы кто посторонній.

Старикъ всталъ, посмотрѣлъ за дверь въ сѣни и заперъ ее на крючокъ.

— Такъ-то будетъ спокойнѣе,—сказалъ онъ. — Господи, какія дѣла! Вышнимъ полюбилась эта графинюшка Марья Андреевна и самой дѣвкѣ, видно, пріятны были милости оттоль. Да, да, не вскакивай, слушай... Какъ жилъ государь, лѣтось, съ царицей въ Катерингофѣ, и Матвѣевы на своей мызѣ, по близости, тамъ же въ тѣ поры пребывали. Государь ихъ чествовалъ и дочку ихъ, изъ пріязни, тоже отличалъ, бралъ въ одноколку съ собой кататься по садамъ и рощамъ, на буерѣ съ нею по Невѣ и по взморью до-поздна плавалъ. Тѣ ногъ подъ собой отъ радости не чуяли; счастье, молъ, такое имъ выпало. И все шло будто ладно, все лѣто они въ удовольствіяхъ и восхищеніяхъ проводили. А осенью, какъ царю пришлось переѣзжать уже на зиму во дворецъ, онъ и подмѣтилъ, что графинюшка Марья, такъ же, какъ съ нимъ, по рощамъ и по взморью каталась еще и съ нѣ-

кимъ другимъ. Выслѣдилъ государь, самолично убѣдился, позвалъ ее на допросъ, та и повинилась.

— Фу, ты, Господи! Не вѣрится!.. И что же, родителю открылъ государь?

— Для чего? Нешто опять-таки его не знаешь? Самолично все прикончилъ... Никому не говоря, припасъ въ сѣнникѣ пукъ березовыхъ, пригласилъ ее туда, будто новую царицыну корову-голландку посмотрѣть, да собственноручно и высѣкъ.

Румянцевъ вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это клевета, умыселъ на Матвѣевыхъ! И кто могъ это видѣть, узнать?

— Да полно тебѣ фуфыриться! Говорятъ тебѣ — вѣрно, ну такъ же, какъ мы вотъ тутъ сидимъ.

Старикъ еще что-то говорилъ, но сынъ не слушалъ его. «Графиня Марья Андреевна, красавица, гордая, недоступная, и такой о ней слухъ,—мыслилъ Румянцевъ.—Отецъ сердитъ, что не удалось сватовство за Кикину, и вѣритъ всяческой небылицѣ».

— Но зачѣмъ, батюшка, все это передалъ ты мнѣ?— спросилъ онъ.—Изъ ревности за предложенную тобой невѣсту? Да, вѣдь, государь, повторяю, никого еще не указалъ, а что до Матвѣевой — и намека о ней не бросилъ. Съ нею танцовали Шелешпанская, Щетинина и много другихъ,— можетъ быть, изъ тѣхъ, кого онъ имѣлъ на примѣтѣ.

— Какъ знаешь, Ликсаша, а только нашему роду еще не бывало подобнаго покора и стыда.. И ужъ лучше, помни ты мое слово, вѣкъ въ нищетѣ доживать, чѣмъ таковую персону брать за себя.

Въ дверь постучались. Вошла съ крынкой блиновъ мать. Наскоро закусивъ, сынъ уложилъ на подводу свои пожитки, получилъ благословеніе родителей, простился съ ними, одѣлся въ привезенную отцомъ шубу и отправился ко дворцу.

— Своей охоты, Ликсаша, своей!—говорилъ отецъ, крестя сына и указывая ему на шубу.—Въ двѣ пороши затравилъ, одного живьемъ связаннаго привезъ.

Государь уѣхалъ послѣ ранняго обѣда. «Правъ отецъ, неподхожее было бы дѣло,—разсуждалъ Румянцевъ, ѣдучи въ одной изъ кибитокъ въ свитѣ государя. — Брошенная фаворитка,—какъ ни говори, — надоѣвшая, ненужная забава. И любить-то тебя, послѣ такихъ протекторовъ, врядъ ли

будетъ, да и выгоды, пожалуй, никакой!» Петербургъ вскорѣ скрылся за снѣжными холмами. Дорогу обступили стѣны темныхъ, вѣковѣчныхъ лѣсовъ. Издали блестѣлъ только шпицъ адмиралтейской башни. Вечерѣло; начиналъ падать снѣгъ. Вороны взлетали надъ вершинами елей и березъ. Тройки царскаго поѣзда мчались безконечною лѣсною просѣкой.

Румянцевъ, укутавшись съ головой въ шубу, вспоминалъ недавнее прошлое, походъ въ Швецію, разговоръ съ царемъ на дежурствѣ, ассамблею у Кикиныхъ и ассамблею у Матвѣевыхъ. «А пышность и роскошь ихъ дома, а эта боярская сановитость ихъ рода! Нѣтъ, быть не можетъ!—разсуждалъ онъ.— Все слышанное отцомъ сущая злобная клевета! Государь недаромъ меня туда возилъ. Что въ его мысляхъ— не угадать... Но если-бъ онъ имѣлъ въ виду, не теперь, хоть современемъ...» Снѣгъ валилъ безъ остановки. Сумерки сгущались болѣе. Лошадей изъ кибитки трудно уже было разглядѣть. «Да и вдругъ все это, по правдѣ, небылица и ложь?—мыслилъ Румянцевъ,—и что, если государь и въ самомъ дѣлѣ рѣшитъ и скажетъ: вотъ тебѣ невѣста, графиня Марья? Боже-Господи, удостой этого выбора. Лучшаго счастья, полагаю, и во снѣ не видать, не испытать. И ужъ коли суждено было бы мнѣ стать зятемъ графа Андрея Артамоновича, Царица Небесная! какой колоколъ пожертвовалъ бы на церковь въ графскую вотчину,—въ пудъ, мало того, въ два-три пуда, изъ чистаго серебра!»

Царевичъ провожалъ государя до заставы. Онъ простудился дорогой и нѣсколько дней послѣ того не выѣзжалъ изъ дому, удивляясь, что никто изъ «собинныхъ» друзей его, даже Кикинъ, не навѣщалъ его. «Объ отошедшемъ, кажись бы, всюду промчалось,—разсуждалъ онъ,—не для кого болѣе подглядывать, а видно и теперь боятся!» Онъ послалъ за Кикинымъ; тотъ отвѣтилъ, что угорѣлъ послѣ бани и явится, когда одужаетъ. «Лукавитъ, дозора опасается, случая ждетъ!»—подумалъ Алексѣй. Онъ отъ скуки взошелъ наверхъ къ дѣтямъ и до вечера игралъ тамъ въ шахматы съ ихъ гофмейстериной. Возвратясь при свѣчахъ, онъ сталъ просматривать присланныя Меншиковымъ изъ сената дѣла. Скучно было ихъ читать. Ему подали письмо. Онъ по почерку узналъ руку попа Созонта Печунина, у котораго въ

Вязёмахъ жила нѣкогда Афросинья и который теперь, по милости Алексѣя, состоялъ при церкви въ Порѣчьи.

«Многолѣтно, благополучно и радостно здравствуй, батюшка-церевичъ,—писалъ попъ Созонтъ.—Высокоблагородствію твоему искатель милостей твоихъ челомъ земно бью; а посылаю превысочеству твоему бѣлужью тёшку, щукъ провѣсныхъ четыре, балычка прута два, да полпуда икорки,—изволь во здравіе кушать; помаранцевой настойки такожде малое ведёрце, и его кушайже, во здравіе, съ пріятели. Покровенъ десницею Вышняго да пребудетъ домъ твой въ благодати на многіе предыдущіе годы. Про здравіе же твое слышати ежечасно желаю. Въ пріѣздишки твои кормилъ ты и поилъ насъ, сиротъ, доволѣ, а нынѣ безъ тебя зѣло мы оскудѣли. О, горе мнѣ, мизйрному! Никто прошеньишка моего принять и честь не хочетъ. Младоумножаемая вѣтвь прекраснаго, цвѣтущаго и превысочайшаго царскаго древа! Воззри на нуждишки наши, ждемъ тебя, яко Миссію. Въ Вязёмахъ лугъ намъ давали, хлѣбушка съ копны, лѣсу—сколько зришь; тутъ все твоимъ старостою Мосеичемъ урѣзано, а за что, одинъ создавый ны вся вѣсть. Афросинью Өедоровну просили, ее не слушаютъ,—твое-де бабье дѣло токмо птичня, да огородъ, да кудель. А по-нашему вотъ кому, ей быть здѣся старостой. Яви божескую милость, а Мосеичу повели намъ пособить. У самого великій роскошь и деспотичество во всемъ, загребаетъ съ огуменниковъ, съ амбары и кладовыхъ, а на слугъ церковныхъ помощи никакой. И не ходи къ нему, всякой мольбѣ отсѣченіе, правдѣ—посрамленіе, добру—погубленіе, душѣ—углубшій гвоздь. За твою же милость азъ писавый, за весь праведный домъ твой и за всѣхъ любящихъ многолѣтнее здравіе твое, нынѣ и впредь, безъ урыву, вѣчный твой богомолецъ — смиренный Созонтъ».

«Надо ѣхать въ Порѣчье, вотъ какъ надо бы,—подумалъ царевичъ, прочтя посланіе Печу̀нина.—Но какъ ѣхать? какой къ тому видимый предлогъ, да еще зимой? Донесутъ отцу, а тотъ сыщика слѣдомъ пошлетъ,—какія, молъ, такія хозяйскія нужды унесли его, оглашеннаго, отъ важныхъ штатскихъ дѣлъ на мызу въ такіе холода?» Жалобу Созонта Алексѣй вкратцѣ изложилъ въ цидулкѣ порѣченскому старостѣ, приказавъ дать Печунину все, что ему отпускалось въ Вязёмахъ, и прибавилъ въ концѣ приказа: «А о

прочемъ, что доносятъ и слышу, разберу, коли Господь позволитъ самому быть въ вашихъ оныхъ мѣстахъ».

VIII.

Въ половинѣ февраля надъ Петербургомъ носился и гудѣлъ сильный снѣжный буранъ. Мятель сугробами устилала площади, преграждала улицы и заваливала переулки. Нѣкоторые дома были заметены снѣгомъ до крышъ. Ни проѣзда, ни прохода. Царевичъ, слушая свистъ и яростный ревъ бури, уже собирался на ночлегъ, когда слуга доложилъ ему, что его желаетъ видѣть Кикинъ. Алексѣй обрадовался и приказалъ звать его въ кабинетъ.

— Это банный угаръ доселѣ не пускалъ?—спросилъ онъ, встрѣчая гостя, стряхивавшаго съ волосъ и собольей шапки хлопья снѣгу.

— Всякаго угару вдоволь,—отвѣтилъ, оглядываясь, Кикинъ.

— Садись, Александръ Васильевичъ, будь гостемъ; пріятно видѣть хоть одного, когда остальные всѣ забыли.

— Да помнимъ ли мы сами себя и свою жизнь? Какъ живется-то намъ, спросилъ бы ты,—сказалъ Кикинъ, припирая дверь и садясь на софу рядомъ съ царевичемъ.

— Или стряслось что новое? — спросилъ, глядя на него, царевичъ.

— Все старое, батюшка Алексѣй Петровичъ. Довольно одного: Питеръ, гдѣ живемъ съ тобой. Что онъ? Съ одной стороны—море, съ другой горе, съ третьей—мохъ, съ четвертой—охъ...

Царевичъ улыбнулся. Онъ любилъ находчивость и всегда замысловатыя выраженія умнаго, бойкаго и наблюдательнаго эконома своей тетки, царевны Марьи Алексѣевны.

— Ну, слушай, — сказалъ царевичъ, взявъ за руки гостя:—скажу безъ утайки, и мнѣ тутъ тяжело; а гдѣ быть? куда укрыться?

— Ѣзжай въ чужіе края, у тебя великая протекція,—австрійскаго кесаря супруга—твоей покойной женѣ сестра; отъ нея и отъ самого кесаря всегда тебѣ будетъ защита и покой. Ты, вѣдь, россійскій кронпринцъ, и кесарю немалый резонъ тебѣ секундовать во всемъ.

— Но какъ рѣшиться? Опасно это, да и жаль родины, ближнихъ своихъ.

— Съ весны мою царевну, вѣдомо, можетъ-быть, тебѣ, шлютъ, изъ-за ея болѣстей, на воды въ Карлсбадъ; ну, и я ѣду, въ провожатыхъ,—буду не вдали отъ Вѣны и о тебѣ могу, отъ чего же нѣтъ, промыслить тамъ.

— Ой, страшно, Васильевичъ! Гдѣ у кесаря скрыться? Батюшка легко, черезъ клевретовъ, откроетъ въ Вѣнѣ, — вѣдь, она на большой дорогѣ.

— Отпросишься, какъ уйдешь, въ итальянскія владычества кесаря,—тамъ не откроютъ; а ужъ тѣ палестины — неземныя красы, сущій рай, не разстанешься съ ними во вѣкъ.

— Ты же нешто былъ въ Италіи?

— Былъ, съ гардемаринами, на первой посылкѣ въ выучку.

Царевичъ задумался. Большіе черные глаза его съ грустью были устремлены на коверъ. Носкомъ башмака онъ водилъ по его узору.

— А скажи, Васильичъ, каковы тамъ люди и какъ живутъ?—спросилъ онъ, взглядывая на Кикина:—и впрямь и похоже на нашихъ?

— Ужъ истинно сказать, все не по-нашему; на улицахъ, въ городахъ, ночью, великая свѣтлость отъ фонарей, какъ днемъ; древнія и новыя хоромы больше все въ два жилья, а есть по четыре и пяти житій въ высоту; окна вездѣ стекольчатыя, не слюдяныя. А сады? Вездѣ, по препорціи, цвѣты—дивными штуками, перспективы зѣло изрядныя, на полянахъ лимоны, персикъ, померанцы, дули и миндаль; въ огородахъ — кудрявые салаты, капросы и всякій дивный овощь. Въ садахъ и на больвардахъ бесѣдки писаны хитрымъ, тамошнимъ письмомъ; пропускныя воды многоструйно прыщутъ вверхъ фонтанюю, а на тѣхъ фонтанахъ — часы бываютъ, невиданнаго строенія, бьютъ водой перечасье въ великіе и малые колокола...

— А люди, народъ?

— На площадяхъ и улицахъ, по вякъ день, гулянье въ калёшахъ прединвной французской работы. И въ каждомъ, почитай, городѣ театрумъ, а въ немъ для увеселенія—опры, либо зѣло хитрая комедь.

— И ты видѣлъ опры и комедь?

— Бывалъ не разъ; между дѣйствами, гдѣ Аполло, либо Венусъ выходятъ и говорятъ вирши, дивные хоры увеселяютъ гостей на фрейтахъ, скрипицахъ и фіолгабалахъ предивнаго мусикійскаго мастерства.

— А какъ тамошніе баре?

— Главы женъ и дѣвицъ непокровенны, какъ и въ Дрезденѣ, и Карлсбадѣ ты видѣлъ. Только женскъ полъ къ уборамъ въ тѣхъ краяхъ больше охочи, къ дѣлу неприлежны, ко грѣху же зѣло слабы и нрава часомъ весьма зазорнаго. Ну, да ты, вѣдь, на нихъ и не взглянешь,—слышно, и впрямь собираешься въ монастырь.

Алексѣй отвернулся.

— Тебѣ шутки все шутить!—сказалъ онъ съ досадой.—До того ли мнѣ, и какой я монахъ?

— На что же, батюшка, въ такомъ разѣ, рѣшаешься, чѣмъ задумалъ кончить, по требованію отца?

— Объ одномъ мысль, къ одному стремлюсь,—произнесъ, задумчиво глядя передъ собой, царевичъ: — когда бы отъ всего меня уволили, чтобъ жить мнѣ, какъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ, и ни до чего бы мнѣ дѣла не было.

— Ну, на это, самъ пойми, врядъ ли согласятся вышніе, — возразилъ, качая головой, Кикинъ:— потребуютъ несомнительно, жестоко притянутъ къ иному.

— Да не могу же я, Александръ Васильичъ, душа не лежитъ,—сказалъ Алексѣй.—Самъ ты говоришь: Питеръ — горе да охъ... Изъ-за чего отецъ старые порядки бросилъ, потопталъ? изъ-за чего, что ни день, заводитъ все новые? Мучитъ всѣхъ, во снѣ и наяву, шпыняетъ, теребитъ. Жило же царство безъ этихъ новшествъ, — безъ гвардіонцевъ и потѣшныхъ, — въ славѣ и силѣ состояло. Стрѣльцы били шведовъ, нѣмца и ляховъ. Всѣ сторожко и честью блюли нашъ народъ и санъ. Батюшка вѣру дѣдовъ и прадѣдовъ презрѣлъ, патріарха синодскими канцеляристами замѣнилъ. И на что намъ это, прости Господи, чортово болото—новая столица? На что кургузые кафтаны солдатства, а вмѣсто древнихъ, урядныхъ сарафановъ, хоть бы эти хвостатые роброны, на фижмахъ, да пудра? Истерзалъ отецъ родину, уродуетъ, кромсаетъ, какъ мясникъ телку, по живому тѣлу ножомъ...

Алексѣй всталъ. Лицо его залилъ румянецъ.

— И все потатчики подбиваютъ его на эти новшества,— продолжалъ онъ, порывисто ходя по комнатѣ, — измѣнники заповѣдямъ роднымъ, боголживцы, церковные и мірскіе мятежники,—Головкинъ, Шафировъ, Ромодановскій, Трубецкой и сколько иныхъ! Какъ попуститъ Господь взойти, послѣ

батюшки, на древній предковскій престолъ, быть на колахъ головамъ супостатовъ. Алексашка Меншиковъ особливо попомнитъ; мѣста на его шеѣ не станетъ, гдѣ упасть топору!

Алексѣй, опершись о столъ, перевелъ дыханіе. Глаза его горѣли гнѣвомъ и негодованіемъ.

— Быть Петербургу пусту! — вскрикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Кораблей не стану строить, гвардію распущу, воевать брошу, — со всѣми будь миръ и покой. Зиму стану жить въ Москвѣ, лѣто въ Ярославлѣ... Плюю на всѣхъ, абы здорова была мнѣ чернь.

— Такъ-то такъ,—промолвилъ Кикинъ: — да чернь-то — стадо безсловесныхъ; имъ нуженъ съ доброю клюкой пастухъ, а ты мягокъ сердцемъ, вельми добръ.

— А тёзка мой, дѣдъ Алексѣй? Нешто не жилъ онъ въ Господней благодати, въ общей любви и уваженіи отъ иноземныхъ и своихъ? Никуда-то онъ, тишайшій, непрошенно не лѣзъ, никого не тормошилъ и не тиранилъ, а былъ счастливъ. Такъ, съ Господнею защитой, буду царствовать и я.

— Сядь, батюшка, царевичъ, сядь,— произнесъ Кикинъ, ловя Алексѣя за руку: — угомонись, для Бога, и слушай; объясню съ иной стороны.

Алексѣй, со вздохомъ, опустился въ кресло.

— Царствовать думаешь ты... великое слово, — продолжалъ Кикинъ:—только надо еще добиться того. А удастся ли, бабушка на-двое сказала.

— Такъ что же мнѣ дѣлать и о чемъ мыслить? — тихо проговорилъ царевичъ, ломая руки.—По волѣ батюшки, съ нищими, что ли, да съ дьячками, схоронить себя въ монастырѣ или отъѣхать, по-твоему, въ такое царство, гдѣ приходящихъ пріемлютъ и никому не выдаютъ? Какъ рѣшиться—на его или на твои слова? Вѣдь, я человѣкъ, Васильичъ, жить на волѣ, какъ всякій послѣдній смердъ, хочу, а развѣ въ черной рясѣ или на чужбинѣ вольная жизнь, по душѣ?

— Видишь ли, Алексѣй Петровичъ, не обезсудь, опять прямо скажу... Ты зѣло невоздержанъ въ рѣчахъ... Именно такъ... Мнѣ открываешься, но повѣдалъ, можетъ статься, и другимъ, а отцу-то долго ли отъ дозорцевъ про все узнать? Ну, раздѣлка и не далека...

— Ну что же отецъ, хоть и царь онъ, можетъ сотворить со мной?

Кикинъ сдвинулъ брови.

— Какъ что?—спросилъ онъ, глядя на царевича. — Да развѣ не знаешь, какъ таковы дѣла творились и творятся у насъ? Очень даже просто, — слышалъ, полагаю, про ядъ, потопленія и прочія наши галантереи?.. Вѣдь, даже Грозный царь Иванъ, какъ сравнить его съ батюшкой Петромъ Алексѣевичемъ, передъ нимъ, въ хитромъ неустанномъ тиранствѣ, малый шаловливый ребенокъ, шутникъ...

Алексѣй снова всталъ. Въ глазахъ его были слезы.

— Помоги, Александръ Васильичъ,—сказалъ онъ:—молю тебя, какъ мнѣ быть и какъ избавиться отъ отца?

— Невидимымъ учиниться! Былъ, молъ, человѣкъ и нѣтъ его, по-французскому термину, знаешь, чай, его, — il est eclipse...

— То-есть опять-таки говоришь о бѣгствѣ, о чужеземщинѣ?

Кикинъ молча кивнулъ головой. Царевичъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него, не находя выраженій тому, что вставало и кипѣло въ его душѣ. Грудь его дышала тяжело.

— Ахъ, другъ любезный, ахъ, радѣтель,—выговорилъ онъ черезъ силу:—ужели не понимаешь? Не могу я жить безъ Афросиньи... Вразуми, наставь, какъ не покидать мнѣ ея? Ну, вотъ птицѣ, малому звѣренку нуженъ воздухъ, рыбѣ вода... Она мнѣ—вода и воздухъ...

Кикинъ опустилъ глаза въ землю. Теребя свою курчавую, косматую голову, какъ бы въ тяжеломъ смущеніи, молчалъ.

— Былъ я въ Венеціи, — произнесъ онъ: — и слушалъ тамъ въ кляшторѣ езуиту; онъ передъ принципомъ венецкимъ сказывалъ казаніе. Самъ въ чѣпи золотой, въ алмазныхъ запонахъ, фіолетовой робѣ и въ крахмальныхъ полотняныхъ брызжахъ около шеи, а недоросли-ребятки, въ бѣлыхъ стихарикахъ, подолъ той робы держали, какъ его на золоченомъ сѣднѣ покоевые камерѣры въ церковь внесли. Езуита сказывалъ, а наши, бывшіе тамъ долѣ, переводили. Его проповѣдь была про зѣло высокую гору, что въ Неаполѣ, отъ сотворенія міра, неустанно день и ночь горитъ. Ничѣмъ ея не угасить и не повергнуть въ темь. И равнялъ езуита ту гору Везувій съ душою людской; не угасить и въ человѣкѣ жара палящихъ страстей. Горячесть наша нынѣ спадетъ, завтра опять дымомъ и пепломъ бьетъ и огненные пускаетъ ручьи.

— Къ чему это ты ведешь?—спросилъ царевичъ.

— Помяненный сказатель навелъ, въ тѣ поры, на мою мысль и тебя. Не дивись, такъ оно и есть. Видѣлъ я твой предметъ, Афросьюшку, впервое на Москвѣ, въ непригожемъ, бѣдномъ уборѣ видѣлъ, но и тогда она прiятствомъ плѣняла. Брови черныя, союзныя, тѣломъ дородна, вся быдто облита молокомъ; возрастомъ изрядна, глаза велики, умные, а косы русыя, велики же, трубчатыя, падаютъ по плечамъ.

— Такъ и тебѣ, Васильичъ, она приглянулась?—съ счастливою улыбкой спросилъ Алексѣй.

— Еще бы, батюшка! А какъ нарядилъ ты ее и увидѣлъ я ее послѣ въ Питерѣ, просто диву дался. И не платьеце алъ-атласъ, не чулочки узорные, синiй шелкъ, не башмаки съ каблучками, и не золото, серебро, канителью строченное по платью,—сама она, словно Венусъ планета, свѣтила между другихъ... И скажу безъ утайки, великаго ума и нѣжныхъ проницательствъ твоя Афросинья, хоть ты ее и не изъ высокаго ранга примѣтилъ и сблизилъ къ себѣ. Не въ такой,—въ высшей долѣ слѣдовало бы ей быть...

Алексѣй, въ безмолвномъ восхищенiи, слушалъ эти слова. «Переборщилъ, превысилъ похвалы Фроськѣ,—думалъ тѣмъ временемъ Кикинъ,—ну, да ладно, масломъ каши не испортишь; а взойдетъ онъ на отчiй престолъ, Смолокурову царицей наречетъ,—быть мнѣ изъ первыхъ въ министрахъ».

— Такъ ты не шутишь, Васильичъ?—спросилъ Алексѣй:—одобрилъ бы этотъ союзъ? Вѣдь батюшкина нынѣшняя женка изъ простыхъ полонянокъ, люторка, чухонкой въ услугахъ была... моя тоже полонянка, да русская и правой вѣры... Отецъ при живой женѣ ее взялъ къ себѣ, а я—вдовый...

— Чтò и говорить!—отвѣтилъ Кикинъ.—Еще и еще повторю: какъ замѣтишь что неладное, неумедлительно бѣги; вручи себя въ добрую прiемность кесаря.

— А какъ же съ Афросиньей?

— Бери и ее. Только не сразу дѣлай; снабдѣвай недостатки, порывы нрава благоразумiемъ. Отведи глаза досмотрщикамъ: начни умненько охать, на недомоганье главы и всѣхъ мыслей жалуйся, съ недѣлю, двѣ не умывайся, не брейся,—сочтутъ тебя скорбнымъ и слабымъ... тутъ разомъ, все изготовя, и бѣги.

Царевичъ задумался.

— А ты побываешь въ Вѣнѣ?—спросилъ онъ, не спуская глазъ съ Кикина.

— Нарочно, какъ бы по своимъ приватнымъ дѣламъ, отпрошусь у царевны и съѣзжу.

— Выберешь, уготовишь мнѣ тайное мѣсто?

— Не только съ кесарскими министрами поведу негоцію, самого кесаря постараюсь видѣть и о твоемъ пріемѣ и защитѣ уговорить.

Алексѣй бросился на шею Кикина. Вѣтеръ шумѣлъ за окномъ. Сквозь его гулъ слышались всхлипыванія царевича.

— Помоги, вѣрный другъ, устрой!—проговорилъ онъ, отирая слезы. — У прочихъ на ихъ дѣла всякихъ нужныхъ и сильныхъ словъ много, у меня мало, почти никакихъ... Ну, Васильичъ, Христосъ тебя сохрани, — заключилъ Алексѣй, видя, что Кикинъ собирается встать: — часто видѣться не приходится, хоть отписывай о себѣ, какъ и что.

— За милость твою буду тебѣ, государю моему, своею головой работать и отвѣчать, — сказалъ Кикинъ. — Одного молю, въ тайности великой держи все, что говорено межъ насъ.

— Нешто и здѣсь боишься отца и его смотрѣльщиковъ?— съ укоризной воскликнулъ царевичъ.—Даже обидно,—гдѣ они?

Вьюга на улицѣ въ это мгновеніе разразилась страшнѣйшимъ взрывомъ. Домъ царевича вздрогнулъ. На крышѣ что-то рухнуло. Напоромъ бури сорвало крючокъ съ оконной фортки, и она распахнулась. Вѣтеръ съ ревомъ ворвался въ комнату, задулъ свѣчи на столѣ и обдалъ вихремъ снѣга лица хозяина и его гостя. «Ужъ не батюшка ли подъ окномъ подслушалъ насъ и вошелъ сюда?» — въ суевѣрномъ ужасѣ подумалъ Алексѣй, съ содроганіемъ отступая отъ окна. Ему показалось, будто ледяной, грозный гигантъ сталъ передъ нимъ во тьмѣ, глядя на него страшными, бѣлыми глазами. «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» — шепталъ онъ мысленно, едва держась на ногахъ. Кикинъ бросился въ сосѣдній покой, принесъ оттуда канделябръ со свѣчами и принялся замыкать фортку. Его руки дрожали. «И здѣсь чортова сѣверка нашла, — думалъ онъ,—нигдѣ отъ нея не спрячешься!»

— Счастливо оставаться,—сказалъ онъ, откланиваясь.— Черезъ вѣрныхъ посыльщиковъ не оставь и насъ безвѣстно о твоемъ здравіи и прочемъ.

Царевичъ молча обнялъ его. По уходѣ гостя, онъ присѣлъ въ кресло, облокотился о столъ, склонилъ на руки голову и такъ просидѣлъ за полночь, изрѣдка взглядывая

на дрожавшее отъ вѣтра окно. Подъ гулъ и грохотъ бури ему все мерещился ледяной гигантъ, будто склонявшійся къ оконной рамѣ съ улицы и укорительно глядѣвшій на него бѣлыми глазами. «И почему я такъ боюсь его,— мыслилъ царевичъ, — фантома его пугаюсь, какъ дитя?.. Развѣ звѣрь онъ, не человѣкъ, мнѣ не отецъ? И отчего, вмѣсто сыновней, нѣжной любви, я съ малыхъ лѣтъ, сколько знаю себя, такъ не любилъ и такъ всегда боялся его?»

Алексѣю вспомнилось время, когда онъ юношей впервые возвратился изъ чужихъ краевъ. «Ну, каковы твои успѣхи?— спросилъ тогда отецъ, — какъ учился языкамъ, чертить и прочему? Принеси-ка свои чертежи». Напалъ тогда смертный страхъ на юношу-царевича. «Что̀, какъ заставитъ онъ, въ испытаніе, чертить при себѣ? — подумалъ при этомъ Алексѣй.—А я столь лѣнился и не сумѣю? Пропадать, видно, злой кары не избѣгну!» Онъ пошелъ за чертежами, взялъ со стѣны пистоль, зарядилъ его и, какъ бы нечаянно, лѣвою рукою выстрѣлилъ себѣ въ правую, — пуля слегка ранила ладонь. «Что съ тобой, Алёша?» — спросилъ царь, бросившись на выстрѣлъ и увидя кровь на рукѣ сына. «Не примѣтилъ, съ чертежами, пистоля, — отвѣтилъ царевичъ.— Ухватился, прости, и негаданно поранилъ себя». Петръ подозрительно глянулъ на сына, но смолчалъ; опыта съ черченіемъ не было.

«Трусъ я негодный, смѣло думаю, говорю о борьбѣ съ нимъ!—мыслилъ Алексѣй подъ гулъ несмолкавшей бури.— И когда же кончатся эти муки, когда, вмѣсто мятелей и холода, настанутъ ясные и теплые вешніе дни?»

Кончился февраль, миновали мартъ и половина апрѣля. Снѣгъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ сошелъ. Весна была въ полномъ разгарѣ. Царевичъ изрѣдка ѣздилъ въ засѣданія коллегій и сената, принуждалъ себя заниматься текущими дѣлами, прочитывалъ присылаемыя Меншиковымъ на его просмотръ бумаги и нѣмецкіе куранты. Объ отцѣ мало было слуховъ. Знали только, что онъ ведетъ какія-то негоціи въ Даніи. Посѣщая церкви, царевичъ навѣдывался кое къ кому и изъ ближнихъ къ отцу вельможъ. Въ концѣ великаго поста онъ отговѣлъ и пріобщился св. Таинъ.

Солнце пригрѣвало болѣе и болѣе. Скудная питерская природа готовилась одѣться въ вешній нарядъ. Ивы давно

сбросили чехлы съ цвѣтовыхъ почекъ. На полянахъ лѣсовъ Васильевскаго острова и Охты дружно прорастали зеленыя травы и по нимъ выдѣлялись голубые и желтые пролѣски. Распускались вздутыя почки липъ и березъ. Съ орѣшника свѣшивались сѣрые цвѣточные локонцы. Въ садахъ пахло смолой раскрывшихся листьевъ тополей. Грачи и вороны, справивъ прошлогоднія гнѣзда, съ крикомъ носились надъ ними. Появились мошки и жуки. Въ лѣсныя затишья налетѣли зяблики, долгоносые удоды, сѣрые и черные дрозды. Зазеленѣла черёмуха и на вскрывшихся рѣкахъ показались первые дикіе гуси и утки.

Ко двору царевича, передъ Пасхой, прибылъ весенній обозъ изъ Порѣчья съ живностью,— копчеными окороками, масломъ, творогомъ, балыками, яйцами и провѣсными гусиными полотками. Съ обоза ему подали два письма. Первое вскрытое было отъ попа Печунина. Отецъ Созонтъ благодарилъ Алексѣя за оказанныя щедроты и дары. «О-ле, чудное милосердіе, Христе Боже!—писалъ онъ царевичу.— Хитродѣтелецъ и злопамятогубецъ, староста Мосеичъ, какъ ни роскошенъ и честолюбивъ, все по твоему указу исполнилъ. Не коритъ болѣе, не уязвляетъ каменномётными словесы; дай, Господи, тебѣ своего времени и лѣтъ царствованія твоего благолѣпно устроити, аки устроилъ и хозяйствишко твое на мызахъ. Молился азъ многогрѣшный тезоименнику твоему, человѣку Божьему Алексѣю, и оный преподобный мученикъ милости намъ отъ щедротъ твоихъ излія: дадены намъ лугъ и лѣсъ, пашенка и помощь въ скотѣ и прочемъ, на прокормленіе мучицы аржаной и ячной, а для просфоръ матушкѣ кладушечекъ двѣ и пшеничной крупчатки. И во всемъ томъ добросердная и къ помощи склонная моя питомка Ефросинья, вашей худобы блюстительница, совѣтомъ и дѣломъ помогла совершить. Азъ же, многогрѣховный и мизирный, пишу сіе, а оная къ милостямъ радѣтельница, Ефросинья Ѳедоровна, вышла отъ себя, супротивъ, на крылечко, зритъ въ вашъ садъ и онаго съ зимы, ей Господи, больше не познать. И егда убо дверцы въ оный садъ нынѣ на солнцѣ отверзлись, отъ тѣхъ древесъ и кустовъ, яко ароматъ изліянный, духъ сладкоуханъ и благоуханъ всѣхъ объя,—дворъ и церковка наша исполнися аки смирны и ладона. Въ прежнемъ житіи, въ Вязёмахъ, было хорошо; въ твоей же, батюшка-царевичъ, здѣсь

купленной мызѣ, ей многократъ лучше! Сему же письму конецъ предлагая и твоихъ милостей ввѣкъ не забывая, азъ писавый словесъ ставлю конецъ, да сохранитъ твое превысочество Богъ-отецъ».

«Виршами на радости кончилъ! — подумалъ съ улыбкой царевичъ, дочитавъ посланіе Созонта. — Что же, дай ему Господи! добрые люди оба они...»

Но во второмъ письмѣ онъ увидѣлъ надпись Смолокуровой. Краска восторга залила его лицо. Торопливо распечатавъ вчетверо сложенную бумагу, Алексѣй прочелъ слѣдующія строки:

«Государю моему, царевичу Алексѣю Петровичу. Пріитить близко, поклонится низко, честь весело, быть радостну. Съ особливымъ увеселеніемъ извѣщена есмь любительнѣйшимъ вашимъ писаніемъ. И мое письмишко честно да вручится тебѣ, государю моему, и ты впредь забвенно не учини, а мы о здравіи вашемъ хоть одну строку слычати на всякъ часъ желаемъ. Доношу же твоей милости, не видя ясныхъ твоихъ очей, несносная мнѣ печаль, сердечная, смертоносная язва. А кругомъ развѣ не рай? да кому безъ тебя, желанный, любоватися? Хозяйство ваше, аки младенецъ пріятный, ласковый, досмотрѣно мною паче зеницы. А которыя слова приказаны, все то сдѣлано. Солодовня починена, винокурня и маслобойня труждаются по всякъ день; ледники набиты и въ нихъ изъ медоварни и пивного завода вкачаны бочки новаго варева, до вашего пришествія къ намъ. Каменная рига покрыта, съ чешуйнымъ, зѣло краснымъ, обвиваніемъ по тёсу и съ пѣтушки. Въ хоромахъ потолокъ, по волѣ твоей, зѣло штучно, итальянскою работой, изъ гипса кладенъ, и слуги ваши, кормилицыны оба хлопчика, красно же одѣты, — плащикъ долгъ, бѣло сукно, шапочка бархатъ-синь, съ обручикомъ смушковымъ, — сама съ матушкой шила. Ахъ, пріѣзжай, любонька-свѣтъ, все повидишь, самъ не нахвалишься нашимъ трудамъ. На птичьемъ дворѣ — веселіе отъ крику и радости велія. Гуси, павлины, утки и куры вывели малыхъ птенцовъ. Отъ мельницы, какъ приказалъ ты, радость, ѣдучи, гирями въ огородъ тянется вода. Рѣки, ручьи въ мѣстахъ полистыхъ и лугахъ взыграли. Роща листьемъ кроется. Цвѣты изъ теплицъ выставлены и скоро аки бы цвѣсть яблонямъ, дулямъ, сливамъ и всему. Не пріѣдешь — въ конецъ я пропала. И какая это Богъ

мой, будетъ тоска! Виждь, свѣте мой, братецъ, простъ я сердцемъ человѣкъ, а всему свѣту доказала, въ любви вѣрна. Ахъ, сердце, ахъ, лапушка! Зови къ себѣ, либо пріѣзжай. Твой вѣрный другъ. Афросинья».

«Надо ѣхать, — подумалъ царевичъ. — Какой ни придумать резонъ, нѣтъ силъ, — вырвусь и уѣду!»

Волга, Кама, Ока и Донъ въ то время уже вскрылись. Въ Воронежѣ готовились къ спуску на воду вновь построенныхъ кораблей. Алексѣй объявилъ въ сенатѣ, что, выполняя всегдашнія желанія отца и чувствуя себя нынѣ вполнѣ здравымъ, онъ рѣшилъ отбыть въ Воронежъ, для осмотра тамошнихъ судовъ и верфи. Получивъ отъ морской коллегіи прогоны и подъемныя, онъ собрался и вскорѣ, со слугой и поваромъ, двинулся на ямскихъ въ Москву, а оттуда на Муромъ и Арзамасъ, въ алатырскую свою вотчину, Порѣчье. «Въ Воронежъ еще успѣю, какъ просохнетъ, — думалъ онъ. — Давно собственнаго не видѣлъ хозяйства».

. . . .

Ноябрь 1890 года.

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

«Ты куколка, я куколка,
«Ты маленькая, я маленькая—
«Приди ко мнѣ въ гости».
Изъ старой сказки.

I.

Было знойное лѣто. По гребню высокаго косогора, на возу съ пшеницей, по степи ѣхалъ старый хуторянинъ. Свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ голову на грудь, онъ покачивался подъ мѣрный шагъ воловъ, дремалъ и пѣлъ. Напѣвалъ онъ все одно и то же, а именно, слѣдующія слова, повидимому, начало любимой его пѣсни:

«Ой были у кума пчелы,
«Ой... да были-жъ... у кума... пче-е-лы!»

Онъ пѣлъ ясно первую строку, начало второй слабѣе, а конецъ уже—засыпая. Встрѣчный толчокъ будилъ его. Онъ просыпался, затягивалъ ту же пѣсню, засыпалъ на словахъ: «Ой... да были у кума... пчёлы»—и, проснувшись на новомъ толчкѣ, опять принимался за старое.

Далѣе новости о томъ, что «у кума были пчёлы», онъ не шелъ, и такъ ѣхалъ уже нѣсколько часовъ.

Ѣхалъ онъ въ Полтаву. Навстрѣчу ему, также подремывая и напѣвая, на телѣгѣ въ одну лошадь, двигался другой хуторянинъ-казакъ, молодой. Ѣхали казаки и сцѣпились возами.

Необычный скрипъ снастей разбудилъ ихъ. Они очнулись и молча стали погонять, старый — воловъ, молодой— своего коня.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ было пусто... — произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ,—замѣтилъ молодой, также зѣвая...

— А ты что губы развѣсилъ? вѣрно тётку схоронилъ?—прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копаться около колесъ.

— Ты вѣрно тётку схоронилъ! — обиженно произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на окраинѣ воза:—у тебя вѣрно тётка умерла, да и отецъ твой—пьяница!

— Какъ пьяница?—съ удивленіемъ спросилъ старикъ:—врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты—такъ пьяница!—Синяки подъ глазами гдѣ взялъ?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, такъ часто этимъ украшался, что синякъ подъ его глазомъ скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я — пьяница? А чтобъ твоя жена была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймаютъ и отдерутъ...

— Это тебя вѣрно отдерутъ! — сказалъ старикъ, безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ ты, старая подошва! Ахъ ты, бродяга... ишь, слюни распустилъ...

— Чтобъ тебѣ было пусто!—плюнулъ старикъ, не зная, куда дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не угомонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ у тебя въ метель, посреди степи, кобыла распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченѣли...

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, да какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разъѣхались. Скоро отлогій косогоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули.—Когда они снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою шинка, и стояли, къ удив-

вленію ихъ, опять сцѣпившись колесами... Молча покачали путники головами и слѣзли съ возовъ. — «Надо ночевать тутъ!» — сказалъ одинъ изъ нихъ. — «И то правда! надо ночевать!»—прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и улеглись подъ открытымъ небомъ. . . . .

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омелько Брусъ, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на печи, въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе. . . . . . .

Старшій былъ старосвѣтскій маляръ, изъ Борисовки, по имени Ефимъ Сояшница. Старосвѣтскіе маляры нынче перевелись; но въ Борисовкѣ еще кое-гдѣ ихъ встрѣтишь. Сояшница былъ украшеніемъ и гордостью Борисовки; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій человѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ кафтанѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Его жилетъ былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда Сояшница собиралъ все, что ни попадалось; ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда, когда нужно, появлялись: иголка съ нитками, наперстокъ, или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, восковой огарокъ, пуля... Сояшница брилъ затылокъ, носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставъ на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Вслѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Сояшница, и прежде ѣздившій довольно часто съ работою по сосѣднимъ слободамъ, рѣшился окончательно бросить родимую Борисовку, вблизи которой родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ... . .

Чуть крикнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ.—Вѣтеръ колыхалъ пучокъ бѣлаго ковыля на длинномъ шестѣ корчмы, и стая скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, осѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала спокойно, и въ маленькихъ карихъ глазахъ отражалась такая безмятеж-

ность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно хорошо было бы выпить!—раздался за его спиной голосъ. Сбяшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаровары Омельки были сильно выпачканы дегтемъ, ноги—босыя, шапка въ заплатахъ.

— Выпить, такъ и выпить!—рѣшилъ маляръ.

Шинкарь вынесъ водки. Путники потребовали хлѣба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ водки Омелько Брусъ.

— Будьте здоровы! — сказалъ онъ, осушая стаканчикъ, покривился, сплюнулъ, покачалъ головою, выпилъ еще стаканчикъ, посмотрѣлъ на его дно, махнулъ рукой, какъ бы говоря: «ну, теперь уже довольно!» и бережно поставилъ графинчикъ на траву.

— Откуда вы?—спросилъ маляръ.

— Ѣздилъ въ Крымъ за солью,—жена посылала; да только не доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку. Всѣ деньги пропилъ на дорогѣ, и кисетъ съ табакомъ пропилъ, и сапоги пропилъ, и теперь меня жена ужъ непремѣнно побьетъ...

Сбяшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы, дядюшка, откуда?—спросилъ Брусъ, опять посматривая на стаканчикъ.

— Ѣду въ Полтаву къ одному знакомому человѣку хату писать.

— Э, друже, такъ вы — маляръ? — вскрикнулъ Омелько Брусъ не безъ радости:—такъ вы уже лучше постойте. Лучше вы меня выслушайте.

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся...

Странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга въ усы!

— Бросьте вы Полтаву,—сказалъ Брусъ:—на нечистаго вамъ Полтава? ничего вы тамъ не сдѣлаете!

— Нѣтъ! — сказалъ маляръ, помолчавъ: — никакъ уже нельзя теперь, далъ слово, пріятель обругаетъ!

— Не обругаетъ. Поѣдемъ въ наши мѣста, работы не оберешься!

Малярь задумался.

— Нѣтъ, никакъ нельзя! — отвѣтилъ онъ рѣшительно: — далъ слово! и какъ это можно. Пріятель скажетъ, что у меня языкъ даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ пріятель. Поѣдемъ въ нашъ край! паны у насъ—все люди хорошіе, а картинами всѣ панскія хоромы увѣшаны.

Малярь взглянулъ на Бруса и подумалъ: «Какой же ты, однакó, должно-быть, добрый человѣкъ! Оно сейчасъ видно: и не спѣсивъ, и водку хорошо тянешь»...

— Ѣду, такъ и быть!—сказалъ малярь, махнувъ рукою.

Шинкарь вынесъ новую флягу горѣлки. Малярь скинулъ свитку и обратился къ другимъ путникамъ, съ любопытствомъ обступившимъ новыхъ друзей:

— А ну, братцы, садитесь и вы, да помочимъ усы въ горѣлкѣ!

Омелько Брусъ взялся за флягу, и пошла попойка. — Солнце, между тѣмъ, стало сильно припекать. Распряженные волы маляра паслись за шинкомъ; лошадь Бруса щипала траву на взгорьѣ, за выгономъ.

Въ это время по дорогѣ показался какой-то человѣкъ, въ картузѣ, съ коротенькою трубкою и кнутомъ. Онъ шелъ прямо къ коню.

— Смотрите, кто-то идетъ къ вашему мерину!—замѣтилъ малярь.

— Идетъ!—отвѣтилъ Брусъ, спокойно лежа на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ вашего коня!—сказалъ малярь.

— Нѣтъ, не украдетъ.

— Какъ не украдетъ? Да вѣдь онъ идетъ прямо къ нему!

— Такъ что же? — отвѣтилъ Брусъ: — развѣ коня ужъ нельзя и на выгонъ выпустить?

— Да вѣдь онъ уже берется за гриву!—сказалъ малярь.

— Мало ли что! теперь день, и насъ семеро.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся, взобрался на коня, хлестнулъ его кнутомъ и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили озадаченные хуторяне. Они безъ шапокъ бросились въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ!—кричалъ Брусъ:—держи его, держи...

Но всадникъ мелькнулъ въ луговой травѣ и скоро исчезъ за косогоромъ.

Вернулись хуторяне къ корчмѣ и, снова охая, усѣлись подъ возами.

— Коня теперь нѣтъ,—сказалъ Брусъ:—такъ зачѣмъ и телѣгѣ оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся: что-нибудь сломается, или за постой нужно будетъ заплатить.

Отуманенный маляръ сказалъ-было: «Не совѣтую! телѣга совсѣмъ новая!» Но тутъ же привсталъ, повозился зачѣмъ-то въ шароварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: «А не то, продавай телѣгу; она теперь совсѣмъ уже не нужна!» клюнулся головою въ траву и заснулъ... Омелько Брусъ продалъ телѣгу подъѣхавшимъ чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцовать. Чумаки вытащили изъ корчмы мальчика съ дудкой. Мальчикъ утеръ носъ, усѣлся на землѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте! — кричалъ Брусъ, взявшись подъ бока и съ трубкой въ зубахъ отвёртывая ногами бѣшеную присядку:—гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому...

Сперва Брусъ плясалъ подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только онъ ни дѣлалъ: билъ себя по бокамъ и по головѣ, кидалъ направо и налѣво руки и ноги, и каждая складка платья, каждая жилка, руки и губы,—все въ немъ плясало...

Вспомнилъ Брусъ свое прошлое время, когда еще у него не было жены и онъ украдкою отъ дяди-кузнеца бѣгалъ на вечерницы.

Смерклось...

Омелько растолкалъ маляра, и широкій возъ хуторянъ снова заколыхался по пыльной дорогѣ.

II.

Ѣхали хуторяне долго, и въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попадался имъ въ потертомъ халатѣ и съ кисетомъ за поясомъ прохожій и, приподнявъ передъ ними картузъ, говорилъ: «Душечка, дайте мнѣ грошикъ!» Омелько спрашивалъ: «На что вамъ гро-

шикъ?» Получая въ отвѣтъ: «Я за ваше здоровье, душечка, выпью!» онъ опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда деньги, говорилъ: «Вотъ вамъ грошикъ, только выпьемъ вмѣстѣ!» и подвозилъ его къ шинку.

По ночамъ путники не ѣздили, а всегда съ вечера гдѣнибудь останавливались.—Тутъ языкъ Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развязывался, и онъ угощалъ маляра разными любопытными разсказами.

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ, наконецъ, не стало ни копейки денегъ.

Населенный и богатый край, родина Бруса, былъ не за горами. Какъ-то подъ вечеръ странники встрѣтили красноносаго городского скрипача. Едва державшійся на ногахъ, съ трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой, музыкантъ, покачиваясь и понуривъ голову, подошелъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принялся напиливать на скрипкѣ что-то заунывное, закончилъ трепакомъ и, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, попросилъ скрипкою пить: «пи-и-ти, пи-ти-ти». Но, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявилъ, что если у добрыхъ людей есть кнутъ и хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда не годится... Онъ тутъ же положилъ скрипку на траву, снялъ поясъ, растянулся по срединѣ дороги и отъ души сталъ просить хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что же? побить, такъ и побить!—рѣшилъ Брусъ:—это ужъ такъ ему, видно, нужно, душа захотѣла...—И сталъ его слегка хлестать.

Въ другомъ мѣстѣ странники встрѣтили мужа, несшаго на рукахъ подкутившую жену. — «То, вѣрно, съ веселья идутъ!» — сказалъ при этомъ маляръ. — «У кума были!» — отвѣтилъ Брусъ, умильно слѣдя за счастливою четою.

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ тихая, дремотливая струйка воды въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце всходило и садилось за цвѣтущими полями, какъ смѣнялись вечеръ, утро и темная ночь. Омелько качалъ головою и говорилъ: «Вотъ жизнь!» Маляръ ему вторилъ.

Маляръ любилъ засматриваться на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на вывѣскѣ шинка. Омелько же,

бóльшею частью, спалъ безъ просыпу, какъ только могутъ спать хуторяне, прогулявшіе до копейки свое добро и ѣдущіе, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой женѣ, пославшей мужа продать, напримѣръ, на ярмаркѣ мѣшокъ пшеницы, или годовалаго бычка. Пріѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ.—«Вотъ это жъ тебѣ—вареники, а вотъ это—блины! Кушай на здоровье, а я тебѣ еще и водочки поднесу!—Сидитъ пропащій мужъ, ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды!—«Ну, говори же!»—начинаетъ хозяйка:—«почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?»—Мужъ, утирая усы, принимается разсказывать.—«Ну, а кофту купилъ ты мнѣ?»—робко спрашиваетъ хозяйка, наливая мужу водки. — «Купилъ!»—отвѣчаетъ мужъ.—У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. — «Гдѣ же она?» — «Тамъ!» — отчаянно отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — «Гдѣ тамъ?» — «Пропала наша пшеница, да пропалъ и бычокъ. Сижу я, голубочка ты моя, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли...» — «Ну?»—«Вотъ, сижу я и думаю. Утро пришло, не украли!.. Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться»...— «Ну?? Ну??»—«Да уже вечеромъ украли, вражьи люди!»— замѣчаетъ мужъ, утирая усы. Хозяйка, блѣдная и взбѣшенная, вскакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне и могутъ такъ спать, какъ спалъ во всю дорогу Брусъ. Наконецъ, путники увидѣли пристань своего странствованія.

Рано, на разсвѣтѣ теплой и влажной зари, передъ ними и съ косогора развернулась широкая долина, съ синѣющими лѣсами, курганами и лугами по берегамъ рѣки. Солнце только-что начинало подниматься изъ-за пригорковъ, и легкій туманъ висѣлъ по долинѣ.—Омелько Брусъ остановилъ воловъ, приподнялся на возу и, на вопросъ маляра, сказалъ:

— То, будто овцы по долинѣ бѣлѣютъ, деркачёвскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ добрый и богатый; мы у него тоже побываемъ...

III.

Былъ полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика стоялъ низенькій господинъ, въ шелковомъ стеганомъ бешметѣ, въ нанковыхъ панталонахъ и въ гарусныхъ ботинкахъ на босу ногу.

Это былъ Михѣй Михѣичъ Деркачъ, обладатель деркачёвскихъ хуторовъ.

На головѣ Михѣя Михѣича была широкая, изъ степной травки, шляпа. Онъ держалъ въ рукахъ пѣнковую трубку съ большимъ янтаремъ и потиралъ въ раздумьѣ небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко его ни брили утромъ, къ вечеру того же дня обростать изсиня-черною щетиною.

Михѣй Михѣичъ пошелъ-было купаться, но уже было жарко. Мухи нестерпимо жужжали. Онъ вынулъ носовой платокъ и повязалъ его, въ видѣ вуали, на соломенную шляпу. Шедшія по дорогѣ бабы, присматриваясь къ бѣлому платку, который, какъ султанъ каски, отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и думали про себя: «Не то адъютантъ, не то дама!» — а подходя ближе, распознавали лицо добраго Михѣя Михѣича.

Передъ Михѣемъ Михѣичемъ у крыльца стояли, съ шапками въ рукахъ, уже извѣстные странники, маляръ Сбяшница и его спутникъ Омелько Брусъ.

Воловъ у маляра также уже не было, и отъ самаго воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту онъ заложилъ въ кабакѣ, при входѣ на деркачёвскіе хутора.

Помѣщикъ прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ:

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я—маляръ!—сказалъ Сбяшница.

Окинувъ глазами сѣдую голову, долгополый зеленый кафтанъ и вообще всю слабую и плохенькую фигурку маляра, Михѣй Михѣичъ затянулся трубкой и, пуская дымъ колечками, произнесъ:

— Нѣтъ... идите съ Богомъ... мнѣ васъ... не нужно!

Маляръ съ уныніемъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего же... не нужно? Я вамъ такую вещь напишу, что еще сроду не видано!

Михѣй Михѣичъ помолчалъ.

— А карету распишешь?

— Распишу...

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломишь, Богъ вѣсть какую цѣну? Маляръ изъ Бахмута брался расписать ее за пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— А я возьму... двадцать, а не то и меньше! — сказалъ Сояшница.

— Когда такъ, то я согласенъ! — отвѣтилъ помѣщикъ.

Сдѣлка тутъ же была заключена на условіяхъ, что Сояшница будетъ жить на барскихъ харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ *подмалярія*; и каждому изъ нихъ, за обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а за ужиномъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того, имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ и, если пожелаютъ, напиваться пьяными, слѣдовательно, ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать, когда деркачёвскій баринъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Малярь и его другъ перешли на новое жительство.

Это былъ курень, съ навѣсомъ и погребомъ, въ садовой пасекѣ. Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ недѣлю, въ куренѣ, неизвѣстно откуда, появилась круглая и «полновидная» бабёнка, съ бѣлымъ лицомъ и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачёвская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: «Что это за баба?» — Брусъ отвѣчалъ: «А то я сюда свою жену перевелъ, потому что какъ же на свѣтѣ человѣку жить безъ жены?» — А у тебя, Сояшница, есть жена?» — спрашивала любопытная дворня. — «Есть! — нехотя отвѣчалъ малярь: — только она ходитъ теперь... на заработкахъ!» — Дворня болѣе не разспрашивала. — Малярь съѣздилъ въ уѣздный городъ, накупилъ кистей и красокъ, перетащилъ карету изъ сарая подъ навѣсъ пасѣки и принялся за работу.

Старая, пыльная карета была вымыта, высушена, до половины закрыта широкою полотняною тканью, и малярь, соскобливъ съ ея боковъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ, получившій титулъ подмалярія, на гладко отполированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку и мѣдянку.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сояшница до того расходился, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватилъ налету и стекла кареты, и порядочную часть собственнаго фартука.

Михѣй Михѣичъ, какъ человѣкъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикѣ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сояшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко! —говорилъ онъ, водя рукой по загрунтованнымъ бокамъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко! — подхватывалъ маляръ, издали прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою:—и какъ это могло случиться?

— Это нужно поправить! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Сояшницу.

— Поправлю!—отвѣчалъ Сояшница:—безъ того нельзя.. вонъ, трещины...

Михѣй Михѣичъ черезъ нѣсколько дней снова заходилъ на пасѣку.

— А вѣдь у тебя, погляди — опять ямочки и не заглажено!—говорилъ онъ, нагибая носъ къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, не заглажено!—удивлялся маляръ, недоумѣвая, какъ это могло случиться.

И сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на пасѣку, — медомъ тамъ удивительно пахло,—а ямочки и трещины на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи...

Между прочимъ, онъ крайне любопытствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется, при своей работѣ, безъ должныхъ инструментовъ.

— Какъ это ты выточишь и вылощишь? — спрашивалъ онъ, указывая на разныя мѣста: — у тебя нѣтъ ни стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не безпокойтесь!—отвѣчалъ маляръ:—я это все отлично сдѣлаю!—я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Какъ, сапожнымъ шиломъ?

— А такъ же: гдѣ вогнуто, я остріемъ-съ, а гдѣ гладко, проведу плашмя-съ...

Михѣй Михѣичъ на это теръ у себя переносицу и молча отправлялся смотрѣть пчелъ, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, было поручено смотрѣть Брусу.

Среди занятій по подмалёвкѣ и окраскѣ кареты незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кузова былъ выправленъ и загрунтованъ.

Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ за обѣдомъ по рюмкѣ водки, а за ужиномъ по двѣ, и Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ, по условію, по праздникамъ, маляры прогуливались на четвереренькахъ передъ корчмою его хутора, несказанно тѣмъ потѣшая пеструю слобожанскую толпу.

— А знаешь что̀, Сѣяшница?—сказалъ однажды Михѣй Михѣичъ, навѣстивъ маляра: — ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое что̀ хорошее написалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Что даромъ время тратить!

— Что̀ же ты напишешь?

— Все на свѣтѣ. Для того мнѣ нужна только та краска, что зовутъ «кошечьи румяна», да хоть чуточку настоящихъ свинцовыхъ бѣлилъ.

«Кошечьи румяна», бѣлила и прочее были доставлены, и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну, что̀ же ты теперь мнѣ напишешь?

Маляръ опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря, или прекраснаго Іосифа, высокую гору, или какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу...

Черезъ нѣсколько недѣль Сѣяшница принесъ Михѣю Михѣичу что-то завернутое въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ. На вопросъ барина: «это что такое?» онъ отвѣчалъ: «я вамъ, Михѣй Михѣичъ, снѣгиря, поймалъ». — Снѣгирь, однакоже, оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ ее глубокомысленно разсматривать... На полотнѣ былъ изображенъ кавказскій плѣнникъ.

— Хорошо, весьма хорошо!—сказалъ Михѣй Михѣичъ:— усы вышли нѣсколько будто голубые, но хорошо... очень хорошо... горы, черкесы и лѣсъ...

Услышавъ похвалу, Сѣяшница размахался руками.

— Эхъ, Михѣй Михѣичъ! Эхъ, сударь вы мой!—восклицалъ онъ:—да если бы мнѣ да этакое помѣщеніе, да краски, такъ я бы не то написалъ! Ну, что̀ это? Пустяки. Нѣтъ, я славную бы вещь написалъ! Эхъ, я уже знаю... да что... лучше и не говорить.

Раскозырявшемуся маляру, однакоже, пришлось получить

неожиданный щелчокъ судьбы. Михѣй Михѣичъ нечаянно взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ брови.

— Послушай,— сказалъ онъ:— а рука плѣнника куда дѣвалась? ты рукавъ написалъ, и даже саблю на воздухѣ около него написалъ, а про руку и позабылъ.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Соляшница: — совсѣмъ позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право, вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на пасѣку, усѣлся на перевернутомъ ведрѣ и пририсовалъ къ рукаву плѣнника забытую руку.

IV.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрунтованъ, и маляръ принялся покрывать его изсиня зеленою краской.

— Знаешь, Соляшница,— сказалъ баринъ: — я думаю на дверцахъ написать свои гербы.

— Что же ничего... оно точно хорошо, какъ гербы...

— Какъ же ты думаешь, голубою или зеленою краскою написать гербы?— спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою...

— Ка̀къ такъ?

— А такъ же! Ужъ если что̀ рисовать, такъ я вамъ съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую лучше по два самоварчика...

— Ка̀къ, по два самоварчика??

— А видите ли: я въ Зміёвѣ нарисовалъ одному купцу, на вывѣскѣ, рядомъ по два одинаковыхъ самоварчика, и повѣрите ли, весь городъ повалилъ въ гостиницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ зато далъ плису на жилетъ и совсѣмъ почти новую шапку...

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй.

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ; это, кажется, теперь не въ модѣ.

— Такъ какъ же? Вѣдь этакъ вся карета будетъ безъ украшеній...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ безъ украшеній, а самоварчики... это не въ модѣ...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ маляры поселились на пасѣкѣ Михѣя Михѣича.

Омелько Брусъ блаженствовалъ. Сѣяшница, однакоже, замѣтилъ, что его пріятель съ нѣкотораго времени начинаетъ впадать во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пасѣки, за которою Брусу было поручено ходить, когда ихъ осенью принесли къ подвалу, чтобы, по обыкновенію, подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Баринъ удивился.

— Куда дѣлся медъ? говори!—спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда!—отвѣтилъ спокойно Брусъ:—можетъ-быть, высохъ, или кто-нибудь его съѣлъ.

— А вотъ, я тебя какъ положу, да вспрысну березникомъ, такъ ты и будешь у меня разсказывать.

Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, напрасно храбрился, такъ какъ во всю жизнь онъ наказалъ одно только существо, а именно, голландскаго гуся, который во время купанья укусилъ его за голую икру, за что въ тотъ же день и попалъ въ горшокъ съ борщомъ.

За Брусомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, и было велѣно перевести его изъ пасѣки въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена навѣдываются безъ спроса въ огородъ, гдѣ стали исчезать ягоды, картофель и бобы. Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ Брусу, но Брусъ на это отмалчивался или принимался икать.

Не радовалъ сердце друга Брусъ, какъ въ тѣ времена, когда они странствовали по степи и дѣлили вмѣстѣ счастье и горе, смѣхъ и слезы.

Работа подходила къ концу.

Колеса кареты были осмотрѣны и окрашены, и маляръ принимался за покрытіе всего кузова лакомъ. Злая грусть, между тѣмъ, съѣдала сердце маляра. Онъ выходилъ изъ пасѣки, глядѣлъ на улицу, гдѣ жилъ Брусъ, и молча хмурилъ брови. Омелько, видимо, его избѣгалъ, не являлся растирать на жерновѣ красокъ и водился либо съ зажиточными хуторянами, либо съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды сада, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ

обращались къ пасѣкѣ и раздавался хохотъ чернобровыхъ хуторянскихъ красавицъ.

— Эхъ-ма! — говорилъ на это маляръ: — вѣдь вотъ человѣкъ! Ну, не говорилъ ли я? вѣдь только даромъ живетъ на свѣтѣ! Такіе ли бываютъ подмаляріи? Знаемъ мы васъ, шеромыжниковъ... Эхъ, дай-ка мнѣ хорошихъ рабочихъ, написалъ бы я славную вещь... И всѣ бы тогда сказали: «ишь ты, сидѣлъ-сидѣлъ, да и написалъ такую вещь, что еще и не видано...»

Замѣтивъ, что маляръ начинаетъ сильно тосковать, Михѣй Михѣичъ, въ утѣшеніе его, подарилъ ему старенькое охотницкое ружье.

Маляръ, однакоже, не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда являлся на пасѣку пострѣлять въ отсутствіе Сояшницы воробьевъ: «оставь ты эту бѣсову вещь, Омелько, оставь: еще глазъ выбьешь!» — «Ничего, не выбью!» — отвѣчалъ на это Брусъ. — «Какъ, не выбьешь! оставь, говорю тебѣ: забылъ ты развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забылъ?» — «Гдѣ забылъ, вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно ли кого на свѣтѣ высѣчь за воробьевъ!» — «Воробьи, Омелько, тоже хотятъ жить, и ты — дрянь, а не человѣкъ, если станешь ихъ убивать!»

Однажды маляръ шелъ за мукою черезъ господскій дворъ. Въ окнахъ дома раздался крикъ. Помѣщикъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ! — кричалъ онъ: — бѣги скорѣе на пасѣку и неси свое ружье; мои заперты въ кладовой, а въ чуланѣ вскочилъ бѣшенный котъ, только-что взбѣсился!

Маляръ оглянулся, выхватилъ изъ-подъ плеча пустой хлѣбный мѣшокъ и сказалъ: «на пасѣку далеко, а я и этимъ кота поймаю!» — Съ этими словами онъ вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ ключницы дѣйствительно взбѣсился и, злобно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану...

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ, блѣдный, стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, ощетинился, замяукалъ и бросился на маляра; маляръ бросился на кота.

Помѣщикъ вскрикнулъ и пошатнулся. Когда онъ раскрылъ

глаза, котъ сидѣлъ уже въ мѣшкѣ маляра, и послѣднiй молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его!—кричали дворовые, когда маляръ вытащилъ и торжественно вынесъ кота на крыльцо.

Маляръ пошелъ къ рѣкѣ. Помѣщикъ и дворня слѣдили за нимъ.

«Зачѣмъ, — разсуждалъ маляръ, — я кину кота въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ? Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!»

Онъ сталъ развязывать мѣшокъ...

Но едва узелъ развязался, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Маляръ въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ...

Ощетинившись на немъ и дико мяукая, котъ сталъ его скрести когтями...

Михѣй Михѣичъ окончательно потерялся и бросился бѣжать къ дому безъ памяти, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись кубаремъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленiемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла...

Изъ двери пчелинаго шалаша голубою струйкой тянулся дымокъ. Омелько Брусъ, склонившись надъ ружьемъ, блѣдный стоялъ у порога шалаша и молча осматривалъ курокъ.

Сонпшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и въ безумной радости кинулся къ своему другу.—«Голубчикъ мой, Омелько! Такъ это ты убилъ кота?»—кричалъ онъ, смаргивая крупныя, катившiяся по усамъ слезы.

Брусъ на это не поднялъ даже головы, какъ будто это былъ не онъ, и сквозь зубы ворчалъ, пристально разглядывая ружье: — «Вотъ такъ ружье, Ей-Богу, и не думалъ, чтобы не промахнуться, а оно и убило кота! Славное ружье, чтобъ бѣсъ забралъ его батька!»

Въ груди маляра похолодѣло.

— Такъ ты не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ маляръ.

— Гдѣ не радъ! Я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ кота! И не думалъ совсѣмъ попадать, а уже на удачу...

Случилось около того же времени, маляръ завелся соб-

ственнымъ боченкомъ полынной водки и тщательно сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ около шалаша.

Онъ долго имъ пользовался втихомолку и вдругъ замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, будто усыхать, и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ стакановъ... Изумился маляръ, осмотрѣлъ боченокъ: ни одной щели не было на его бокахъ. — «Должно-быть, повадился воръ!» — рѣшилъ Сѳяшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ боченокъ, и только-что успѣлъ умѣститься, какъ дверь погреба тихо скрипнула, и въ него сталъ спускаться какой-то человѣкъ съ фонаремъ.

Боченокъ снятъ со скамьи; кто-то опрокинулъ его надъ головой.

Сѳяшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусъ...

Маляръ стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, мою водку воруешь?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я! — отвѣтилъ Омелько, безсознательно разглядывя боченокъ...

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Какъ не полюбилась!..

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не попросилъ?

Брусъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты... сюда... по ночамъ... сюда, Омелько?

Голосъ маляра дрогнулъ.

— Лучше бы ты, Омелько, взялъ ножъ да и зарѣзалъ меня, какъ стараго барана!—сказалъ Сѳяшница и вышелъ изъ погреба; слезы душили его, и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то опять вошелъ въ погребъ: боченокъ, ужъ окончательно допитый, лежалъ на полу.—«Собака!»—сказалъ съ холоднымъ негодованіемъ маляръ, отталкивая ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся въ шалашѣ, пересталъ пускать къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни слова. Да и не къ чему уже было говорить съ Омелькой.

Омелько въ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить...

Произошло это такимъ образомъ.

Было то тяжелое время, когда повсюду стали запрещать ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овощь, потому что появилась страшная болѣзнь, холера. Омелько Брусъ, незадолго до того времени, сталъ окончательно пропадать по оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены. Но вдругъ онъ неожиданно остепенился и даже сталъ заводиться хозяйствомъ. Онъ, между прочимъ, посѣялъ огородъ и день и ночь его караулилъ, не трогая ни капли водки. Огородъ у Бруса созрѣлъ, но никто не покупалъ у него овощей.— «Что!—подумалъ Брусъ,—повезу я ихъ хоть по помѣщикамъ; можетъ, на кормъ скоту купятъ!»—И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, выпилъ ее съ сѣмечками до дна, заболѣлъ—да дорогою и умеръ.—Лошадь его привезла къ чьей-то усадьбѣ. Дворня со страхомъ обступила возъ и повернула его оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяина въ деркачёвскіе хутора.—Шумъ поднялся на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался, но никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама его жена, увидѣвъ трупъ мужа, забѣжала неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее добро покойнаго. Коснулся Омельки Бруса, снялъ его съ воза, одѣлъ и похоронилъ одинъ только человѣкъ на всемъ хуторѣ. И былъ этотъ человѣкъ — старый маляръ Сояшница. — «Всѣмъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!»—говорилъ сѣдой маляръ, стоя съ лопатой надъ могилою отошедшаго друга...

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хуторскаго погоста, волнуя траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ маляръ надъ покойнымъ другомъ.—«Эхъ-ма!—говорилъ старикъ, качая головою:—зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!»—И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго маляра.

V.

Карета была окончательно окрашена, и чистенькая и свѣтлая, какъ новый поливяный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ пчельника. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты; но все еще ходилъ и возился возлѣ кареты, смотрѣлъ на ея дверцы и колеса и но

рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко. Онъ кашлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да и Михѣй Михѣичъ, впрочемъ не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которыхъ имя было «чертапхѝны».

Сôяшница не зналъ, куда дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ привязывался то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую всѣ гнали и били безъ милосердія.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Стоялъ однажды, по своему обыкновенію, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ кухни вышелъ заспанный лакей, Терéшко. Онъ былъ любимецъ барина и имѣлъ право заговаривать съ нимъ во всякое время, заложа руки за жилетъ и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Терéшко?—спросилъ баринъ.

— Да я къ вашей милости.

— А что, развѣ?

— Да тамъ такое диво, что я и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого, убей Богъ...

— Что-жъ тамъ за диво?

— Гляну я въ окно, идетъ по улицѣ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ.

— Ну?

— Вынулъ фокусникъ того пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ ходули изъ палочекъ и сталъ играть на дудкѣ.

— Такъ что же?

— Да бабы просятъ зазвать фокусника...

— А зазвать, такъ и зазвать.

Передъ домомъ собралась густая толпа дворни.

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцомъ гребенокъ и ножей, явился, весело поглядывая на окружающихъ; онъ поклонился барину, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ сталъ огромными шагами расхаживать подъ дудку хозяина. Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. Баринъ всталъ. — «Терèшко, а бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!—сказалъ онъ

— А вотъ, я на амбаръ: хочется на голубей посмотрѣть— не подмерзли бы!—отвѣтилъ старикъ, и онъ скоро скрылся изъ глазъ сторожа...

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно. Солнце весело катилось по голубому небу. Равнины искрились серебромъ перваго снѣжнаго убора. Михѣй Михѣичъ, въ теплонъ бешметѣ и въ ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только-что онъ подумалъ: « а посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху», — какъ къ его дому подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Сотскій шелъ возлѣ воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который погонялъ воловъ.

— Что тебѣ, Никита? — спросилъ Михѣй Михѣичъ сотскаго.

— А вотъ, работникъ мой ѣхалъ по степи съ сѣномъ и подъ стогомъ нашелъ двухъ замерзшихъ людей.

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ сѣна лежали окоченѣлые маляръ Сояшница и гребенщикъ.

VI.

Судьба сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, тѣла замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы, и когда ничто не помогало, ихъ поставили въ такъ называемый *мертвый домикъ*, который читатель всегда встрѣтитъ на многихъ степныхъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдуемую плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью. Мертвецъ, однако, его не безпокоилъ. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было. — Сторожъ заглянулъ подъ столъ и въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика. Сояшница ожилъ, покинулъ мертвый домикъ и притащился къ себѣ въ шалашъ, истопилъ тамъ печь, сварилъ себѣ кашу, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны его души были порваны, и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски. Тѣнь

перваго его друга, Омельки Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ пробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянскими молодицами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ самъ женатъ, и что его жена молода и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодицамъ. И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него, въ счетъ будущей платы за карету, денегъ и сообщилъ, что пойдетъ за женою и приведетъ ее на хуторъ.—Отправился малярь въ дорогу. Весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, добрался онъ къ купцу, у котораго проживала работницею его жена. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, дали себя знать старику. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: «Да развѣ это твоя жена?»—«Моя!»—отвѣтилъ Сѣяшница.— Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: «Жены твоей теперь у меня нѣтъ!»— «Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?»—спросилъ маляръ измѣнившимся голосомъ.—«Она,—вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, въ Харьковѣ, нанимается... ключницею». — Маляръ разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсницы и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ.—«Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!» — сказалъ купецъ.

Маляръ печально улыбнулся.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ: — жена теперь не пойдетъ за мною! Дождь, и теперь очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты ее возьми силою; на то ты мужъ..,

— Мужъ!.. нѣтъ, она не пойдетъ!—замоталъ головою маляръ:—я ужъ знаю свою жену! не пойдетъ, потому дождь и мокро.

И, несмотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ и опять пустился въ длинный путь. Ночуя подъ копнами и въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подалъ ему гривенникъ.

— Чтò это?—спросилъ его изумленный баринъ.

— Это осталось отъ денегъ! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ за карету; а то еще пропьешь его, какъ паршивый бродяга.

— А вотъ, я на амбаръ: хочется на голубей посмотрѣть—не подмерзли бы!—отвѣтилъ старикъ, и онъ скоро скрылся изъ глазъ сторожа...

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно. Солнце весело катилось по голубому небу. Равнины искрились серебромъ перваго снѣжнаго убора. Михѣй Михѣичъ, въ тепломъ бешметѣ и въ ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только-что онъ подумалъ: « а посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху», — какъ къ его дому подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Сотскій шелъ возлѣ воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который погонялъ воловъ.

— Что тебѣ, Никита? — спросилъ Михѣй Михѣичъ сотскаго.

— А вотъ, работникъ мой ѣхалъ по степи съ сѣномъ и подъ стогомъ нашелъ двухъ замерзшихъ людей.

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ сѣна лежали окоченѣлые маляръ Сôяшница и гребенщикъ.

VI.

Судьба сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, тѣла замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы, и когда ничто не помогало, ихъ поставили въ такъ называемый *мертвый домикъ*, который читатель всегда встрѣтитъ на многихъ степныхъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдуемую плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью. Мертвецъ, однако, его не безпокоилъ. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было. — Сторожъ заглянулъ подъ столъ и въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика. Сôяшница ожилъ, покинулъ мертвый домикъ и притащился къ себѣ въ шалашъ, истопилъ тамъ печь, сварилъ себѣ кашу, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны его души были порваны, и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски. Тѣнь

перваго его друга, Омельки Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ пробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянскими молодицами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ самъ женатъ, и что его жена молода и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодицамъ. И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него, въ счетъ будущей платы за карету, денегъ и сообщилъ, что пойдетъ за женою и приведетъ ее на хуторъ.—Отправился малярь въ дорогу. Весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, добрался онъ къ купцу, у котораго проживала работницею его жена. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, дали себя знать старику. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: «Да развѣ это твоя жена?»—«Моя!»—отвѣтилъ Сояшница.— Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: «Жены твоей теперь у меня нѣтъ!»— «Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?»—спросилъ малярь измѣнившимся голосомъ.—«Она,—вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, въ Харьковѣ, нанимается... ключницею». — Малярь разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсницы и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ.—«Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!» — сказалъ купецъ.

Малярь печально улыбнулся.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ: — жена теперь не пойдетъ за мною! Дождь, и теперь очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты ее возьми силою; на то ты мужъ..,

— Мужъ!.. нѣтъ, она не пойдетъ!—замоталъ головою малярь:—я ужъ знаю свою жену! не пойдетъ, потому дождь и мокро.

И, несмотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ и опять пустился въ длинный путь. Ночуя подъ копнами и въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подалъ ему гривенникъ.

— Что̀ это?—спросилъ его изумленный баринъ.

— Это осталось отъ денегъ! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ за карету; а то еще пропьешь его, какъ паршивый бродяга.

— А гдѣ же твоя жена?

— Осталась тамъ.

— Какъ осталась!—ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?

— Былъ, да она не пошла бы за мною!

— Какъ не пошла бы?—Что ты городишь?

— Мокро!.. Я ужъ знаю свою жену; не пошла бы, потому что дождь и очень мокро.

Съ той поры маляръ точно преобразился, сталъ совершенно спокоенъ. Еще онъ иногда возился съ подпилкомъ у винтовъ и у ручекъ кареты. Но уже работы надъ нею не доводилъ до конца. Прислонясь къ забору сада, онъ смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому носились, каркая, черныя ворòны. Онъ ужъ не встряхивалъ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Маляръ видимо угасалъ и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводилъ ни съ кѣмъ разговора.

Баринъ звалъ его иногда къ передъ-обѣденной порціи водки. Но маляръ отводилъ рукой поданную ему рюмку и молча устремлялъ въ землю глаза, нежданно залитые слезами. Баринъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Чтò съ тобою, Сòяшница?—спрашивалъ онъ.

— Скучно мнѣ, сударь, вотъ чтò...

— Какъ скучно?—что за чепуха...

— Такъ-таки совсѣмъ скучно!

Баринъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Но отчего же тебѣ скучно?

— А врагъ его знаетъ!—отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ катившіяся на кончикъ носа слезы:—вездѣ скучно: и въ шалашѣ скучно, и на хуторѣ, и въ полѣ, просто — на свѣтъ бы не глядѣлъ...

— Что же? вѣрно война будетъ? — спрашивалъ Михѣй Михѣичъ.

— Ну, войны не будетъ! а просто скучно—руки бы на себя наложилъ...

— Тебѣ, вѣрно, жаль... кого?—допрашивалъ Михѣй Михѣичъ:—вѣрно, жены?

— Не ее, а Бруса! — отвѣчалъ тихо маляръ и уже не могъ удержаться... Глухія рыданія вырывались изъ его старой груди.

Въ свѣтлый іюньскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки и облака ярко блистали за рѣкою,—когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ передъ колодцемъ, тихо бесѣдуя, стояли поселяне и поселянки,—маляръ Сѣяшница, лежа на тулупѣ передъ шалашомъ, вслушивался въ шопотливые звуки степного вечера. Отрадно было ему дышать свѣжимъ воздухомъ, напоеннымъ благоуханіями цвѣтовъ. Онъ робко улыбался, вглядываясь въ отдаленные очерки полей. Солнце золотило круглую вершину клена, одиноко поднявшагося на просѣкѣ зеленаго сада. Кукушка звонко куковала въ кустахъ за рѣчкой, въ осиновой рощѣ... Маляръ сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ вечернемъ воздухѣ,—сталъ считать съ мыслью:—«а посмотримъ, сколько еще мнѣ лѣтъ остается жить на свѣтѣ»... и не досчиталъ. Стараго Сѣяшницы не стало въ живыхъ...

Случилось мнѣ, въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета, проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Вечеръ засталъ меня въ полѣ, и я завернулъ на постоялый въ деркачевскихъ хуторахъ. Постоялый былъ вблизи хуторского кладбища.

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ здѣсь, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Въ концѣ хутора показались двое крестьянъ.

Я подозвалъ одного изъ нихъ, онъ вызвался меня проводить на кладбище.—«Гдѣ тутъ могила маляра Сѣяшницы?»—спросилъ я его.

Провожатый указалъ палкой на деревянный крестъ и отвѣтилъ:

— Вонъ она.

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омельки Бруса, что похороненъ тутъ?

Провожатый помолчалъ и отвѣтилъ:

— Да это она же и есть.

— Какъ она? Ты же сказалъ, что это — могила маляра!

Мужикъ зѣвнулъ и сказалъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра!

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?—спросилъ я.

— Омелько. Брусъ?

— Да!

— Не знаю. Такого тутъ и не бывало. Да и маляръ, постойте, должно быть, не тутъ похороненъ! — прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Ну, а не знаешь ли ты, гдѣ похороненъ у васъ прохожій гребенщикъ? онъ тоже, если помнишь...

Мужикъ надвинулъ шапку, запахнулъ полы зипуна и молча пошелъ обратно къ кабаку, не удостоивъ меня отвѣтомъ... У кабака слышалась пѣсня.

На постояломъ мнѣ не спалось. Я всталъ, посмотрѣлъ на часы, закурилъ сигару и вышелъ на улицу.

Деревушка стихла.

Посидѣвъ нѣсколько времени на откосѣ канавы у барскаго двора, я уже хотѣлъ идти обратно на постоялый, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ, или, вздыхая, пѣлъ. — «Конкуррѐнтусъ, винéнтусъ, бабѐнтусъ»...—отдавалось въ тишинѣ.

Я поднялъ голову. При блескѣ мѣсяца, на полянѣ показалась, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ длинномъ балахонѣ, фигура старика, повидимому, слѣпого. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятныя слова, онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты?—спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Михѣя Михѣича... крѣпостной и усердный рабъ или холопъ, Емельянъ Иванычъ Бутко... Отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій, — отъ малыхъ лѣтъ, отъ холопства имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все—пустяки, дрянь, ваша милость.

— Какъ пустяки, отчего?

— Пустяки,—повторилъ онъ и даже плюнулъ:—сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ! Я съ малыхъ лѣтъ былъ пѣвчимъ у

дѣда и у отца моего нынѣшняго владѣльца: дискантище у меня былъ бѣдовый! А теперь? Вотъ, вчера и сегодня я пьянъ; ну, пьянъ, и пьянъ, даже въ канавѣ вонъ проспалъ цѣлый день... Ну, а баринъ мой, значитъ, Михѣй Михѣичъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно, а прежде дали бы дерку, посватали бы съ березой, на пять недѣль закаялся бы...

Я не оспаривалъ отставного музыканта, сказавъ только, что, пожалуй, ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ опять усмѣхнулся, замигалъ слабыми глазами и смолкъ. Выраженіе его безбородаго, желто-блѣднаго и морщиноватаго лица изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое.

— Скучно на свѣтѣ, вотъ что-съ,—добавилъ онъ:—скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ... Эхъ, сударь вы мой,—покачалъ онъ сѣдой, плотно остриженной головой: — гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Нѣтъ ея, нѣтъ, и бѣсъ одинъ, видно, знаетъ, гдѣ она! Нѣту. И пусть на нее молодые не таращатся. Нѣту-ти, и лучше не ищите!

Онъ тряхнулъ картузомъ, какъ-то всхлипывая, вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью разъ и другой, надѣлъ его на затылокъ и пошелъ далѣе черезъ дворъ къ какой-то канурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Емельянъ Ивановичъ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» — Но старикъ не воротился.

Ночь свѣжѣла. «Стожаръ», или «волосожаръ», по мѣстному названію—золотая горсточка звѣздъ на сѣверной сторонѣ неба—высоко поднималась надъ землей,—признакъ близости утра. Большая Медвѣдица, по-здѣшнему—возъ, склонила къ землѣ свое дышло и подняла бока своей воздушной колесницы...

Со стороны кладбища, къ которому принадлежалъ огородъ и садъ хутора, послышался въ тишинѣ протяжный окликъ. Онъ замолчалъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды и кладбище, должно быть, парень, кричалъ товарищу: «Иване, Иване! А чи не хочешь ты Гапки?» — И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по огородамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1853 г.

ХРИСТОСЪ-СѢЯТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Жилъ старый и вдовый казакъ Наумъ. У него было два сына, Андрей и Иванъ. Наумъ разбогатѣлъ извозомъ соли и торговлею скотомъ, выселился изъ родной деревни и сѣлъ невдали отъ нея особнякомъ, завелъ въ степи, у лѣса, свой хуторъ.

Люди завидовали счастью и богатству Наума. Хата у него была просторная, крыта подъ гребёнку камышомъ, и раскрашена цвѣтными разводами, дворъ обнесенъ заборомъ. А во дворѣ—чего не было? телята, куры, гуси, свиньи, крѣпкія доморослыя лошади и раскормленные, круторогіе волы, да не одна пара, а паръ пять—какъ вытянутся въ возахъ подъ солью, точно писанные, идутъ важно и тащатъ каждый за двухъ и трехъ.

Старикъ былъ еще въ силахъ, но почувствовалъ близкій конецъ и позвалъ старшаго сына Андрея. Говоритъ ему:

— Ты уже женатъ, хозяйка у тебя добрая, имѣешь малыхъ дѣтокъ, — а Иванъ еще холостъ: оставляю вамъ наслѣдство. Бери заступъ.

И повелъ Андрея къ лѣсу.

Былъ вечеръ, взошелъ мѣсяцъ. Они достигли лѣса и здѣсь остановились на полянѣ, въ кустахъ, у корявого дуплистаго дуба.

— Копай,—сказалъ отецъ:—а я буду сторожить.

Андрей сталъ копать и выкопалъ чугунный котелокъ съ крышкою. Отецъ поднялъ крышку: котелокъ полонъ сере-

бряныхъ дукатовъ, а между ними желтѣютъ на мѣсяцѣ и червонцы.

— Слушай,—сказалъ отецъ Андрею:—ты теперь знаешь, гдѣ наше добро. Люди считаютъ меня колдуномъ, а дѣло простое: все нажито моими и вашими трудами. Говорятъ, золото вѣско, а къ верху тянетъ, и что всего веселѣе свои деньги считать. А я скажу: трудись, паши и сѣй; какова пашня, таково брашно. Пёсъ косматъ, ему тепло; мужикъ богатъ, ему добро. Только деньгами не чваньтесь и Бога чтите. Иванъ молодъ; когда женится и будетъ у него первый ребенокъ, отдайте часть этихъ денегъ на домъ Божій, остальнымъ и прочимъ подѣлитесь по-ровну и, чтя Господа, разживайтесь далѣе. Богъ вѣнчаетъ труды; малъ муравей, а горы роетъ. Я тебѣ, какъ старшему, повѣдалъ эту тайну; блюди ее и всю семью накрѣпко.

Котелокъ опять зарыли въ землю и возвратились. Старикъ прожилъ еще лѣто, дотянулъ до осени и осенью померъ.

Прошли три года. Андрей и Иванъ живутъ дружно, трудятся, торгуютъ и ведутъ хозяйство, какъ и при отцѣ.— «Вотъ лихой не взялъ колдуновыхъ дѣтей,—толкуютъ люди:— они еще гораздѣе отца. Все имъ спорится. Золотой молотокъ и желѣзныя ворота прокуетъ!»—Весною третьяго года Иванъ, на проводахъ, на родныхъ могилахъ, разглядѣлъ чернобровую и румяную Ганну. Ганна полюбилась ему. Любовь—не пожаръ, загорится—не потушишь; Иванъ рѣшилъ посвататься.

Миновала лѣтняя страдная пора, поспѣлъ, былъ убранъ и обмолоченъ хлѣбъ. Пошли по селамъ и хуторамъ гулянки и веселье; извѣстно, осенью и у воробьевъ—пиво. На Покровъ Андрей послалъ братниныхъ сватовъ къ отцу Ганны, а передъ Филипповками справилъ и братнину свадьбу.

Жены Андрея и Ивана зажили мирно; по очереди прибирали хату, пекли и варили, шили и пряли, доили коровъ и ходили за птицею и скотомъ. Не налюбуются братья своими хозяйками. Такъ прошелъ еще годъ.

Андрей видитъ, что Иванъ все бездѣтенъ, и стало ему жаль брата. Онъ вспомнилъ завѣщаніе отца. Хочется ему утѣшить Ивана, раздѣлить съ нимъ отцовы деньги и прочее наслѣдство, и боится нарушить заповѣдь отца. Придумалъ другое. Выждалъ время и, когда оба они пахали, выпрягъ воловъ, пустилъ ихъ на пашню и повелъ брата къ дубу.

— Ты, Иванъ, добрый и мнѣ почтительный братъ,—сказалъ онъ: — и твоя хозяйка уважаетъ мою. Скажу я тебѣ отцову тайну. Онъ намъ, кромѣ хозяйства, оставилъ деньги. Вотъ у этого дуба, съ этой стороны и подъ этимъ корнемъ, зарытъ котелокъ съ дукатами и червонцами. Говорю это тебѣ на случай моей смерти. Никто, кромѣ меня, даже моя хозяйка, про то не знаетъ. Видишь, я тебѣ открылся; но дѣлиться мы до срока не можемъ,—отецъ положилъ зарокъ.

И онъ разсказалъ брату этотъ зарокъ. Иванъ поклонился Андрею въ ноги. Говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты мнѣ довѣрилъ; другой на твоемъ мѣстѣ утаилъ бы такое наслѣдіе; вижу—настоящій ты мнѣ братъ. Можетъ-быть, ожидать намъ уже недалеко, — соблюдемъ волю отца.

Иванъ говорилъ отъ сердца. Какъ сказалъ, такъ и поступилъ; не настаивалъ на раздѣлѣ отцова наслѣдства, продолжалъ трудиться вмѣстѣ съ братомъ, но не утерпѣлъ обрадовать жену. Былъ Иванъ съ нею на ярмаркѣ. Видитъ, что всѣ, даже послѣдніе, завалящіе мужиченки снуютъ у красныхъ товаровъ, женамъ покупаютъ наряды. Иной и въ вешній день, какъ обгорѣлый пень,—ни хижи, ни крыши, пыль, да копоть, что нечего и лопать,—а тоже на послѣднюю полтину тащитъ женѣ обновку. Тотъ красную плахту, этотъ коралловое монисто, цвѣтные сапоги, либо платокъ.

И взяла Ивана досада. Въ тотъ годъ былъ неурожай, скотъ дешевъ, и всѣ обратно гнали домой непроданный товаръ. Гдѣ тутъ было просить у брата денегъ на наряды женѣ? Андрей же и съ своею хозяйкою былъ на это скупенекъ, говоря въ шутку: «лучшее ожерелье — женино смиренье!»

— Не тужи,—сказалъ Иванъ дорогою хозяйкѣ:—будутъ и у насъ деньги; тогда все тебѣ куплю, будешь какъ писаная краля. Пойдемъ на богомолье, отслужимъ молебенъ, и Господь намъ дастъ дѣтей. Дѣти—благодать Божья; у кого ихъ много, тотъ не забытъ отъ Бога.

Ганна и безъ того въ послѣднее время была сама не своя, а тутъ совсѣмъ задумалась: на что̀ это намекаетъ мужъ? Дѣло не простое; у него что-нибудь особое на умѣ. Она стала допытывать мужа; онъ не сдается. Но когда они сходили на богомолье и возвращались домой черезъ лѣсъ, Иванъ, будто отъ усталости, присѣлъ подъ дубомъ,

заставилъ жену побожиться, что она никому не выдастъ его словъ, и не только разсказалъ ей завѣтъ отца о кладѣ, но и показалъ ей самое мѣсто, гдѣ кладъ былъ зарытъ. Жена отъ радости заплакала и всѣми святыми поклялась, что никому не откроетъ сообщенной ей тайны.

Съ той поры Ганна повеселѣла и еще болѣе стала угождать мужу и семьѣ брата. Ранѣе другихъ встанетъ, позже всѣхъ ложится спать. Копаетъ въ огородѣ—поетъ; треплетъ кудель, или по колѣна въ водѣ моетъ бѣлье, голосистая пѣсня не умолкаетъ. Люди говорятъ: «Андреева баба—молодецъ, а Иванова и того лучше; никто противъ нея не смолотитъ и не сожнетъ; по. ихъ хутору и по ихъ землѣ Богъ походилъ».

Было о Петровкахъ. Стояло грозовое лѣто. Тучи сходились, застилая небо. Раздавались раскаты грома и падали обильные, благодатные дожди. Хлѣба зазеленѣли на диво. Травы стояли по поясъ. Вздорожалъ скотъ, овцы и всякая живность. Братья погнали на ближній торгъ старыхъ коровъ и лишнихъ овецъ и отлично продали. Рѣшили—и на другой, болѣе дальній торгъ погнали откормленныхъ за зиму воловъ. Съ ними по пути поѣхала и Андреева жена,—показать знахарю больное дитя. Дома осталась одна Ганна. Она управилась по хозяйству, уложила Андреевыхъ дѣтей спать и сама легла. Не спится ей. Смутныя мысли проносятся въ головѣ. Лѣсной кладъ не выходитъ изъ ума.

Ганна вышла изъ хаты, постлала зипунъ у порога и легла. Свѣжѣе на воздухѣ. Ночь темная, тихая. Все небо усѣяно звѣздами; то и дѣло онѣ золотыми искрами сыплются съ неба на землю.—«Точно червонцы!»—подумала Ганна, накрывая зипуномъ голову, чтобы не видѣть этихъ падучихъ огней, этого непрестаннаго сверканія.—«Нѣтъ, то—Божій теремъ,—думаетъ она,—звѣзды—окна, и черезъ нихъ ангелы вылетаютъ на землю!»

И вдругъ она вздрогнула, не понимая, во снѣ или на яву она испытывала то, что̀ потомъ съ нею сталось. Ганна подумала: «Зачѣмъ Ивану дѣлить кладъ съ Андреемъ? Иванъ лучше Андрея: такъ красивъ и добръ, а ужъ любитъ меня... Завладѣемъ сами отцовскимъ богатствомъ; не даромъ всѣ смѣются, зовутъ насъ скопидомами; покажемъ людямъ, какъ слѣдуетъ жить,—да мужъ еще и болѣе по-

любить меня».—Она вспомнила, куда поставила заступъ, взяла его и, не обувшись, на босу ногу, пошла въ лѣсъ.

Въ лѣсу было тихо и темно. Ганна отыскала поляну и дубъ, стала рыть у его корня, а руки трясутся, едва держать заступъ. Поборола она страхъ, выкопала котелокъ и заровняла землю, даже травою прикрыла то мѣсто, гдѣ онъ былъ зарытъ. Открыла крышку, тронула подъ нею рукой и обомлѣла: котелокъ, дѣйствительно, былъ полонъ денегъ.—«Ну, куда же съ этимъ теперь?—стала думать Ганна:—дома не спрятать, не уберечь; кинутся, отыщутъ и все отберутъ».—Она прошла въ глубину лѣса, исколола ноги и руки и, разглядѣвъ при мерцаніи звѣздъ суховерхую, далеко съ поля всегда видную липу, зарыла подъ нею котелокъ.—«Теперь не найдутъ!»—подумала Ганна и ушла, оглядываясь, чтобы получше запомнить выбранное мѣсто. Пришла домой, поставила на мѣсто заступъ, легла у порога и заснула.

Долго ли Ганна спала, она не помнила и даже ясно не сознавала, спала ли здѣсь въ ту именно ночь, когда сходила въ лѣсъ, или это было спустя нѣсколько времени,—только слышитъ, надъ нею говорятъ. Тихо повернула она голову: видитъ, будто свѣтаетъ, и возлѣ нея лежитъ воротившійся съ торгу Иванъ, а къ нему нагнулся, будитъ его и ему что-то тихо и испуганно говоритъ блѣдный и на себя не похожій Андрей.—«Что тебѣ?»—спросилъ его проснувшійся Иванъ.—«Какъ что? большое горе.»—«Какое?»—«Отцовъ кладъ украли.»—«А ты почемъ знаешь?»—«Ходилъ повѣрять; стащили.»—«Кого повѣрять?»—Андрей молчалъ.—«Не я укралъ!»—проговорилъ Иванъ.—«Кто же?»—«Не знаю.»—«Слушай Иванъ,—сказалъ Андрей:—кромѣ тебя никто про это не зналъ и не знаетъ; покайся, укажи, куда ты деньги снесъ, я тебя прощу».—«Не я укралъ, божусь.»—«Нѣтъ, ты.»—Иванъ вскочилъ. Ганна, ни жива, ни мертва, лежала, боясь шелохнуться и выдать себя. Кругомъ еще болѣе посвѣтлѣло.—«Такъ я—воръ?»—спросилъ Иванъ.—«Да, воръ,—отвѣтилъ Андрей:—и если ты не признаешься, не скажешь,—конецъ тебѣ».—Иванъ бросился на брата; а у того въ рукахъ ножъ. Ганна примѣтила лезвіе ножа, увидѣла искаженное злобою лицо деверя и обиженное лицо мужа, хотѣла крикнуть имъ, сознаться во всемъ, и не могла произнести ни слова. Надъ нею въ су-

меркахъ началась нѣмая, страшная борьба родныхъ братьевъ. Ни криковъ, ни стоновъ. Теплая кровь закапала на лицо Ганны.

Она очнулась. Видитъ, — давно наступило утро; мычатъ въ хлѣвахъ коровы, отзываются телята и овцы, просясь въ поле. Ганна вскочила, оглянулась по двору, бросилась въ хату и тутъ поняла, что ей привидѣлся сонъ: клада она не вырывала и Андрей съ Иваномъ еще не возвращались домой.

«Такъ это былъ сонъ? — подумала, крестясь, Ганна, — сонъ — смерти братъ; но хоть грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ». И принялась опять за свое дѣло. Братья возвратились. Жизнь на хуторѣ пошла по прежнему. Не по прежнему только на душѣ Ганны. Ея не покидала мысль о сонномъ видѣніи. — «Что бы это значило? — разсуждала она, — недаромъ такое привидѣлось. Сонъ правду скажетъ, да не всякому. Или я ступила въ чужой, лихой слѣдъ? или до утренней зари посмотрѣла въ окно? Братъ кинулся на брата... пустяки! Они такъ дружны; изъ-за денегъ не схватятся за ножи». — И стала она думать-думать, поглядывая въ поле, на лѣсъ. Байракъ пожелтѣлъ; съ него осыпались листья. Наступила зима. Снѣгъ занесъ поле, завалилъ сугробами оголѣлые деревья и кусты.

Весною Ганна сходила, будто за ландышами, въ лѣсъ. Поляна около дуба уже зеленѣла; земля у его корня не была рушена. — «Все цѣло, — успокоилась Ганна: — будь, чт будетъ; и то правда, лучше подождемъ. Да и что богатство! богатые на томъ свѣтѣ голыми руками каленые пятаки считаютъ!»

Наступила небывалая жара. Люди съ тревогою поглядывали на небо, напрасно ожидая дождя. Небо было безоблачно. Зной стоялъ неугасимый. Растрескалась земля; все увядало и сохло. Иванъ и Андрей съ женою пахали, подъ озими, въ полѣ. Ганну оставили дома, варить ѣсть и доглядать дѣтей. Она съ осени недомогала; все ей было какъ-то тошно и не мило: она то вздыхала и молилась, то плакала, и отъ слабости едва ходила. Андрей, глядя на нее и на брата, думалъ: «Ну, теперь уже, кажется, и вправду не долго ждать».

Былъ обѣденный часъ. Ганна выглянула въ окно и не

узнала выгона. Небо потускнѣло. Облаковъ и тучъ не было видно, но въ воздухѣ стояла какая-то мгла, сквозь которую туманомъ синѣлъ чуть видный лѣсъ. Ганна вышла изъ хаты. Слышитъ, куры кудахчутъ; видитъ, воробьи купаются въ пыли. Думаетъ: «Слава те, Господи, къ дождю; недаромъ небо было красно до зари». Она накормила Андреевыхъ дѣтей, прибрала посуду, налила въ чистый горшокъ горячаго борщу, нарѣзала хлѣба и все увязала въ платокъ, чтобы нести въ поле. Обулась, сказала дѣтямъ: «сидите же смирно, пока возвращусь» — и вышла съ узломъ въ сѣни. Тутъ она увидѣла въ углу заступъ и замерла.—«Сонъ, сонъ!»—подумала она, не помня себя отъ страха и мучительной, ей самой непонятной радости. Отворивъ дверь въ каморку, она ткнула туда узелъ, схватила заступъ и безъ оглядки пошла къ лѣсу. Идетъ, какъ на крыльяхъ.

Идетъ, а навстрѣчу ей изъ-за лѣса подымается и растетъ темная, грозная туча, мигаетъ голубыми и алыми молніями. — «Пойдетъ дождь, меня не спохватятся, — думаетъ Ганна,—успѣю откопать и зарыть и въ иное мѣсто».— Ужъ она надъ деревьями завидѣла маковку старой суховерхой липы. Ганна подошла къ лѣсу. Огромная дождевая капля упала ей на лицо.

Тутъ откуда-то вырвался и взыгрался страшный вихорь. Раздался оглушительный ударъ грома. Все завертѣлось въ пыли, сорванныхъ листьяхъ и сучьяхъ: поле, травы, лѣсъ и сама Ганна. Она видитъ, что заступъ выпалъ у нея изъ рукъ и ее, какъ былинку, несетъ куда-то высоко - высоко, съ листьями и сучьями, что-то бѣлое, туманное и гремящее непрерывными раскатами грозы. Она съ ужасомъ поняла, что ее подхватилъ налетѣвшій полевой вихорь. Ни молиться, ни думать отъ страху она не могла. Взглянула внизъ— земля чуть видна; кругомъ облака, молніи, а громъ реветъ и стонетъ.

Вихорь унесъ Ганну на небо.

Облака разсѣялись. Выглянуло солнце. Поверхъ облаковъ—другая земля. Зеленѣютъ травы, а по свѣжей пахотѣ ходятъ какіе-то старцы. Ганна очутилась возлѣ нихъ и поняла, что впереди—самъ Господь Христосъ, а за нимъ апостолы Петръ и Павелъ и угодникъ Божій, побѣдоносецъ Юрій. Удивилась Ганна: Господь-Христосъ въ сѣромъ зипунѣ, простоволосый и съ лукошкомъ черезъ плечо. Іисусъ

бралъ горстью зерна пшеницы и сѣялъ; Петръ ему подсыпалъ изъ мѣрника, а Павелъ и Юрій, ведя сзади воловъ, боронили слѣдомъ землю.

И увидѣлъ Господь Ганну и позвалъ ее. Та упала ему въ ноги.

— Господи, Іисусе сладчайшій,—рѣшилась, не смѣя глянуть на Спаса, проговорить Ганна:—вижу твое чудо, я на небѣ; но зачѣмъ ты меня, грѣшную и глупую рабу, взялъ съ земли, отъ мужа и близкихъ, въ твое высокое царствіе?

Раздалось властное слово:

— Чтобъ ты видѣла все.

— Но, Боже милый, Боже правый,—проговорила Ганна:—я грѣшными мыслями мыслила, что твое царствіе въ вѣчномъ сіяніи солнца, что ты на престолѣ облачномъ, въ вѣнцѣ изъ звѣздъ и въ одеждѣ изъ утренней и вечерней зари; а ты въ простомъ зипунѣ и, какъ убогій пахарь, сѣешь землю. Тебѣ служатъ ангелы и апостолы, не тебѣ ли быть въ вѣчномъ достаткѣ и насъ, всѣхъ бѣдныхъ, сдѣлать богачами? Мы бы тогда не работали, жили бы на покоѣ и вѣчно прославляли бы имя твое.

Прозвучала тихая, милостивая рѣчь.

— Рабыня добрая, но малосмысленная! Богатому сладко ѣстся, но плохо спится. О деньгахъ не думай; когда деньги говорятъ, тогда правда молчитъ. Нѣтъ выше благодатнаго, земельнаго труда. Въ немъ, послѣ молитвы, все спасеніе и все счастье на землѣ. Трудись и тому же учи своихъ дѣтей.

— Но какъ же, какъ же?—взмолилась въ слезахъ горестная бабенка: — мужъ у меня хорошій человѣкъ, но денегъ у насъ мало; все, что̀ наживается, идетъ на хозяйство; домъ, какъ яма, никогда не наполнишь; у меня же, боженька, ни шелковаго платка, ни добрыхъ коралловъ, ни красныхъ сапоговъ. И мужа до сихъ поръ не слушаютъ на міру...

— Все выраститъ изъ земли отъ вашихъ рукъ,—прозвучалъ ей отвѣтъ:—будетъ колосъ, будетъ и голосъ.

Ганна слышитъ, опять взыгралъ вихорь. Она подняла голову. Видитъ: она сама лежитъ ничкомъ, на полянѣ, у дуба. А надъ лѣсомъ, гремя и сверкая молніями, въ небо уносится бѣлотуманная туча, и отъ той тучи, какъ отъ кадильнаго дыма, идетъ благоуханіе по всему лѣсу.

Ганна встала. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, росъ спѣлый и сочный, несмотря на засуху, пшеничный колосъ. Ганна все передала мужу и привела его сюда. Иванъ, сорвавъ колосъ, сообщилъ о случаѣ съ женою Андрею. Братья подумали и рѣшили отдать кладъ, на поминъ отца, цѣликомъ на бѣдныхъ и на церковь.

Въ ихъ селѣ и донынѣ показываютъ иконостасъ, на-диво расписанный на ихъ жертву. Ганнѣ, вскорѣ послѣ того, когда съ нею было видѣніе, Господь далъ сына, и родители назвали его Богданомъ. Отъ найденнаго колоса пошла въ той сторонѣ пшеница-усатка, какой дотолѣ и не видывали. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ диковинный, и обрадованные братья накупили женамъ всякихъ нарядовъ.

1886 г.

СТРѢЛОЧНИКЪ.

(святочный разсказъ.)

На одной желѣзной дорогѣ жилъ стрѣлочникъ, отставной, уже пожилыхъ лѣтъ, но еще бодрый солдатъ, Емельянъ. Его стрѣлка была въ полѣ, въ концѣ выѣзда изъ большого города. Онъ помѣщался въ ближней сторожкѣ, съ женою Ариной и съ подросткомъ сыномъ, Васей, веселымъ и шустрымъ мальчикомъ. Емельянъ женился, лѣтъ семь назадъ, на молодой, работящей бабѣ и служилъ, вообще, исправно. Прежде онъ сильно пилъ, но, женившись и получивъ хорошее мѣсто, одумался, а съ недавняго времени опять втайнѣ началъ выпивать, и не то, чтобы съ горя, или возвратился прежній запой, а такъ, — попробовалъ на радости, потомъ для компаніи, да и пошелъ куликать.

Жена въ страхѣ стала уговаривать его.

— Стыдись,—говорила она ему, когда онъ, бывало, опять опомнится:—жалованье пропиваешь, пропьешь скоро вовсе и совѣсть!

— Мнѣ что,—отгрызался Емельянъ:—шутка ли? Господь сына на старости далъ, да какого! Выраститъ, будетъ молодецъ, прокормитъ и тебя, и меня.

— А, не дай Богъ, во хмелю спутаешь стрѣлку? Великому горю быть... Сколько погубишь невинныхъ душъ!

— И видно, что баба дура, — отвѣчалъ Емельянъ:— нѣшто видѣла, чтобы я хмельной да осмѣлился когда къ стрѣлкѣ стать?

Жена со страхомъ разсказывала кумѣ, кухаркѣ городского лѣкаря, что Емельянъ иной разъ, послѣ запоя, говорилъ несуразныя вещи: то онъ видѣлъ въ сторожкѣ мно

жество змѣй и жабъ, будто бы ползавшихъ кучами по полу и по окнамъ; то ему казались противные, какъ мыши, бѣсенята, съ рожками, во всѣхъ углахъ и за печью, и онъ, просыпаясь, плевался и отгонялъ ихъ, точно мухъ. Временами Емельянъ брался за умъ и не касался до чарки, особенно, если никто изъ товарищей не подвертывался ему и его не соблазнялъ. Онъ усердно посѣщалъ церковь, былъ грамотный, съ чувствомъ читалъ, въ часы раскаянія, житія святыхъ—и тѣмъ, хотя отчасти, сдерживалъ себя.

Васѣ пошелъ шестой годъ. Еще красивѣе сталъ вертунъ: румяный, кудрявый, черноглазый. Всѣ имъ любовались. Арина ходила въ городъ прачкой, поденно мыла бѣлье въ хорошихъ домахъ. Она справила, на свои заработки, Васѣ картузъ и козловые сапожки, на высокихъ каблукахъ. Емельянъ посмотрѣлъ, подумалъ: «опередила баба»—и купилъ сыну на базарѣ красную шерстяную рубашку и плисовые шароварцы; не мальчикъ вышелъ—сущая картинка!— «Развѣ въ сапогахъ дѣло? — думалъ онъ: — походилъ бы и босикомъ, а въ рубашкѣ—настоящій купеческій дворникъ».

Передъ Спасомъ, Емельянъ былъ не на очереди. У кабака онъ увидѣлъ своего кума, дистаночнаго десятника, угостилъ его— и самъ нарѣзался. Загорѣлась въ немъ опять жажда къ водкѣ; казалось, море бы выпилъ; только онъ пересилилъ себя. Хотѣлъ-было закурить трубку, но увидѣлъ, что забылъ дома табакъ. Пришелъ къ вечеру въ сторожку; жена стряпала въ печи. Набилъ онъ трубку, напустилъ табачища въ сторожкѣ и давай куражиться надъ хозяйкой.

— Мой сынъ!—сказалъ онъ:—любуйся! Не видать бы тебѣ, глупой, безъ меня такого!

— Такой же твой, какъ и мой, — отвѣчала жена, съ досадой глядя на его хмельную рожу: — обоимъ Господь послалъ.

— Нѣтъ, мой!

— Нѣтъ, нашъ, —обоихъ.

Емельянъ обезумѣлъ. Искры завертѣлись у него въ глазахъ.

— А! такъ вонъ оно какъ! — крикнулъ онъ въ злобѣ:— надо мной похваляешься? Вонъ изъ моего дома! Чтобы и духу твоего тутъ не пахло.

— Да за что же, Емельянъ Мосеичъ? Слыхано ли?

— А за то... Я голова всему, я! Скомандовалъ и — проваливай.

— Но куда же мнѣ, противъ ночи, подумай?

— Куда знаешь, мало ли въ городѣ у вашей братіи угловъ.

Обидѣлась Арина, въ слезы.

— У полицмейстерши,—говоритъ:— все намедни помыли; у лѣкарши еще черезъ два дня главная стирка,—теперь только постирушка дѣтямъ, куда мнѣ, постыдись, въ такую темь?

— Вонъ, чортова голова, не перечь, — затопалъ ногами Емельянъ: — не уйдешь съ глазъ долой, полѣномъ выгоню, искалѣчу въ труху.

Пуще заплакала Арина; видитъ, ничего съ окаяннымъ не подѣлаешь. Отерла слезы, увязала въ узелокъ одеженку, заслонила печь, взяла краюху хлѣба, перекрестила спавшаго въ уголку Васю и пошла въ городъ.

«Такъ ей, сатанѣ, и надо! — подумалъ Емельянъ, усѣвшись у дверей сторожки и глядя въ темноту, вслѣдъ за женой, — тоже, лапотницы, важничаютъ! Взялъ ее въ лаптяхъ, да въ дерюгѣ; теперь въ ситцѣ стала ходить; начальствовать, вишь, затѣяла, укорять. Не усмири, не притопчи бабу, — верхъ возьметъ. Давно пора! опостылѣла! а мы и сами сына выростимъ, сбережемъ!»

Настала ночь... Хмель сильнѣе стала разбирать Емельяна. Впотьмахъ мимо него гремѣли товарные, длинные поѣзда, пыхтѣли закоптѣлыя трубы, сыпались искры и свистѣли горластые свистки. Онъ курилъ, глядѣлъ передъ собой, и вдругъ ему жутко стало: впотьмахъ ему опять померещились разныя чудища, а при этомъ, какъ живой, привидѣлся изможденный, нѣкій преподобный старецъ, съ длинною, сѣдою бородой, о которомъ онъ недавно вычиталъ въ житіяхъ святыхъ. Онъ вспомнилъ, какъ этотъ страстотерпецъ—угодникъ божій, спасался въ аравійской пустынѣ, и какъ къ его пещерѣ подошелъ ночью кто-то изъ пустыни и сталъ молить его—сдвинуть камень отъ входа.—«Впусти меня,—молился плачущій голосъ:—пусти, старче, левъ рыкаяй гонится за мной, хочетъ разорвать; я безъ одежды, на холодѣ, и три дня безъ ѣды».—Старецъ засвѣтилъ лампаду, отодвинулъ камень; вошла женщина—неописанной красоты. То было, какъ помнилъ Емельянъ, видѣніе. Старецъ зажегъ хворостъ и сталъ палить свою руку на огнѣ; кожа трескалась, сукровица и жиръ капали на угли, смрадъ наполнилъ пещеру, — но преподобный молился, — не при-

коснулся къ гостьѣ. Бѣлолилейный ангелъ явился тутъ въ туманѣ, вывелъ гостью,—то былъ дьяволъ,—и спасъ старца.

— Чуръ меня, чуръ! — шепталъ, вспоминая это видѣніе, Емельянъ: — и меня тянуло и тянетъ... не пойду, не стану пить!

Онъ перекрестился.

«Выраститъ Васька, — разсуждалъ онъ: — обучу его грамотѣ, а кумъ-десятникъ пристроитъ его на правленскій счетъ въ дорожное училище. Станетъ онъ человѣкомъ. Да, не бабѣ-дурѣ оборудовать такое дѣло,—нашему только брату, потому къ намъ, за наши заслуги, благоволитъ начальство. Станетъ Васютка слесаремъ, кочегаромъ, а далѣе—и машинистомъ, будетъ водить поѣзда, и за мои хлопоты доглядитъ отца до кончины дней. Чтò мать? молитвамъ только выучила сына... оно ладно, да не прокормитъ...»

Емельянъ вздохнулъ.

«А надо правду сказать,—кàкъ онъ, пострѣленокъ, ловко за нею молится, всякія молитвы знаетъ: отъ несчастій разныхъ, отъ злого случая и тяжкой, нежданной бѣды. Выучила сына, а все-таки, треклятая баба, мужа пьяницей зоветъ, не уважаетъ, озорница... А какой я пьяница? изъ всѣхъ слугъ первый и главный слуга! И теперь вотъ хочется выпить, да не пойду... Руку на кострѣ сожгу, какъ тотъ преподобный, а ужъ въ ротъ—ни-ни...»

Емельянъ собрался въ сторожку спать, да глянулъ по направленію къ городу. Издали, черезъ дорожное полотно, какъ красный глазъ, еще свѣтилось окно въ крайнемъ городскомъ кабакѣ.

«Видно, еще рано; у кабатчика гости и все, должно-быть, наши! — подумалъ Емельянъ, — пойти развѣ такъ, на зло женѣ, — только поглядѣть. Пусть плачетъ, чортова баба! Обвинила,—хоть не даромъ же слушать бабьи укоры».

И онъ опять пошелъ въ кабакъ. А тамъ и впрямь были все свои, — смазчикъ вагоновъ, кривенькій сосѣдній стрѣлочникъ изъ матросовъ и сторожъ при дровахъ. Онъ выпилъ съ ними четвертку и другую. Въ кабакъ завернулъ и главный изъ общихъ ихъ пріятелей, весельчакъ и пьяница—вахтеръ съ водокачалки. Всѣ, въ ожиданіи службы съ утра, опорожнили еще по сороковкѣ и по другой, и, когда разошлись, Емельянъ уже не помнилъ, какъ онъ добрелъ въ свою сторожку. Ему грезились жабы, змѣи и аравійская

пещера, гдѣ уже не красавица, а онъ водкой соблазнялъ старца. Въ ужасѣ онъ искалъ словъ молитвы — и не находилъ.

На зарѣ его разбудилъ голосъ Васи:

— Тятя, тятенька! — повторялъ на всѣ лады мальчикъ, теребя его за рукавъ: — твоя очередь, старшой кликаетъ давно!

Емельянъ вскочилъ, сталъ протирать глаза. Утро только что начинало брезжить въ окна сторожки. Какъ ни трещала голова Емельяна, онъ умылъ Васю, причесалъ его, обулъ, одѣлъ и накормилъ вчерашнею кашей. Но все это у него плохо выходило; непривычными къ дитяти руками онъ и рубашонку его облилъ водой, и больно гребнемъ дергалъ его встрепанные волосы, и насилу розыскалъ подъ лавкой и напялилъ ему на ноги сапожки, а все-таки остался доволенъ, что обрядилъ сына.

— Такъ-то,—сказалъ онъ себѣ, вспоминая, какъ съ вечера прогналъ жену:—не провалюсь! и безъ бабьяго духа все, какъ слѣдуетъ, наладимъ!

Онъ заставилъ сына прочесть молитвы.

Вася прочелъ «Отче нашъ» и «Богородицу» и сталъ проситься поиграть, съ деревенскими ребятами, въ ближній березовый лѣсокъ.

— Да чего ты тамъ не видѣлъ?

— Галчата, тятенька; на березѣ цѣлое гнѣздо!

— Зачѣмъ такъ рано?

— Ребята сказываютъ, что теперь они одни,—матки въ разлетѣ за ѣдой... Пусти; галчата прежде были махонькіе, голенькіе, а теперь вотъ какіе, въ перѣ.

— Ну, иди, Богъ съ тобою! — объявилъ Емельянъ:— только не лазь на дерево, — еще оборвешься; собакъ тоже берегись; не забодали бы коровы въ лѣсу...

— Вона! не боюсь!

Васька побѣжалъ въ поле. На дворѣ посвѣтлѣло, хотя надъ полемъ и окраинами города былъ еще туманъ. Поверхъ тумана блеснула маковка соборной колокольни. Емельянъ вспомнилъ, что онъ ставилъ сына на молитву, но не молился самъ, и, снявъ шапку, уже повернулся-было на восходъ солнца, но ему почудился гдѣ-то въ полѣ сигнальный свистокъ.

— Помолюсь послѣ!—рѣшилъ Емельянъ и, застегиваясь, бросился къ стрѣлкѣ.

Вправо забѣлѣло облако дыма и сталъ виденъ вдали медленно подходившій, изъ-за пригорка, товарный поѣздъ. Прямо противъ стрѣлки, по другой бокъ чугунки, шлёпая по грязи, двигалось городское стадо коровъ, за ними, въ разсыпную, овцы; еще далѣе, проселкомъ, тащились телѣги съ кладью и одинокіе пѣшеходы.

«Куда имъ всѣмъ до чугунки!—подумалъ Емельянъ, потягиваясь и разминаясь съ трубой у стрѣлки, на утреннемъ холодку:—все одно, что бабѣ до солдата! Загудитъ, загремитъ—и всѣхъ ихъ обгонитъ нашъ кормилецъ—скороходъ!»

За дорогою, надъ березами, поднялась стая галокъ. Емельянъ вспомнилъ о Васѣ и галчатахъ.

«Маху далъ,—подумалъ онъ,—отпустилъ сына къ ребятамъ; не напроказилъ бы чего,—будетъ отъ жены! Ну, да ладно; пропущу товарный, отзову его».

Слѣва тѣмъ временемъ нежданно послышался другой, болѣе сильный свистокъ. Емельянъ удивился, соображая, неужели время уже подходить отъ города скорому, курьерскому поѣзду?

«Проспалъ во хмелю!»—съ досадой подумалъ Емельянъ.

Издали въ туманѣ послышались, перекликаясь, трубы ближайшихъ къ городу стрѣлочниковъ. На ихъ сигналы отозвался и кривенькій, сосѣдній Емельяну, стрѣлочникъ-матросъ, бывшій ночью въ кабакѣ; затрубилъ о свободномъ пути и Емельянъ, а самъ зорко смотритъ влѣво, за ближайшій мостъ: вотъ-вотъ, съ нѣмцемъ-машинистомъ, выскочитъ изъ-за холма на мостъ утренній курьеръ.

Громыхнули, слѣва, еще въ туманной дали, тяжелыя колеса и скрѣпы поѣзда, выдвинулся грузный, троеглазый паровикъ, и длиннымъ змѣемъ, по насыпи, стала приближаться вереница вагоновъ. Дымъ валилъ изъ черной трубы и стлался надъ дорожнымъ полотномъ и его откосами. Стало слышно пыхтѣніе широкотрубнаго, американскаго силача-паровика.

Но опять, видимо не по положенію, оттуда же, слѣва, повторился свистокъ и другой. Емельянъ ухватился за рукоятку стрѣлки.

«А, понимаю!—подумалъ онъ,—меня завидѣлъ и распозналъ глазастый нѣмецъ-машинистъ; полагаетъ, не выпилъ ли

я? Врешь, не собьюсь. Вижу все, какъ на ладони; вонъ справа—подходитъ товарный, съ углемъ; ему—одна дорога, а тебѣ—другая...»

Тревожные свистки, однако, не унимались. Поѣздъ слѣва летѣлъ по насыпи, не убавляя хода.

«Чтò за оказія?—подумалъ, теряясь, Емельянъ,—даетъ сигналы, а тормозить не успѣютъ, да и зачѣмъ?»

Онъ глянулъ вдоль дорожнаго полотна и замеръ.

Товарный поѣздъ также несся къ березамъ. Тамъ, гдѣ деревья за стрѣлкой разошлись и къ нимъ изъ-за пригорка приближался товарный поѣздъ, машинистъ съ курьерскаго, очевидно, примѣтилъ на рельсахъ чтò-то живое, не то овцу, не то человѣка, потому и давалъ свистки.

— Да чтò же это?—вскрикнулъ Емельянъ, не помня себя:—Господи, Господи!

На полотнѣ дороги, между двухъ, на полномъ ходу близившихся другъ къ другу, поѣздовъ, онъ увидѣлъ чтò-то красное,—точно лоскутъ кумача несло по рельсамъ и поддувало вѣтромъ. Емельянъ въ ужасѣ узналъ красную рубашку Васи.

— Бѣги, бѣги въ сторону!—хотѣлъ-было онъ крикнуть сыну и не могъ.—«Нѣтъ, онъ еще испугается, споткнется и попадетъ подъ колеса!—пробѣжало въ мысляхъ Емельяна,—но какъ спасти его, какъ?»

Оставалось одно средство,—повернуть стрѣлку и направить курьерскій поѣздъ по другому пути, навстрѣчу набѣгавшему товарному.

«Столкнутся, будетъ крушеніе, великій грѣхъ!—колебался Емельянъ,—да что же? сынъ вѣдь! единственный сынишка...»

Оставалось полминуты... Емельянъ уже налегъ-было ногою на стрѣлку. Курьерскій поѣздъ гремѣлъ слѣва, въ ста шагахъ, перебѣгая невысокій каменный мостикъ, за которымъ, у насыпи, стоялъ Емельянъ. Дымъ отъ подходившаго справа товарнаго застилалъ березы и рельсы, среди которыхъ все еще мелькала красная рубашечка Васи. Ребенокъ, наконецъ, самъ, очевидно, понялъ угрожавшую ему бѣду. Онъ на мгновеніе остановился, бросился вправо, бросился влѣво и, второпяхъ зацѣпясь за шпалы, упалъ ничкомъ прямо на рельсы.

— Отче, Пресвятая Богородица!.. Ариша!—гдѣ ты? прости, касатикъ, молись!—прошепталъ Емельянъ.

Оставалась секунда...

Бѣлый, какъ полотно, Емельянъ вытянулся и подумалъ: «Будь, что̀ будетъ... всѣмъ ли погибать за одного?» — и, придерживая стрѣлку, остался неподвиженъ.

Курьерскій поѣздъ помчался мимо товарнаго. Крикъ ужаса раздался на обоихъ паровикахъ. Цѣпь вагоновъ, въ дыму и выпущенномъ парѣ, налетѣла на то мѣсто, гдѣ, среди рельсовъ, припалъ комочкомъ Вася.

Паръ свился въ облачко, поднялся, протянулся и, словно бѣлолилейное легкокрылое видѣніе, понесся въ воздухѣ.

Оба поѣзда, разминувшись, остановились. Емельянъ бросился туда. Онъ бѣжалъ, не переводя духа и стараясь не думать о томъ, почему остановились вагоны и соскочившіе съ поѣздовъ кондукторы и кочегары столпились у откоса, какъ бы разсматривая что-то, лежавшее на землѣ.

— Гдѣ онъ, отцы родные, гдѣ?—крикнулъ Емельянъ, добѣжавъ до насыпи: — пустите, соколики, дайте взглянуть... убитъ?..

«Раздавленъ до смерти, въ куски!—думалъ Емельянъ, карабкаясь на откосъ,—Аринушка! не жить мнѣ теперь... Одна пьяницѣ дорога—въ омутъ!»

Емельянъ, обрываясь и падая по зеленому откосу, взобрался на насыпь. Бывшіе тамъ разступились. Среди нихъ, на корточкахъ, съ галченкомъ въ рукѣ, сидѣлъ, таращa глаза и плача, измаранный грязью Вася.

— Живъ, живъ!—крикнулъ Емельянъ, подбѣгая къ сыну и подхватывая его на руки:—сыночекъ, сынъ мой!

— А коли и вправду ты ему отецъ, вотъ на что̀ гляди,— сказалъ старичекъ-кондукторъ съ курьерскаго поѣзда:—эва, какъ его укоротило!

Емельянъ опустилъ сына на земь, посмотрѣлъ, — Вася и впрямь сталъ будто короче на вершокъ.

— На каблукъ гляди, на каблукъ! — кричали стоявшіе кругомъ.

Емельянъ опять приподнялъ сына, осмотрѣлъ его—и упалъ на колѣни. Онъ сталъ молиться, кладя земные поклоны. Вася былъ невредимъ. Цѣлый поѣздъ пролетѣлъ надъ нимъ, не придавивъ его. Колесами вагоновъ на его ногѣ отчахнуло только, точно ножемъ, одинъ каблучекъ, сорвавъ часть сапожнаго задника. Всѣ дивовались и ахали.

Поѣзда засвистѣли опять, загремѣли и разошлись. Долго

Емельянъ не могъ опомниться. Онъ смотрѣлъ вдоль дороги, крестился и шепталъ молитву.

— Она тебя спасла!—проговорилъ онъ, наконецъ, взявъ сына за руку.

— Кто, тятя?—спросилъ мальчикъ, всхлипывая.

— Материнская молитва! больше некому... Отстоимъ очередь, пойдемъ къ мамѣ въ городъ.

— Нѣтъ, тятя, меня сдвинуло что-то бѣлое... я упалъ, а оно, точно дымъ, навалило—и отпихнуло меня...

Емельянъ пошелъ съ сыномъ къ старшо̀му — проситься въ городъ. Вася бѣжалъ рядомъ съ нимъ, держа въ рукѣ оравшаго галченка.

— Эхъ, Васютка, не ладно,—сказалъ отецъ:—зачѣмъ мучишь божью тварь?

Сынъ удивленно посмотрѣлъ на отца.

— Пусти его на волю,—сказалъ Емельянъ: — пусть живетъ и за насъ, грѣшныхъ, Господа славитъ.

Вася пустилъ галченка. Тотъ полетѣлъ въ кусты. Емельянъ не спускалъ глазъ съ неба. Ему казалось, что надъ кустами и полемъ не переставалъ парить бѣлолилейный, крылатый ангелъ.

У лѣкарши стрѣлочнику сказали, что его жена кончила постирушку и пошла на рѣку. Онъ засталъ Арину на городскомъ плоту. Кругомъ мыли бѣлье и тарантили во все горло другія прачки. Онъ прямо къ женѣ.

— Прости, Аринушка,—сказалъ Емельянъ, кланяясь ей въ ноги при всѣхъ:—былъ на свѣтѣ старый пьяница и баловникъ, загуливалъ и не по правдѣ жилъ; пойдемъ молебенъ править,—ты своими молитвами спасла сына, спасла и меня.

Всѣ въ городѣ узнали о чудѣ надъ Васей. Но случилось и другое чудо. Съ той поры Емельянъ хмельного не пьетъ и въ кабакъ даже съ товарищами не ходитъ. Въ сторожкѣ, у образовъ, онъ помѣстилъ новую икону. На ней изображенъ въ бѣлой ризѣ крылатый Георгій Побѣдоносецъ, на конѣ и съ мечемъ, надъ поверженнымъ дьяволомъ. Когда Емельяна спрашиваютъ, откуда онъ взялъ этотъ образъ, онъ отвѣчаетъ:

— Ходилъ на богомолье; человѣкъ слабъ, а въ одномъ Богѣ и его угодникахъ — *сила въ борьбѣ противъ окаянства и зла.*

1886 г.

УКРАИНСКІЯ СКАЗКИ.

Помѣщаемыя здѣсь сказки принадлежатъ къ дѣтскимъ воспоминаніямъ, къ той же семейной старинѣ автора.

Въ сказкѣ каждаго народа дорогъ прежде всего вымыселъ, плѣнительный, вѣками созданный *миѳъ*. Передается народная сказка почти всегда «своими словами», причемъ неизмѣнными остаются въ ней одни вставочныя мѣста, а именно пѣсни ея героевъ. Подобныя мѣста — и въ этомъ только сходство сказки съ народною пѣсней—неизмѣнно передаются въ стихахъ и непремѣнно, при повѣствованіи, поются. Въ народныхъ сказкахъ есть ненужныя длинноты и дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же, почему-либо характерныхъ выраженій. Предлагаемыя сказки—не переводъ. Въ нихъ сохранены только народные миѳы и особенно мѣткія и живописныя присловья тѣхъ, кто ихъ передавалъ.

Большинство приводимыхъ здѣсь украинскихъ сказокъ авторъ слышалъ отъ своей няни Аграфены и отъ ея мужа Анисима, человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго. Анисимъ былъ огромнаго роста, силачъ, но дѣтской доброты, и всѣ его привычки были женскія. Онъ постоянно портняжилъ, но больше по бабьей части,—шилъ рубахи, мерёжилъ полотенца; прялъ, вязалъ чулки, занимался шептаньемъ отъ глаза, отъ боли зубовъ и живота, кормилъ куръ и доилъ коровъ. Умеръ онъ семидесяти лѣтъ. Аграфена его пережила.

Сказки этихъ стариковъ производили глубокое впечатлѣніе. Бывало, разсказъ давно конченъ, свѣча потухла. Всѣ спятъ, а у дѣтскаго изголовья всю ночь до утра отзывается жалобный голосъ рыбки, бывшей когда-то красавицей-ху-

торянкой; стучитъ-гремитъ по лѣсу страшная кобылья голова, шепчутся и шелестятъ степныя травы, которымъ внимаетъ казакъ-плѣнникъ въ Крыму; плачетъ переселенная въ свирѣль душа зарѣзанной дѣвочки; юлитъ носатый каратышка, солнце бесѣдуетъ съ матерью, вечерней зарей; поетъ Ивашко, котораго хочетъ съѣсть вѣдьма; а изъ-за угла выглядываютъ рога лукавой козы и уши пронырливой лисички-сестрички...

Любилъ сказки и мой дѣдушка. Онъ, подобно герою повѣсти Даля, говорилъ подъ вечеръ своему слугѣ: «ну, теперь ты меня положи, да укрой, да подоткни; еще перекрести и разскажи сказку, а ужъ засну я самъ»... — Но слуга дѣдушкѣ говорилъ сказки иного рода, богатырскія,— о Еруланѣ, Бовѣ-королевичѣ. Я ихъ не любилъ; сказки няни и ея мужа—бытовыя, напоминающія жизнь хуторовъ и слободокъ, мнѣ болѣе нравились.

I.

Кума-лисица, пастухъ, рыболовъ и возница.

Жили были дѣдъ да баба,
Да убогіе такіе,
Что у бабы на хозяйствѣ
Только курочка ходила;
А у дѣда, у сѣдого,
Пѣтушокъ золотопёрый.
Вотъ, какъ все они поѣли,
Стали думать, чѣмъ кормиться.
И надумала тутъ баба:
—«Знаешь, есть у насъ по птицѣ:
Кто скорѣй свою поймаетъ,
Ту къ обѣду и зарѣжемъ!»
Идутъ оба на курятникъ,
Стали по двору гоняться;
Только смотритъ дѣдъ, а баба
Загнала насѣдку въ уголъ.
Сѣла на земь, будто ловитъ,
Да надъ нею, какъ слѣпая,
Руки даромъ и разводитъ...

«Э! хозяйка, надуваешь!»
Дѣдъ помыслилъ и промолвилъ:
—«Нѣтъ, постой-ка ты, старуха;
Лучше мы по чистой правдѣ,
Никого не обижая,
Обоихъ зарѣжемъ разомъ!»
Призадумалась старуха;
Дѣду ножъ несетъ изъ хаты;
Дѣдъ попробовалъ, востёръ ли,
На крыльцо съ ножомъ садится;
Да какъ глянутъ другъ на дружку,
И расплакались, какъ дѣти.
—«Ну, старуха, Богъ съ тобою!
Пусть живетъ твоя насѣдка!»
—«Пѣтушка жъ и я не трону!»
Говоритъ ему хозяйка;
Посудили, порядили,
И пустили куръ въ курятникъ.
Въ тотъ же день пѣтухъ за это
Натаскалъ пшеничныхъ зеренъ,
А насѣдка постаралась,
Раздобыла гдѣ-то маку.

Заходилась стряпать баба,
Пирожокъ съ начинкой мѣситъ.
А подъ лѣсомъ, той порою,
Сѣрый волкъ, съ кумой-лисою,
Выходилъ на заработки.
— «Ты, кума, иди по селамъ,
Я жъ пойду кругомъ, полями;
И дѣлить потомъ мы станемъ,
Что̀ путемъ дорогой стянемъ!»
Разошлися кумъ съ кумою;
На село пошла лисица.

Тутъ, пирогъ набивши макомъ,
Баба печь ужъ затопила;
Слышитъ, кто-то стукъ въ окошко,
— «Охъ, впусти меня ты, баба!»
Голосъ плачется подъ хатой:
«У меня въ печи погасло!»

Баба угли раздуваетъ,
Говоритъ:—«Войди, сосѣдка!»
Гостья входитъ, носомъ водитъ,
А ужъ ушки на макушкѣ;
Хвостъ колечкомъ подвернула,
Подползла тайкомъ къ печуркѣ,
Пирожокъ схватила съ макомъ,
Въ двери шмыгъ, да и пропала...
Баба чуть успѣла ахнуть!

Съ пирожкомъ бѣжитъ лисица,
На пути проголодалась;
Съ макомъ выѣла середку,
Пирожокъ трухой набила,
Да подъ ночь и обмѣнила
На бычка пирогъ ребятамъ,
Загонявшимъ стадо къ хатамъ...

Стережетъ бычка лисица
Думу думаетъ такую:
«Кумъ сытёхонекъ навѣрно;
Поживлюсь и я добычей!»
Поднялася спозаранку,
Всласть наѣлась, отдохнула;
Кожу листьями набила,
Оперла бычка на кустикъ,
Въ середину напустила
Воробьевъ и галченятъ,
И подъ лѣсомъ, какъ живого,
Сторожить усѣлась снова...

Ѣдетъ въ санкахъ понамарь:
— «Что, кума, бычокъ продажный?»
— «И не спрашивай, бери:
На кормà совсѣмъ проѣлась!»
Вотъ, ударивъ по рукамъ,
Сторговалась съ нимъ лисица,
Отдаетъ бычка за санки,
Отдаетъ за непростыя,
За рѣзныя, росписныя.
Увезла лисица санки...

Понамарь опять въ дорогу;
Потянулъ бычка за поводъ,
А бычокъ—бултыхъ съ сугроба,
Бокъ распоротый раскрылся:
И взвилися надъ сугробомъ
Воробьи и галченята.

Понеслась лисица полемъ;
Ей навстрѣчу волъ голодный
— «Помоги кума: ни крошки
Не успѣлъ я заработать!»
— «Охъ, и я три дня не ѣла!»
Говоритъ лисица куму.
Посудили, порядили,
Да возокъ и подѣлили:
Кумъ себѣ оглобли выбралъ,
А кума усѣлаеь въ кузовъ,
Пригнѣздилась, развалилась
И, раскинувъ хвостъ и лапки,
Приговариваетъ тихо:
«Тощій сытаго везетъ,
Тощій сытаго везетъ!»
— «Чтò, кума, ты говоришь?»
— «Да о томъ, что мы не ѣли»...

Смотрятъ путники, навстрѣчу
Ѣдутъ съ рыбой чумаки.
— «Ну, теперь скорѣй бѣги ты!—
Говоритъ лисица волку:—
Дожидай меня подъ стогомъ,
Что подъ тою подъ горою;
Я-жъ дѣла пока устрою!»

Кумъ съ санями потащился,
А кума, какъ неживая,
Разметавши хвостъ и ноги,
Улеглася у дороги.
Чумаки съ ней поровнялись,
Стали думать вкругъ лисицы:
«Мѣхъ какъ разъ на рукавицы!»

Посудили, да находку
Прямо въ рыбу и свалили.

На возу лежитъ лисица,
А сама буравитъ дырку;
И давай кидать въ оконце
Замороженную рыбку...
Вотъ очистила до крошки,
Прыгъ сама, давай въ охабку
Подбирать съ дороги рыбку,
И усѣлася подъ стогомъ,
Но не въ полѣ, подъ горою,
А въ слободкѣ, надъ рѣкою,
Рыбу ѣстъ, ждетъ кума въ гости,
А за стогъ кидаетъ кости.

Вотъ, когда ужъ постемнѣло,
Видитъ—кумъ бѣжитъ долиной,
Еле-еле тащитъ санки...
— «Охъ, кума, куда зашла ты?
Всѣ поляны я обѣгалъ;
Нѣтъ ли чѣмъ прочистить горло?»
— «Да и я, какъ неживая!—
Говоритъ лисица волку,
Лапкой рыльце утирая:—
Мерзлой рыбкой поживилась,
Но чуть-чуть не подавилась;
Просто кости, а не рыба,
Вотъ бы свѣжей наловилъ ты»...

Носъ повѣся, у сугроба
Кумъ съ кумой усѣлись оба,
Долго-ль, нѣтъ ли, горевали,
Собираться къ рѣчкѣ стали.

Кумъ, какъ былъ запряженъ въ санки,
Хвостъ лохматый, словно неводъ,
Окунулъ со льдины въ прорубь;
А кума, присѣвъ къ сторонкѣ,
Приговариваетъ тихо:
— «Мерзни, мерзни, волчій хвостъ,

Мерзни, мерзни, волчій хвостъ!»
— «Что, кума, ты говоришь?»
— «Охъ, все счастье намъ звала я:
Ты ловись, ловися рыбка,
Рыбка малая, большая!»

Вотъ примерзъ ко льдинѣ хвостъ;
Показались дровосѣки,
Увидали рыболова
И давай его въ дубины...
Безъ хвоста и весь избитый,
Волкъ ушелъ отъ нихъ полями
И столкнулся тутъ съ кумою.
А кума не оплошала,
На селѣ ужъ побывала,
Вся опачкалася тѣстомъ
И бѣжитъ навстрѣчу куму,
Громко жалуясь, что бабы
Въ кровь всю голову избили...
Пораздумалъ волкъ голодный
И кумѣ жъ подставилъ санки...
Та спокойно сѣла снова,
Пригнѣздилась, развалилась
И, раскинувъ хвостъ и лапки,
Приговариваетъ тихо:
— «Битъ небитаго везетъ,
Битъ небитаго везетъ!»
— «Что, кума, ты говоришь?»
— «Да о томъ, что мы съ тобою
И не сыты, и побиты!

Вдругъ откуда ни возьмися,
На дорогу выбѣгаетъ
Изъ курятника насѣдка,
А за ней, раскинувъ крылья,
Пѣтушокъ золотопёрый.

Волкъ забылъ совсѣмъ про санки
Мигомъ кинулся за ними
И завязъ съ кумой въ воротахъ...
Какъ ужъ тутъ они ни бились,

Какъ изъ силъ всѣхъ ни возились,
Пѣтушокъ вскочилъ въ окошко
И во все-то горло крикнулъ:
— «Выбѣгайте, дѣдъ и баба,
На дворѣ у насъ добыча,
А добыча не простая».
Дѣдъ схватилъ съ прилавка вилы,
А старуха съ печи донце,
Въ двери выскочили разомъ
И въ воротахъ уходили
Кума сѣраго съ кумою...

Съ той поры у дѣда волчья,
А у бабы лисья шуба.
Дѣдъ съ старухой, по задворью,
Дружка дружку возятъ въ санкахъ;
А пѣтухъ съ насѣдкой ходятъ
Каждый день на заработки,
И хозяевамъ таскаютъ
На оладьи ежевику,
На водянку комонику.

II.

Живая свирѣль.

Вдали жилья и всѣхъ дорогъ, въ степи,
Гдѣ пахнетъ такъ клубникой, васильками,
И то желтѣетъ все отъ сонъ-травы,
То ало все отъ мака до горошка,
Жилъ пасѣчникъ съ женою и дѣтьми.

Раздолье—степь, лѣнись себѣ на волѣ.
Онъ такъ и дѣлалъ, думалъ да курилъ,
Лежалъ въ тѣни прохладной шалаша,
А на зарѣ стрѣлялъ гусей да утокъ.
Не спорилъ онъ съ хозяйкою сердитой,
Не выходилъ изъ пасѣки отъ пчелъ,
И на пролетъ всѣ дни лежалъ въ травѣ.
Въ полудремотѣ, глядя въ синій воздухъ...
А въ воздухѣ недвижно и неслышно,

Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
Предъ нимъ висѣли мошки, комары,
Шмели сновали, золотыя мухи
И гуломъ струнъ звенѣли въ ульяхъ пчелы...

Разъ позвала дѣтей своихъ хозяйка,
Двухъ дочерей, да сына—невеличку,
И такъ сказала имъ:—«ступайте дочки,
Вонъ за курганомъ, у ручья, лѣсокъ,
Грибы поспѣли, ягода клубника,
Да кстати ножъ возьмите, лыкъ нарѣжьте,
И будетъ вамъ по лентѣ на сестру».
Меньшая дочь взяла на руки брата
И весело пошла къ кургану въ лѣсъ;
Дочь старшая—была то баловница,
Любимица и нѣженка въ семьѣ—
Надулася, въ сердцахъ взяла лукошко,
Лѣниво, чуть бредя, пошла къ опушкѣ,
Легла въ камышъ, свернулась и заснула...
И снится ей, что у сестры въ косѣ
Двѣ ленты, у нея жъ на шеѣ лыко.

Вотъ дочь меньшая набрала грибовъ,
Наѣлась ягодъ, брата угостила;
И видитъ: яблонька невдалекѣ,
На яблонѣ жъ два яблока такія,
Что чудо, сочныя, да золотыя.
Сорвавъ находку, дѣвочка тайкомъ
Отъ брата—прыгъ въ кусты и убѣжала.
Подъ лѣсомъ, слышитъ, ей кричитъ сестра:
— «Постой, куда спѣшишь, домой успѣешь—
Сядь я тебѣ головку расчешу»...
Сестра послушалась, къ сестрѣ присѣла
И, утомленная, заснула скоро.
Увидѣла завистница находку.
«Какія яблоки—вотъ чудо! спитъ дурышка».
И въ сердце ножъ сестра сестрѣ воткнула...

Не пикнула бѣдняжка, а убійца
Въ тростникъ ее стащила и домой
Вернулась, хвастая своей находкой...

— «А гдѣжъ сестра?»—спросилъ отецъ.—«Не знаю
И какъ мнѣ знать! мы порознь съ ней ходили».
Искала мать, искали всѣ, напрасно...
«Звѣрь утащилъ, на то, знать, Божья воля»...
Погоревали такъ, потолковали,
Года прошли, и бѣдную забыли.

Вотъ и подросъ, сталъ бѣгать братъ убитой,
А надъ ея костьми—какъ лѣсъ, камышъ
Шумитъ, звенитъ, и чуть подуетъ вѣтеръ,
Въ сто голосовъ такъ жалобно поетъ.

Заслышалъ звуки тѣ однажды мальчикъ,
Пошелъ къ ручью, нагнулъ и срѣзалъ стволъ,
Очистилъ, навертѣлъ съ боковъ отверстій,
Къ губамъ поднесъ,—и та свирѣль запѣла,
Какъ оживленная, такую пѣсню:

«Потише, тише, братецъ, играй;
Не рази сердца моего въ край!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

Услышалъ тѣ слова отецъ, поднесъ
Свирѣль къ губамъ, и та опять запѣла:
«Потише, тише, отецъ, играй,
Не рази сердца моего въ край!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

О чудѣ томъ узнали на селѣ,
Сбѣжались люди, требуютъ убійцу,
И у нея въ рукахъ свирѣль запѣла:
«Потише, тише, сестра, играй,
Не рази сердца моего въ край!

Меня, сестра, ты сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

Народъ убійцу осудилъ на смерть.
Онъ привязалъ ее къ хвосту коня
И такъ пустилъ его по вольной степи.
И гдѣ сестра безжалостная грудью
Ударилась, тамъ выросъ тернъ колючій;
Гдѣ русою ударилась косою,
Тамъ забѣлѣла сплошь ковыль-трава;
А гдѣ рукой ударилась грѣховной,
Тамъ протянулись черныя могилы.
Мать бросилась за дочкою любимой,
Да какъ взглянула, такъ и замерла:
Въ степь отъ кургана руки протянула
И обратилась въ темнолистный яворъ.

III.

Озеро-слободка.

Какъ-то по озеру съ удочкой ѣздилъ рыбакъ въ перелѣскѣ;
Рыба почти не ловилась, и сталъ онъ домой собираться.
Вдругъ и поймалась одна, да такая красивая рыбка,
Что ни перомъ описать, ни въ словахъ разсказать не
сумѣешь.
Чуть онъ въ ведерко успѣлъ перебросить вертлявую рыбку,
Тихо предъ нимъ поднялась надъ пучиною рыбка постарше,—
Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла наружу
И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ надъ водою:
— «Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ, моя неразумная рыбка?
Стадо пора загонять; погляди, закатилося солнце...
Гдѣ ты, откликнись, дитя! али хищная цапля рѣчная
Въ когти изъ волнъ подхватила тебя, моя рыбка родная!»

Долго сновала по озеру, въ страхѣ и въ трепетѣ, рыбка;
Долго рыбакъ, опустивши весло, съ челнока дивовался...
Взялъ напослѣдокъ ведро онъ, привсталъ и откликнулся рыбкѣ:

— «Вотъ твое дитятко, вотъ: ты возьми свою дочку, пожалуй,
По уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной правдѣ,
Что ты за диво сама и какіе края ваши воды?»

Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливые глазки,
Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:
— «Охъ, человѣкъ, много лѣтъ той порѣ, какъ на этой полянѣ,
Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась слободка,
Въ шумной слободкѣ жила на дворѣ на широкомъ молодка.
Много добра и богатства у ней по амбарамъ лежало,
Много далекихъ купцовъ и міряиъ къ ней во дворъ заѣзжало.
Разъ, о полудни, она на крыльцѣ на тесовомъ сидѣла;
Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за ворота глядѣла:
Видитъ, идетъ отъ села человѣкъ, утомился бѣдняга —
Низко поклоны кладетъ у воротъ и у оконъ слободки:
Проситъ онъ ковшикъ студеной воды у ребятъ и у старшихъ...
Только не слышатъ ребята, играютъ себѣ по затишьямъ;
Старшіе жъ, кто на гумнѣ, кто съ иглой, али съ пряжей усѣлся.
Вотъ подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ: — «Твоя хижина съ краю,
Глушь за тобой и поля; я жъ отъ жары изнываю;
Встань, захвати гдѣ-нибудь мнѣ хоть каплю водицы студёной!» —
Умъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать не умѣю;
Только въ отвѣтъ старику я промолвила такъ, усмѣхаясь:
— «Какъ, старина, разбудить, какъ покинуть мнѣ малую дочку?
Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ручей подъ горою;
Полемъ успѣешь дойти и авось не умрешь на дорогѣ, —
Здѣсь же у насъ, въ слободѣ, ты и капли воды не отыщешь!»
Странникъ поникъ головой и, какъ тѣнь, изъ околицы вышелъ...

Вдругъ слышу я, въ тишинѣ, по околицѣ звуки несутся;
Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали зерна...
Вижу — и замеръ мой духъ, на столѣ самъ собой, за порогомъ,
Брызнулъ кувшинъ, а за нимъ у дверей изъ печурки плеснуло;

Возлѣ, изъ погреба, струйка воды, словно дымъ, поднялся;
Миски, лоханки и ведра всплываютъ, несутся къ воротамъ;
Имъ же навстрѣчу, смотрю, выбѣгаютъ другіе потоки!
Въ ближнихъ дворахъ та же притча: всплываютъ шесты и заборы...
И не опомнилась я, какъ кругомъ берега поднялися;
Зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла слободка;
Тамъ же, вверху, какъ туманъ, заходили студеныя волны...

Ты не дивися, рыбакъ, если въ озеро днемъ ты посмотришь:
Темныя кочки на днѣ—это хижины нашей слободки;
Мелкія травки—сады, а ложбинки—пруды да колодцы.
Ранней зарею, пока не шелохнулись по лѣсу листья,
Съ берега: ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сейчасъ и услышишь—
Какъ далеко-далеко, подъ тобой, въ потопленной слободкѣ,
Вѣтеръ по кровлямъ шумитъ, словно плещутся мелкія струйки,
Куры кудахчутъ, пѣтухъ на гумнѣ заливается звонко...
И раздаются въ водѣ колокольные тихіе звуки,
Будто засохшій тростникъ отъ дуновенія вѣтра
Тихо звенитъ надъ водой, надъ пустыннымъ прибрежьемъ качаясь!»
Рыбка замолкла, едва отливаясь на зыби стемнѣвшей...
Въ волны ей бросилъ рыбакъ цѣлыхъ сутокъ добычу обратно;
И, привязавши челнокъ межъ осокой, обратно въ потемкахъ
Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ пустыми руками.

IV.

Братъ и сестра.

Жили-были сироточки.
Пошли они искать себѣ
Промежъ людей пристанища.
Не день идутъ, но два идутъ,
И стала ихъ жара томить;
Измучились путемъ они—
Путемъ чудо увидѣли...
Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
Весь бѣлый самъ и съ бѣлою

Повозкою и лошадью.
— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
Ручья путемъ дорогою?»
— «Не видѣлъ я ручья путемъ,
А видѣлъ, межъ двухъ дубовъ,
Пробилъ ногой конь ямочку—
И въ ней съ дождя воды глотокъ!»
Хотѣлъ испить усталый братъ,
Сестра ему въ отвѣтъ на то:
— «Не пей, не пей, Ивашечко,
Не пей, конемъ прикинешься!»

Пошли опять съ сестрою братъ,
Опять жарой измучились,
Опять чудо увидѣли:
Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
Весь огненный, какъ жаръ горитъ,
И огненныхъ воловъ ведетъ.
— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
Ручья путемъ дорогою?»
— «Не видѣлъ я ручья путемъ,
А видѣлъ я, подъ горкою,
Ступалъ козелъ копытцами,
Пробилъ въ землѣ двѣ ямочки—
И въ нихъ съ дождя воды глотокъ!»
Хотѣлъ испить усталый братъ,
Сестра ему въ отвѣтъ на то:
— «Не пей, не пей, Ивашечко,
Не пей, козломъ прикинешься!»

Сестра соснуть въ копнѣ легла;
Усталый братъ ослушался...
Испилъ воды съ земли сырой
И сталъ мохнатъ, съ бородкою,
И съ рожками, и съ хвостикомъ;
Пошелъ блеять по-козьему,
Траву щипать по рытвинамъ...
Сестра его, какъ вскинулась,
Увидѣла и ахнула;
Усѣлася подъ кочкою,
Плететъ косу, рыдаючи:

— «Пасись, пасись, козлёночекъ,
Тебя теперь не брошу я».
Взошла заря вечерняя;
Домой съ торговъ купецъ спѣшитъ,
Сталъ дѣвочку разспрашивать,
Узналъ про все и ей сказалъ:
— «Пойдемъ со мной, сироточка;
Тебѣ я дамъ пристанище,
А козлика рогатаго
Я выкормлю и выращу
На всемъ добрѣ, на роскоши».

Пошла къ нему сироточка;
За всѣмъ глядитъ, ночей не спитъ,
И стала вновь кручиниться...
Что день—глядитъ на улицу:
Зарей стада съ полей идутъ,
Веселыя, сытёхоньки;
Одинъ козелъ, понурившись,
Домой идетъ непоенный.
Некормленный, всю ночь стоитъ—
Солому рветъ съ плетней и крышъ,
Давай сестра купца просить;
И радъ бы онъ помочь бѣдѣ:
Жена, вѣдьма сердитая,
Всѣхъ гонитъ прочь отъ козлика,
На зло моритъ голоднаго.
Пошла сестра зарей къ рѣкѣ,
Да въ глубь ея и бросилась

Припалъ къ рѣкѣ козлёночекъ,
Дрожитъ, кричитъ у берега:
— «Сестра, сестра родимая!
Ты встань ко мнѣ, ты выплыви;
Меня, козла рогатаго,
Колоть хотятъ, губить хотятъ,
Вросать въ котлы кипучіе!»
Со дна рѣки сестра ему:
— «Охъ, братъ ты мой, родименькій,
Не встать ужъ мнѣ, не вынырнуть:
Пески въ водѣ усыпали

Всю косу мнѣ, всю русую;
Въ камышъ руки увязнули,
А грудь мою змѣя-тоска
Сосетъ-грызетъ безъ устали!»

V.

Крымскій плѣнникъ.

Давно то было—жилъ казакъ, Вакула,
А по прозванію—Налѣво Хатка.
Былъ добрый онъ, былъ ласковый, непьющій;
Умѣлъ колеса дѣлать, миски, грабли,
Зимой портняжилъ, лѣтомъ по лугамъ
Ходилъ съ ружьемъ; да какъ-то зазѣвался
И угодилъ съ охоты въ плѣнъ къ татарамъ.

Его хозяинъ былъ богачъ и князь,
Стадамъ его въ Крыму не знали счета;
Онъ плѣнника назначилъ пастухомъ.
Зайдетъ Вакула въ степь, въ траву забьётся;
Да день-денской на волѣ и лежитъ:
И голова лежитъ, и обѣ руки
Раскинулись привольно и лежатъ;
Лежатъ и ноги, шапка, чубъ и трубка...
И весь лежитъ, какъ будто не живой!
А тамъ, внизу, въ травѣ, жужжитъ комаръ,
Вверху звенятъ и мчатся журавли;
И не рѣшишь, куда глядѣть, что̀ слушать;
Подумаешь, съ собою погадаешь,
И кончишь тѣмъ, что цѣлый день проспишь.

Одна бѣда—татары горемыку
Кормили власть, но строго заказали
Не пробовать того, что̀ сами ѣли...
«Что тутъ за притча?» мыслить сталъ Вакула.
Онъ разъ пришелъ со степи, думалъ-думалъ
(Татары въ лѣсъ тогда пошли за чѣмъ-то),
Да и хлебнулъ съ хозяйскаго горшка...
Ѣсть не поѣлъ, невкусно и несытно—
Взялъ палку и опять погналъ овецъ.

Но вдругъ, чуть вышелъ въ поле,—что за диво
Сталъ понимать онъ говоръ каждой травки...
Безчисленные, пестрые цвѣты
Качаются на тонкихъ стебелькахъ,
Поводятъ желтыми и голубыми,
Лиловыми и алыми глазками,
Какъ пчелы шепчутся и шелестятъ...

И кланяются травы казаку,
И говорятъ ему по-человѣчьи.
Кануперъ говоритъ: я отъ запоя;
Полынь кричитъ: а я отъ лихорадки;
Любистокъ увѣряетъ, что ему
Извѣстны тайны дѣвичьихъ сердецъ,
Перестуаень кричитъ: я отъ надрыва;
Бодягъ отъ ранъ, исопъ—отъ зуда въ горлѣ;
Сорочье мыло—отъ морщинъ, веснушекъ;
И всѣхъ ихъ голосъ чортова орѣшка
Надъ полемъ покрываетъ: «Кто меня
Сорветъ, тому всѣ клады станутъ видны».
— «А я,—звенитъ съ поляны сонъ-трава:—
Я больше всѣхъ васъ, тетушки и дяди,
Доставлю счастья; кто меня сорветъ,
Тотъ сладко, на привольѣ всёмъ уснетъ,
Надъ всякою работою, надъ сказкой,
Надъ топоромъ, у стада, надъ указкой...
И кто сорвать меня рѣшится, съ нимъ
За тридевять земель мы улетимъ»...

— «Вотъ такъ находка»,—думаетъ Вакула;
И онъ сорвалъ пахучей сонъ-травы.
Понюхалъ, опьянѣлъ и, вмѣсто травъ,
Вокругъ себя вдругъ увидѣлъ человѣчковъ;
Всѣ зелены и ростомъ со стрекозу,
И счета нѣтъ въ травѣ тѣмъ человѣчкамъ.
Такъ день лежалъ и два лежалъ Вакула,
Все слушая, что травы говорятъ,
И глядя на зеленыхъ человѣчковъ...
И такъ лежалъ онъ, все курилъ, да думалъ,
А рой годовъ надъ нимъ незримо мчался,

И зарастать казакъ травою сталъ...
И такъ сто лѣтъ онъ ровно пролежалъ.

Сто лѣтъ!—Онъ легъ подъ тонкимъ стебелькомъ,
А всталъ подъ старымъ, коренастымъ дубомъ;
Легъ черноусымъ, статнымъ казакомъ,
А всталъ горбатымъ, скрючившимся дѣдомъ,
Въ истлѣвшей свитѣ, съ бородой по поясъ...
И только недокуренная трубка
Торчала у него между усовъ.

VI.

Снѣгурка.

Жилъ да былъ старикъ со старухой,
Не было у нихъ дѣтей.
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба;
А на улицѣ, надъ рѣчкой,
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
«Не пойти ли, человѣче,
Намъ на улицу съ тобою?»
— «А и въ самомъ дѣлѣ, баба!»
Отвѣчаетъ дѣдъ на это;
И шары лѣпить изъ снѣгу
Начинаютъ дѣдъ и баба.
— «Что̀ вы дѣлаете, старцы?»
Молвитъ, кланяясь, прохожій—
Старый дряхлый, съ бородою.
— «Лѣпимъ дитятко!» съ усмѣшкой
Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
— «Помогай же Богъ вамъ, старцы!»
Молвитъ, кланяясь, прохожій
И за рѣчкой исчезаетъ...

Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ

Теплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись—
И красавица Снѣгурка,
Отряхая мягкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
— «Крошка!—молвила старуха:—
Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И, въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла Снѣгурку въ хату.

Вотъ идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, а по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой-рѣзвушкой
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая Снѣгурка.
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота!

Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да еще бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сестрамъ,
Вольнымъ бурямъ да метелямъ,
Будто сватьямъ да золовкамъ,
А туману—солвно брату...

Бокогрѣй-февраль спустился,
Мартъ ключи въ долинахъ отперъ,
И затаяли потоки...
Призадумалась, замолкла

И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка...

Разъ, зарею ранней было,
Вешнихъ водъ струи гремѣли;
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
«Посмотри, какою павой
Выступаетъ наша дочка!»

А красавица Снѣгурка
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась—
И тихонько стала таять.
Стала таять, словно свѣчка;
Заклубилась легкимъ паромъ
Тихо въ облачко свернулась
И разсѣялась въ лазури.

VII.

Дѣдовы козы.

Были козы у стараго дѣда.
Посылалъ старый дѣдъ въ поле дочку,
На привольѣ пасти свое стадо;
Самъ подъ вечеръ въ тесовыхъ воротахъ
Становился въ червонныхъ сапожкахъ,
Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
Вопрошалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія,
Козы непростыя!
Ѣли-ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?»

Тутъ выходитъ коза-лиходѣйка,
Говоритъ громкимъ голосомъ дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили
Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
Ухватили кленовый листочекъ;
Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
Поживилися каплей одною;
Только ѣли мы, только и пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Осерчалъ старый дѣдъ, расходился,
Сталъ бранить и корить свою дочку:
— «Не пасла, не кормила ты стада,
Наказать тебя, вижу я, надо!»
И сажалъ онъ ее въ темный погребъ,
Козъ пасти высылалъ въ поле сына.
Выходила коза-лиходѣйка,
Дѣду плакалась громко на сына,
А потомъ обнесла и старуху...
Дѣдъ корилъ ихъ, бранилъ, дивовался,
Да за умъ напослѣдокъ и взялся.
Сапоги надѣвалъ постарѣе,
Самъ пасти своихъ козъ вышелъ въ поле;
Накормилъ ихъ травой шелковою,
Напоилъ ихъ водой ключевою;
А подъ вечеръ, другою дорогой
Обогнавъ ихъ, въ тесовыхъ воротахъ
Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
Вопрошалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія!
Козы непростыя!
Ѣли-ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?»

Выходила коза-лиходѣйка,
Громко плакалась старому дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!

Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
Ухватили кленовый листочекъ;
Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
Поживилися каплей одною;
Только ѣли мы, только и пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Тутъ не вытерпѣлъ дѣдъ, на расправу
За рога потащилъ лиходѣйку:
«Лиходѣйка-коза, лиходѣйка,
Расплатиться теперь ты сумѣй-ка!»
И срамилъ онъ ее передъ стадомъ,
Сѣкъ её за лихія лукавства,
Снялъ съ боковъ напослѣдокъ ей кожу
И пустилъ ее такъ въ чисто поле...

Но и тутъ та коза не смирилась;
Прибѣжала въ лисичкину хатку,
Стала прыгать по окнамъ, по лавкамъ,
На чужое хозяйство насѣлась.
Къ ночи въ хатку вернулась лисичка,
Слышитъ—возится что-то такое...
Постучалась лисичка-сестричка:
— «Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Страшнымъ голосомъ ей отвѣчаетъ:

— «Я коза сѣчена,
Съ боковъ перемѣчена;
Топъ-топъ ногами,
Заколю рогами,
Ножками загребу,
Хвостикомъ замету!»

Безъ оглядки лиса убѣжала;
А навстрѣчу ей сѣренькій зайчикъ.
— «Помоги ты мнѣ, сѣренькій зайчикъ,
Вѣкъ тебя я за то не забуду:

У меня что-то страшное въ хаткѣ!»
Прибѣжали они; тихо зайчикъ
Лапкой—стукъ въ затворённыя двери:
— «Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Напугала и сѣраго зайку:
«Охъ, боюсь я, лисичка-сестричка;
Лучше мы побѣжимъ за другими!»

Забѣгали они во всѣ норы,
Приводили съ собой на подмогу
И грача трубача, и лягушку—
Скакуна, и ежа пѣхотинца,
Всѣхъ великихъ звѣрей и звѣрюшекъ...
Но никто самъ собой не рѣшался
Посмотрѣть, кто забрался къ лисицѣ;
И рѣшился лѣнтяй и трусишка,
Ракъ ползунъ и хромой лежебока...
Онъ тихонько, бочкомъ, перебрался
За порогъ; увидалъ, что̀ за диво
Расходилось въ лисичкиной хаткѣ,
И пошелъ расправляться клещами...
Безъ оглядки коза припустилась;
На нее нападали всѣ звѣри—
И гуртомъ за лихія лукавства
Разрывали ее по кусочкамъ.

VIII.

Младенцы-утопленники.

Жилъ себѣ человѣкъ небогатый,
Съ молодою женою и съ сыномъ.

Разъ ходилъ онъ по нивѣ за плугомъ,
Видитъ: возлѣ, за нимъ, по полянѣ,
Ходитъ старецъ, съ сѣдой бородою.

Вотъ и сталъ человѣкъ небогатый
Говорить за работою старцу:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, человѣче,

Для чего за волами ты ходишь,
И какая тебѣ въ томъ охота?»
Отвѣчалъ ему старецъ прохожій:
— «Для того я хожу за волами,
Что хочу у тебя допытаться:
Ты скажи мнѣ, по правдѣ, по чистой,
Легче-ль юношѣ тяжкое горе,
Или дряхлому, старому старцу?»
Отвѣчалъ человѣкъ небогатый:—
Легче юношѣ тяжкое горе».
Но, едва онъ слова тѣ промолвилъ,
Надъ поляною старца не стало;
Обломались колеса у плуга,
И волы на траву повалились...

Воротился домой горемыка,
Ни двора, ни хозяйки, ни сына—
Все огнемъ у него погорѣло!
Поглядѣлъ на свое пепелище,
Покачалъ головой горомыка
И пошелъ наниматься по людямъ.

Не сгорѣлъ его сынъ, не погибнулъ;
Приключилось съ нимъ дивное диво...
Онъ сидѣлъ въ тростникѣ надъ водою
И поймалъ окунька да плотичку.
Только чуть потянулъ онъ плотичку,
Краснопёрая рыбка плеснулась
И на дно за собой утащила
Вмѣстѣ съ удочкой въ волны малютку...

Сталъ играть день и ночь у плотички,
Въ водныхъ плёсахъ, утопшій малютка;
Съ дѣтворой шаловливой плотички
Сталъ изъ раковинъ домики строить,
Изъ травы городить огороды.
И такія жъ, какъ самъ онъ, пичужки,
По рѣкамъ утонувшія крошки,
Отовсюду къ нему собралися;
Сталъ надъ ними онъ въ играхъ владыкой
И забылъ въ водномъ омутѣ землю,

И отца, и родимую хатку...
Такъ промчалися многіе годы!
А отецъ его съ лютаго горя
Одряхлѣлъ, посѣдѣлъ, бросилъ домъ свой
И съ сумою пошелъ вдоль по міру...
Много лѣтъ онъ ходилъ неутѣшный
И присѣлъ отдохнуть надъ рѣкою.
Той порой, съ своимъ войскомъ подводнымъ,
Въ вольныхъ плесахъ рѣзвился малютка;
Изъ воды поглядѣлъ на прибрежье
И отъ жалости чуть не заплакалъ...
Видитъ возлѣ, у самаго плеса,
Пригорюнился старецъ прохожій
И, какъ малое дитятко, плачетъ.

Опустился на дно соглядатай—
Сталъ скликать свое вѣрное войско
И повѣдалъ, что видѣлъ на свѣтѣ...
Расшумѣлося рѣзвое войско:
Это, вѣрно, завистницы-рыбы
Разобидѣли бѣднаго старца!
Бросимъ ихъ мы зато всѣмъ народомъ,
«А его, чѣмъ сумѣемъ, утѣшимъ!»

Поглядѣли малютки, какъ старецъ
Надъ рѣкой задремалъ,—потихоньку
Наносили къ ногамъ его всякихъ
Спѣлыхъ ягодъ, душистаго меду,
А въ суму драгоцѣнныхъ жемчужинъ.
Той порой надъ полями, холмами,
Паутинное лѣто стояло,—
По холмамъ, по доламъ паутинки
Надъ землей до небесъ протянулись.
Колыхаясь, по вѣтру летѣли...
И по тѣмъ золотымъ паутинкамъ,
Какъ по нитямъ развѣшенныхъ лѣстницъ,
Поднялось, успокоившись, войско
Утонувшихъ на свѣтѣ младенцевъ,—
Въ небо синее всѣ улетѣли.

IX.

Смоляной бычокъ

Жилъ да былъ старикъ съ старухой.
Вотъ старуха и давай просить:
— «Ты слѣпи мнѣ, дѣдъ, слѣпи бычка
Изъ смолы, изъ вару чернаго!»
Какъ слѣпилъ старухѣ дѣдъ бычка,
Гнала въ степь она пасти его;
Подъ ракитою садилася,
Да и стала приговаривать:

«Ты пасись бычокъ, по выгону,
Пряжу я тѣмъ часомъ выпряду;
Ты пасись, пасись по травушкѣ.
По муравушкѣ-дубравушкѣ!»

Поплелась старуха къ выгону.
Изъ-за темныхъ горъ медвѣдь бѣжитъ,
Раскричался, разаукался:

— «Кто тутъ ходитъ, кто такой,
Отвѣчай передо мной!»
Смоляной бычокъ въ отвѣтъ ему:
«Такъ и такъ, бычокъ я маленькій,
Изъ простого вару слаженный!»
Говоритъ медвѣдь, подумавши:
— «Коль бычокъ ты не простой,
Коль и вправду смоляной,
Дай смолы ты мнѣ комокъ,
Позамазать рваный бокъ!»

Смоляной бычокъ на эту рѣчь
Не перечитъ, соглашается.
Принялся медвѣдь смолу сдирать
И завязилъ зубы вострые...

Смотритъ баба, передъ вечеромъ,
Къ воротамъ бычокъ бѣгомъ бѣжитъ,
Волочетъ медвѣдя бураго.

Увидалъ старикъ, разахался;
Заперевъ въ погребъ косолапаго,
А зарей старуха, до свѣту,
Гнала въ поле вновь бычка пасти.

Выбѣгаетъ волкъ изъ темныхъ лозъ,
Сталъ кричать, съ бычка смолу сдирать,
И завязилъ зубы вострые...

Приволокъ бычокъ и сѣраго,
Черезъ день стащилъ къ околицѣ
Онъ лисицу Патрикѣевну,
Побродягу и курятницу,
А за ней и зайку бѣлаго,
Скомороха и капустника.

Вотъ, когда ихъ понабралося,
Дѣдъ садился передъ погребомъ,
Начиналъ точить на камнѣ ножъ.
Той порой медвѣдь разспрашивалъ:
— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
У порога точишь вострый ножъ?»
— «Для того, что шубу зимнюю
Шить мы съ старою задумали!»
— «Ты меня не трогай, дѣдушка!—
Говоритъ медвѣдь изъ погреба:—
Прикачу тебѣ за это я
Бочку меду, меду чистаго!»
Дѣдъ пускалъ на волю Мишеньку,
Вновь точилъ на камнѣ вострый ножъ.
Сѣрый волкъ изъ ямы спрашивалъ:
— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
У порога точишь вострый ножъ?»
— «Для того, что шапку на зиму
Шить съ старухой мы задумали!»
— «Ты меня не трогай, дѣдушка!—
Говорилъ ему изъ ямы волкъ:—
Отплачу тебѣ за это я,
Пригоню табунъ коней степныхъ!»
Дѣдъ пускалъ и волка сѣраго,
Вновь садился ножъ точить-вострить

На лису онъ Патрикѣевну
И на зайку косолапаго.
Дѣду нужны были о-зиму
Рукавицы на морозный день,
На метель, на снѣгъ наушники.
Слезно дѣду оба плакались,-
Притащить лисица старому
Всякой птицы вызывалася,
А старухѣ бѣлый заинька—
Лентъ, мониста самоцвѣтнаго.

Выпускалъ на волю всѣхъ старикъ,
Самъ садился на заваленку,
Говорилъ съ своей старухою.

Не успѣла зорька ясная
Закатиться за околицу,
Стало слышно, долъ шумитъ, гудитъ,
По горѣ медвѣдь къ околицѣ
Катитъ бочку меду чистаго;
Гонитъ волкъ табунъ коней степныхъ.
Не успѣлъ туманъ покрыть луга,
Замолчать, заснуть околица,
Стали слышны крики всякіе:
Ко двору лисица хлыстикомъ
Гонитъ куръ, гусей и лебедей;
А ужъ зайка, зайка бѣленькій,
Просто диво сдѣлалъ дивное,..

Прибѣжалъ въ село онъ дальнее
(Посидѣлки тамъ сбиралися),—
Подъ порогомъ легъ и ну кричать:
— «Охъ, спасите, дѣвки, заиньку;
Обогрѣйте меня, красныя!»
Взяли дѣвки въ хату заиньку,
Обогрѣли его, куцаго.
А когда его на радостяхъ
Нарядили дѣвки красныя
Въ ожерелья, въ ленты алыя
И въ монисто самоцвѣтное,—
Началъ бѣгать бѣлый заинька,

Да къ окошку ближе, ближе все,
Поглядѣлъ, прыгнулъ и былъ таковъ...
Ужъ и гнался жъ онъ проселками,
Ужъ и гнался жъ онъ окольными!

Прибѣжалъ къ избѣ, запыхавшись,
И давай стучать, въ окно кричать:
— «Отворяй ты двери, бабушка!
Принимай ты гостя дальняго;
Гостя дальняго, знакомаго,
Не съ пустой мошной, съ подарками;
Полно охать да печалиться,
Часъ пришелъ и покуражиться!»

X.

Бѣсы.

Разъ въ судѣ было дѣло такое:
Сталъ богачъ за избенку тягаться
Съ сиротою, убогой вдовою.
За него и почетъ, и попойки,
И дукаты усердно хлопочатъ;
За нее только слезы да горе.
Долго дѣло по судамъ тянулось;
Разорилась совсѣмъ горемыка.

Богачу не въ избенкѣ находка,
Да себя показать захотѣлось.
Вотъ, зовутъ ихъ на судъ напослѣдокъ!
Передъ ними читаютъ рѣшенье:
Богачу все отдать присуждаютъ...
Залилась сирота тутъ слезами:
— «То была я бѣдна и убога,
А теперь еще стала бѣднѣе!»
Поклонилась она низко судьямъ
И пошла со двора безъ оглядки.
А богачъ ей кричитъ изъ окошка:
— «Такъ и надо вамъ всѣмъ, попрошайкамъ,
Чтобъ не очень носы задирали!»
Тутъ откуда передъ нимъ ни возьмись

Человѣчекъ, какъ уголь, весь черный,
Курьи ножки и хвостъ закорючкой;
Говоритъ богачу съ укоризной:
— «Эхъ, ты сватъ, какъ тебѣ не зазорно!
Оттягалъ ты у нищей избенку,
Да еще и глумишься надъ нею!»
Раскричался богачъ, расходился:
— «Какъ ты смѣешь соваться съ укоромъ?
Да мое, слышь ты, правое дѣло
Такъ рѣшили законно и честно,
Что и чорту бъ во снѣ не приснилось!»
Отозвался ему человѣчекъ:
— «Какъ тамъ дѣло твое ни рѣшили,
Только чорта напрасно ты вспомнилъ!»
Съ этимъ словомъ онъ ножкою шаркнулъ
И пропалъ, какъ сквозь полъ провалился.
По дворамъ разошлися всѣ судьи,
Скоро смерклось, и всѣ улеглися.

А въ глухую-то самую полночь—
Растворились всѣ окна и двери,
Стали всѣ выбѣгать за ворота..
Въ темнотѣ, межъ дворовъ, тихимъ шагомъ,
Отъ конца до конца черезъ городъ,
Показался невиданный поѣздъ:
Поднимая десятки чернильницъ
И неся очиненныя перья,
Вдоль по улицѣ двигались черти...
И такія все рыла да хари:
На одномъ былъ мундиръ полицейскій,
На другомъ канцелярскій фрачишка;
По бокамъ пауки, черепахи,
На метлахъ съ протоколами крысы;
А сѣдые, столѣтніе бѣсы
Съ сургучомъ и съ большою печатью.
Въѣхалъ поѣздъ на главную площадь.
Распахнулись въ судѣ настежь двери,
Стали бѣсы всходить по ступенькамъ;
Они сѣли рядкомъ, засвѣтили
Вкругъ стола погребальныя свѣчки
И всю ночь напролетъ судъ судили;

А на-утро, передъ тою порою,
Какъ кричать пѣтухамъ приходилось,
Всей ордой на гербовой бумагѣ
Черти свой приговоръ прописали,
Приложили бѣсовскія лапы
И опять черезъ городъ, попарно,
Потянулися тѣмъ же порядкомъ...

Стали судьи къ крыльцу собираться;
На судейскомъ столѣ, посрединѣ,
На гербовой бумагѣ такое
Изреченье передъ ними лежало:
— «Душегубы и воры вы, судьи!
Покривили душой вы не мало;
Воротите вдовѣ все, что̀ взяли,
За убытки жъ ея и обиду,
Всякъ имѣньемъ своимъ поплатитесь...
А не то—будетъ вамъ на орѣхи!»
Межъ собой переглянулись судьи:
— «Нѣтъ! не дурни на свѣтъ мы родились,
«Чтобъ послушать лукаваго бѣса!»
Со стола подъ сукно тихомолкомъ
Они сунули тутъ же рѣшенье
И судить по мѣстамъ вновь усѣлись.
Только глядь, а стряпня-то нечистыхъ
На сукно вновь предъ ними ложится...

И ужъ какъ они тутъ не вертѣлись,
А послушались воли бѣсовской.

XI.

Ивашко.

Жилъ-былъ себѣ когда-то дѣдъ да баба;
У нихъ былъ сынъ, по имени Ивашко.
Подросъ онъ, справили ему челнокъ,
И сталъ онъ ѣздить съ удочкой по рыбу.
Отъѣдетъ озеромъ, молчитъ и ждетъ,
Покамѣстъ рыбка поплавокъ не клюнетъ.
А въ темной глубинѣ подъ нимъ, вверхъ дномъ,

Другой челнокъ, качаяся, плыветъ,—
На челнокѣ сидитъ другой Ивашко,
И вкругъ него такая тишь, да глушь...
Придетъ въ обѣдъ къ нему старуха-мать
И такъ поетъ, зоветъ его на берегъ:

«Ивашко мой, Ивашечко,
Приплынь, приплынь ты къ берегу;
Я съ слободки пришла,
Тебѣ ѣсть принесла!»

Услышитъ голосъ матери Ивашко
И такъ на зовъ ей тихо отвѣчаетъ:

«Плыви, плыви ты, челнокъ,
Выплывай на бережокъ;
Ко мнѣ мать пришла,
Мнѣ ѣсть принесла!»

Заслышала тѣ пѣсни злая вѣдьма
И рѣчью матери изъ-за кустовъ
Ну подзывать на берегъ рыболова.
Ивашко ни гу-гу, узналъ уловку
И про себя вполголоса поетъ:

«Дальше, дальше ты, челнокъ,
Не плыви на бережокъ...»

Взбѣсилась вѣдьма, въ кузницу бѣжитъ:
«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ голосъ
Такой, какой у матери Ивашки!..»
Раздулъ кузнецъ огонь, досталъ клещи,
Нагрѣлъ ихъ, ухватилъ за горло вѣдьму
И сталъ ковать, причитывая такъ:

«Куйся, куйся, голосъ злой!
Стань добрѣй,
Пой нѣжнѣй...»

Вернулась вѣдьма въ лѣсъ, запѣла нѣжно,
Въ прибрежный илъ Ивашку заманила,

Въ мѣшкѣ снесла его къ себѣ домой
И такъ Алёнкѣ дочкѣ приказала:
— «Неси дрова, топи скорѣе печь,
Да жарче протопи мнѣ, баловница!
Умой, напой и накорми Ивашку,
И на обѣдъ его зажарь въ печи,—
А я пойду, провѣтрюся маленько».

Нагрѣла печь Алёнка, накормила
Ивашку и наставила лопату:
— «Ну, сердце, полѣзай да погляди,
Я хорошо ли вытопила печку?»
Прикинулся Ивашко, что не понялъ,
И голову слегка просунулъ въ печь.
«Не такъ!»—Съ лопаты онъ продвинулъ руку.
«Не такъ!»—Онъ ногу въ печку протянулъ.
«Не такъ, не такъ!»—«Такъ какъ же? я не знаю!
Ты покажи сама мнѣ напередъ».

Бочкомъ Алёнка сѣла на лопату;
Ивашко толкъ ее, приперъ заслонкой,
Да за порогъ и на осину взлѣзъ.
Приходитъ вѣдьма, дочь Алёнку съѣла
И начала внизъ по горѣ кататься:

«Покачусь, повалюсь,
Закусивъ мясцомъ Ивашки!»

А съ дерева Ивашко ей въ отвѣтъ:

«Покатись, повались,
Закусивъ мясцомъ Аленки!»

«Что̀ бъ это было?»—мыслитъ людоѣдка
И говоритъ, покатываясь вновь:

«Покачусь, повалюсь,
Закусивъ мясцомъ Ивашки!»

Ивашко ей съ осины отвѣчаетъ:

«Покатись, повались,
Закусивъ мясцомъ Алёнки!»

Завыла вѣдьма, кинулась къ осинѣ
И ну ее въ безсильной злобѣ грызть.
Грызетъ она, Ивашко жъ видитъ—гуси
Летятъ, и ихъ съ вершины сталъ просить:

«Гуси-гуси, лебедята,
Дайте мнѣ свои крылята!
Унесите вы скорѣй
Сына къ матери моей!
Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
Сытно ѣсть, медъ, пиво пить!»

Но гуси надъ Ивашкой пролетаютъ
И такъ ему изъ облаковъ въ отвѣтъ:
«Пускай тебя возьмутъ иные гуси!»
Тѣмъ часомъ вѣдьма зубъ переломила
И къ кузнецу опять въ село бѣжитъ:
— «Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ зубъ,
Да поплотнѣй, изъ чистаго желѣза!»
Бѣжитъ назадъ опять къ осинѣ вѣдьма,
А гуси надъ Ивашкой пролетаютъ
И съ облаковъ опять ему въ отвѣтъ:
«Пускай тебя возьмутъ иные гуси!»
Качнулся стволъ, Ивашко сталъ ужъ падать...

Но тутъ послѣдній гусь изъ всей ватаги,
Общипанный, голодный, безъ хвоста,
Его услышалъ, подхватилъ съ осины
И поднялся съ нимъ вплоть до самыхъ тучъ.
Отъ злости вѣдьма обернулась въ вихорь,
За бѣглецомъ вдогонку понеслась;
Но дунулъ вѣтеръ и развѣялъ вихорь.

А той порой Ивашко опустился
На крышу хатки; слышитъ—подъ окномъ
Вечѐряютъ отецъ и мать-старуха
И дѣлятъ межъ собою пироги:
— «Вотъ пирожокъ тебѣ, а этотъ мнѣ!»

— «А мнѣ?»—Ивашко спрашиваетъ сверху.
«Чтò бъ это было?»—крестится старуха
И вновь со старымъ дѣлитъ пироги:
— «Вотъ пирожокъ тебѣ, а этотъ мнѣ!»
— «А мнѣ?»—опять перебиваетъ кто-то.

Тутъ отъ окна вскочили дѣдъ и баба,
Ивашку съ гусемъ нà землю спустили,
И не было ихъ радости конца.

XII.

Каратышка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ небываломъ,
Въ нашемъ уѣздѣ немаломъ,
Жилъ мужикъ, небогатый человѣкъ,
Плотничалъ и кручинился весь свой вѣкъ.
Вотъ и родила ему хозяйка сынишку,
Да такого-то Каратышку-невеличку,
Что усѣлся бы онъ верхомъ на муху,
Когда бъ на мухѣ верхомъ кто ѣздилъ;
И пролѣзъ бы въ иголочное ухо,
Когда-бъ притомъ не носище,
Величиною чуть не съ топорище.
Пожалъ плечами горемыка,
Говоритъ хозяйкѣ:—«Вотъ, поди-ка;
Родила ты мнѣ на смѣхъ ребенка,
Не то воробья, не то котенка!»
Невеличка выглянулъ съ печи
И къ отцу на такія рѣчи:
— «Это еще не бѣда, что я невеличка;
Когда-бъ не носъ, ко всему бываетъ привычка.
Ты подай-ка мнѣ все, чтò пожелаю,
Такъ я тебѣ и за десятерыхъ наверстаю!»
Сталъ мужикъ за ухомъ чесаться,
Сталъ, глядя на сына, слегка утѣшаться.

А сынишка и впрямь догадался,
За умъ, не теряючи времени, взялся:
— «Собирайся ты, батько, съ дѣлами;

Поѣдемъ мы въ лѣсъ за дровами!»
— «Да какъ же намъ ѣхать, когда нѣтъ у насъ вовсе
Ни коня, ни хомута, ни воза!»
— «Ничего,—говоритъ весело Каратышка:
На такое дѣло станетъ умишка!»
Откопалъ башмакъ, изловчился
Запрягся въ него и пустился.

Вотъ ѣдетъ навстрѣчу, въ рыдванѣ,
Панъ судья, а съ нимъ вельможная пани.
«Пади!»—кричитъ Каратышка съ мосточка.
Конюхъ смотритъ: не то человѣкъ, не то кочка.
Спрашиваетъ судья:—«Эй ты, плотникъ,
Чтò это у тебя за работникъ?»
Отвѣчаетъ мужикъ безъ утайки:
— «Дождался я сына отъ хозяйки;
Ростомъ онъ совсѣмъ съ рукавицу,
А, поди, раскуси эту птицу!
Хоть и малъ, а въ дѣлѣ не сплошаетъ
И за десятерыхъ наверстаетъ!»
Расходилась въ рыдванѣ судьиха...
— «Это не тебѣ чета!»—говоритъ мужъ тихо:
Покупай мнѣ сейчасъ Каратышку;
Если спросятъ, давай и лишку,
А безъ него я жить не стану,
Засохну и завяну!»
Дѣлать нечего, судья вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ
И беретъ Каратышку въ бумажку,
За анисовой водки фляжку,
За пригоршню цѣлковыхъ,
Да за три кафтана новыхъ.
Поѣхалъ Каратышка въ рыдванѣ;
Судьиха держитъ его въ карманѣ.
Дорòгой онъ толкался и возился,
У господъ провѣтриться просился.
Господа бумажку раскрывали,
Его побѣгать, опростаться пускали;
И онъ бѣгалъ, скакалъ, крутилъ носомъ,
Прибивалъ пыль по колесамъ...
А отецъ домой воротился,

Строить новую хату заходился;
Накупилъ полотна, хлѣба въ волю
И сталъ благодарить долю:
«Ай да сынишка! кабы онъ догадался;
Да почаще бы судьихамъ попадался!»

Вотъ, не прошло недѣли,
Двери новыя въ хатѣ заскрипѣли.
Прибѣжалъ домой Каратышка,
Еле ноги волочитъ, напала одышка;
Тоненькій, дрябленькій, еще жиже:
Узналъ жизнь-то поближе!
Только ничего, пережда лъ, откормился,
Опять думать о дѣлѣ заходился:
— «Это что еще, батько, за доля,
Что у тебя хата, а нѣтъ своего поля?
Нельзя ли намъ приловчиться,
Чтобъ и вовсе на волю откупиться?»
Отецъ сказалъ: «ладно!»
И дѣло пошло у нихъ складно.

Говоритъ Каратышка: «Нашу поляну
Пахать я однимъ воломъ стану»;
— «Да какъ же одним? вотъ заврался!»
Каратышка, однако, подобрался;
Поюлилъ, пофинтилъ и прыгъ волу въ ухо,
Начинаетъ тамъ ёрзать и орать, что есть духу;
Волъ струхнулъ, замоталъ головою
И пошелъ плугомъ рыть, какъ иглою.
Не успѣлъ отецъ надивиться,
А ужъ дѣло къ концу и валится.

Смотритъ, тѣмъ часомъ ѣдетъ карета,
Въ ней помѣщикъ и дочка куколкой разодѣта;
Такая барышня красотка,
Хоть какому жениху находка.
Увидѣлъ помѣщикъ, дивуется диву:
«Какъ одинъ волъ пашетъ цѣлую ниву?»
Закричалъ мужику: «Эй ты, пахарь!
Колдунъ ты какой, или знахарь?
И какъ это волъ у тебя поспѣваетъ,

Что съ плугомъ такъ по полю шныряетъ?»
Мужикъ говоритъ: «Это мой сынишка;
Ростомъ онъ Каратышка
И почти съ рукавицу,
А, поди, раскуси эту птицу!»
Вышелъ помѣщикъ изъ кареты,
Крикнулъ Каратышкѣ: «Гдѣ ты?»
Парень на землю фертикомъ вышелъ,
Подбоченился, козыремъ ходитъ, будто не слышалъ;
Взялъ у отца трубку, куритъ,
На помѣщичью дочку глаза щуритъ...
Стала тутъ барышня влюбляться,
Стала съ отцомъ въ каретѣ шептаться:
— «Ахъ, папенька, какое жъ это диво,
Что такой невеличка и одинъ пашетъ ниву!
Ты купи мнѣ, купи Каратышку,
Если спросятъ, давай и лишку;
А безъ него я жить не стану,
Засохну и завяну!»

Дѣлать нечего: помѣщикъ вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ
И беретъ Каратышку съ собою,
За шкатулку, съ дорогою казною,
За непростую, росписную;
Въ той шкатулкѣ лежали барышнины гребни,
Духи, колечки, наперстки и серьги
И всякія зелья и примочки,
Чѣмъ барышни румянятъ себѣ щечки,
И отчего женихи ихъ любятъ,
И чѣмъ онѣ родъ мужской губятъ...
Завернули господа Каратышку въ бумажку
И примчали домой въ одну упряжку.
Барышня его въ кармашкѣ держала,
Всю дорогу на воздухъ не пускала;
Какъ онъ ни толкался, ни возился,
Какъ у господъ провѣтриться не просился...
А мужикъ воротился съ казною,
Припѣваючи, зажилъ на покоѣ
И забылъ совсѣмъ про сынишку,
Про лихого «пройди-свѣта» Каратышку.

Только разъ колокола загремѣли
По улицѣ новыя сани пролетѣли;
Барчёнокъ подъѣзжаетъ къ хатѣ:
Въ собольей шапкѣ, въ шелковомъ халатѣ,
Въ зубахъ торчитъ трубка, бровями моргаетъ,
Руки въ боки, самъ фертомъ выступаетъ;
Совсѣмъ-то красавчикъ, когда-бъ не носище,
Величиной чуть не съ топорище.
На крыльцо съ надворья важно онъ всходитъ,
За бѣлую ручку жену свою вводитъ,
Да такую толстушечку, пыхтушечку,
Изъ лица совсѣмъ игрушечку:
Поступь лебединая, щеки—красны маки,
И что вся не краля, это только враки!

Молодые прямо, какъ вошли съ дороги,
Слова не сказали, родителямъ въ ноги;
Съ ними шли рядочкомъ малыхъ два сынишка,
Точь-въ-точь, какъ отецъ ихъ—оба каратышки.
Вслѣдъ за ними слуги несли изъ кареты
Всякое добро и тряпьё безъ смѣты,
Строили господамъ новую палату,
Не то, чтобъ курень или хату—
На славу жилище,
Чуть не съ гору, какой городище!

Вотъ вамъ и сказка,
Мнѣ бубляковъ вязка,
Говорилъ дѣдъ Лукашка,
Латанная рубашка.

XIII.

Лѣсная хатка.

Какъ жили, да были старикъ и старуха,
У старой и стараго было по дочкѣ.
Вотъ баба и стала приказывать дѣду:
«Вези, старый хрѣнъ, со двора свою дочку,
Вези куда знаешь, вези, да и только!»

Старикъ не перечитъ, беретъ свою дочку,
Везетъ ее лѣсомъ: въ лѣсу стоитъ хатка.

— «Сиди моя дочка, сиди, дожидайся,
Пока я въ овражекъ схожу за дровами!»
Уходитъ старикъ, прицѣпилъ потихоньку
У самой у хатки на вѣтку дощечку...
Дощечка отъ вѣтра стучитъ по березѣ,
Долбитъ словно дятелъ, о бѣлу кору.
Ждетъ дѣдова дочка, сама размышляетъ:
«То батюшка рубитъ въ оврагѣ полѣнья!»
Румяная зорька по залѣсью гаснетъ,
А дѣдъ не приходитъ съ дровами изъ лѣса!

Вотъ стало темнѣе, кругомъ затихаетъ,
И вдругъ въ отдаленьи послышался грохотъ:
Стучитъ и гремитъ, сукъ за сукомъ ломаетъ,
Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...

Къ избѣ Голова подкатилась и молвитъ:
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! открой мнѣ ворота!»
Послушалась дѣдова дочка, открыла.
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! съ порога на лавку
Меня посади ты, меня накорми ты
И спать на постелю меня уложи ты!»
Послушалась дочка: ее посадила,
Ее накормила, въ постель уложила
И сказки ей на ночь еще говорила.
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! теперь полѣзай ты
Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь:
Тебя награжу за почетъ, за послугу!»
Тутъ дѣдова дочка, не молвя ни слова,
Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,
А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла...
И стала она красоты несказанной,
Царевною сѣла въ рыдванъ золоченый,
Серебряный конь ее вывезъ изъ лѣса;
Къ отцу завезла на слободку подарки,
И всѣ выбѣгали—глядѣли, какъ ѣдетъ
Царевна въ свои государскія земли...

Подолгу ли, нѣтъ ли, за холодомъ зимнимъ,
Опять затеплѣло по бѣлому свѣту;
Опять стала баба приказывать дѣду:
— «Вези ты теперь, старый хрѣнъ, мою дочку,
Куда завозилъ и свою, да скорѣе!»
Старикъ не перечитъ, беретъ ея дочку,
А дочка была преехидное зелье;
Она и руками, она и ногами,
Да только осилилъ ее старичина.
Поѣхалъ онъ лѣсомъ, въ лѣсу стоитъ хатка...
И сталъ говорить онъ: «сиди, дожидайся,
Пока я въ овражекъ схожу за дровами!»
Ушелъ и опять прицѣпилъ потихоньку
У самой у хатки на вѣтку дощечку...
Дощечка отъ вѣтра стучитъ по березѣ,
Долбитъ, словно дятелъ, о бѣлу кору...
Ждетъ бабина дочка, въ сердцахъ размышляетъ:
«Когда бъ его волки скорѣе заѣли!
Сидишь, какъ колода, а толку ни крошки!»

Опять затемнѣло по старому лѣсу;
Опять въ отдаленьи послышался грохотъ:
Стучитъ и гремитъ, сукъ за сукомъ ломаетъ,
Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...
Къ избѣ Голова подкатилась и молвитъ:
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, открой мнѣ ворота!»
— «Не знатная пани, сама ты отворишь!»
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, съ порога на лавку,
Меня посади ты, меня накорми ты,
И спать на постелю меня уложи ты!»
— «Не знатная пани, сама ты и сядешь,
Сама и наѣшься, сама же и ляжешь!»
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, теперь полѣзай ты
Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь:
Тебя награжу за почетъ, за послугу!»
Тутъ бабина дочка смекнула, въ чемъ дѣло:
Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,
А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла,—
И стала, да только не пышной царевной,
А старой-престарой, беззубой каргою!..

Домой доплелася, стучится въ ворота—
Взглянулъ на нее старый дѣдъ, да и плюнулъ.

XIV.

Смерть.

Въ чистомъ полѣ косарь косилъ сѣно,
Вдругъ за что-то коса зацѣпилась
И въ рукахъ у него зазвенѣла.
— «Эхъ, коса наскочила на камень!»
Говоритъ онъ, и все себѣ коситъ.
— «Да! держи ты карманъ, простофиля!—
Говоритъ у него подъ ногами:—
Гдѣ ты видѣлъ такіе каменья?»

Смотритъ въ землю косарь: что за чудо?
Передъ нимъ поднимается кочка,
Будто кротъ ее роетъ, все больше,
И становится лютою Смертью,
Что въ церквахъ на страхъ людямъ малюютъ,
Что на ней и тряпья, и лохмотьевъ,
И лица человѣчьяго нѣту;
Замахнулся косарь на хрычовку,
Извести ее думаетъ разомъ.
— «Нѣтъ, постой, куманёкъ; что за радость
Извести меня, старую, даромъ?
Ты меня отпусти, а за это
Я тебя научу, да такому
Что какъ выйдешь, да по міру глянешь,
Загребать станешь деньги лопатой!»
Уговоръ тутъ они заключили;
Посудили слегка, порядили,
И пошли всякъ своею дорогой.
— «Ты ступай,—ему Смерть провѣщала:—
По дорогѣ лѣчи всѣхъ недужныхъ;
Съ этихъ поръ я тебѣ стану зрима.
Только глянь, гдѣ въ свѣтлицѣ я стала:
Если стала въ ногахъ у больного,
Значитъ, кинетъ недужнаго немочь;
Если же въ головы я помѣстилась,

От недуга ему не подняться!»
Въ путь собрался косарь тѣмъ же часомъ,
Сталъ лѣчить всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
И засыпали знахаря въ волю
Самоцвѣтные камни и жемчугъ,
Дорогія парчи и дукаты...

Только вотъ, какъ ужъ онъ пообжился
И въ мѣшки какъ по горло зарылся,
Призываютъ его о полночи
Къ одному богачу на подворье.
Глянулъ онъ и задумался крѣпко:
Надъ больнымъ, у пуховой постели,
Прямо въ головы Смерть помѣстилась,
Держитъ косу въ рукахъ наготовѣ.
А богачъ его голосно молитъ:
— «Помоги ты мнѣ, братъ, сдѣлай милость;
Лѣчишь ты всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
Я въ долгу у тебя не останусь—
Дамъ тебѣ по заслугамъ награду:
Половиной добра и богатства
За твои за труды поклонюся».
Началъ тутъ про себя думать знахарь:
«Что за бѣсъ, да и что за причина?
Отчего не надуть мнѣ и Смерти?
Вѣдь случается лѣчить же въ свѣтѣ
И такихъ, что давно отпѣваютъ!»
Принимается онъ за больного,
Говоритъ: «ты не бойся, я справлюсь».
Только къ утру больной, передъ свѣтомъ,
Свою душеньку Богу и отдалъ...

Не успѣло пройти и недѣли,
Непохожъ на себя сталъ и знахарь:
Ходитъ, голову низко повѣсилъ,
Все ему и противно, и тошно,
И на свѣтъ не глядѣлъ бы, казалось.
Повалился какъ снопъ онъ въ постелю,
Зажигаетъ кругомъ себя свѣчи,
Куритъ ладаномъ, молится крѣпко,
А въ окошко швыряетъ дукаты,

Созываетъ убогихъ и нищихъ;
Вкругъ себя самъ боится и глянуть:
Смерть стоитъ у него въ изголовьѣ!

Кличетъ вѣрныхъ онъ слугъ на подмогу,
Переставить велитъ свое ложе,
Повернуть головами къ порогу...
Переставятъ его потихоньку,
Вкругъ себя по свѣтелкѣ онъ глянетъ—
Смерть опять у него въ изголовьѣ,
Держитъ косу въ рукахъ наготовѣ!
Напослѣдокъ она провѣщала:
— «Отложи ты свое попеченье;
Не бывать тебѣ больше поблажки!
Какъ лѣчилъ бы ты честью, да правдой,
То еще бы на свѣтѣ ты пожилъ!»
Тутъ недужнаго кара лихая
Подхватила и кинула ѻ-земь...
Такъ и отдалъ онъ душеньку Богу!

XV.

Сонъ въ Ивановскую ночь.

Три брата, и они же три Кондрата,
Задумали поѣхать въ степь когда-то,
Чтобы втроемъ, полночною прохладой,
Засѣять лугъ арбузною бакшой.
Поѣхали за дѣломъ казаки
И захватили въ путь съ собой припасовъ:
Одинъ Кондратъ взялъ трубку и кремень,
Другой Кондратъ табачныхъ корешковъ;
А третій задумалъ взять огниво,
Да какъ-то замотался и забылъ...
Вспахали братья къ ночи десятину
И вздумали вздохнуть и покурить...

Туда-сюда, табакъ и трубка есть,
А вырубить огня, хоть тресни, нечѣмъ.
Вотъ младшему Кондрату два Кондрата
Изъ старшихъ, помолчавъ, и говорятъ:

— «Вонъ подъ горой, у рѣчки, огородникъ,
Поди, не раздобудешься ль огнива?»

Идетъ Кондратъ и видитъ въ темнотѣ,
У куреня сидитъ сѣдой старикъ
И молча куритъ глиняную трубку.
«Дай, дѣдъ, огня».—«Дамъ, а разскажешь сказку?»
«Да не умѣю...»—«Присказку скажи!»
«Не смѣю!»—«Ну, такъ я съ твоей спины,
«Отъ головы до пятъ, скрою ремень».
— «Нѣтъ, дѣдъ, постой, ужъ такъ и быть: я сказку
Надумалъ. Только слушай,—если ты
Меня собьешь на словѣ, или скажешь:
Сбрехалъ, неправда!—я съ твоей спины
Ужъ не одинъ, а два ремня скрою».
— «Изволь».—«На ярмарку, за бочкой дёгтю
Отецъ мой на твоемъ отцѣ верхомъ...»
— «Какъ, на моемъ отцѣ? да врешь...»—«А слово?
Давай-ка спину!.. стой, не убѣжишь».
Но дѣдъ вскочилъ, заткнулъ за поясъ полы
И ну бѣжать... Кондратъ вслѣдъ за нимъ,
Кричитъ, ножемъ ему грозитъ и машетъ,
Да вдругъ впотьмахъ о что-то поскользнулся,
Упалъ и ножъ куда-то уронилъ;
Глядитъ—а ножъ его воткнулся въ дыню
И, какъ въ водѣ, въ ней съ ручкой утонулъ.

Кондратъ въ досадѣ, жаль ему ножа;
Разулся и полѣзъ въ отверстье дыни—
Глядитъ, а тамъ ужъ бродитъ человѣкъ.
«А! кумъ Кондратъ!»—«Здорово, кумъ Данило!
Куда тебя нелегкая несетъ?..»
— «Ищу воловъ, а ты?»—«Ищу ножа».
— «Напрасно, братъ, смотри, какая темень!
Ни зги не видно... Подождемъ зари!»
— «Готовъ, но скука; развѣ скажешь сказку?»
«Изволь, но чуръ—дослушать до конца...
«Жила-была красавица казачка,
Высокая, степенная, лихая,
И многіе къ ней сватались въ селѣ.
Но больше всѣхъ ей два пришлись по нраву,

А именно—сапожникъ и кузнецъ.
Кузнецъ еще и такъ, и сякъ, сапожникъ
Такъ тотъ и свадьбу скоро заварилъ.
— «Постой же,—думаетъ кузнецъ въ досадѣ:—
Я проучу тебя, ременный швъ!»
Идетъ онъ разъ съ казачкой по селу
И видитъ, пара новыхъ саноговъ
Торчитъ въ окно сапожниковой хаты.
— «Вотъ диво!»—говоритъ кузнецъ.—«А что?»
— «Да то, что твой женихъ мертвецки пьётъ,
Чуть выпилъ, и протянетъ въ окна ноги,
Да такъ весь день-деньской лежитъ и спитъ».
Задумалась о женихѣ казачка,
Но думала недолго: пьяный мужъ,
Зато какіе шьетъ онъ башмаки!
Сошлось на свадьбу цѣлое село.
Кузнецъ туда жъ, но прежде потихоньку
На угольяхъ подкову раскалилъ,
Щипцами взялъ ее, подъ полу спряталъ
И такъ пришелъ къ красавицѣ на свадьбу
И рядомъ сѣлъ съ соперникомъ своимъ
— «Здоровы будьте, сыты и богаты!»
Сказалъ и опустилъ за голенище
Сапожнику горячую подкову.
Но не моргнулъ, не подалъ вида тотъ...
Закрывъ полой прожженное колѣно,
Онъ стиснулъ зубы, крякнулъ, усмѣхнулся,
Налилъ вина и пожелалъ злодѣю:
Богатства, счастья, правды у людей,
Жены красивой, нравомъ неспѣсивой...
И досидѣлъ всю свадьбу до конца.
Жена любила мужа-молодца».

«Вотъ, кумъ Кондратъ, и сказка».—«Хороша!»
— «Теперь тебѣ чередъ; заходитъ мѣсяцъ,
И знать заря—кричатъ ужъ пѣтухи».
«Шли,—началъ такъ Кондратъ:—два казака,
Отецъ и сынъ, и видятъ: по дорогѣ
Идетъ барышникъ съ парою воловъ.
— «А хочешь, батько, я воловъ украду?»
«Ну, гдѣ тебѣ, дуракъ! Съ твоимъ ли рыломъ?»

— «Съ моимъ ли? ну, смотри же, замѣчай».
Скидаетъ сынъ съ одной ноги сапогъ
И на пути барышника бросаетъ,
А самъ въ оврагъ и спрятался въ травѣ,
Дошелъ барышникъ, видитъ—на дорогѣ
Лежитъ въ пыли новешенькій сапогъ.
Подумалъ онъ: «вотъ притча! вѣрно съ пьяну!»
И далѣе погналъ себѣ воловъ.
Встаетъ опять казакъ, какъ-слѣдъ, обулся,
Барышника полями обогналъ
И на пути его другой сапогъ
Оставилъ, самъ запрятался въ траву.
Дошелъ барышникъ, видитъ—на дорогѣ
Лежитъ другой новешенькій сапогъ...
— «Эхъ!—думаетъ:—досада! и другой!..
Вернуться надо...» Ну, и возвратился,
Оставя на пути своихъ воловъ
А казаку того и было нужно!
Обулся онъ, пригналъ къ отцу воловъ;
Глядятъ—у нихъ же ихъ весной украли...»

— «Вотъ и моя, товарищъ, небылица!
Теперь рѣшай, кто лучше разсказалъ,
Тому изъ дыни первому и вылѣзть...
Ну, кумъ Данило, что же ты молчишь?
Эге! да гдѣ же я?.. Вотъ, право, чудо:
Ни кума, ни бакши, ни ночи,—утро...»
Глядитъ Кондратъ—а онъ въ своемъ саду,
Подъ вишней, рядомъ съ нимъ его два брата:
Пахать они не ѣздили къ рѣкѣ
И напролетъ Ивановскую ночь,
Спокойно развалясь себѣ, проспали.

XVI.

Доля

Жилъ себѣ въ свѣтѣ чумакъ, небогатый и вовсе безродный:
Мучилась крѣпко въ родахъ у него, дни и ночи, хозяйка.
Разъ, передъ вечеромъ было, она и давай просить мужа:
«Видно, приходитъ мой часъ: не дожить мнѣ до бѣлаго утра;

Встань, побѣги ты въ лѣсокъ и нарви мнѣ хоть горсточку
яблокъ».
Всталъ и поплелся онъ въ лѣсъ изъ слободки, съ мѣшкомъ
за плечами;
Ходитъ, а день все темнѣй, и въ лѣсу потерялъ онъ дорогу.
Видитъ, ограда.—«То, вѣрно, лѣсничихи нашей избушка!»
Тихо онъ стукнулъ въ ворота; ворота передъ нимъ растворились;
Встрѣтила старая баба, усталаго на печь пустила.
Легъ онъ, не спитъ, все молчитъ, и въ глубокую самую полночь
Слышитъ, къ окну кто-то тихо впотьмахъ подошелъ и
ударилъ:
— «Бабушка, бабушка, слушай - ты! — голосъ въ окно
отозвался:—
Сто двадцать-пять человѣкъ въ эту ночь вновь на свѣтъ
народилось;
Будетъ ли ихъ житіе долговѣчно и мирно на свѣтѣ?»
Молча старуха подумала и такъ отвѣтила: «будетъ!»
Голосъ затихъ подъ окномъ, и впотьмахъ стало слышно,
какъ вѣтеръ
Вдругъ по кустамъ побѣжалъ, зашумѣлъ по трубѣ и оградѣ.
Вновь сквозь просонокъ мужикъ слышитъ, кто-то въ потемкахъ подходитъ.
— «Бабушка, бабушка, слушай! — опять тихій голосъ
раздался:
Сто двадцать-пять человѣкъ вновь на свѣтъ въ этотъ часъ
народилось;
Будетъ ли ихъ житіе, какъ и тѣхъ, долговѣчно и мирно?»
Съ лавки старуха опять поднялась, отвѣчала съ досадой:
— «Охъ! надоѣлъ ты съ своимъ мнѣ постылымъ докладомъ
сегодня!
Вновь нарожденнымъ на свѣтъ не видать долголѣтья и
счастья!»
Голосъ у хатки замолкъ, зашумѣло въ лѣсу, загудѣло.
Утромъ чумакъ воротился домой, поглядѣлъ, да и ахнулъ:
Въ хатѣ хозяйка лежитъ, а у печки, на лавкѣ, съ ней рядомъ,—
Двое дѣтей-близнецовъ, въ эту самую полночь рожденныхъ!
Вспомнилъ про рѣчи ночныя чумакъ и задумался крѣпко.

Вотъ начинаютъ расти близнецы, не по днямъ, по минутамъ.
Только отъ горя отецъ, что ни день, то печалится больше.

Все хорошо: молодцы, словно кровь съ молокомъ, волосъ
въ волосъ,
Оба лицомъ, красотой и умомъ, какъ одинъ, дружка въ дружку.
Только одна лишь бѣда: братъ постарше, во всемъ, что бъ
ни дѣлалъ,
Былъ и востеръ, и гораздъ, и въ рукахъ его дѣло кипѣло;
Братъ же меньшой ни успѣху въ работѣ, ни проку не видѣлъ.
Такъ проходили годà; сыновьямъ, что ни день, онъ дивился...
Кажется, что бы? Ни силой, ни смѣткою не были разны.
Вотъ и задумалъ отецъ попытать съ ними лютую долю...
Взялъ и послалъ сыновей за дровами, а самъ потихоньку
Легъ у рѣки на мосту и, какъ разъ на срединѣ помоста,
Кинулъ онучи, глядитъ и тайкомъ самъ съ собой размышляетъ:
— «Бѣдный сынишка ты мой! родился ты не въ пору и
время,
Доля рожденнымъ тогда предрекала несчастье и горе.
Можетъ, ошиблась она; на онучи путемъ ты наткнешься;
Въ свѣтѣ же молвятъ: съ находки всегда разживаются люди!»
Ждетъ онъ и ждетъ у рѣки; сынъ меньшой показался изъ
рощи.
Тихо идетъ, на мостокъ ужъ ступилъ и къ онучамъ подходитъ,
Да заглядѣлся, увидѣлъ, что братъ припоздалъ на работѣ,
Сѣлъ съ топоромъ у моста, сталъ дремать и заснулъ, какъ
убитый.
Старшій же братъ подошелъ, на дорогѣ находку увидѣлъ,
Поднялъ и началъ толкать подъ бока задремавшаго брата:
— «Соня ты, соня, вставай; погляди, что нашелъ близъ
тебя я:
Это къ добру; вѣдь съ находки всегда разживаются люди!»
Братъ поглядѣлъ, помолчалъ, и, толкуя, они поплелися.
Чуть же они отошли, всталъ отецъ и со вздохомъ проговорилъ:
— «Нѣтъ! вижу я, какъ ни бейся, а доли своей не минуешь,
Съ нею родишься на свѣтъ, съ нею и въ могилу ты ляжешь!»

XVII.

Папоротникъ.

Похвасталъ разъ нашъ деревенскій писарь,
Что не бывалъ онъ отъ рожденья трусомъ
И никогда не вѣрилъ въ домовыхъ;

И, въ подтвержденье истины, пошелъ
Подъ самаго Купала, ровно въ полночь,
За папортникомъ, на болото, въ лѣсъ...
Пришелъ храбрецъ, запрятался въ кусты
И ждетъ, когда цвѣтокъ травы завѣтной
Средь темноты полночной зацвѣтетъ.
Ждалъ часъ—другой, кругомъ вдругъ засіяло,
И голубой дымящійся цвѣтокъ,
У ногъ его на стебелькѣ сталъ виденъ.
Но чуть къ цвѣтку онъ руку протянулъ,
Тотъ злой собакой мигомъ обернулся
И ждетъ его, оскалясь и рыча..
Хотѣлъ идти онъ, вдругъ еще ужаснѣй:
Межъ лопуховъ, въ травѣ, змѣя ползетъ
Зеленая, съ пѣтушьей головой;
На рѣшетѣ по вѣтру мчится вѣдьма;
Безрукій мальчикъ вышелъ изъ воды,
Смѣется, въ омутъ за собою манитъ;
А далѣе мышей летучихъ рой
Вспорхнулъ, моргаетъ красными глазами;
Крылатые проносятся коты,
Лягушки, скрипки, перья и страницы,
Оторванныя изъ какой-то книги...
Не поддался той чертовщинѣ писарь:
Онъ смѣло огненный цвѣтокъ сорвалъ
И, завязавъ его въ платокъ, пустился
Сквозь новыя препятствія домой.

Чуть онъ ступилъ въ околицу села,
Откуда не возьмись, ему навстрѣчу
Съ цыплятами насѣдка: такъ въ глаза,
Кудахча, и кидается ему.
Но онъ идетъ своимъ путемъ-дорогой,
Насѣдка и цыплята исчезаютъ.
Идетъ онъ дальше: травы и хлѣба
Становятся водою... Всю поляну
Рѣка, шумя, по горло заливаетъ;
Но онъ идетъ,—расходится вода.
«Ну!—писарь мыслитъ,—домъ не за горами!»
И видитъ, на жеребчикѣ, въ телѣжкѣ,
Знакомый дьякъ спѣшитъ ему навстрѣчу.

«Откуда?»—«Съ поля».—«А въ платкѣ что держишь?»
— «Гостинецъ».—«Ну, садися же со мною,
«Вотъ вожжи, правь, я же сберегу гостинецъ».
Сѣлъ писарь, ну кaураго стегать—
Домъ близокъ: «вотъ теперь разбогатѣю!»
И слышитъ вдругъ, какъ будто невдали
Пропѣли пѣтухи... Глядитъ—и что же?..
Исчезло все: дьячокъ, цвѣтокъ и лошадь;
Онъ самъ сидитъ на палочкѣ верхомъ,
Слободкою по улицѣ гарцуетъ
И погоняетъ плеткой рысака...
Такъ писаря надулъ лукавый чортъ,
А ужъ куда умнѣй былъ чорта писарь!

XVIII.

Охъ.

Жилъ-былъ себѣ казакъ, и сталъ онъ думать,
Куда-бъ въ науку сына помѣстить.
Отдалъ въ сапожники—забраковали;
Попробовалъ въ ветошники отдать,
Въ ветошники—забраковали тоже;
Онъ отдалъ сына въ лёжни, но и въ лёжняхъ
Отвѣтъ одинъ и тотъ же: не годится.
Задумался отецъ, махнулъ рукою,
Взялъ сына и пошелъ бродить по свѣту.

Шелъ день онъ, два, вошелъ въ дремучій лѣсъ,
Присѣлъ на пень, да съ горя и вздохнулъ:
«Охъ, охъ!.. Судьба, судьба моя лихая!»
Глядь, изъ земли вдругъ вышелъ человѣкъ
И говоритъ:—«А что тебѣ, старикъ?
Ты звалъ меня, я—Охъ, и вотъ явился:
Приказывай, служить какую службу?»
Не оплошалъ казакъ, все разсказалъ.
— «Ну, кумъ, постой, тебѣ я помогу.
Въ ученье мнѣ отдать попробуй сына,
И въ эту пору, ровно черезъ годъ,
За нимъ приди: останешься доволенъ».
Старикъ подумалъ, отдалъ сына Оху,

А тотъ раздвинулъ сучья и юркнулъ
Съ ученикомъ подъ оголѣлый пень,
Въ свое лѣсное царство-государство...

Тамъ, подъ землей, его онъ накормилъ
И говоритъ: «фу-фу, какъ пахнетъ свѣтомъ!
Носи дрова,—все старое долой».
Онъ навалилъ костеръ, ученика
На томъ кострѣ спалилъ и самый пепелъ
На всѣ четыре стороны пустилъ.
Къ ногамъ его скатился уголёкъ;
Онъ взялъ его, какимъ-то зельемъ спрыснулъ,
И передъ нимъ вновь ожилъ ученикъ.

Срокъ наступилъ, и въ лѣсъ къ тому же пню
Отецъ явился; смотритъ; сизокрылый
Къ нему летитъ навстрѣчу голубокъ,
Обнялъ его и на ухо воркуетъ:
«Отецъ, отецъ! Когда у Оха нынче
Меня просить ты станешь, не забудь—
Онъ обратитъ насъ всѣхъ, учениковъ,
Въ барашковъ; какъ одинъ мы будемъ схожи,
Но я начну блеять—и ты узнаешь».
Настало время выбора.—«А ну-ка,—
Смѣется Охъ:—который твой? рѣшай.
Узнаешь, такъ и быть, бери безъ платы».
— «Вотъ сынъ мой»—указалъ казакъ барашка.
— «Ты угадалъ! но погоди, почтенный,
Вновь черезъ годъ за сыномъ приходи!»

Къ тому же пню, на слѣдующій годъ
Пришелъ отецъ, и снова сизокрылый
Къ нему слетѣлъ, воркуя, голубокъ:
— «Сегодня, батюшка, передъ тобою
Хозяинъ обратитъ насъ въ пѣтуховъ;
Всѣ будутъ, какъ одинъ, всѣ будутъ схожи;
Но ты гляди и выбери того,
Чей гребешокъ немного будетъ на бокъ!»
Настало время выбора, отецъ
Вновь указалъ межъ пѣтухами сына.

«Бери,—сказалъ ему съ усмѣшкой Охъ:—
Но помни, съ нимъ легко я не разстанусь».

Казакъ взялъ сына, съ нимъ пришелъ на торгъ.
— «Постой-ка,—сынъ ему:—я обращусь
Въ персидскаго, лихого жеребца.
Ты продавай меня, бери дороже,
Но ни за что не продавай съ уздечкой».
Торгуется отецъ съ покупщиками
И самъ себѣ не вѣритъ: за коня
Даютъ червонцевъ ковшъ, двѣ скирды сѣна.
— «А я прибавлю бочку запеканки!—
Кричитъ, въ толпу протискавшись, цыганъ:—
Но съ уговоромъ; продавай коня
Не одного, а какъ есть, съ уздечкой!»
— «Что,—думаетъ отецъ,—какое диво
Въ уздечкѣ? запеканка жъ не пустякъ».
И отдалъ онъ коня съ уздечкой...

Взялъ старый деньги, принялъ и придачу,
А покупщикъ (то былъ волшебникъ Охъ)
Укоротилъ коню уздечку, мигомъ
Вскочилъ къ нему на спину и давай
Его гонять, что силы, вдоль по полю.
А вечеромъ его въ конюшню заперъ
И привязалъ къ высокому столбу,
Чтобъ тотъ не могъ достать и горстки сѣна.
Но чуть ушелъ онъ въ хату, слышитъ крикъ:
«Что дѣлать намъ?—работники вбѣгаютъ:—
Мы повели коней на водопой,
Глядимъ, а конь, что ты купилъ сегодня,
Къ водѣ припалъ, съ него свалилась въ воду
Уздечка, стала окунемъ, плеснулась
И уплыла, а съ ней исчезъ и конь!»
Помчался Охъ къ рѣкѣ и въ волны—бухъ!
Становится въ волнахъ зубатой щукой
И, окуня догнавши, говоритъ:

— «Окунь, окунь, окунецъ,
Ненаглядный молодецъ,
Обернися головой,

Побесѣдуемъ съ тобой!»
Окунь ей на то въ отвѣтъ:
— «Коли ты, кума, быстра,
То лови меня съ хвоста!»

Уйдя отъ щуки, окунь обернулся
Касаткою и полемъ полетѣлъ;
Глядитъ, а Охъ за нимъ орломъ несется
И, когти выпустивъ, вотъ-вотъ догонитъ.
Касатка обратилася въ копну,
А Охъ въ огонь, и запылало сѣно.
Насилу вырвался казакъ изъ дыма
И побѣжалъ по степи сѣрымъ зайцемъ;
Охъ волкомъ, заяцъ—бабочкою сталъ...
За нимъ въ догонку Охъ совой помчался.

И видитъ бабочка—внизу, подъ садомъ,
Въ дому окно раскрыто; у окна
Сидитъ за прялкой панночка-красотка
И, поводя веретеномъ, прядетъ.
Въ окно влетаетъ бабочка нежданно,
Становится красавцемъ-казакомъ
И говоритъ, склоняясь на колѣни:
— «О, панночка, спаси меня, спаси!
Я обращусь въ кольцо, меня надѣнь ты;
И, чуть сюда войдетъ волшебникъ Охъ
И у тебя потребуетъ тотъ перстень,
Ты брось его о землю и скажи:

Пусть ни тебѣ, ни мнѣ колечко это!
Я жъ предъ тобой разсыплюся пшеномъ;
Одно зерно ты ножкой придави
И такъ держи, моя душа въ немъ будетъ».
Тутъ распахнулась дверь, въ нее вошли
Отецъ красавицы и жидъ-мѣняло.
— «Послушай, дочка, что за штуки вновь?
Зачѣмъ взяла ты у него кольцо?»
— «А!—я взяла? такъ вотъ ему за это:
Пусть ни ему, ни мнѣ оно не будетъ!»
И о землю ударила кольцо.
Оно пшеномъ разсыпалось; одно

Зерно ногою панночка прижала.
Охъ въ пѣтуха тѣмъ часомъ обратился,
Крыломъ захлопалъ, носомъ въ полъ застукалъ
И улетѣлъ въ открытое окно.

Казакъ же вышелъ изъ-подъ ножки пани
И такъ хозяйской дочкѣ полюбился,
Что въ тотъ же день засватали его...
На свадьбѣ той и я когда-то былъ,
За молодыхъ гулялъ, медъ-пиво пилъ.

XIX.

Путь къ солнцу.

Мужикъ продалъ свою душу бѣсу,
Богачу и злому чародѣю.
Какъ пришелъ часъ расплатиться
И взять свой зарокъ обратно,
Приходитъ мужикъ къ бѣсу,
А тотъ и говоритъ ему:
— «Я тогда отдамъ тебѣ зарокъ обратно,
Какъ узнаешь ты мнѣ, по правдѣ, по чистой
Отчего солнце по утру весело,
И темно и печально въ сумерки?»
Мужикъ бѣсу поклонился
И пошелъ отыскивать солнце...

День идетъ, два идетъ, ужъ и близко;
Только солнце постоитъ надъ землею,
И окунется за лѣса, за горы,
И за дальнее синее море.
Закручинился мужикъ; идетъ полемъ,
Смотритъ, на курганѣ колышекъ,

А на колышкѣ, на ножкѣ, человѣчекъ;
И мотается тотъ, куда повѣетъ вѣтеръ,
И всего-то его вѣтромъ истрепало,
Бурей-непогодой измотало,
А сорваться съ колышка не можетъ.
Спрашиваетъ мужикъ:—«куда путь къ солнцу?»

Отвѣчаетъ человѣчекъ:—«Я отвѣчу,
Коль узнаешь ты отъ самого солнца:
Долго ли мнѣ еще на колышкѣ мотаться,
И за что я такою напастью наказанъ?»
Говоритъ мужикъ:—«Я узнаю!»
Тутъ человѣчекъ на ножкѣ повернулся
И сказалъ:—«Иди ты прямо;
Будетъ тебѣ на дорогѣ рѣчка,
Тамъ ты все и узнаешь!»

Приходитъ мужикъ къ рѣчкѣ,
Видитъ: стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло;
Студёныя струйки бѣгутъ мимо его,
Надъ головой носпѣваютъ яблоки;
Только онъ не можетъ къ водѣ нагнуться,
Ухватить студёной струйки,
Сорвать съ вѣтки яблока.
Спрашиваетъ мужикъ:—«Куда путь къ солнцу?»
Отвѣчаетъ человѣкъ:—«Я тогда отвѣчу,
Коль узнаешь ты отъ самого солнца:
Долго ли мнѣ тутъ еще мучиться,
И за что я такою напастью наказанъ?»
Говоритъ мужикъ:—«Я узнаю!»
Тутъ человѣкъ промолчалъ и промолвилъ:
— «Иди ты отсюда все прямо;
Будетъ тебѣ на дорогѣ избушка—
Въ ней всю правду ты и узнаешь!»

Пришелъ мужикъ къ избушкѣ...
А въ избушкѣ живетъ сестра Солнца,
Старшая сестра, Заря Утренняя;
На часахъ надъ ней стоитъ Мѣсяцъ,
Стережетъ Зарю Утреннюю,
А приказовъ ждутъ ясныя Звѣзды,
Солнцевы сестры младшія, золотистыя,
На посылкахъ у Зари слуги вѣрные...

Какъ пришелъ мужикъ къ Зарѣ Утренней,
Поклонился ей въ самыя ноги,
Говорилъ ей всю правду, всю чистую.
Жалѣла его Заря Утренняя,

Призывала себѣ вѣрныхъ слугъ,
Отряжала ему путь указывать.
Провожали его Звѣзды по край земли,
Подстилали ему подъ ноги лунный лучъ...
Поднимался онъ по лучу въ небесный край,
Въ самое царство Солнца краснаго,
Гдѣ дорога идетъ въ адъ и въ рай
И гдѣ спать ложится Солнце красное.

Какъ поднялся мужикъ до облаковъ,
Увидалъ онъ дорогу въ адъ и въ рай.
По пути тутъ сидѣли покойники,
Души правыя и души виноватыя,
Всѣ по отдѣламъ сидѣли души усопшія.
Передъ тѣми, кто помогалъ на землѣ неимущимъ,
Такъ вся милостыня тутъ и лежала:
Краюшка ли хлѣба, грошъ, иль одежда..
По сторонамъ ходили быки тощіе, голодные:
То были все богачи криводушные;
А въ самомъ огнѣ, въ полымѣ,
Гдѣ ужъ начинались муки вѣчныя,
Двѣ собаки косматыя грызлися:
То были два брата родимые,
Что на землѣ межъ собою все ссорились,
Дружка на дружку съ ножами шли...

И вступилъ мужикъ въ хоромы Солнца.
Встрѣчала его Заря Вечерняя,
Златовласая Солнцева матушка,
Сажала она его за перегородку,
Изъ чистаго серебра кованную;
Спрашивала о своихъ дочкахъ любимыхъ,
О Зарѣ Утренней и о Звѣздахъ:
Что когда-то она съ ними встрѣтится,
И хорошо ли ихъ стережетъ Мѣсяцъ-братъ?
Отвѣчалъ мужикъ все по истинѣ.
Долго съ ней въ хоромахъ разговаривалъ.
Вскорѣ засіяли высокія горенки:
Стало подходить отъ земли Солнце красное.
И какъ бы не та перегородка,

Изъ чистаго серебра кованная,
У мужика бы глаза выжглися.

Вступало Солнце въ двери высокія,
На золотую кровать ложилося;
Чесала ему голову Заря Вечерняя,
Начинала сына допытывать:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего на свѣтѣ человѣкъ есть,
На одной ногѣ онъ вертится,
Съ колышка сорваться не можетъ,
И долго ли терпѣть ему такое горе?».
Отвѣчало Солнце:—«Милая матушка!
Онъ за то наказанъ, что былъ измѣнникомъ,
Продалъ родину, отцовъ и прадѣдовъ;
И будетъ онъ вертѣться до конца вѣка!»
Спрашивала Заря Вечерняя:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего человѣкъ на свѣтѣ въ водѣ стоитъ,
Студёныя струйки бѣгутъ мимо его
Надъ головой зрѣютъ яблоки,
А онъ не можетъ ухватить капельки,
Сорвать съ вѣтки яблока,
И долго ли терпѣть ему такое горе?»
Отвѣчало Солнце:—«Милая матушка!
Онъ за то въ водѣ, что гналъ немощныхъ,
Не давалъ голоднымъ ни пить, ни ѣсть,
И будетъ онъ мучиться до конца вѣка!»
— «А скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего ты утромъ весело,
И темно и печально въ сумерки?»
Отвѣчало Солнце, задумавшись:
— «Оттого я поутру весело,
Что иду въ обиходъ по поднебесью,
Не видя еще зла житейскаго!
А печально я потому въ сумерки,
Что иду съ обхода на отдыхъ,
И нечѣмъ мнѣ тебя, матушка,
Повеселить часто и порадовать!
Вотъ, хоть бы и теперь я скажу тебѣ:
Есть на свѣтѣ богачъ и злой чародѣй;

Коли онъ собою не покается,
Я отдамъ его бѣсенятамъ безъ жалости:
Пусть они имъ тѣшатся,
Палятъ и жарятъ его на угольяхъ»...
Съ тѣмъ заснуло Солнце красное...
Провожала гостя Заря Вечерняя.
И опять становился онъ на лунный лучъ,
Опускался вновь на бѣлый свѣтъ,
Богача-чародѣя отыскивалъ...
Приходилъ богачъ въ смертный страхъ.
И когда онъ покаялся,
Простило его Солнце красное.

1847—1860 гг.

ПѢСНЯ БАНДУРИСТА.

Сѣлъ на курганъ съ бандурою слѣпецъ,
И сталъ играть и пѣть сѣдой пѣвецъ.
Пустыня пѣсни старца повторяла—
И ни одна душа имъ не внимала...
«Охъ, лугъ-отецъ! охъ, мать ты наша Сѣчь!
О васъ летитъ недаромъ птица-рѣчь...
Какъ по Украйнѣ нашей смерть гуляла,
Съ бойцами пиръ кровавый пировала!
Одинъ лишь Богъ святой на небѣ зналъ,
Что запорожецъ думалъ, да гадалъ,
Зачѣмъ кидалъ онъ степь съ родимымъ домомъ,
Куда онъ мчался молніей и громомъ,
Гдѣ комаровъ казакъ собой кормилъ,
Въ какихъ огняхъ усы и чубъ палилъ,
И гдѣ леталъ онъ, славы добывая,
Да буйную головушку слагая!
Какъ грянулъ громъ на сто холмовъ и рвовъ,
На тысячу лѣсовъ и городовъ,
И застонали рѣки и равнины,
И застонали горы и долины!
Не Божій громъ въ поднебесіи гремѣлъ:
То колоколъ надъ Сѣчею гудѣлъ!
Межъ темныхъ тучъ мерцаютъ свѣчки-звѣзды,
Цари-орлы бросаютъ съ шумомъ гнѣзды;

И застилаетъ черной пеленой
Ночная тьма курганъ береговой,
А мѣсяцъ, словно лысый дѣдъ, выходитъ
Изъ-за него, по длиннымъ селамъ бродитъ,
По хатамъ стелетъ бѣлые платки
И сыплетъ искры по волнамъ рѣки.
Набатъ затихъ.—Гонцы сторожевые
Бѣдутъ по селамъ; бочки смоляныя
Горятъ, и дымъ встаетъ—летитъ столбомъ,
И грозно степь стихаетъ надъ Днѣпромъ,
И, полные смятенья и тревоги,
Ревутъ во тьмѣ Днѣпровскіе пороги!
Беретъ казакъ завѣтное копье,
Беретъ кинжалъ, черкеску и ружье,
И ятаганъ, звѣзду казацкой славы,
Натòченный о вражескія главы,
Подъ образà оружіе кладетъ
И на могилы праотцевъ идетъ.
Тамъ, поклонясь гробамъ бойцовъ могучихъ,
Беретъ онъ горсть земли съ могилъ сыпучихъ,
Кладетъ ее на грудь къ себѣ съ мольбой,
Чтобъ и во гробъ сойти съ родной землей,
И крестится, и слезы утираетъ.
Идетъ въ курень, товарищей сзываетъ,
И до утра казаки пьютъ, шумятъ,
О стародавнихъ битвахъ говорятъ.
Нахмурившись сидятъ ихъ атаманы,
Сидятъ, да молча правятъ ятаганы,
И до утра танцуютъ гопакá
Межъ бочками два пьяныхъ казака...
Вотъ поднялись туманы отъ земли,
Надъ синей степью маки зацвѣли,—
Кунтуши запорожскіе алѣютъ,
На бунчукахъ султаны гордо вѣютъ,
Въ походъ идетъ казакъ, и гайдамакъ,
И строится походъ тремя полками,
Тремя полками, подъ тремя горами.
Какъ первый полкъ ведетъ Самкò-Мушкетъ,
А на Самкѣ китайчатый бешметъ,
Къ казаку мать-старуха выбѣгаетъ,
За стремя сына милаго хватаетъ:

— «Охъ, сынъ мой, сынъ! Меня ты погубилъ!
Меня живую въ гробъ ты положилъ!»
И голоситъ, и плачетъ соколица,
Какъ сирота въ поляхъ перепелица.
— «Мнѣ тошно, мать! Убей тоску мою,
Я, какъ мертвецъ, лежу, не ѣмъ, не пью!
Ужъ что же мнѣ, родимая, не пьется,
Вкругъ сердца моего ехидна вьется?..
Знать, мнѣ пора на волѣ погулять,
Кудрявымъ чубомъ съ вѣтромъ поиграть!»
— «Охъ, сынъ мой, сынъ! меня ты покидаешь,
Меня съ сестрой теперь не приласкаешь!
— «Не для того мнѣ матерь и сестра,
Чтобъ не бросать мнѣ хаты да двора!
Ужъ если надо мнѣ кого ласкать,
Такъ не сестру ласкать мнѣ и не мать!
Есть у меня дончакъ лихой коняка
Товарищъ смѣлый, бѣшеный гуляка:
Того коня я буду вѣкъ любить,
Его за ковшъ червонцевъ не купить!
Есть у меня и вѣрная сестрица:
У бока сабля, пани соболица!
Спроси ее, спроси, голубка-мать,
Чѣмъ ей со мной не жить, не гарцовать.
Охъ, сабля-жъ, сабля, съ ляхомъ ты встрѣчалась,
Да и не дважды съ нимъ ты цѣловалась!»
Походный рогъ въ послѣдній разъ трубитъ,
Казакъ своей родимой говоритъ:
— «Не убивайся, матушка, съ печали,
Уже въ сурьмы и бубны заиграли,
И заигралъ мой буйный вороной,—
Иди скорѣй, родимая, домой!
Ты горькими слезами умывайся,
Ты рукавомъ узорнымъ утирайся,
И вспоминай ты чаще обо мнѣ,
Какъ буду я въ далекой сторонѣ..
Припомнишь—червь костей мнѣ не источитъ,
А не припомнишь—горной кошкой вскочитъ
На плечи бѣсъ ко мнѣ и загрызетъ,
И прахомъ очи въ битвѣ замететъ!»
Второй отрядъ, въ черкескѣ бѣлой, новой,

Выводитъ Кукуруза чернобровый.
За кушакомъ его горитъ, какъ жаръ,
Наслѣдіе пяти родовъ татаръ—
Алмазами усыпанная шашка;
Жемчужиной пунцовая рубашка
Застегнута; во фляжкѣ за сѣдломъ
Качается столѣтній польскій ромъ;
И шелкъ усовъ курчавыхъ, и ланиты
Лучомъ зари пурпуровой облиты,—
И на бекрень заломленъ на ушахъ
Барашковый серебряный папахъ.
Какъ лучъ изъ тучъ, хорунжій выступаетъ
И такъ сестру съ усмѣшкой утѣшаетъ:
— «Не плачь, сестра, довольно жить да спать:
Пришла пора по свѣту погулять!
Тотъ не казакъ, кто водъ не пилъ Подольскихъ,
Не цѣловалъ въ уста красавицъ польскихъ,
И дорогихъ атласовъ и парчей
Не привозилъ сторонушкѣ своей.
Охъ, степь ли, степь! не одного съ сестрою,
Аль съ чернобровой, вѣрною женою,
Ты разлучала, буйная, навѣкъ...
Да не сидитъ чубатый человѣкъ!
Я объ одномъ молю тебя, родная,
Есть у меня коханка молодая,
Ужъ я жъ ее лелѣялъ, да ласкалъ!
Возьми, сестрица, въ домъ къ себѣ голубку,
Одѣнь ее въ матерчатую шубку,
Дукатами ей шейку убери,
А лаской слезы жгучія утри.
И ужъ обуй ты бѣленькія ножки
Въ сафьянные съ подковами сапожки,
И ужъ люби-жъ ее, да почитай,
Да милою сестрою называй!»
— «На все, на все твоя, соколикъ, воля:
Ужъ такова твоя лихая доля...
Ступай, гуляй, съ лихимъ врагомъ играй,
Да къ Покрову съ похода пріѣзжай!»
— «Охъ, я бы и скорѣй къ тебѣ вернулся,
Да что-то конь мой въ воротахъ споткнулся:
На грудь мою печаль свинцомъ легла,

И словно смерть меня за чубъ взяла».
Послѣдній полкъ равниною песчаной
Велъ Полтора-Кожуха безталанной...
Никто бойца, никто не провожалъ,
И громкимъ крикомъ степь онъ оглашалъ:
— «Сестра моя въ Крыму, а мать въ Полтавѣ!
Гуляй, казакъ, на всей казацкой славѣ!»
И словно барсъ по камьямъ, мчался конь,
И вылеталъ изъ-подъ копытъ огонь...
Такъ курени вояки покидали,
Казачки, молча, у воротъ стояли,
И, молча, милыхъ взоромъ провожали,
И, плача, руки бѣлыя ломали...

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самкó-Мушкетъ,
А за хорунжимъ ѣхало во слѣдъ
Едва чѣмъ менѣе трехъ тысячъ братьевъ,
Все храбрыхъ душъ, все запорожцевъ-хватовъ.
Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И словно жаръ пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вьютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки;
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ,
Летятъ стрѣлки, разсыплясь по полянамъ;
На плащаницахъ шелковыхъ знаменъ
Сверкаютъ лики дѣдовскихъ иконъ;
И булавы полковъ заповѣдныя
Несутъ на плечахъ старцы—кошевые,
И ѣдетъ сзади писарь войсковой
Съ чернильницей, Хмѣльницкій молодой!
Казаки шапки черныя скидаютъ,
И Господу хваленья возсылаютъ,
Кладутъ кресты, поютъ святой канонъ
И молятся до войсковыхъ иконъ:
«Дай Богъ пожить намъ съ воеводой славнымъ,
Какъ жили мы—всѣ братствомъ православнымъ,
Ѣсть хлѣбъ его, конемъ враговъ топтать,

Да славы Запорожью наживать!»
Отрядъ несется пыльною дорогой—
Одинъ хорунжій занятъ думой строгой.
Онъ на конѣ не вьется, не кипитъ,
Все сивый усъ кусаетъ, да молчитъ:
Чтобъ сто бѣсо̀въ убили то молчанье,
То крѣпкое и грозное гаданье!
Самко̀-Мушкетъ поникнулъ головой
И говоритъ въ раздумьѣ самъ съ собой:
«Что̀, если какъ въ аду, насъ ляхи сжарятъ
Да изъ костей казацкихъ пиръ заварятъ?
Что̀, если нашимъ бѣднымъ головамъ
Да лечь во прахъ по вражескимъ полямъ?
Закрячетъ во̀ронъ, степь перелетая,
Застонетъ лебедь, въ небѣ утопая,
И сизый соколъ станетъ тосковать,
И сизый коршунъ станетъ горевать
Все по своимъ товарищамъ, казакамъ,
Все по могучимъ братьямъ, гайдамакамъ?
Аль занесло ихъ пылью на ходу,
Аль ихъ враги изжарили въ аду,
Что не видать ни по степямъ чубатыхъ,
Что не видать ни по лугамъ усатыхъ,
Ни по турецкимъ землямъ и морямъ,
Ни по подольскимъ рѣкамъ и полямъ?
Хрустятъ, какъ щепки, кости по долинѣ,
Звенятъ мечи и копья по равнинѣ,
А сѣрая соро̀ка бьетъ крыломъ,
Оскалилась и прыгаетъ сверчкомъ...
Висятъ чубы бойцовъ съ головъ кровавыхъ,
Какъ будто ляхъ наплёлъ жгутовъ кудрявыхъ,
Въ крови чубы, въ крови позапеклись,
Вотъ такъ-то славы всѣ мы набрались!»
И горестно Самко̀-Мушкетъ вздыхаетъ,
Покинулъ поводъ, думаетъ, гадаетъ,
И отстаетъ отъ войска своего,
И, словно коршунъ, рѣетъ мысль его!
И видитъ онъ: лихого казачину
Берутъ враги за сивую чуприну,
На крюкъ цѣпляютъ храбраго ребромъ
И жгутъ его медлительнымъ огнемъ,

По поясъ кожу съ рыцаря сдираютъ,
Кровавый черепъ солью посыпаютъ—
И въ полымѣ свистящаго огня
Костлявый трупъ качается три дня!

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самко-Мушкетъ,
Другимъ, за Кукурузою воелѣдъ,
Пошло не менѣе трехъ тысячъ братовъ,
Все храбрыхъ душъ, все запорожцевъ-хватовъ.
Они горой зеленою идутъ,
Шумятъ, поютъ и въ барабаны бьютъ,
И молвятъ такъ хорунжему лихому,
Степанкѣ Кукурузѣ молодому:
— «Здоровъ ли ты и живъ ли, панъ Степанъ?
Что плачешь ты, иль спозаранку пьянъ?
Или тебя, казакъ, заворожили,
Любовнымъ зельемъ свахи опоили?
Печаль да слезы храбрымъ не рука,
Лихая смерть найдетъ и казака.
Когда-нибудь и насъ съ тобой зароютъ,
И будутъ насъ старухи поминать,
А по тебѣ... красотки горевать».
И молвитъ рыцарь:—«Все ты одинаковъ,
Будь ты Якимъ, аль будь ты просто Яковъ...
Вотъ, какъ прійдемъ мы до горы седьмой,
Да какъ грозой на насъ ударитъ бой,
То будетъ намъ все то, что куковала
Кукушка, что въ сыромъ бору летала!
А что она вѣщала, вѣрь тому,
Какъ вѣришь, рыцарь, сердцу своему!
И занесутъ насъ прахомъ ураганы,
И обовьютъ насъ саваномъ туманы,
И станетъ ждать добычи сѣрый волкъ,
Какъ разобьютъ враги нашъ славный полкъ.
Лихая смерть сравняетъ всѣхъ насъ, дѣти
Не долго жить орламъ на бѣломъ свѣтѣ!»
Ужъ и по правдѣ-жъ, ясный панъ-отецъ,
Ужъ и по чистой правдѣ удалецъ,
Ты говорилъ: не миновало году,

Отпѣли запорожцы воеводу...
Нечистый ляхъ тебя въ цѣпяхъ держалъ,
И, какъ раба, въ цѣпяхъ колесовалъ!

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ шелъ удалой Самкò,
Другимъ путемъ шелъ молодой Стецькò,
А третьимъ шелъ, безъ чуба и безъ уха,
Карпò, прозваньемъ Полторà-Кожỳха.
Онъ на конѣ передъ полкомъ игралъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ
Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,
Уздечкой съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ.
Ведетъ Карпò три тысячи казаковъ,
Все храбрыхъ братьевъ, славныхъ гайдамаковъ.
Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И, словно жаръ, пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вѣютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки;
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ,
Летятъ стрѣлки, разсыплясь по полянамъ;
И бодро полкъ волнуется, идетъ,
И панъ Карпò передъ полкомъ поетъ:
«На горѣ-ль зеленой да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Подъ горой крутою,
Въ барабаны бьютъ!
Передъ казаками вождь похода
Ведетъ свою лаву,
Запорожцевъ славу,
Воевода!
Середи казаковъ атаманы,

У нихъ кони злые,
Кони вороные,
Ураганы!
А панъ Сагайдачный въ хвостъ забился!
Онъ отдалъ за трубку
Ясную голубку—
И напился!
Охъ, вернись, вернися, казачина,
Возьми свою радость,
Отдай мою сладость,
Молодчина!
Мнѣ съ женою твоею не возиться,
А безъ трубки въ полѣ
Казаку на волѣ
Не ужиться...
Гей, кто въ буйномъ лѣсѣ, отзовися,
Да костеръ навалимъ,
Да тютюнъ запалимъ,
Веселися!».
Такъ на конѣ, гремя и распѣвая,
И бунчукомъ надъ головой махая,
Карпо на бой кровавый выступалъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ
Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,
Уздечкой съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ.

* * *

Охъ, братъ казакъ, ты всласть навеселился,
Въ лихомъ пиру ты смерти полюбился!
Пьяно было кровавое вино,
Тебя, какъ снопъ, свалило въ прахъ оно,
А надъ бойцомъ и люба насмѣялась,
Съ другими смерть въ бою нацѣловалась...
Летитъ гроза, ковыль-трава шумитъ,
Карпо въ степи застрѣленный лежитъ,
Припалъ къ кургану бѣдной головою,

Накрылъ глаза осокою рѣчною,
И жметъ къ груди изрубленный жупанъ,
И кровь бѣжитъ изъ трехъ широкихъ ранъ,
А въ головахъ казака воронъ крячетъ,
Въ ногахъ любимый конь тоскуетъ, плачетъ,
И въ землю бьетъ копытомъ и храпитъ,
И съ паномъ такъ въ пустынѣ говоритъ:
— «Ой, панъ мой, панъ, безъ чуба и безъ уха,
Ой, панъ хорунжій, Полторà-Кожỳха!
Кому теперь покинешь ты меня,
Кому отдашь ты вѣрнаго коня?
Отдашь ли нѣмцамъ ты, аль янычарамъ,
Аль подаришь ты крымчакамъ-татарамъ?
— «Тебя, мой конь, нечистымъ не поймать,
Тебя лихимъ врагамъ не осѣдлать!
Бѣги, летунъ мой, синими степями,
Бѣги, соколикъ, топкими лугами,
И прибѣги ты на мое крыльцо,
Ужъ и ударь ты въ звонкое кольцо.
Къ тебѣ навстрѣчу выбѣжитъ сѣдая
Казачка, руки бѣлыя ломая.
Она тебя за поводъ станетъ брать,
Начнетъ тебя ласкать, да миловать,
Омоетъ пыль съ тебя водой студеной,
Тебя укроетъ шелковой попоной,
Начнетъ кормить душистою травой,
Начнетъ поить янтарною сытой.
И, плача, станетъ спрашивать о сынѣ,
О гайдамакѣ, славномъ казачинѣ:
«Ой, конь мой, конь, летунъ ты вороной,
Скажи-ка, гдѣ ѣздокъ твой дорогой?
Аль ты убилъ его въ бою кипучемъ,
Аль обронилъ его въ лѣсу дремучемъ?»
— Я казака, скажи, не убивалъ,
Его въ лѣсу дремучемъ не ронялъ:
Казакъ женился, взялъ себѣ панянку,
Во чистомъ полѣ взялъ себѣ землянку:
Туда и вѣтеръ вольный не зайдетъ,
Туда и солнце свѣта не прольетъ,
Тамъ въ бочкѣ винной чумаки степные
Зарыли въ землю кости удалыя...

Печаленъ былъ усатаго конецъ,
Да крѣпко спитъ рубака-молодецъ,—
И спитъ онъ весь, и спятъ, во тьмѣ могилы,
Его на вѣтеръ кинутыя силы,
И сторожитъ далекая земля—
Въ чужомъ краю кормило корабля!»

Слѣпецъ замолкъ. Подавленный тоскою,
Поникъ на грудь сѣдою головою,
И очи онъ незрячія возвелъ
На даль небесъ, на безграничный долъ.
А вкругъ него тянулися курганы,
Неслись столбовъ песчаныхъ караваны,
Да буйный вѣтеръ бушевалъ кругомъ,
Струя ковыль волнистымъ серебромъ,
Да стражъ степей, орелъ, подъ небесами
Сновалъ, кружилъ зловѣщими крылами.
И всталъ старикъ, и громко зарыдалъ,
И надъ своей бандурою припалъ:
«Охъ, ты, бандура, люба ты моя,
Орломъ влетала въ душу пѣснь твоя!
Что-жъ сиротой ты горемычной плачешь,
Что-жъ воронёнкомъ ты безкрылымъ крячешь?
Не я ль тебя подъ грозой прижилъ,
Не я ль тебя безвременьемъ повилъ,
Согрѣлъ печалью, выкормилъ бѣдами,
Да безталанными вспоилъ слезами?
Иль душу я на торжищѣ продалъ,
Иль память я по вѣтру разметалъ?..
Греми-жъ, бандура, плачь и надрывайся,
Да въ сумрачной бывальщинѣ купайся!
Греми и пой о славѣ казакôвъ,
О славѣ храброй Сѣчи соколôвъ!
За то греми, что тѣ латинство гнали,
Что бусурманъ нещадно побѣждали,
Что православный крестъ своихъ отцовъ
Спасли цѣной казаческихъ головъ,
Что за свою за славу погибали,
Да внукамъ мечъ свой грозный завѣщали...
И будетъ слава по міру летать,
И будутъ славу славно поминать,

Промежъ казаками,
Промежъ удальцами,
Промежъ всѣми въ свѣтѣ молодцами,
Горами
И долами!
Промежъ люда царскаго,
Народа христіанскаго,
Съ долиною Днѣпровою,
Низовою,
На многія лѣта
До конца свѣта!..

Мартъ 1852 г.

Оглавленіе

VIII ТОМА.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
DEC 11 1926
DUE JUN 4 '38
DUE NOV 1 9